

Мария Монтессори

Мой метод: начальное обучение

Предисловие к русскому изданию

Книга, которую вы держите в руках, имеет особенную историю. Она была написана почти сто лет назад выдающейся итальянской учительницей, психологом, врачом и доктором философии Марией Монтессори. В начале прошлого века ее имя из уст в уста передавалось педагогами всего мира, но и по сей день миллионы ребятшек каждое утро отправляются в школу Монтессори. Немногим педагогическим системам была уготована такая многолетняя судьба.

В России Монтессори - педагогика живет уже более 10 лет, если не считать еще тридцати в начале XX века, после которых в 1926 году она была разгромлена и запрещена. Резолюция научно-педагогической секции ГУСа гласила: «Отрицательное отношение советских педагогов к системе Монтессори до последнего времени обуславливалось почти исключительно идеологическим содержанием этой системы (витализм, мистицизм, христианский социализм и т. д.). Между тем, помимо совершенно неприемлемой идеологической стороны, система Монтессори страдает также грубыми дефектами и в области биолого-теоретического своего материала. Ряд неправильных представлений о биологическом содержании детской возрастной эволюции, недоучет биологического значения игры и воображения, искажения в понимании моторного фактора, недооценка значения общих процессов в сравнении со специальными навыками - все эти изъяны исключают возможность использования биологической теории Монтессори в качестве педагогической основы советской дошкольной педагогики...»

На этом заседании ГУСа из известных нам педагогов присутствовали: Н.К. Крупская, А.Б. Залкинд, П. П. Блонский. Секретарем была С. Н. Луначарская. Юлию Ивановну Фаусек - главного вдохновителя Монтессори-педагогики в России того времени и организатора большинства питерских и московских детских садов и школ Монтессори - на заседание не пустили. Только через несколько дней после официального запрета она пришла к Крупской и с горечью попросила денег на поездку в Европу в гости к своему кумиру — великой итальянской учительнице и ученой Марии Монтессори. Крупская разрешила ей ехать и денег дала...

В те времена постановления Государственного ученого совета выполнялись точно. Никто, кроме Юлии Фаусек, и не пытался воспротивиться в высшей степени неточному (сейчас сказали бы некультурному) пониманию сути педагогики Монтессори. Закрывать - значит закрыть. Значит, не переводить ее работы на русский, не упоминать в лекциях для студентов. Вот почему спустя семьдесят лет мало кому из наших педагогов было известно имя Марии Монтессори.

В конце восьмидесятых мне пришлось путешествовать по Европе, и на несколько дней остановиться в поместье Эниеранж Великого герцогства Люксембург. Дом, где мы жили, был похож на средневековый замок с подземным переходом от одного здания до другого. Однажды к завтраку, кроме хозяев дома, вышла немолодая женщина-француженка. Хозяйева познакомили нас. Это была Клод Вайс. Она каждый год приезжала сюда на исповедь в аббатство Клерво. На следующий день она пригласила меня в свою маленькую комнатку в подземном переходе.

— Вы должны помочь мне выполнить завет моего духовника, - сказала Клод Вайс. - Вот небольшая коробка с игрушками и старинный фолиант. Они достались мне от моей учительницы — итальянки Марии Монтессори. Когда-то я училась в ее Доме ребенка. Это самые главные предметы в моей жизни. Но мой духовник сказал, что теперь они должны

находиться в России. Вы — русская. Так пусть мои старинные детские игрушки и эта книга пересекут границы и будут храниться у вас...

Разумеется, я не могла отказать старой французженке, хотя в то время и понятия не имела, кто такая Мария Монтессори и какое педагогическое открытие она сделала.

Книга была привезена в Россию. Она состояла из двух частей. В одной, написанной чуть раньше, рассказывалось, как можно воспитывать маленьких детей, пользуясь научным методом исследования их жизни, а в другой Мария Монтессори писала о работе с детьми постарше. Вскоре я выяснила, что первая часть книги уже была переведена с итальянского на русский и трудами Юлии Ивановны Фаусек издана в России в 1913 году. Друзья разыскали и подарили мне эту книгу. Она называлась «Дом ребенка. Метод научной педагогики» и переиздавалась у нас несколько раз. А вот вторая часть — «Мой метод. Начальное обучение» полностью на русский язык никогда не переводилась.

Много событий произошло с того времени. Поверим статистике: за последние годы более 1,5 тысячи российских педагогов заинтересовались и стали работать с детьми, используя метод итальянского педагога Марии Монтессори. Открыто две специальные фабрики дидактических материалов в городе Омске и в Санкт-Петербурге (на всю Европу есть еще только одна такая, основанная сыном М. Монтессори). Создана Ассоциация Монтессори-педагогов России, которая каждый год собирает на свои конференции до 400 учителей и воспитателей детских садов. Издано 47 книг о педагогике М. Монтессори (переводных и российских авторов). Защищены диссертации, разработаны программы. Многие считают, что Россия переживает сейчас настоящий бум Монтессори-педагогики. Из «коротких штанишек дошкольника» она постепенно вырастает. Учителя и родители буквально требуют работать над созданием в России начальной Монтессори-школы. И есть уже первые попытки на этот счет. Так что книга «Мой метод. Начальное обучение» может стать для создателей начальных школ Монтессори в России настольной. Вот почему мы решили перевести с французского вторую часть старинного фолианта, завещанного России ученицей М. Монтессори Клод Вайс, и издать его в помощь нашим учителям. Эта книга перед вами. О чем же она?

Книга рассматривает метод саморазвития и самообразования детей от 6 до 10 лет в профессионально подготовленной развивающей среде. Первую половину книги доктор Монтессори посвятила философским и психологическим основаниям своего метода. Речь идет о ее понимании детства, позиции взрослого - наставника, учителя — по отношению к ребенку и о среде, специально организованной для осмысленной и целенаправленной учебной деятельности детей. Мария Монтессори предлагает изумительно точный и природосообразный метод работы с младшими школьниками в условиях их свободного саморазвития.

Неординарными могут показаться рассуждения доктора Монтессори о понятиях свободы в воспитании детей, свободного образования, свободной школы. Она, например, утверждает, что мы, взрослые, «не являемся создателями ни внешних форм ребенка, ни внутренних. Природа, творение — вот кто всем управляет. Если мы поймем это, то, следовательно, примем за основу принцип «не мешать естественному развитию» и, вместо бесчисленных вопросов о формировании характера, ума, чувств, сформулируем единственный вопрос всей педагогики: как предоставить ребенку свободу. Свобода-уникальное средство максимально развить личность, характер, ум, чувства, а заодно дать педагогам покой и возможность наблюдать чудо взросления. Эта свобода, в первую очередь, освобождает взрослых от тяжелого груза ложной ответственности и мнимого страха».

Мария Монтессори была психологом и выдающимся наблюдателем мира детей. Одна из первых она сделала вывод о том, что дети не похожи на взрослых. Они - другие. Такое принципиально иное, чем до сих пор было принято, понимание детства меняет и способы взаимоотношений взрослых с детьми. Заставляет считаться с ними, уважать их права, понимая, что дети тоже трудятся, создавая человека в себе. Им досталась, может быть,

самая тяжёлая задача, ведь у них нет ничего, кроме внутреннего потенциала. Но они должны все исполнить в мире, который, в том числе и по вине взрослых, так сложен.

Конечно, менять в себе стереотипы взаимоотношений с детьми - дело не из простых. Но еще сложнее представить принципиально иной организацию школы — института, давно устоявшегося в нашем обществе и до боли знакомого каждому. В книге «Мой метод. Начальное обучение» Мария Монтессори описывает абсолютно другую школу. Иную по своим целям, способу учебной работы, атмосфере и организации жизни детей. Эта школа не ставит перед собою целей раннего развития детей, как это популярно сегодня, или подготовки разносторонне развитого и социально активного человека, что еще более традиционно для нас. Она даже не ратует за раскрытие человеческих способностей. Но предлагает метод подготовки свободной личности, ответственной за свою жизнь и судьбу, способы поддержки самостоятельности в получении знаний.

Доктор М. Монтессори советует не учить детей, а сохранять природную мотивацию ребенка к освоению окружающего мира, поддерживать его стремление быть самостоятельным и ответственным учеником до конца жизни.

Обозначая условия такого свободного образования, М. Монтессори убирает из школы классно-урочную систему и программное обучение. На смену уроку приходит свободная работа детей, проживающих в буквальном смысле этих слов основы научных знаний, будь то родной язык, арифметика, геометрия или рисование и музыка. В специально оборудованном для свободной работы детей учебном пространстве можно наблюдать таинство движений их мысли, раскрытие уникального пути развития каждого ребенка.

Во второй половине книги подробно описаны дидактические материалы, из которых состоит специально подготовленное образовательное пространство начальной школы, и методики работы с ними. Можно сказать, эти дидактические материалы являются материализованными абстракциями. Действуя с ними, ребенок самостоятельно воссоздает в своем разуме сложные понятия бытия, которые в обычной школе ему пытается втолковать учитель.

Современные ученые отмечают также изоморфность материалов М. Монтессори. То есть сама их структура и место среди других строго соответствуют логике формирования в сознании ребенка того или иного понятия. Например, по методу Монтессори бессмысленно использовать отдельно звуковые игры, шершавые буквы и большой подвижный алфавит. Дело в том, что все эти три материала помогают ребенку самостоятельно формировать в своем сознании образы букв, затем складывать из букв слова, чтобы чуть позже повторить то же действие при письме и чтении. Из детской психолингвистики мы знаем, что сначала ребенок начинает выделять в сознании буквы написанного слова, затем обнаруживает, что речь состоит из отдельных звуков, затем сопоставляет букву и звук и, наконец, записывает слово на бумаге и прочитывает. Именно в этой логике формируется понятие слова как части языка. Поэтому дидактические материалы, которые придумала доктор М. Монтессори, называют изоморфными. Вряд ли можно найти среди современных изобретений столь тонко связанные между собой внутренними смыслами дидактические пособия.

Начальная школа Монтессори похожа на фантастический детский театр со своими специальными декорациями, где самый главный и мудрый зритель только один — учитель. А дети — многочисленные актеры, играющие каждый свою никогда не повторяющуюся роль растущего человека.

Войдем на занятие по теме существительное, которое проводит сама Мария Монтессори.

«Существительными я называю людей и предметы. Если позвать человека, зверя, они ответят, предметы — нет, они не могут. А если бы могли, обязательно ответили бы. Вот я говорю: Евгения! И Евгения отвечает. Я говорю: фасоль! Но фасолинки не отвечают, они не могут. А если бы могли, обязательно ответили бы. Если я назову предмет, вы поймете меня и сможете принести то, что я назвала: фасоль, тетрадь. Если не назвать имя

предмета, вы не поймете, о чем идет речь, ведь у каждой вещи свое имя. Это имя - существительное, оно называет предмет. Я произношу имя существительное, и вы сразу понимаете, какой предмет я имею в виду. Дерево, скамейка, ручка. Если я не произнесу существительное, вы не узнаете, о чем я говорю. Предположим, я скажу: принесите мне, быстро давайте сюда, я хочу, чтобы мне принесли! Но что? Если я не назову существительное, вы не поймете меня. Предмет называется словом. Это слово - имя существительное. Чтобы понять, является ли слово существительным, нужно спросить себя: это предмет? Ответит ли он мне, если сможет? Смогу ли я принести его учителю?

Хлеб. Это предмет? Да. Стол. Тоже. Служанка. Она ответит нам? Да.

Давайте поищем среди карточек. Я взяла их из разных ящичков и перемешала. Читаем: сладкий. Принесите мне сладкий. Это предмет, который мог бы ответить? Ты принес мне сахар, но я не говорила о сахаре, я сказала сладкий. Ты даешь мне леденец? Но я не говорила о леденце, я сказала сладкий.

Значит, сладкий — это не предмет, вы не смогли угадать, какой предмет мне нужен. Вот если бы я сказала: леденец, сахар, изюм — тогда вы поняли бы, что я хочу, потому что эти слова обозначают предметы. Эти слова — существительные.

Конечно, краткое описание не дает полного представления об уроке. Я говорила приказным тоном: «Принесите мне! Принесите мне!» Дети толпились вокруг меня, заглядывая мне в рот, как щенки, которые ждут, когда хозяин кинет им палку. Они готовы были броситься за любым предметом, как собака бросается за мячом, но не было слова, называющего предмет. «Принесите мне! — кричала я нетерпеливо. — Принесите, наконец! Я хочу!» Детские лица светлели, слышался смех. «Что? Что вы хотите? Что мы должны принести?» Вот настоящий урок по теме существительное.

Карточки, бусинки, рамки с вкладышами Монтессори имеют удивительно притягательную силу. От притяжения к интересу и любопытству, от радости живого действия с конкретным предметом к постижению мира пролегает линия внутренней мотивации ребенка, которая является основой его деятельности. Ребенок стремится сам разобраться во всем и нуждается лишь в небольшой помощи педагога, который наблюдает за его развитием и косвенно руководит им, насколько это необходимо.

Принципиальной идеей дидактики М. Монтессори является идея спонтанного, опосредованного обучения. Ребенок учится легко, не замечая, что учится! Каждый дидактический материал, предлагаемый детям для упражнений, содержит две цели: прямую и косвенную. Прямая - это цель, которую ставит перед собой ребенок. Скажем, собрать из кубиков стройную розовую башню. А косвенная — это цель профессионального взрослого, который придумал розовую башню, чтобы ребенок, упражняясь с ней, незаметно развивал зрение, координировал движение, учился концентрировать внимание и готовился к изучению математики.

В одной из российских школ Монтессори учителей попросили определить различия между учителем или воспитателем традиционного детского сада-школы и Монтессори-педагогом. Первое, что отметили учителя, было связано с исследовательским характером работы Монтессори-педагога. Величайшее счастье, которое они испытали в новом качестве, было связано с возможностью наблюдения свободной жизни ребенка, постижения методов экспериментальной педагогики и психологии, а также практической организации условий свободной жизни детей. В их сознании произошел переворот: учитель, оказываясь, не должен передавать знания, он может с радостью наблюдать распускающуюся жизнь и наслаждаться соприкосновением с душой ребенка. Монтессори-учителя верят, что дети любопытны и способны осваивать окружающий мир и человеческую культуру через самостоятельную деятельность, что они стремятся к независимости и ответственности. Для Монтессори-учителя характерно отступать на задний план, пробуждать интерес, оказывать помощь и никогда не бить по рукам. Педагог откликается прежде всего на главную просьбу ученика: помоги мне это сделать самому.

Елена ХИЛТУНЕН, эксперт Ассоциации Монтессори-педагогов России,

Москва, 2005 год

Предисловие Марии Монтессори

Распространению моего метода в работе с детьми начальной школы (с 6 до 10 лет) предшествовали три года экспериментальной работы.

В 1911 году мой добрый друг, Донна Мария Марени Герьери Гонзага, впервые решилась испытать, можно ли с нашими пособиями, только более сложными, заниматься с детьми младшего школьного возраста по нашему методу, уже доказавшему свою успешность на ранних этапах развития ребенка.

К ней присоединилась баронесса Алис Франшетти, чей талант оказал огромное влияние на создание этой книги. Память о ней осталась не только в сердцах всех, кому посчастливилось ближе узнать эту исключительную женщину, но и в школах, которые она создала для крестьянских детей в своем имении Делла Монтека. В этих учебных заведениях мой метод был адаптирован к условиям сельской школы.

Еще благодарность моим родителям, которые участвовали во всех моих трудах, в том числе в этом последнем эксперименте, открывающем путь новому образованию. Они были бы довольны, увидев меня сейчас. Они умерли почти одновременно, успокоенные тем, что оставили мне в качестве семьи все человечество.

Рим, 30 июля 1916

Предисловие Поля Лапи

После того как мадам Монтессори доказала успешность своей методики в работе не только с дошкольниками, страдающими различными заболеваниями, но и со здоровыми малышами, она решила расширить поле деятельности. Ее новая книга рассматривает метод самообразования детей начальной школы, то есть от 6 до 10 лет.

Мадам Монтессори любит повторять, что роль учителя заключается в том, чтобы убирать с дороги ребенка препятствия, которые мешают его движению. Задача тех, кто представляет эту книгу, во многом похожа. Мы должны привести читателя туда, где, свободный от всяких предубеждений и готовый к любым неожиданностям, он сможет в полной мере оценить этот труд.

Конечно, мы опасаемся, что учителя других стран время от времени будут забывать, что здесь описана итальянская школа, так как множество упомянутых деталей существенно отличаются от их повседневной практики. Возможно, их шокируют и некоторые утверждения, обескуражит авторская терминология. Им будут наверняка непонятны грамматические правила итальянского языка. Но давайте отвлечемся от подобных мелочей, которые связаны с национальностью автора. Они не должны мешать нам перенимать то, что полезно для любой страны мира.

Правда, если книгу прочитать слишком быстро, может показаться, что тут и перенимать нечего. «Эти советы превосходны, но я уже давно так работаю/ — воскликнет иной читатель. — Эти материалы технически совершенны, но я интуитивно создал нечто подобное. Что касается образа ребенка, как его представляет автор, то основные элементы взяты из известных трудов современных психологов».

Создавая столь яркие главы, посвященные психологии ребенка, М. Монтессори понимала, без сомнения, что касается проблем, которые будут решаться бесконечно, поскольку жизнь без конца преподносит новые факты. Описывая свои дидактические материалы, она не отрицает сходства отдельных элементов с традиционными пособиями и игрушками. Пусть схожи отдельные элементы — метод принципиально иной. По мнению автора, ее систему отличают не столько предлагаемые дидактические материалы, сколько приемы работы с ними, роль ребенка, который их использует, цели, ради которых эти материалы созданы.

В каком-то смысле невозможно дать совершенно оригинальное описание метода Монтессори. Его лучше понимаешь, не читая текст, а листая в школе альбомы с детскими работами. Этот метод весь в действии. Есть определенная несовместимость атмосферы школы Монтессори и ее словесного описания. Слова - предатели. Разве не служат одни и те же слова для описания совершенно разных методов и методик? Бывает, именно по их вине возникает ложное сходство школы Монтессори и всех прочих. Читателю придется сделать усилие, дабы увидеть то, что маскируют слова, — ему придется старательно следить за мыслью автора.

Хотелось бы также предупредить читателей, что их наверняка шокирует то, как сурово критикует М. Монтессори современные педагогические системы. Тем более что на первый взгляд они вполне созвучны принципам самообразования. Как, например, М. Монтессори, с таким интересом разбирающая психологические теории, может быть столь суровой к интеллектуальным тестам? «Вы нам обещаете дать меру интеллекта, — говорит мадам Монтессори разработчикам тестов, — но вы не исполняете обещанного и даете нам лишь меру сиюминутного состояния интеллекта. Это состояние может определяться двумя факторами: внешним и внутренним. Конечно, можно измерить внешнюю сторону, но внутреннее, а именно сам интеллект, всегда останется иском, который не высчитают никакие тесты». Правда, может стать, что создатели тестов и не пытаются измерить непостижимое. Они лишь хотят создать инструмент для объективной оценки уровня развития интеллекта, достигнутого данным индивидуумом в данных условиях. Они и не дают тех обещаний, в неисполнении которых обвиняет их мадам Монтессори. Снова виноваты слова, создавшие стену непонимания. Это препятствие необходимо устранить.

При этом остается несомненным принципиальное отличие позиций мадам Монтессори и создателей тестов. Тесты оценивают положение, а мадам Монтессори стремится уловить порыв. Ребенок, попадая в руки обычных психологов, должен ответить на множество вопросов, которые задают взрослые, пережить ряд испытаний, где ему приходится занимать выжидательную позицию, прежде чем реагировать на внешние раздражители. Напротив, мадам Монтессори предоставляет инициативу ребенку.

Так стоит ли удивляться, что она бросает камни в тот огород, где ее поначалу готовы были радушно принять?

Каков же основной принцип педагогики Монтессори? Мы о немуже говорили: учитель предоставляет ребенку полную свободу. Но свобода не означает заброшенности. Свободное развитие возможно только при отсутствии препятствий. И педагог должен очистить пространство от всего, что мешает расцвету личности. Если мы выращиваем цветок, мы не ждем от него тех свойств, которых нет в его природе. Мы стремимся обеспечить росточку самые благоприятные условия, почву, богатую питательными веществами, всеми необходимыми элементами. Так и учитель готовит пространство, где вырастет человек. В этом его задача.

Позиция мадам Монтессори — это нечто среднее между педагогическим анархизмом, который основывается на принципах вседозволенности, и относительным авторитаризмом, который ради свободы не стесняется прибегать к принуждению. Автор книги уверен, что педагог ни в коем случае не должен принуждать ребенка. Но не стоит ждать, что свобода родится сама собой, ее следует готовить, выращивать, даже порождать.

Взгляните, к примеру, как в школе Монтессори учат рисованию. Не думайте, что мадам Монтессори увлекается «свободным рисованием», таким нежизнеспособным порождением плохо организованной свободы. Впрочем, учитель и не предлагает ребенку копировать готовые модели. Главная цель — поместить детей в такую соблазнительную обстановку, окружить такими неотразимо привлекательными предметами, чтобы они сами захотели воспроизвести эти прекрасные формы. Педагог же всегда рядом и дает возможность пользоваться всем многообразием материалов, инструментов, какие только

могут понадобиться для осуществления замысла ученика. Едва у ребенка возникает потребность в творчестве, взрослый предоставляет ему полную свободу. Дети наслаждаются рисованием тех предметов, которые они пожирали глазами, ощупывали пальчиками. Вместо бессмысленных картинок рождаются потрясающе выразительные изображения. Потому что ученики начали пользоваться свободой рисования в тот единственный момент, когда учитель пробудил в них это желание и предоставил средства для его осуществления. Обобщите этот пример, и вы получите всю методику самообразования.

Если вы хотите представить что-то более конкретное, вообразите большую комнату, где дети свободно перемещаются между столами. На этих столах, на полках, украшающих стены, совершенно свободно располагаются разнообразные дидактические материалы. Здесь есть все, что способно привлечь внимание ребенка. Каждый предмет приятен на вид, так же как и столы, и стулья. Все соответствует детскому росту, чтобы ребенок чувствовал: ему все доступно, все сделано для него. Это пространство, где ему удобно расти и развиваться.

Кстати, вот и дети. Они входят, устраиваются, выбирают предметы, которые их заинтересовали, занимаются с ними, пока им это нравится, затем ставят на место и выбирают что-то иное. Поначалу периоды активной деятельности и отдыха чередуются совершенно хаотично. У каждого ребенка по-своему. Забавно наблюдать, как через некоторое время появляется определенный порядок. Первый час проходит в упражнениях средней степени трудности. Затем, после отдыха, в конце занятий, ученики сосредотачиваются на более трудной работе, которой занимаются довольно долго. И, наконец, испытывают потребность в разрядке.

Я не знаю, замечали ли педагоги обычных школ, что самые трудные задания лучше получаются не с утра, когда дети еще только раскачиваются, а на последних уроках. Если это наблюдение подтвердится, возможно, стоит пересмотреть принципы составления расписания в традиционных учебных заведениях?

А что делает учитель? Он молча наблюдает за детьми. В классе Монтессори ему не грозит профессиональное заболевание голосовых связок. Но он не бездельничает. Время от времени педагог вмешивается в происходящее. Когда ему кажется, что ребенок подошел к точке, где возможен прорыв, учитель кладет поближе тот предмет, материал, который позволит осуществить продвижение. Или подводит ученика к однокласснику, уже преодолевшему этот барьер, пример товарища нередко оказывает решающее влияние. Несмотря на термин «самообразование», дети не всегда черпают ресурсы в самих себе. Пример других, советы и предложения со стороны также играют немалую роль в обучении. Искусство педагога в том и состоит, чтобы угадать нужный момент и пустить в ход все необходимые средства.

Искусство педагога состоит и в том, чтобы развивать «концентрацию» («поляризацию») внимания. Это, с точки зрения мадам Мон-тессори, краеугольный камень школьной жизни. Вот ребенок, в которого уже никто не верит. Ни одна методика не помогает в работе с ним. Но однажды внезапно (это всегда имеет «взрывной» характер) он увлекается каким-то упражнением и, не обращая внимания на шум вокруг, повторяет его 44 раза. Он сконцентрировал внимание! Он спасен! Всякий ребенок (это постулат, который угадывается в книге) может переживать такие состояния концентрации. А учитель должен лишь создать благоприятные условия. Каждый такой момент для ребенка — открытие, которое воодушевляет его. Педагог обеспечивает ученику ряд «открытий», проникновений в законы природы, науки и искусства.

Самый мощный «поляризатор» внимания - действие. Именно действуя, ребенок совершает большую часть самых ценных своих открытий. Даже грамматика — чтобы выучить, ее необходимо сначала «прожить». Не заставляйте ребенка заучивать слова, не предоставив предварительно обозначаемые этими словами предметы, чтобы ученик мог с ними что-то делать. Уроки слов всегда должны быть и уроками вещей. Не заставляйте

учить, как связаны слова, не предоставив возможность детям на собственном опыте увидеть предметную связь, воплощенную в языке. В школе Монтессори не пишут: «Масло легче воды», — не вылив сначала масло в стакан с водой и не убедившись, что оно действительно плавает на поверхности. Грамматика становится игрой — в смысле театральном. Сценой, разыгранной учителем и учениками. Один отдает словесные приказания, другой исполняет их, осуществляя действия, связанные с произносимыми словами. Если приказание отдано неправильно-может возникнуть новое грамматическое знание. Неправильный приказ неисполним. Порядок слов перестает соответствовать порядку жизни. «Принеси мне... принеси мне...» — напрасно взывает учительница. Она не называет объект, который хочет получить. Класс неподвижен. Едва она произносит: «Принеси мне книгу!» - дети с легкостью «открывают» роль дополнения в предложении. Они учат грамматику, не просто играя, но играя именно грамматикой.

В таких же играх ученики осваивают и арифметику, геометрию, музыку, рисование. Это вся программа? Пока да. Не забудьте, детям не более 10 лет. История, география, физика, биология — все эти премудрости ребята постепенно узнают на уроках родного языка и рисования. Вспомните, уроки слов — всегда уроки вещей. А уроки рисования посвящены изображению реальных предметов. Так, учась говорить и рисовать, ребенок учится наблюдать природу. Он приобретает знания напрямую, минуя книги. Для изучения истории мадам Монтессори еще в 1900 году создала особые материалы и даже небольшой театр, где разыгрывала сцены прошлого. Правда, речь тогда шла об обучении толькобольных детей. Она на собственном опыте убедилась, что внимание ребят привлекают живые подробные истории. Мы напрасно думаем, что наши обобщения нравятся ученикам, запоминаются. Им понятнее не учебник истории (кто бы мог подумать!), а подлинный документ.

Еще интереснее идея — отменить специальные уроки истории. Достаточно в то время, как дети рисуют, читать им исторические рассказы. Мадам Монтессори утверждает, что, если рассказ особенно увлекателен, ученики бросят кисти и карандаши, обратившись в слух. Понимаю, сейчас забеспокоились учителя рисования. Но стоит поискать место для такого чтения. Например, во время уроков шитья, при выполнении различных механических упражнений, оставляющих незанятым детское воображение. Это сэкономит время учеников.

Итак, нашему ребенку 10 лет. Чего он достиг? Он много знает, а главное, хочет узнавать. Он шел от конкретного к абстрактному. И он живет уже не только в мире чувств, но и в мире идей. Он обладает всеми средствами для развития своих талантов. Ему читали книги, которые заставили его задуматься о серьезных проблемах. Ему нравится читать, он созрел для более серьезного образования.

Воспитание ребенка шло параллельно с его образованием. Читатель пожалеет, что мадам Монтессори не описала подробно в книге свои воспитательные приемы. Но можно догадаться, они также связаны с созданием благоприятных условий для расцвета добронравия. Вслед за Жан-Жаком Руссо мадам Монтессори утверждает, что человек хорош по природе своей. Зло приходит извне. Вот агрессивный ребенок. Вы напрасно осуждаете его. Наверняка он просто голоден, ему приходится бороться за свое существование. Вот истоки агрессии. Накормите его и увидите, каким милым он станет. Мальчик - «доносчик». Это не подлость души. Это робость, неуверенность в себе. Это страх, постоянный страх ошибиться. Малыш ищет учительского одобрения по поводу каждой мелочи, чтобы знать, правильно ли он поступает. Так же он рассказывает и обо всем, что делают его друзья. Он хочет знать, правы ли они, а получается - предал их. Помогите ему поверить в себя. Он перестанет «ябедничать». Позаботьтесь об окружении ваших учеников, и они станут послушными, дисциплинированными, уважаемыми. Добродетель, как и наука, - результат концентрации внимания, «открытия» или серии «открытий», которые делает ребенок, если он готов к этому, в благоприятных условиях.

Готовит ли ребенка такое воспитание к жизни в обществе? Можно усомниться в

этом. Ученик мадам Монтессори, как Эмиль у Руссо, — существо привилегированное. Обязанность обычного учителя - открыть детям трудности реальной жизни. В классе, когда ребенок работает, никто не смеет ему мешать. Поймет ли он, окончив школу, чужое вмешательство в его личную жизнь, всех, кто будет препятствовать его замыслам, разрушать его планы, охлаждать его энтузиазм? С другой стороны, привыкнув действовать по собственному усмотрению, поймет ли он желания других людей, не станет ли вечной помехой для близких?

У мадам Монтессори есть ответ на эти вопросы. Она считает бесполезным «готовить к жизни», поскольку жизнь непредсказуема. Как бы вы хорошо ни приготовились, неожиданное событие застанет вас врасплох. Научиться жить можно только исподволь: привыкая быстро принимать решения. А для этого ребенок должен действовать свободно. Только свободный человек способен справиться с непредвиденным. Только свобода помогает постичь суть общественных отношений. В классе, где дети вынуждены сидеть молча и неподвижно, не могут возникнуть никакие социальные связи. Бедные маленькие человечки не имеют права реагировать друг на друга. Они разобщены, как если бы находились каждый в отдельной камере. Откуда у них появится сознание взаимной ответственности?

Именно в школе Монтессори развиваются социальные навыки детей. Здесь Пьер, мечтая построить розовую башню, должен подождать, пока Поль наиграется в эту игру. Он узнает на собственном опыте, что в обществе человеку приходится сдерживать свои желания. Я не уверен, что подобная ситуация обходится без вмешательства педагога, который научит Пьера уважать законы общества. Учитель не будет готовить площадку, где расцветет это уважение. Он просто удержит Пьера, переключит его внимание на другой объект. Даже в школе Монтессори случается, что Пьер упрямится, упорствует в своем желании немедленно построить розовую башню, и приходится прибегать к прямому запрету, чтобы помешать ему разрушить игру Поля. Без сомнения, моральные законы «открываются» так же, как научные. Но прежде чем они укоренятся в сознании детей, не стоит ли дать ученикам на себе почувствовать действие законов школьного сообщества?

Я и не пытался в кратком предисловии обозначить все идеи данной книги. Читатель получит удовольствие от многочисленных открытий. Его внимание будет концентрироваться на каждой странице. И как может педагог не оценить дух этой книги? Разве мы все, как и автор, не преисполнены доверия к свободе?

Взгляд на жизнь ребенка

Основные особенности психической гигиены ребенка соответствуют особенностям физиологической гигиены.

Многие из тех, кто просил меня о распространении нашего метода, отработанного на малышах, для детей более старшего возраста, сомневались, возможно ли это. Предполагаемые проблемы относились, скорее, к области воспитания.

«Ребенок должен научиться подчиняться чужой воле более, нежели своей». Не окажется ли наш свободный ученик не способным к серьезным усилиям для исполнения необходимой, но нелюбимой работы? Наконец, научится ли он жертвовать? Человеческая жизнь нелегка и наполнена не одними удовольствиями.

Некоторые мои критики говорили: учиться трудно уже в шесть лет, еще сложнее в семь. Вот мерзкий призрак таблицы Пифагора, сухая гимнастика ума, навязанная грамматикой. Что вы будете делать? Просто не станете этим заниматься? Или признаете, что иногда необходимо принуждать ребенка?

Очевидно, все эти сомнения связаны с различными интерпретациями принципа «свободы», заявленного в качестве основополагающего принципа моей педагогической системы. У меня все эти опасения вызывают, скорее, улыбку. Когда-нибудь, в будущих переизданиях этой книги, можно будет уже не обсуждать подобные вопросы. Однако сегодня

они еще актуальны, а значит, я должна прокомментировать ситуацию.

Надо признаться, дать прямой, ясный, исчерпывающий ответ — нелегко. Мы обсуждаем такие глобальные проблемы, по поводу которых у каждого имеется свое устоявшееся мнение.

Попробуем воспользоваться аналогией. Скажем, в уходе за маленькими детьми правила гигиены дают великолепные результаты, и это косвенно отвечает на все поставленные вопросы. Как было раньше? Младенца туго пеленали, чтобы выпрямить его ножки. Ему подрезали уздечку языка, чтобы он смог заговорить. Ребенок постоянно находился в чепчике, чтобы ушки росли прижатыми к голове. Положение лежащего ребенка жестко определялось взрослыми, и родителям приходилось постоянно переворачивать младенца, предохраняя мягкий череп от деформации. Заботливые мамы часами колдовали над приплюснутым носиком ребенка, чтобы сделать его прямым и красивым. Едва родившемуся человечку вдевали в уши золотые колечки, потому что они благотворно влияют на зрение. Многие из этих традиций уже забыты, но кое-что используется до сих пор.

Вспомните, сколько всего было придумано, чтобы научить ребенка ходить! С первых недель жизни, когда нервная система младенца еще не достаточно развита и ребенок не может координировать свои движения, родители каждый день тратили время на то, чтобы «научить его ходить». Они поддерживали тельце новорожденного в вертикальном положении и, глядя на беспорядочные движения ножек, убеждали себя, что готовят ребенка к ходьбе. Когда действительно, наконец, малыш начинал переставлять ножки, родители приписывали этот успех своим тренировкам. На следующем этапе, умея передвигать ноги, но еще, будучи не в силах сохранять равновесие, а значит, держаться на ногах самостоятельно, ребенок попадал в веревочные ходунки. Родители, управляя ремешками, удерживали младенца от падения и водили рядом с собой по земле. Некоторые мамы помещали детей в особые расширяющиеся к низу корзинки на колесиках. Широкое основание делало их устойчивыми. Малыш опирался туловищем и ручками о верхний край корзины и, перебирая ножками, передвигался — как бы ходил, по-прежнему не умея самостоятельно держаться на ногах.

Сегодня мы и не представляем, как выглядят особые мягкие валики, которые надевали на головки детей, когда считали их уже способными к самостоятельной ходьбе и вынимали из корзинок на колесиках. Малютки, приученные к постоянной внешней поддержке, всевозможным подпоркам и внезапно предоставленные сами себе, беспрестанно падали. Валики предохраняли головки от серьезных травм.

Что же дал нам научный подход к воспитанию детей? Наука не открыла каких-либо совершенных способов выпрямления носов и ушей, не помогла родителям ставить младенцев на ножки сразу после рождения. Наука убедила нас в том, что природа сама позаботится о правильности черт лица, что человек прекрасно заговорит даже с не подрезанной уздечкой языка, что ножки сами собой выпрямятся и научатся шагать без всякого постороннего вмешательства.

Итак, предоставим действовать природе. Чем более ребенок будет свободен в своем развитии, тем быстрее и совершеннее он обретет свою форму и способности. И вот уже пеленки позабыты во многих семьях. Ребенок лежит в свободной позе, его ножки свободны. Его не заставляют ходить преждевременно. Настанет момент — он сам встанет и пойдет.

Сегодня практически все родители придерживаются такого мнения. Поэтому пеленки, корзинки на колесиках и ходунки постепенно исчезают из магазинов. А дети все же растут с прямыми ножками и начинают ходить даже раньше, чем в былые времена.

Какое облегчение для родителей! Нелегко сознавать, что ножки, носик, головка и ушки любимого ребенка всецело зависят от твоей заботы. Какая огромная ответственность! Насколько спокойнее понимать, что природа обо всем позаботилась. Я предоставляю ребенку свободу и наблюдаю его расцвет, это вечное чудо.

Нечто подобное происходит и с внутренней жизнью малыша. Мы так озабочены: необходимо формировать характер, развивать ум и чувства. И мы спрашиваем себя: как это

делается? Мы стремимся проникнуть в душу ребенка, мы ставим ему жесткие рамки — и напоминаем тех матерей, которые вытягивали носики и прижимали ушки младенцев. Мы прячем наши тревоги за подобием успеха, а между тем человек уже рождается с характером, умом и чувствами. Если нет — мы бессильны. Как сформировать характер дегенерата, развить ум идиота, чувства сумасшедшего? Если на самом деле, воздействуя на душу ребенка, можно сформировать его личность, то почему не обратить всю энергию на самых обездоленных? Однако этого не происходит.

Таким образом, мы не являемся создателями — ни внешних форм, ни внутренних. Природа, творение — вот кто всем управляет. Если мы поймем это, то, следовательно, примем за основу принцип «не мешать естественному развитию» и, вместо бесчисленных вопросов о формировании характера, ума, чувств, сформулируем единственный вопрос всей педагогики: *как предоставить ребенку свободу.*

Эта свобода основана на тех же принципах, которые наука сформулировала относительно форм и способностей растущего тела. Свобода, при которой голова, нос, уши и умение ходить достигают своего идеального уровня под воздействием природных сил самого человека. Свобода — уникальное средство максимально развить личность, характер, ум, чувства, а заодно дать нам, руководителям, покой и возможность наблюдать чудо взросления. Эта свобода в первую очередь освобождает взрослых от тяжелого груза ложной ответственности и мнимого страха.

Детская гигиена не ограничивается только антропологическими картинками, убеждающими нас, что тело способно развиваться само по себе. Сегодня нас удивляет пренебрежение чистотой и элементарными правилами питания. Матери раньше не мыли ни свои соски, ни ротик младенца. Кормили, когда попало. Стоило ребенку заплакать, как его прикладывали к груди. В случае желудочного расстройства ребенок от боли плачет чаще, значит, его чаще кормили, усугубляя положение страдальца. Я видела, как матери, качая на руках новорожденного с высочайшей температурой, беспрестанно вкладывали в его дрожащий ротик сосок, надеясь унять детский плач. И с какой искренней самоотверженностью это делалось!

Наука сформулировала очень простые правила. Во-первых, насколько возможно, соблюдать чистоту. Второе правило — такое очевидное, что родители удивились, как раньше сами не догадались: ребенок, как и взрослый, должен питаться регулярно и съесть следующую порцию, только переварив предыдущую. Он должен есть не постоянно, а через определенные промежутки времени, соответствующие его физиологическим возможностям. Не следует давать хлебные корки грудному младенцу, как делают порой крестьянки, потому что он может поперхнуться крошками.

Встревоженные родители задают вопрос: как же теперь успокаивать плачущего малыша? Но скоро на собственном опыте убеждаются, что ребенок почти не плачет. Совсем не плачет. Новорожденный двух недель отроду спокойно переживает двухчасовой перерыв между кормлениями. Глазки открыты, никакого нетерпения. Молчит, словно сама природа в минуты торжественной тишины. Почему он плакал раньше? Это был знак, который говорил о страданиях.

Туго спеленутый младенец, оставленный на попечение безответственной няньки. У него не было ни своей комнаты, ни кровати.

Современная наука сформировала квалифицированных нянь, узаконила детские комнаты и кровати, специальную одежду. Детское питание сегодня готовится на крупных предприятиях под контролем медиков. Весь современный мир открыт перед ребенком. Он действительно новый человек, имеющий свои права, в частности, право на жизнь, и для него создана специальная среда.

Если мы говорим, что духовно ребенок должен быть свободен, потому что творящая природа формирует его, не мы, это не означает, что мы бросаем малыша, лишаем его нашей заботы. Оглянемся вокруг. Мы увидим, что, хотя не можем напрямую воздействовать на характер, ум и чувства ребенка, все же несем определенную ответственность, которой до сих

пор пренебрегали. А ведь это тоже вопрос жизни и смерти — духовной.

Свобода не означает одиночества. Но мы от иллюзий обращаемся к реальности. Наши заботы о детях становятся более эффективными и полезными для них.

Ребенок свободен сегодня только физически. Гражданские права ребенка в XX веке

Гигиена освободила ребенка физически. Внешние факторы, заключающиеся в освобождении от тесных свивальников, в жизни на свежем воздухе, — наиболее значимы, но они лишь средство достижения свободы. Гораздо важнее — освобождение на пороге жизни от угрозы болезней и смерти. Мы исправили несколько главных ошибок, и дети не только перестали погибать в таком количестве, но они растут гораздо лучше, здоровее. Только ли правильный режим сделал их такими красивыми? Не совсем. Как сказано в Евангелии, кто может заставить человека вырасти хоть на вершок? Гигиена лишь освободила тело ребенка, убрала внешние препятствия, мешавшие его росту, естественному развитию. И все почувствовали облегчение. Теперь каждый говорит: дети должны расти свободно. Прямая связь между физическими условиями жизни и желанной свободой всеми признана.

Теперь о ребенке заботятся, как о цветке. Уже давно всякое ухоженное растение в саду или огороде обладало теми привилегиями, которые мы сейчас предоставили детям. Хорошее питание, свежий воздух, подходящая температура, надежная защита от паразитов, вызывающих опасные заболевания.

Старое сравнение: дети — цветы жизни. Сегодня оно стало реальностью для детей из благополучных семей. Но все же ребенок не цветок. Это человек. То, что достаточно для растения, мало для человека. Подумайте, как несчастен паралитик, ведущий растительное существование. Как человек он уже мертв. Мы говорим про таких людей с грустью: «У него осталось только тело». Ребенок-человек — вот что важно для нас. Мы должны представить его частью нашего шумного мира людей, героически стремящихся жить.

Каковы же права детей? Ведь дети — это особый класс общества, не хуже, чем рабочие. Дети тоже трудятся, создавая человека в себе. Они — будущие поколения. Они устают от физического и духовного роста, продолжая работу, совершенную их матерями несколькими месяцами ранее. Им досталась самая трудная задача. У них ничего нет, кроме внутреннего потенциала. Но они должны все исполнить в мире, который, в том числе и по вине взрослых, так сложен. Что делаем мы, чтобы помочь нашим детям, неопытным пилигримам в незнакомой стране? Ведь они рождаются более хрупкими и беспомощными, чем щенки и котята. Им предстоит в короткий срок стать людьми, частью огромной культуры, созданной усилиями многих предшествующих поколений.

В наше время, когда цивилизация, то есть возможность хорошо жить, основана на законах, с таким трудом завоеванных, какими правами обладает ребенок, живущий среди нас, слабый и неразумный? Он напоминает Моисея, плывущего в корзинке по водам Нила. Он — будущий избранник народа, но найдется ли принцесса, которая, проходя мимо, случайно заметит его.

Случаю, удаче, любви — вот чему мы доверяем детей. Посмотрим, распространяются ли социальные права на ребенка, пришедшего в наш мир.

На дворе XX век. Но до сих пор во многих странах, считающих себя цивилизованными, существуют приюты для брошенных детей. Что такое эти приюты? Малыш никогда, никогда не увидит дорогих ему людей. Его имя опозорено, его состояние конфисковано. Даже самый отвратительный преступник имеет право на воспоминания. Он помнит свою мать, как слепец помнит краски солнца. А наш ребенок словно слеп с рождения. У преступника больше прав, чем у него. Хотя никого нет невиннее на свете. В эпоху унижительной тирании приговоренные зывали к правосудию, и, в конце концов, следовал освободительный взрыв. Люди, измученные тиранами, брошенные во мрак и страдания, своими несчастьями пробудили народ. Тогда был провозглашен важнейший принцип: перед законом все равны.

Кроме детей. Общество не замечает, что дети — тоже люди. Они для взрослых лишь цветы человечества. Но ради спасения чести и доброго имени какое общество не пожертвует цветами?

Младенец в нашем обществе — вещь, правда, вещь престижная. Юная девушка, собирающаяся замуж, мечтает о роскоши, которой окружит ее супруг: «У меня будет кухарка, горничная и малыш». Только в последнее время стало считаться постыдным, если мать отказывается кормить ребенка из лени. В пример восхищенно приводят цариц и императриц, которые сами кормят своих детей. Наука провозгласила это материнским долгом на основании физиологии. Материнское молоко для ребенка полезнее любой другой пищи. И все же этот закон признан далеко не каждой женщиной. Материнское молоко не приготовишь на фабрике. Его тщательно создала природа. Для каждого новорожденного.

Здесь мы имеем дело с правом частной собственности, не подлежащим сомнению. Если голодный украл кусок хлеба, его называют вором, наказывают, изолируют от общества. Право частной собственности — основа нашего социума. Управляющий, ограбивший своего хозяина, продавший его имущество и растративший деньги ради собственного удовольствия, совершил хитроумное преступление. С маленькими детьми подобные преступления случаются ежедневно. Какая собственность может быть священнее, чем молоко собственной матери для младенца. В его законных правах на эту собственность нет никаких сомнений. Это единственный капитал ребенка — молоко, оно появляется вместе с ним и для него. Здесь все его сокровища. Сила жизни, роста — все в этой пище. И если лишенный молока младенец вырастет слабым, рахитичным, обреченным на нищету и плохую работу, что будет с ним? Кто возместит утраченное? Кто удивится, когда этот ребенок, превратившись в мужчину, предстанет перед общественным судом за преступление?

Не признавать прав ребенка, но уважать права взрослых — какое лицемерие! Признавать права тех, кто может постоять за себя, может протестовать и оставаться варварами по отношению к слабым. Почему? Потому что, хотя есть люди, более или менее образованные, все они одинаково нецивилизованны, считаясь только с правом сильнейшего.

Если мы серьезно рассматриваем вопрос о воспитании ребенка, необходимо оглянуться и уяснить, какой мир мы приготовили для него. Хотим ли мы, чтобы он стал, как мы, глухим к жалобам слабых, кто бы не уважал, как мы, прав беспомощных? Хотим ли мы сделать его наполовину цивилизованным человеком, по отношению к равным себе, наполовину хамом — там, где он встречает лишь угнетенных и невинных?

Бесправный ребенок — словно вывихнутая рука. Человечество не может трудиться над своим моральным совершенством, пока не вправит руку. Вопрос социализации детей — самый сложный и серьезный. Это вопрос нашего настоящего и будущего. Если мы знаем о страшной несправедливости, чтобы не сказать преступлении, но не обращаем на нее внимания, разве мы остановимся перед насилием над ребенком?

Как мы встречаем детей, приходящих в мир

Посмотрите, для ребенка почти ничего нет в нашем мире. Лишь самые богатые ребята имеют свою комнату или хотя бы уголок. Представьте хоть на миг, что и вам приходится переносить все эти мучения!

Представьте, что вы оказались в стране великанов, с длиннющими ногами, огромными телами, очень ловкими и умными по сравнению с нами. Хотите зайти к ним в дом — каждая ступенька по колено. Без помощи великанов не справиться с лестницей. Хотите сесть — стул по плечо. Карабкаетесь с трудом и все равно падаете на пол. Хотите почистить одежду — щетка так тяжела, что вы не можете удержать ее в руках. Хотите мыться в тазу, но не в силах его поднять. Если бы вы знали, что великаны готовились к вашему появлению, то, вероятно, ска-зали бы, что они плохо позаботились о вашем благополучии.

Ребенок находит все, что ему нужно, среди кукольных вещей. Но эти изящные,

разнообразные предметы сделаны не для него. У куклы есть дом, свой шкаф, своя кухня. У нее есть все, что требуется человеку, — только очень маленького размера. Среди этих вещей ребенок не может жить — лишь играть. Мир дан ему как игра, потому что никто не видит в нем настоящего человека. Стремясь стать взрослым, малыш натывается на иронию окружающих великанов.

Дети ломают игрушки — всем известно. Разрушение того единственного, что сделано специально для него, доказывает разумность ребенка. Мы говорим: «Мальчик ломает машинку, потому что хочет понять, как она устроена». На самом деле проказник ищет что-нибудь интересное хотя бы внутри машинки, ведь снаружи она ничем не привлекает его. Иногда ребенок ломает игрушки яростно, словно от обиды. Мы считаем его злобным.

Ребенок хочет жить по-настоящему среди настоящих вещей. Хочет сам умываться, одеваться, причесываться, подметать свою комнату. Ему нужен свой стол, стул и шкаф. Он мечтает трудиться по-настоящему, добиваться цели, обустроить свою жизнь с комфортом. Не только поступать «как взрослый», но становится взрослее. Это главное в его натуре, это его «миссия».

Мы видели в нашем Доме ребенка детей — счастливых и терпеливых, неторопливых и точных, как самые опытные рабочие, удивительно бережно относящихся к вещам. Для счастья им надо немного: повесить курточку на крючок, прибитый на стенку на расстоянии вытянутой детской руки, тихо и ловко переставить стульчик, чей вес соответствует детским силам. Решение удивительно простое. Создайте для ребенка пропорциональную среду и позвольте ему там жить. Тогда в нем разовьется активность, к которой он и сам стремится. Поскольку это уже не игра, а пробуждение души. В гармоничном окружении ребенок занят интеллектуальной работой, как росток, что укоренился в почве и может теперь расти и развиваться единственным способом — упорным повторением каждого упражнения.

Посмотрите на детей, погруженных в свои занятия, медлительных по причине конституциональной незрелости (так медленно ковыляют младенцы на своих пока коротеньких ножках), и вы почувствуете, как в них созревает жизнь, словно в коконе бабочка. Помешать им — значит совершить преступление против жизни. Но как обычно поступают с детьми? Постоянно отрывают от занятий, без всякой причины, без уважения, как хозяева поднимают бесправных рабов на плантациях. Уважать ребенка наравне со взрослым — эта идея кажется смешной многим из нас. Зато как свирепо кричим мы порой малышам: «Не перебивай меня! Не мешай мне!»

Если ребенок чем-то занят, например ест, взрослый непременно рядом, кормит с ложечки. Ребенок хочет надеть фартучек — взрослый первым хватает одежду и напяливает на неразумное чадо. Детей все время отгесняют, грубо и бесцеремонно. А ведь сами мы очень ревниво относимся к своим делам и смертельно обижаемся на тех, кто пытается перехватить инициативу.

Что случилось бы с нами, если бы мы попали в рабство к людям, не способным понять наши чувства, в рабство к могучим великанам? Представьте, едите вы спокойно, с удовольствием свой ужин (вы-то знаете, как приятно наслаждаться свободой), вдруг великан вырывает у вас ложку из руки и заставляет глотать кусок за куском с такой скоростью, что вы почти давитесь. Ваши робкие протесты («пожалуйста, помедленнее») ни к чему не ведут, кроме сердечной тоски и расстроенного пищеварения. В другой раз вы, мечтая о чем-то чрезвычайно приятном, не спеша натягиваете пальто, с той грацией и свободой, какую встречаешь в человеке, полностью погруженном в себя. Великан бросается к вам, одевает за секунду и тащит на улицу. Вы чувствуете себя так им униженным, что пропадает всякое удовольствие от прогулки.

Наша пища — это не только проглоченный суп, а наше здоровье зависит не только от прогулок, но и от свободы, которая должна присутствовать во всем, что мы делаем. Мы обиженно сопротивляемся насилию — не из ненависти к великанам. Из любви к тому внутреннему побуждению, которое управляет нашей жизнью. Есть нечто внутри нас, чего мы и сами не знаем. Один Бог знает. Это нечто прорывается неожиданно для нас самих,

чтобы мы исполнили свое предназначение. Не любовь ли дает нам пищу и здоровье во всем, что мы делаем в жизни, даже в мелочах? Поэтому говорят: «Не хлебом единым жив человек». Насколько велика эта потребность в детях, у них акт творения — в самом расцвете.

Между тем им приходится бороться за каждый шаг. Они познают мир, пытаются все потрогать. «Не трогайте!» — кричат им со всех сторон. Они пытаются взять что-нибудь на кухне, приготовить из остатков обеда свое собственное блюдо. Их прогоняют и безжалостно возвращают к игрушкам. Как часто драгоценные минуты сосредоточенного внимания, когда раскрывается душа ребенка, бывают грубо разрушены взрослыми. Минуты, когда, повинувшись внутреннему чувству, ребенок наугад ищет в окружающем мире то, что даст пищу его уму. Не кажется ли нам, что мы навсегда уничтожаем что-то важное?

Представьте себе обыкновенного взрослого человека, как большинство людей, но охваченного вдохновением, какое бывает лишь у гениев. Представьте поэта в минуту, когда рождается строка, или математика, нащупавшего решение грандиозной задачи, или художника, вообразившего прекрасный образ, который ему необходимо запечатлеть на холсте. Представьте, что этих людей грубо прервали, например, чтобы сыграть партию в шахматы. «Ах, — скажут они, — вы не могли совершить ничего ужаснее. Вы уничтожили наше вдохновение. Человечество осталось по вашей вине без поэмы, без картины, без полезного изобретения».

А ведь ребенок теряет не одно из произведений — он теряет себя. Потому что шедевр, создаваемый силой его внутреннего гения, это новый человек. Детские капризы, злость, побеги из дома — возможно, все это тайные знаки несчастья, которые посылает непонятая душа.

Страдает не только душа. Тело тоже страдает, поскольку у человека физическое состояние всегда связано с душевным.

В одном приюте был ребенок ужасно некрасивый, но почему-то нежно любимый воспитательницей. Эта женщина сказала однажды Директору, что малыш очень похорошел. Начальница осмотрела подопечного, сочла его уродцем и решила, что привычка помогает людям не замечать чужих недостатков. Несколько месяцев спустя вновь в разговоре возникла эта тема. Новый осмотр привел руководительницу к заключению, что любовь ослепляет. Однако еще через некоторое время воспитательница вновь заявила, что ее любимец по-настоящему хорош, никто с этим не поспорит. Пораженная начальница вынуждена была признать правоту своей сотрудницы. Внешность ребенка разительно изменилась под влиянием любви.

Когда мы думаем, что даем ребенку все, если кормим и одеваем его, на самом деле мы не даем ему даже этого. Пища и свежий воздух не поддержат тело человека, физиология его зависит от внутреннего состояния, единственного источника жизни. Тело ребенка живет радостью души.

Физиология учит нас многому. Скромный завтрак на свободе лучше усваивается организмом, чем роскошная трапеза в тесноте и духоте, на вольном воздухе организм активнее. Обед в компании милых друзей гораздо питательнее, чем пиршество за столом тирана в обществе подобострастных слуг. Свобода — вот что важно. Там, где нас притесняют, невозможно сохранить здоровье.

Состояние физического здоровья человека зависит от состояния его духа

Физиология объясняет этот феномен. При нравственных переживаниях меняется работа наших внутренних органов, так что, описывая эти изменения, можно передать различные чувства: боль, гнев, тоску, радость. Например, если человек испытывает боль, функции желез и сердечной мышцы угнетаются. Отсюда бледность, утомленность, сухость во рту (слюнные железы не вырабатывают слюну), расстройство пищеварения (не вырабатывается желудочный сок). У страдальца пропадает аппетит, его тело слабеет, возрастает риск инфекционных заболеваний.

Тоска, скука — сжимают сердце. От этого можно даже потерять сознание. Говорят в народе: «Она умирает со скуки». Но рефлекторно мы восстанавливаем здоровье, словно

срабатывает автоматический предохранитель. Зевота, то есть глубокий вдох, наполняет легкие воздухом, кровь приливает, сердце начинает вновь активно работать. Гнев вызывает сужение кровеносных сосудов. Человек сильно бледнеет, у него может разлиться желчь. Если мы радуемся, кровеносные сосуды расширяются, наполняются кровью, работа всех органов облегчается. Лицо у веселого человека румяное, пищеварение отличное. Все питательные вещества прекрасно усваиваются. Легкие наполнены воздухом, кислород сжигает все шлаки, организм не загрязняется. Радость — это прилив здоровья.

У нас в Италии есть еще одно доказательство влияния духа на физическое здоровье. После отмены смертной казни в стране преступников стали карать пожизненным заключением. В современных тюрьмах камеры устроены в соответствии с требованиями гигиены и формально не могут нанести вреда здоровью. Однако в камере нет никакой духовной пищи. Голые серые каменные стены, узкая полоска земли, где можно подышать свежим воздухом. Вокруг тюрьмы прекрасная природа, но скрытая от глаз заключенного. Чего не хватает телу человека? Есть защита от непогоды, свежий воздух, удобная кровать и полноценное питание. Заключенный отдыхает вдоволь. Он ничем другим не занят. Идеальные условия для того, кто хочет бездельничать и вести растительный образ жизни. Но человек в камере не слышит никаких звуков, человеческих голосов, не видит ярких красок, до него не доходят новости из большого мира. Одиноким, душевно опустошенным. Время тянется бесконечно, дни, недели, месяцы, годы... Опыт показал, что несчастные не живут долго. Сходят с ума и умирают. Если бы заключенный был растением, он жил бы прекрасно. Но человеку нужно иное. Душевная пустота смертельна даже для закоренелого преступника. Так мы устроены. Плоть умирает без духовной пищи, как дуб высохнет без удобрений в почве и кислорода в воздухе. Это медленная и мучительная смерть. Умереть от голода через девять дней, как граф Уголин, страшнее, чем сгореть на костре за полчаса, как Джордано Бруно. Но умереть от духовного голода за неопределенное количество лет — это высшая жестокость. А что произойдет с ребенком, если даже грубый сильный преступник погибает от пустоты души?

Что произойдет с ребенком, если мы не примем во внимание потребности его внутренней жизни? Его тело хрупко, кости еще мягкие, мускулы слабенькие. Он действительно нуждается в пище и кислороде, но также и в радости.

Взгляд на современное образование. Правила воспитания и обучения

Взрослые отправляют детей в игровые комнаты, запрещая делать то, что действительно способно их развивать. В то же время в области морали требуют, чтобы дети им подражали. «Делай, как я». Ребенок в представлении взрослых взрослеет, не развиваясь, а подражая. Словно отец говорит сыну: «Смотри, какой я большой. К вечеру, когда вернусь с работы, ты должен подрасти еще на 15 сантиметров».

Воспитание упрощено до предела. Ребенку читают героическую историю и приказывают: «Будь героем». Ему рассказывают о хорошем поступке и советуют: «Будь добродетельным». Ему указывают на необыкновенную личность и требуют: «Стань великим», — думая, что наставили малыша на путь истинный.

Если дети демонстрируют агрессивность, недоброжелательность их убеждают, что у них все есть, они должны быть счастливы, имея родителей. А в заключение добавляют: «Дети, будьте счастливы. Ребенок должен всегда радоваться». Вот так удовлетворяются внутренние потребности детей. Взрослые формируют характер и душу ребенка, как когда-то выпрямляли ему ножки, стягивая их пеленками.

Иногда строптивые дети демонстрируют бессмысленность такого воспитания. В этом случае им читаются рассказы о бесчестности подобной неблагодарности, об опасностях непослушания, об уродстве гнева. Почему-то истории о губительной слепоте и о невозможности ходить в связанном состоянии не популярны.

То же и с материальными вещами... Мать говорит сыну, обреченному сидеть весь день, скорчившись за школьной партой (общество считает необходимым именно так учить детей): «Веди себя хорошо. Ты позоришь меня!» Услышит ли она когда-нибудь в ответ: «Вы мешаете мне развивать волю и характер. Я кажусь злым, потому что пытаюсь сопротивляться. Как я могу вести себя хорошо, если меня приносят в жертву?» Для кого-то эти слова прозвучат как откровение. Для кого-то как грубость. Но есть очень простой способ добиться от ребенка того, что мы хотим. Надо заставить его делать только то, что нам надо. Тогда мы приведем детей (силой, конечно) к благу, к жертве. И вот перед нами воспитанный ребенок.

Управлять ребенком, подавлять его, принуждать к послушанию — вот основа современного воспитания. Мы прибегаем к любым средствам, даже к насилию. И все только ради блага ребенка. Иначе невозможно руководить им. Именно это мы называем «воспитанием воли у детей».

Достигнув первых успехов, воспитатель выясняет, что самое трудное лично для него, а затем перекладывает эти проблемы на детские плечи, чтобы ученики согнулись под тяжестью нелегкой жизни взрослого человека. Но бывает и хуже. Взрослый заставляет ребенка делать то, на что никогда не хватило бы его собственных сил. Например, неподвижно слушать скучного лектора по три-четыре часа в день — на протяжении многих лет.

Учитель формирует менталитет ребенка. Как мы учим?

В школе то же самое. Учителю положено формировать ученика. Развитие ума ребенка — в его руках. Его долг и ответственность поистине велики! Перед ним стоит бесчисленное множество проблем, словно стена между наставником и учениками. Для начала нужно что-то придумать, чтобы привлечь внимание детей, внедрить в их сознание то, что считается необходимым. Как заставить учеников запомнить урок? Приходится осваивать психологию, особенности восприятия, механизмы формирования и присвоения идей. Затем постепенно, очень медленно переходить к более сложным материям. И все это, чтобы обучить детей.

Основательно подготовленный педагог хочет теперь развивать ум ребенка. Но это непросто. Главная трудность: ребенок должен быть согласен. Поэтому начинается обучение с воспитания. Необходимо прежде дисциплинировать класс, а уж потом силой (если не получается добровольно) заставить детей соглашаться с учителем, помогать его работе. Иначе всякое обучение стало бы невозможным, а школы ненужными.

Еще одна проблема — приходится экономить детские силы, то есть использовать их, но не транжирить. Сколько времени дать на отдых? Какова разумная продолжительность урока? Например, 45 минут занятий, потом 10 минут перемены? Но четвертый урок должен быть короче на 15 минут. Следующий — еще на 15 минут. В конце дня мы придем к пятнадцатиминутной перемене после десятиминутной работы. Как лучше расположить предметы в течение дня? Начать с математики или с диктанта? Когда дети готовы писать, в 9 или в 11 утра?

Заботы учителя этим не ограничиваются. Как писать на доске так, чтобы дети все хорошо видели? Ведь если они не разглядят надпись как следует, они не поймут материал. Как должна быть освещена эта черная доска, каков оптимальный размер белых меловых букв на ней? Все важно. Ребенок, сидящий на последней парте, принужденный всматриваться и заучивать, не должен чрезмерно напрягаться, чтобы не потерять зрение со временем.

Кто подумал о невыносимом положении учителя? Его можно сравнить с молодой женщиной, которая, ожидая первого ребенка, стала бы задавать множество вопросов. «Как я произведу на свет ребенка, если не знаю анатомии? Как устроен скелет? Нужно разобраться в строении костей. Как к ним крепятся мышцы? А сердце? Сможет ли оно без усталости биться всю жизнь до самой смерти?» Или сказала бы о новорожденном: «Он ведь не сможет ходить,

пока не усвоит законы равновесия. Если будет сам разбираться, годам к двадцати справится, не раньше. Я буду учить его с первых дней, чтобы малыш пошел как можно раньше».

Это напоминает учителя, формирующего ум ребенка. Ученик развивается настолько, насколько его развивает педагог. То есть дети Должны знать все то, чему их учат, и не понимать ничего, кроме того, что положено понять.

Вот инспектор приезжает в школу и опрашивает детей. Если он доволен их ответами, то обращается к учителю со словами восхищения. Ведь знания учеников, несомненно, его заслуга. А уж дисциплина, привычка класса слушать — это точно его рук дело. Бог присутствует в школе в виде распятия на стене, но творец здесь — учитель.

Педагог владеет различными методиками осуществления своей нечеловеческой цели. Советы психологов, дидактов, физиологов помогают правильно обустроить кабинет, сочинить программы, распределить часы...

Давайте посмотрим на урок по нашей методике глазами психолога. Так мы сможем увидеть последовательность психических процессов возникающих в ребенке. Мы увидим, как, упражняясь, ученик не только учится чему-то, но действительно развивает свой ум, причем сам.

Урок вещей

Развитие сенсорики и восприятия: свеча

На вид. Большая, белая.

На ощупь. Гладкая, маслянистая.

Части свечи. Фитиль, оболочка; границы, верх, низ, середина. Наша свеча из воска, смешанного со стеарином. Стеарин делают из бычьего или бараньего жира. Есть восковые свечи. Они желтоватые и менее маслянистые на ощупь. Воск делают пчелы. Бывают и сальные свечи, очень маслянистые и отвратительно пахнущие при горении.

Память. Видели ли вы когда-нибудь свечной завод? А улей? Из чего сделаны пчелиные соты? Когда зажигают свечи? Баловались ли вы когда-нибудь с горящей свечой? Ничего страшного не случилось в результате?

Воображение. Нарисуйте на доске контур свечи.

Сравнение, ассоциация, абстракция. Сходство и различие между свечами стеариновыми, восковыми, сальными.

Рассуждение. Свечи полезны? Они были нужнее в старину или сейчас, когда есть электричество?

Чувство. До чего интересно увидеть, как делают те самые свечи, которыми все пользуются! Когда мы можем удовлетворить свою любознательность, мы счастливы.

Воля. Что мы могли бы сделать с животным жиром, если бы не умели изготавливать стеарин? А с воском? Человек умеет трудиться и превращать разные материалы в полезные вещи. Труд — это наша жизнь. Благословение труженикам. Давайте и мы полюбим труд и будем отдаваться ему всей душой.

Замечено, что дети очень спокойно выслушивают подобные объяснения. Аналогично могут быть организованы любые уроки, в том числе нравственные.

Воспитание, основанное на рассмотрении фактов

(Следует отметить, что все истории выдуманы или услышаны от кого-то)

Вежливое поведение.

— Скажи, малышка, правда ли, что местная церковь далеко отсюда, более километра? Меня туда послала мама. Я думал, что уже пришел и радовался. Я иду издалека и очень

устал.

– Тебе еще полтора километра до церкви, — ответила девочка с порога своего дома. — Входи в калитку. Я покажу короткую дорогу через поле, и ты доберешься за пять минут.

Какая вежливая девочка!

Причинно-следственная связь . Маленькая девочка поступила очень мило по отношению к прохожему. Он теперь быстро доберется до церкви, не устанет, у него на сердце легко.

А вы всегда любезны с друзьями? Охотно ли отзываемся на их просьбы? Благодарите ли того, кто помог вам?

Сравнение, ассоциация, абстракция . Сравните вежливого и грубого ребенка.

Рассуждение . Почему важно быть вежливым со всеми? Достаточно ли быть услужливым?

Чувство . У вежливого человека душа нежная и добрая. Как все любят его! Грубый человек скандалит из-за пустяков. Его не любят и боятся. Вежливый человек демонстрирует уважение к ближнему.

Воля . Дети, привыкайте быть вежливыми со всеми. Вы должны быть вежливы, когда помогаете кому-нибудь. Иначе услуга превратится в оскорбление. Если вам что-то надо и вы просите надменно, то, скорее, получите в ответ отказ. А вот отказать в вежливой просьбе гораздо труднее.

Как интереснее следить за уроком, тесно связанным с практической жизнью, воспринимаемым как некая модель, предложенная учителем. Я вспоминаю один урок, получивший премию на конкурсе в Италии. Темой этого урока было сенсорное восприятие.

Максима: вещи — наши первые и лучшие учителя

Я ставлю себе задачу: дать восприятие идеи холода по сравнению с идеей тепла.

(И достаточно! Идеи не конфеты, которые можно глотать одну за другой. Это высшие психические явления, очень сложные, усваивающиеся не вдруг.)

Еще одна цель: развить чувство сострадания и жалости к несчастным, которым зима причиняет столько бед. Я уже не раз пыталась пробудить это чувство в учениках. (Все вышесказанное — только для меня, все дальнейшее — для детей.)

– Дети, как нам хорошо здесь! Все чисто, все на своих местах. Я люблю вас, и вы любите меня... Не так ли?

– Я да! Я да! (Поправляю: я тоже.)

– Скажи мне, Гино, тебе холодно? Вот ты сказал: нет. Чудесно! На самом деле, нам здесь так хорошо. Здесь в углу есть одна вещь, которая дает нам столько...

– Тепла! Это печка!

– Но снаружи до самого горизонта (детям уже знакомо это слово) нет печки, нет тепла...

– Там холодно! (Ответ ясный, благодаря противопоставлению.)

– Сегодня ночью, пока мы спали, а ваши мамы, возможно, штопали вам одежду (наши дорогие мамы, как они добры!), сегодня ночью тихо-тихо падали с неба белые хлопья...

– Снег! Снег!

– Говорят: хлопья снега. Снег — это так красиво! Пойдем посмотрим на него?

– Да! Да!

– Но снег так хорош, что захочется взять чуть-чуть для себя. Это можно? Снег чей? (Я не получаю ответа.) Кто его купил? Кто сделал? Вы? Нет. Я? Нет. Мама, папа? (Дети смотрят на меня пораженные. Я задаю такие странные вопросы.) Значит, снег общий. Если так, можно взять горсточку? (Очевидные знаки радости.) Я вам сейчас раздам (у детей нет парт, куда бы они могли складывать свои работы) коробочки, которые вы сделали вчера (самое верное средство продемонстрировать полезность труда). В них можно положить чудесный

снег.

Двигаясь, я продолжаю говорить, чтобы внимание детей не рассеивалось.

– Я тоже беру коробочку. Я делала ее с вами вчера. Она больше ваших. Куда влезет больше снега: в мою или в ваши?

– В вашу!

– Итак, чудесный белый комочек поместится в ваших коробочках. Замечательно! (уходя) Подождите минутку! Как нам хорошо здесь! Коснитесь рукой своего лица. Щека теплая и рука теплая. Посмотрим, останутся ли руки теплыми после того, как мы потрогаем снег.

– Они станут холодными!

– Конечно! (выходя) Как красиво! Снег падает с небес. Небо дарит земле одежду совсем...

– Белую!

В этот момент мои ученики, привыкшие к разумной свободе, важнейшему условию формирования их характеров, трогают снег, собирают его. Некоторые рисуют что-то на снегу. Я не мешаю им некоторое время, а затем привлекаю их внимание.

– Дети, я тоже хочу взять немного снега, только одновременно со всеми вами. Подождите... Посмотрите на меня... Берем маленький кусочек большого белого одеяния. Кладем в коробочку. Сделано! (возвращаясь в класс) Как холодно! Детям, плохо одетым, еще холоднее. Бедные! А те, у кого дома нет этой штуки, полной горящих углей...

– Печки!

– Как им холодно! Быстро! Рассаживайтесь! Поставьте коробочки на стол. Какой холодный снег! Вы почувствовали, какие от него стали холодные руки? А недавно были теплыми.

– У меня холодные руки! И у меня!

– Я видела во дворе, Каролина взяла комочек снега, а потом вдруг бросила его. У нее не хватило сил терпеть такой холод. Но она попробовала еще раз, и у нее получилось.

– И я положил ее (поправляю: его) в коробочку.

– Дети, очень сильный холод, такой, как от снега, называется мороз. Скажи, Гвидо, как это называется? А ты, Жанетта? А снег, очень холодный, как называется, кто угадает?

– Замерзший!

– Скажи: снег замерзший. Мы вернулись, потому что на улице мороз. А внутри...

– Тепло!

– Мы принесли с собой замерзшую вещь, которая называется...

– Снег!

– А что нам дает печка? Вы помните?

– Тепло!

– Хочешь сказать, Мария? А ты, Пеппино? Знайте, что рот тоже дает тепло. Откройте рот. Не слишком широко. Поставьте ладонь перед губами, правую... Выдохните, как я... еще раз... дышите... Подуйте еще на ладонь... Хорошо! Почувствовали, что рот тоже дает немного...

– Тепла!

– Давайте попробуем положить в рот немного снега. Чуть-чуть. Тепло исчезло. Исчезло от прикосновения замерзшего снега.

– Теперь рот холодный.

– Верно! Очень холодный! А сильный холод называется...

– Мороз!

– Может Жозеф не знает? Он ничего не сказал мне, как другие. Скажите еще раз, чтобы Жозеф мог сказать вместе со всеми. Еще раз... Довольно! Молодец, Жозеф! Итак, ваш рот стал...

– Замерзшим!

– Давайте съедим еще один крошечный комочек снега. Во рту снег становится водой, потому что он весь из воды. Хлеб тоже сделан из воды, но не только... Сможет ли пекарь

замесить тесто для хлеба без...

– Муки!

– А еще что нужно?

– Соль!

– А еще?

– Дрожжи!

– Я вижу, что Луи опять ест снег. И Пьер, и Альфонс... Всем нравится снег?

– Да!

– Однако не ешьте его слишком много. Вы можете заболеть. Снег такой замерзший! (Я повторяю это слово, потому что оно выражает идею, которую я хочу преподать.) Когда идет снег, очень холодно. Подумайте, у многих детей и взрослых, у которых нет ни теплой одежды, ни печки в доме. Они бедны и очень страдают. Некоторые даже умирают. Бедные люди! Мы-то счастливы. У нас столько возможностей (детям уже знакомо это слово) согреться. Печка дома и в школе... Какое счастье!

– А у меня нет печки дома.

– Я знаю. И у тебя нет, Эмиль. Меня это огорчает. Дети, любите Жозефину и Эмиля, даже больше, чем других ребят, потому что они...

– Бедные.

– Вы съели весь снег? — Нет!

– Тогда пойдем во двор и выбросим остальной снег. Затем поставим коробочки на этот стол, чтобы они просохли. А завтра я покажу вам чудесную гравюру, где нарисован снегопад.

Все в природе физической и духовной едино, тесно связано. И серьезный толчок развитию личности может дать отдельная образовательная ситуация, потому что нельзя разъединить то, что соединено святым вечным законом.

На этом уроке мы хотели, чтобы дети поработали только с двумя ощущениями: холода и тепла. И мы предоставили ученикам почти полную свободу, правда, свободу продуманную.

На самом деле очень трудно дать представление только о двух ощущениях. Ведь мы находимся в мире, перенасыщенном всевозможными раздражителями, переполненном образами, предметами. Если поставить перед собой такую цель, надо попытаться по мере сил исключить все остальные раздражители, кроме тех двух, о которых идет речь, и сосредоточить именно на них внимание учеников так, чтобы в их сознании все остальные образы остались в тени.

Вот один из способов, которым мы пользуемся на наших уроках сенсорики. Та же идея тепла и холода.

Ребенка сначала надо приготовить, как бы отключив его чувства. Им завязывают глаза, усаживают в тихом месте, чтобы он сосредоточился именно на термическом ощущении. Перед ребенком лежат два одинаковых на ощупь предмета: одинакового размера, веса, формы, упругости. Например, две одинаковые резиновые грелочки, наполненные одинаковым количеством воды и совершенно сухие снаружи. Единственная разница заключается в температуре воды, налитой в грелки. В одной, скажем, это 60-градусная вода, в другой 10-градусная. Сосредоточив внимание ребенка на объектах, мы кладем его руки сначала на теплую грелку, потом на холодную (глаза ученика Завязаны). Кладя руку ребенка на теплую грелку, мы произносим: «Тепло». Мы произносим: «Холодно». Урок окончен!

На уроке было произнесено только два слова, им предшествовали долгие приготовления, чтобы у ребенка по возможности не возникло никаких иных связей с этими словами, кроме соответствующих ощущений. На все остальные органы чувств детей (зрение, слух) не действовали никакие раздражители, между предметами на уроке не было никакой разницы, кроме температуры. Только так мы можем до некоторой степени сформировать представление о двух противоположных ощущениях.

Вы скажете: «А как же детская свобода?»

Что ж, мы признаем, что любой урок ограничивает свободу ребенка, и поэтому наш

урок длился несколько секунд, время, необходимое для внятного произнесения двух слов: «Тепло. Холодно». Но под влиянием приготовлений, которые прежде всего изолировали органы чувств детей, их сознание словно затемнилось, и на этом фоне, как на экране волшебного фонаря, возникли только два образа. Так ребенок получает психологический опыт. В ситуации свободного успешного выбора, в повторении упражнений, как и в успешной спонтанной созидательной деятельности, ребенку можно предоставить свободу. Это для него больше, чем урок, ибо он получает целенаправленный опыт контакта с внешним миром. Именно научная целенаправленность придает опыту особое значение, отличая его от спонтанного опыта, постоянно получаемого из окружающей среды. Многообразный спонтанный опыт создает хаос. Целенаправленность приобщает ребенка к порядку. Благодаря технике изоляции органов чувств, он начинает отличать одну вещь от другой.

Наши уроки основаны на принципах экспериментальной психологии, существенно отличающейся от спекулятивной психологии прошлого, на которой до сих пор строится методика преподавания в современной школе.

Герbart, воспользовавшись положениями философской психологии своего времени, разработал систему педагогических правил. Из личного опыта он вывел якобы универсальную методику развития интеллекта и на ее основе сформулировал психологические принципы методики обучения.

Немецкая система, которая (усилиями Кредаро, профессора педагогики Римского университета, затем министра образования) должна была реформировать начальное образование Италии, дает единую схему урока, состоящую из четырех этапов: осознание, ассоциация (выстраивание связей), классификация, практическое применение (метод).

Поясним, что имеется в виду. Представление объекта и его исследование — осознание. Логические рассуждения и сравнение с другими объектами окружающей среды или мыслительными образами — ассоциация. Определение объекта, основанное на предыдущих рассуждениях, — классификация. Новые принципы, которые возникают из новой идеи и могут быть применены на практике, — метод.

Учитель должен привести детскую мысль к определенным выводам, не подменяя при этом детские рассуждения своими. Заставить ребенка размышлять самостоятельно. Так, например, на этапе выстраивания связей учитель не должен говорить: «Посмотрите на тот или иной предмет, насколько он похож на другой...» Педагог должен спросить учеников: «Что вы видите? Нет ли здесь чего-нибудь, похожего на...» То же и с определениями. Учитель не скажет: «Птица — это позвоночное животное, покрытое перьями, две конечности которого превратились в крылья». Наводящими вопросами, подсказками, уточнениями он заставляет детей самостоятельно сформулировать то же самое определение. Для эффективной работы схемы Гербарта нужно, чтобы ребята были заинтересованы в данной теме. Только интерес позволит запомнить информацию, или, как гласит педагогическая наука, укоренить в сознании ребенка идею и включить ее в систему других идей. Значит, необходимо возбуждать и поддерживать интерес детей в течение всего обучения. Поэтому последователи Гербарта добавляют к четырем этапам еще один — первый: возбуждение интереса. Он соединяет новое знание со старым, идя от знакомого к неизвестному. Ведь совершенно новое не возбуждает интереса.

Заинтересовать, то есть стать интересным для того, кто нами не интересовался, — трудная задача. Но удерживать интерес час за часом, годами, и не одного, а многих людей, не имеющих с нами ничего общего, отличающихся даже по возрасту, — невыполнимо. Однако именно это — задача учителя, или, как принято говорить, его искусство. Разумеется, если он хочет, чтобы собрание малышей, вынужденных сохранять неподвижность по соображениям дисциплины, следило за его рассуждениями, понимало его слова и запоминало. Мышление — интимный процесс, который невозможно контролировать, как позу ученика, сидящего за партой. Но педагогу приходится это делать, возбуждая и поддерживая детский интерес. Искусство вести урок, по словам Ардиго, в том и состоит,

чтобы знать, насколько и как удержать внимание ребенка. Самые опытные учителя никогда не утомляют свой класс чересчур, чтобы внимание детей не ослабевало.

Еще сложнее, стимулируя собственные рассуждения ребенка, привести его не туда, куда он сам может прийти, а туда, куда надо учителю. Не говоря прямо о своих намерениях. Подталкивая детей к якобы спонтанным ассоциациям, на самом деле придуманным педагогом, заставить учеников слово в слово сформулировать то определение, которое взрослый уже знает, но не признается в этом. Многие до сих пор считают подобные фокусы или магию искусством педагога.

Когда Лев Толстой в 1862 году изучал школы Германии, он был поражен подобной системой и описал в своих педагогических заметках один такой урок.

Ясная Поляна, 1862 год

Смело, самоуверенно он (учитель) садится в классе, инструменты готовы: дощечки с буквами, доска с планочками и книжка с изображением рыбы. Учитель оглядывает своих учеников и уже знает все, что они должны понимать; знает, из чего состоит их душа и много еще другого, чему он научен в семинарии.

Он открывает книгу и показывает рыбу. «Что это такое, милые дети?» Это, извольте видеть, наглядное обучение. Бедные дети обрадуются на эту рыбу, ежели до них уже не дошли слухи из других школ и от старших братьев, каким соком достается эта рыба, как морально ломают и мучают их за эту рыбу. Как бы то ни было, они скажут: «Это рыба». — «Нет», — отвечает учитель. (Все, что я рассказываю, есть не выдумка, не сатира, а повторение тех фактов, которые я без исключения видел во всех лучших школах Германии и тех школах Англии, где успели заимствовать эту прекрасную и лучшую методу.) «Нет, — говорит учитель. — Что вы видите?» Дети молчат. Не забудьте, что они обязаны сидеть чинно, каждый на своем месте и не шевелиться. «Что же вы видите?» — «Книжку», — говорит самый глупый. Все умные уже передумали в это время тысячу раз, что они видят, и чутьем знают, что им не угадать того, чего требует учитель, и что надо сказать, что рыба не рыба, а что-то такое, чего они не умеют назвать. «Да, да, — говорит с радостью учитель, — очень хорошо, книга». Умные осмеливаются, глупый сам не знает, за что его хвалят. «А в книге что?» — говорит учитель. Самый бойкий и умный догадывается и с гордою радостью говорит: «Буквы». — «Нет, нет, совсем нет, — даже с печалью отвечает учитель, — надо думать о том, что говоришь». Опять все умные в унынии молчат и даже не ищут, а думают о том, какие очки у учителя, зачем он не снимет их, а смотрит через них и т. п. «Так что же в книге?» Все молчат. «Что вот здесь?» Он указывает на рыбу. «Рыба», — говорит смельчак. «Да, рыба, но ведь не живая рыба?» — «Нет, не живая». — «Очень хорошо. А мертвая?» — «Нет». — «Прекрасно. Какая же это рыба?» — «Картина». — «Так, прекрасно». Все повторяют: это картина, и думают, что кончено. Нет, надо сказать еще, что это картина, изображающая рыбу. И точно таким же путем добивается учитель, чтобы ученики сказали, что это есть картина, изображающая рыбу. Он воображает, что ученики рассуждают, и никак не догадывается, что ежели ему велено заставлять учеников говорить, что это есть картина, изображающая рыбу, или самому так хочется, то гораздо бы проще было заставить их откровенно выучить наизусть это мудрое изречение.

(Л. Толстой «О методах обучения грамоте»)

Наряду с этим древним уроком, увиденным Толстым в немецкой начальной школе, можно описать урок, предлагаемый известным педагогом, французским философом, чьи тесты стали классическими во французских и зарубежных школах, в том числе в итальянских. Речь идет о, как сказано на обложке книги, «Уроках, предназначенных для подготовки педагогов и граждан, сознающих свои обязанности, полезных семье, родине и человечеству». Предлагаемый урок — практическое применение принципа проводить

занятия, задавая вопросы (сократический метод). Тема нравственная: право.

– Скажите, дети, путали вы когда-нибудь вашего друга Поля с этим столом или деревом?

– Нет!

– Почему?

– Стол неживой и ничего не чувствует. Поля живой, у него есть чувства.

– Хорошо, если вы ударите стол, он ничего не почувствует, вы не причините ему вреда.

Но имеете ли вы право сломать стол?

– Нет, это значило бы разрушить чужое имущество.

– Что уважаете вы в этом столе? Бесчувственное дерево или чужую собственность?

– Чужую собственность.

– Имеете ли вы право ударить Поля?

– Нет, мы причиним ему зло, ему будет больно.

– Что уважаете вы в нем? Чужую собственность или самого Поля?

– Самого Поля.

– Значит, вы не имеете права ни бить его, ни запирасть, ни лишать пищи?

– Нет, иначе нас арестуют жандармы.

– А! Вы боитесь жандармов? Только ли из страха вы не причините вреда Полю?

– Нет, господин учитель. Мы любим Поля, мы не хотим, чтобы ему было больно, мы не имеем права причинять ему вред.

– Значит, вы думаете, что в Поле нужно уважать его жизнь, его чувства, потому что жизнь и чувства необходимо уважать?

– Да, господин учитель.

– Только ли это можно уважать в Поле? Подумайте хорошенько.

– Его книги, его рубашку, ранец, бутерброды, которые там лежат?

– Достаточно. Что вы хотите сказать?

– Мы не имеем права рвать его книжки, пачкать рубашку, отнимать ранец и бутерброды.

– Почему?

– Потому что все эти вещи принадлежат Полю. Нельзя отбирать чужую собственность.

– Как называется действие, заключающееся в изымании чужой собственности?

– Воровство.

– Почему воровство запрещено?

– Потому что посадят в тюрьму.

– Опять страх перед жандармами? Поэтому нельзя воровать?

– Чужую собственность нужно уважать, как ее хозяина.

– Превосходно! Собственность — это продолжение человека и должна уважаться, как и он.

– А что еще вы уважаете в Поле, кроме его тела, его книг и тетрадей?... Ничего не находите?... Ничего?... Я укажу вам направление: Поля — старательный ученик, искренний, услужливый товарищ. Вы все его любите и цените. Как назвать уважение, которое мы к нему испытываем, наше доброе мнение о нем?

– Честь... Репутация...

– Хорошо, эту честь, репутацию Поля заслужил, завоевал своим хорошим поведением, манерами. Это тоже принадлежит ему.

– Да, господин учитель, мы не имеем права их отбирать.

– Замечательно! Как называется кража чести, репутации? Но прежде — как их можно украсть? Разве это вещь, которую легко положить в карман?

– Нет, но можно сказать о Поле что-то плохое.

– Например?

– Что он ударил друга... что он украл яблоки в соседском саду... что он нагрубил кому-то...

- Неужели, говоря подобные вещи, вы украдете честь Поля?
  - Люди поверят в нашу ложь, будут плохо думать о Поле, его высекут, отругают, посадят в карцер.
  - Хорошо ли рассказать такое про Поля, если он не совершал ничего подобного?
  - Нет, господин учитель, Полю будет плохо, это злой и дикий поступок.
  - Именно так, дети, ложь, желание очернить человека — злой, дикий поступок, он называется клеветой. Я вам позже объясню, что люди называют злословием, если кто-то рассказывает о других неприятные вещи, которые произошли на самом деле. Я вам покажу ужасные последствия клеветы и злословия. Давайте подведем итоги сегодняшнего урока. Полю — живое существо, наделенное чувствами. Мы не имеем права причинять ему боль, обкрадывать, клеветать на него. Мы должны его уважать. Все, что мы уважаем в Поле, называется его правами и делает его существом моральным. А необходимость уважать права называется долгом. Справедливостью называют долг, необходимость уважать права других. Справедливость — по-латыни юриспруденция. Это слово происходит от латинского выражения соблюдение прав. К чему же сводится наш справедливый долг? Мы называли эти вещи.
  - Не бить... не причинять боли... не воровать... не клеветать.
  - Обратите внимание, вы все время говорите частицу «не», а следом начальную форму глагола. Что значит подобная конструкция?
  - Обязанность... приказ... запрет.
  - Хорошо, объясните: обязанность уважать, приказ соблюдать права, запрет их ущемлять — к чему это сводится?
  - Не делать зла.
- (F. Alengry «L'Educazione sulle basi dellapsicologia delta morale»)*

Наука приходит в школу

Науку пригласили в школу, как в хаос, где необходимо отделить свет от тьмы. Как в разрушенную страну, которая нуждается в немедленной помощи.

Медицинские открытия. Уродство и болезнь

Первая наука, проникшая в школу, — медицина. Она установила особый режим, подобие службы Красного Креста. Самая интересная часть этого режима — открытие и описание школьных болезней, то есть тех заболеваний, которые возникли именно по вине школьного обучения. На первом месте — сколиоз и миопия. Сколиоз — следствие долгого пребывания ребенка в сидячем положении, с опущенными плечами и головой — поза пишущего. Миопия связана с недостаточным освещением того места, где сидит ученик, или его чрезмерной удаленностью от доски, на которой пишется все самое важное. Длительное напряжение глаз приводит к близорукости. Остальные болезни, менее серьезные, тоже описаны. Ввиду общего ослабления организма медики советуют, как панацею, бесплатно раздавать школьникам рыбий жир или иные укрепляющие средства. Анемия, болезни печени, неврастения — все это школьные заболевания.

Для гигиенистов открылось новое поле деятельности. Процесс обучения чтению и письму изучили самым скрупулезным образом с точки зрения условий искривления позвоночного столба и ослабления глазных мышц.

Но никто не подумал о самом ребенке, об этой жертве непосильной работы. Да, медицина диагностирует болезни, констатирует смерть жертв в доме сирот, жертв искусственного или нерационального питания. Это медицина установила причины происходящего: отсутствие гражданских прав у детей. Но сегодня именно закон вынуждает

детей тяжело трудиться в течение многих лет, подвергая тела пыткам. Если медицина уделила внимание виновникам, то почему не обратит его на невинных?

Наука не защищает детей

Медицина ограничивается лечением возникших болезней, не беря на себя роль защитницы жизни. Сражаясь с микробами, она одержала прекрасную победу над смертью. Если бы она так же боролась с истощением молодежи, то заслужила бы славу покровительницы будущих поколений. Вместо этого она создала отдельную отрасль: школьную гигиену, став жертвой социальной ошибки.

Откроем труд школьного гигиениста. Он лишь подытоживает общие идеи:

«Мы укажем основные причины возникновения сколиоза.

Заболевание проявляется, как правило, в конце второго периода детства, откуда и название — подростковый сколиоз. Рахитичный сколиоз, свойственный раннему детскому возрасту, встречается гораздо реже и меньше нас интересует.

Наиболее частая причина, которая должна привлечь самое пристальное наше внимание, неправильная поза, принимаемая большинством учеников при выполнении школьных заданий. Эта причина столь характерна, что сколиоз можно считать профессиональным заболеванием школьников. Доктор Ле Жандр сказал однажды, быть может, слишком сурово, но, увы, справедливо, что школа — завод по производству слепцов и горбунов.

Миопия возникает из-за условий, в которых дети оказываются в школе: недостаточная освещенность, слишком мелкий шрифт, частое использование черной доски, на которой учитель пишет, не заботясь о величине букв. А ведь ученик должен их увидеть с весьма далекого расстояния. Все это утомляет глаза. Острота зрения, говорит доктор Лепринс, стремительно падает, если освещение ниже определенного уровня. Ученик, работающий при недостаточном освещении, помогает себе тем, что увеличивает угол рассматривания объекта, приближая объект к себе.

При низкой остроте зрения увеличивается время на разглядывание каждой буквы. Таким образом, недостаточное освещение замедляет работу, и острота зрения не увеличивается за счет приближения объекта.

Миопия — это приспособление организма к нездоровым условиям работы, позволяющее трудиться быстрее».

(Бруардель и Мосни «Школьная гигиена». Париж, 1914)

Вроде бы решение напрашивается само собой: пусть ребенок найдет себе место более освещенное. Если доска далеко от него, пусть подойдет. Совершенно невинные вещи: возможность пересаживаться, передвигаться по классу. Кто запретит эти мелочи, спасающие от слепоты? Так легко сделать, чтобы ребенок, устав сидеть, мог встать, устав от писанины, мог отдохнуть. Тогда и кости не искривятся. Кого не взволнует вид малютки, которому калечат позвоночник за партой, как в средние века ломали ноги в испанском сапоге. Ради чего все эти немыслимые страдания? Да просто человек пытается занять место Бога, пытаясь формировать сознание ребенка по собственному образу и подобию.

Давайте назовем лекарство, которым так называемая наука пытается уберечь детей от сколиоза. Она точно определила рабочую позу, в ней ребенок может находиться долго без вреда для здоровья.

«Ученик, сидящий за партой, должен прочно опираться ногами о пол или специальную скамеечку, достаточно широкую, его голени составляют прямой угол с бедрами, а бедра располагаются под прямым углом к туловищу, не считая легкого наклона, что связано с положением скамейки и крышки парты. Спина должна быть прямая, чтобы позвоночник не искривлялся. Руки вытянуты вдоль туловища. На грудную клетку не давит передний край парты, дыхательные движения не стеснены. Обе ягодицы в равной степени прижаты к

сиденью стула, голова, чуть склоненная вперед, находится примерно на расстоянии 30 см от поверхности стола. Предплечья на две трети находятся на столе, но не опираются на него.

Чтобы соблюсти все эти требования, необходимо подобрать размеры стула и стола в соответствии с ростом ребенка и пропорциями его тела. Вот параметры, которые, по мнению Дюфестеля, нужно знать, чтобы найти ученику подходящую парту:

- 1) рост;
- 2) длину ноги от колена до стопы, при измерении ребенок сидит, стопы опираются о пол (это определяет расстояние от сиденья стула до пола или подставки для ног);
- 3) передне-задний размер грудной клетки (прибавив к нему 5 см, получим расстояние от переднего края парты до спинки стула);
- 4) длину бедра (две трети этой длины — глубина сиденья стула);
- 5) расстояние от сиденья стула до верхней точки эпигастрального угла (прибавив несколько сантиметров, получим высоту стола).

В связи с быстрым ростом детей подобные измерения необходимо производить дважды в течение учебного года, в начале каждого полугодия, и тогда менять парты ученикам».

Есть в природе такой маленький рак-отшельник. Он рождается без панциря и поэтому ищет себе раковину для жилья. Когда рачок подрастает, раковина становится тесной, он покидает ее и устраивается в другой, побольше. Рак проделывает эту операцию совершенно самостоятельно, без ученых, которые его измеряют, без учителя, который подберет ему раковину. Но ребенок, с точки зрения взрослых, гораздо глупее рака.

Невозможность удержать 40–50 детей в неподвижности в гигиенически правильной позе в течение многих часов (да и как найти скамейки, точно соответствующие меняющимся размерам учеников?) мешает практическому применению лекарства. Итак, дети остаются сутулыми, проблема нерешенной.

Оказалось, проще устроить, как в некоторых римских школах, подобие ортопедической клиники. Там создали дорогой механизм, где учеников по очереди как бы подвешивают, что напоминает метод лечения искривления позвоночника вследствие туберкулеза или рахита. Здоровые дети, словно больные, страдают от этой процедуры, зато врачи демонстрируют прекрасную статистику. Если процедуру проводить регулярно с 6 лет, она замечательно компенсирует вред, наносимый сидением в школе, и ребята будут спасены от сколиоза.

Открытие экспериментальной психологии: переутомление, нервное истощение

Если гигиенист, проникнув в школу, открыл школьный сколиоз и миопию, то психолог обнаружил переутомление, изучил школьную усталость. Он шел по стопам врачей, то есть старался облегчить страдания, и создал в науке новое направление, чье название еще не определилось. Одни называют его прикладной школьной психологией, другие — научной педагогикой.

Нужно вспомнить, что экспериментальная психология была основана в 1860 году физиком Фешнером, привыкшим исследовать вещи, не людей. Он перенес физические методы исследования на психику человека и так создал психофизику. Инструменты его были очень точны, однако разброс данных так велик, что, говоря языком математики, это нельзя объяснить погрешностями измерений, это погрешность метода. Давайте сравним с физикой. Чтобы измерить жидкость, нужен иной инструмент, чем для измерения твердых тел. Нельзя, к примеру, измерять ткань литрами, а вино метрами. Представляете, как велико должно быть различие между инструментами для измерения физических и духовных субстанций!

После психофизики усилиями Вандта возникла психофизиология. Вандт, физиолог, применил методы физиологических исследований. И сумел измерить скорость нервных реакций. В примитивных изысканиях Фешнера применялись инструменты столь точные, что могли измерить шум, издаваемый каплей воды, падающей с высоты одного метра. Вандт взял хронометр с разрешающей способностью в тысячные доли секунды. Но сознание не

подавалось самым точным приборам. Результаты всех опытов, точнее разброс цифр, показали, что ученые не смогли ничего измерить. Объект исследований ускользнул. Достаточно сказать, по подсчетам Экснера скорость прохождения нервного импульса — 8 метров, а у Блоха — 194 метра за один и тот же промежуток времени.

Несмотря на такие погрешности, демонстрирующие абсурдность исследования, экспериментальная психология разрабатывается многими учеными, претендующими на математическую точность.

Именно в недрах этой науки возникло направление, обратившее внимание на школу. Его цель — способствовать интеллектуальному развитию ребенка и вернуть силу педагогике.

Способы изучения не только психофизические или психофизиологические. Отделившись от своих предшественниц, экспериментальная психология развивается достаточно независимо. Она пользуется чисто психологическими тестами для собственных целей. Не исключаются и кабинетные исследования, измерительный инструментарий, например эстезиометр или эргограф. Им находится применение в школе.

Скажем, прочитав одну печатную страницу, вычеркивая одновременно все буквы «а» — наиболее известный тест на внимание, если учитывать время, затраченное на выполнение упражнения. Считать вслух от 1 до 100, выполняя параллельно письменно арифметические действия, — способ измерить распределение внимания, опять-таки если учитывать затраченное время и количество допущенных ошибок. Подвергнув одновременно множество людей подобным испытаниям, можно сравнивать индивидуальные уровни. Определенные диктанты, проведенные в классе с учетом времени и ошибок, служат практичным способом измерения коллективного уровня.

Эти опыты, рекомендованные психологами, не должны мешать нормальной жизни школы. Они словно довесок к повседневной работе.

Подобные опыты позволили обнаружить огромное количество ошибок и трудностей, в частности, с удержанием внимания, то есть детскую усталость.

Тревога! Прежняя педагогика занималась только тем, что дети должны делать. Наука заставила нас задуматься об опасности школы для нервной системы учеников.

Умножаются исследования, посвященные детской усталости, — ради победы над ней. Учитываются все обстоятельства: возраст, пол, уровень интеллекта, тип нервной системы, время года и суток, день недели, привычка, темп и заинтересованность, смена видов деятельности, положение тела и даже ориентация по сторонам света.

Наука перед стеной неразрешимых проблем

В итоге всех исследований — нерешенных проблем становится больше. Ученые не знают, кто устает больше, мальчики или девочки, умные дети или глупые. По поводу типа нервной системы Тиссье сказал: «Каждый устает, когда хочет». Замечено, что усталость нарастает от осени к весне. Но связано ли это с влиянием времени года или с работой школы, никто не скажет. Относительно времени суток «по-прежнему неясно, уменьшается ли утомляемость, если ребенок трудится в часы большей активности». Известно, меньше всего дети устают по понедельникам и пятницам, но и это знание недостоверно. Привычка, темп, интерес — «мы спорим, уменьшают ли эти факторы усталость или просто маскируют ее». Ответа нет. По поводу смены видов деятельности были проведены очень интересные опыты. Установили, что частая смена работы утомляет больше, чем сосредоточенность на одной задаче. Внезапное прекращение занятий также отнимает много сил. Вот пример, взятый Клапаредом из статьи Шульца. «В первый день девочки занимались арифметикой 25 минут, а потом списывали 25 минут. На второй день они выполняли ту же работу, но дольше: по 50 минут каждую часть. Результаты второго дня оказались гораздо выше». Несмотря на подобные исследования, в школе принята частая и внезапная смена видов деятельности, и

это считается научным подходом к борьбе с утомляемостью учеников.

Еще одно чрезвычайно любопытное исследование касается коэффициентов трудности различных школьных предметов, в зависимости от того, насколько они утомляют детей. Вагнер априори присвоил максимальный коэффициент, 100, самому трудному, по его мнению, предмету — математике. Остальным предметам соответственно присвоили такие коэффициенты:

Латынь — 91,
Греческий — 90,
Гимнастика — 90,
История и география — 85,
Живые языки — 82,
Естественные науки — 80,
Рисование и религия — 77.

Заметим, что метод установления коэффициентов довольно субъективен. Тем не менее можно сделать выводы.

«Было бы интересно узнать, зависит ли коэффициент трудности предмета от возраста ребенка. С одной стороны, в период, когда мозг лучше всего готов к усвоению данной науки, ей надо уделить основное место в расписании. С другой стороны, составляя расписание, нужно по возможности начинать день с наиболее трудных предметов».

(Клапаред «Психология ребенка и экспериментальная педагогика», 1912)

Вейхард выделил особый токсин усталости, а также создал антитоксин, прошедший испытания на крысах и в клинических условиях. Наблюдая динамику выработки токсина, ученый установил, что скучная работа вызывает более активное его выделение, чем интересная.

Все науки и опыты свидетельствуют об одном: ничто не может снять усталость ученика. Ясно, что внезапная резкая смена деятельности не уменьшает, а увеличивает усталость. Только приятная, интересная, радостная работа спасает от переутомления.

«Необходимость сделать обучение и воспитание увлекательным признавалась всеми педагогами, достойными этого звания (Фенелон, Руссо, Песталоцци, Герbart, Спенсер), но идея до сих пор не реализована в повседневной практике, — говорил Клапаред. — Все признают, что первая задача учителя, как и врача, не навредить. Однако это невозможно, ибо всякое школьное обучение мешает в той или иной степени нормальному развитию ребенка. Постоянной заботой учителя, следовательно, должно быть посильное уменьшение причиняемого вреда».

Слабое утешение после стольких научных исследований, мы встречаем на каждом шагу проблемы и ни одной не умеем разрешить. Однако есть и проблема всех проблем: сделать приятным и радостным место, где истязают тело, а скука отравляет кровь. Невозможно учить без вреда, но мы стараемся компенсировать нанесенный вред доставленным удовольствием. Трудная задача. Вот почему бесконечная цепь вопросов опутывает новую науку, имя которой: *ignorabimus*.

Поэтому, следуя указаниям гигиенистов и психологов, учителя сегодня стремятся устранить отдельные неприятности из целого клубка проблем. Облегчают программы, сокращают учебные часы, отменяют письменные домашние задания. Возникает новая ситуация: дети почти заброшены большую часть дня, хотя наше время требует интенсивного развития молодежи, готовой к освоению все более сложной культуры общества.

Возможно, спасение в недавно открытых антитоксинах усталости? «Подумайте, — справедливо замечает Клапаред, — сыворотка против усталости, как было бы здорово! С этой точки зрения, коэффициент трудности предметов полезнее пересмотра программ». Действительно, коэффициент, обозначающий степень выработки токсина, мог бы определять дозу антитоксина для каждого предмета. В недалеком будущем ученые советы приведут к

тому, что рядом с ортопедическим кабинетом в школе появится психохимический, где по вечерам, после процедуры исправления позвоночника, ученики получают точно рассчитанную дозу лекарства, освобождающего организм от яда скуки.

Кажется дурной шуткой? Нет. Ортопедический кабинет уже стал реальностью, значит, и химического недолго ждать осталось. Если бы свобода обеспечивалась машинами, а справедливость лекарствами, это стало бы логическим концом всех наук, выросших на подобных заблуждениях.

Настоящая экспериментальная наука, основа педагогики, освобождающей ребенка из рабства, пока не родилась, но появится непременно после многочисленных исследований, касающихся страданий истязаемых детей, как химия возникла после алхимии, а настоящая медицина — после эмпирической медицины прошлого.

Я считаю важным привести здесь мнение одного человека, который, покинув математику, обратился к биологии и экспериментальной психологии. Я говорю об английском инженере, ошибавшемся относительно своего призвания, но в последние два года посвятившем себя изучению моей методики и вернувшемся в родной университет в качестве студента факультета биологии.

«В психологии мы изучаем различные экспериментальные данные. Мы спорим о мышлении, о воображении. Честно говоря, это не проясняет проблему. Но я понимаю, что быть в курсе новейших исследований полезно. В современной психологии нет ничего, адекватного нашей методике. Ученые напоминают мне людей, которые рассматривают дерево и, замечая лишь очевидные внешние признаки: форму листьев, кроны, серьезно сообщают о своих наблюдениях на очень сложном языке, полагая, что это и есть настоящая наука. Правда, они часто путают определение с описанием. Описывая потрясающие вещи, сводят их к сухим определениям, чтобы остаться верными своей науке, в них нет вдохновения.

Они совсем не рассуждают, много читают, мыслят при помощи ментальных образов, далеких от реальности, так диаграмма, нарисованная на доске, не похожа на живой организм. Они думают, что движутся вперед, и не учат своих последователей наблюдать самостоятельно, не учат, не причиняя вреда. Напротив, они мучают учеников определениями и описаниями, такими странными и неопределенными, что молодые совсем перестают думать.

А ведь в дереве есть структура, которой они вовсе не знают. Эта структура могла бы объяснить все внешние особенности. Мелкие детали свелись бы к общим корням, их было бы легко классифицировать.

Эти люди напоминают мне античных звездочетов, которые, пока не были открыты законы движения планет, ограничивались описаниями Большой Медведицы, Рака, Козерога.

Я ненавижу строгих ученых, не признающих своего невежества, издающих толстые книги с такой важностью, словно открывают абсолютную истину. Книги, которые будут давить на сознание учеников, иссушая их, как и сами учителя. Ученики заняты только сдачей экзаменов, а не научным прогрессом, и профессора им в этом успешно помогают. Итак, мы все рабы ошибочной системы образования, которая нуждается в реформах».

Мои эксперименты

Организация психической жизни начинается с внимания

Моя экспериментальная практика работы с детьми от 3 до 6 лет посвящена исследованию потребностей детской души, по аналогии с гигиеническими требованиями ухода за телом. Считаю необходимым рассказать об одном ключевом событии, благодаря которому я и сформулировала свой метод.

В Сан-Лоренцо я впервые использовала в работе со здоровыми малышами материалы,

которые долгие годы служили для обучения больных детей. Однажды я обратила внимание на трехлетнюю девочку, совершенно погруженную в процесс складывания цилиндров. Она вынимала и снова вставляла деревянные цилиндры в нужные углубления блока и казалась столь сосредоточенной, что меня это поразило. До сих пор я не замечала в детях такого упорства. Более того, всегда была уверена, что внимание детей нестабильно, легко переключается с одной вещи на другую. Что же происходит?

Я стала внимательно наблюдать за малышкой, не отвлекая ее. Мне захотелось сосчитать, сколько раз ребенок повторит одно и то же упражнение. Поскольку девочка не собиралась бросать цилиндры, я взяла креслице, в котором она сидела, и поставила его вместе с ребенком на стол. Моя труженица при переезде схватила впопыхах свои деревяшки, затем устроила блок на ручке кресла, цилиндры сложила на коленях и продолжила прерванное занятие. Я предложила остальным детям спеть. Мы спели. Малышка не отвлекалась от коробки. Я насчитала 44 повтора, прежде чем ребенок остановился, причем сам, до этого никакие внешние раздражители ей не мешали. Девочка выглядела вполне довольной и счастливой, словно только что пробудилась от освежающего сна.

Это незабываемое впечатление стало для меня открытием. В дальнейшем подобное поведение обнаружилось и у остальных детей. Значит, подобная реакция может повторяться в определенных внешних условиях. Каждый раз, испытав состояние поляризации (концентрации) внимания, ребенок совершенно менялся: становился спокойнее, сообразительней, экспансивнее. В нем возникали психические процессы, аналогичные наиболее сложным процессам сознания, словно происходило перерождение.

Как в перенасыщенном растворе появляется точка кристаллизации, вокруг которой хаотичная масса складывается в кристалл чудесной формы, так и феномен поляризации внимания словно превращал все, что было беспорядочного в сознании ребенка, в некое внутреннее творение, проявляющееся в каждом поступке.

Я задумалась о сущности человека, который рассеянно скользит среди хаотично разбросанных вещей, пока одна особенная вещь не остановит его внимание. Человек действительно открывает самого себя и чувствует, что начинает жить.

Это духовное событие, способное перевернуть сознание взрослого, один из этапов «внутреннего становления». Это нормальное начало внутренней жизни ребенка, его развития. Это бесценный опыт, возможность дальнейшего поиска. Так душа ребенка совершает открытия.

Так возник метод, прославляющий духовную свободу.

История маленькой девочки быстро разошлась по свету и поначалу воспринималась как сказка. Однако эксперименты, произведенные в разных странах, простые и очевидные принципы духовной «гигиены» убедили скептиков.

Психическое развитие совершается при помощи внешних стимулов. Каковы они должны быть, следует определить экспериментальным путем.

Мой вклад в науку воспитания маленьких детей состоит лишь в том, что я, пользуясь экспериментальными данными, определила форму свободы, необходимой для внутреннего развития.

Невозможно было бы придумать эту свободу, если бы ребенок по своей природе не был способен к спонтанному, естественному движению, если бы в нем не было жажды усилия (желания проявить внутренние силы) и стремления обрести средства, необходимые для гармоничного роста. Чтобы развиваться в нужном направлении, ребенок, которому предоставлена свобода действий, должен найти в окружающей среде нечто, соответствующее его внутреннему порядку. Так насекомое находит нужный ему цветок. Пчела совершенно свободна, но в поисках нектара, бесценного для нее питания, она опыляет цветы. И нет ничего прекраснее в природе, чем эта связь двух существ, предназначенных самим провидением для взаимной поддержки.

Секрет свободного развития ребенка в том, что он сам находит свою духовную пищу, повинуюсь глубинному импульсу, сравнимому с тем могучим инстинктом, который

заставляет новорожденного припадать к материнской груди. Это неодолимое стремление наилучшим образом обеспечивает внутренние потребности малыша.

Стремясь удовлетворить свой инстинкт, свой внутренний голод, ребенок строит, познает себя. Так младенец, питаясь молоком матери, созидает собственное тело, осваивает естественные движения.

Итак, отныне проблема образования состоит не в поиске средств воздействия на внутренний мир детей ради формирования особых качеств, но лишь в предоставлении им необходимого питания.

Ребенок по собственной воле осуществляет достаточно сложно организованную деятельность, в процессе которой, повинаясь своему инстинкту, упражняет ум, развивает способности, столь высоко почитаемые взрослыми, но почему-то признанные чуждыми детской природе. Терпение, работоспособность, послушание, спокойствие, нежность, вежливость, искренность — эти качества мы привыкли разделять и одно за другим якобы формировать у наших учеников, не зная на самом деле, как это делается.

Ребенку необходимо, чтобы мы дали свободу его спонтанному развитию, чтобы наше несвоевременное вмешательство не остановило его мирное, спокойное движение. Так мы даем свободу младенцу, чтобы он лучше усваивал молоко и нормально рос.

Взрослые должны дожидаться проявлений внутренней жизни малыша, всплесков неожиданных и захватывающих. Умная мать, дающая младенцу пищу и отдых, следит за его развитием и ждет, пока природа заявит о себе: первый зуб, первое слово и, наконец, день, когда ребенок встанет на ножки и пойдет.

Однако, чтобы увидеть проявления психического развития, нужно подготовить определенную среду, поместив туда все необходимые средства. Вот к каким выводам привел меня опыт.

До сих пор мы говорили о детской свободе в широком смысле слова, не определяя разницу между свободой и одиночеством. Есть общее мнение: свобода не безгранична, к свободе надо готовиться, но нет точного рецепта, как организовать эту свободу — и еще нечто интуитивное, сопутствующее свободе, что мы не умеем назвать.

Именно здесь начинается новое образование.

Необходимо так подготовить среду, чтобы ребенок нашел в ней средства самообучения. Эти средства собираются не по воле случая. Их отбор — результат экспериментальных исследований, пока не осуществленных в полной мере. Слишком слаба научная база, слишком много требуется труда и времени. Нужны годы на поиск того, что по-настоящему необходимо для психического развития детей. Ведь педагоги, не заботившиеся о детской свободе, не решали проблему. Самые крупные ученые, самые опытные учителя не смогут с ходу организовать подобную среду. Причины вполне понятны. Предварительные эксперименты займут очень много времени. Нужна особая наука по разработке средств самообучения. Всякий, кто сегодня говорит о свободе ребенка в школе, обязан представлять механизм ее осуществления.

Главный критерий любого научного инструмента — точность. Линзы физиков устроены в соответствии с законами преломления света. Инструмент педагога должен соответствовать проявлениям детской психики, словно особый систематический ментальный тест. Он не может быть основан на внешних параметрах, иначе произойдет оценка лишь мгновенной психической реакции, им же спровоцированной. Настоящий педагогический инструмент представляет собой стимул, соответствующий психическим реакциям, которые сам же вызывает и поддерживает. Именно психические реакции определяют и формируют ментальный тест. Единственная психическая реакция, которая позволяет сравнивать тесты, — это длительность поляризации внимания на объекте и количество повторений действий с ним. Если стимул совпадает с индивидуальной реакцией, он служит не только для ее измерения, но и для поддержания. Значит, это стимул внутреннего развития. В такой деятельности, пробужденной и поддержанной, организм начинает внутреннюю работу по отношению к стимулу.

До сих пор среди педагогов была, скорее, распространена наука формирования личности, чем наука ее познания. Традиционная педагогика исходила из тезиса «восприимчивости» ребенка, которого следует обучать, воспитывать — при полной пассивности с его стороны. Новое научное направление исходит из представлений о личности, активной в своих реакциях, она развивается в ходе взаимодействия с определенными стимуляторами, отобранными экспериментальным путем. Новая педагогика связана с современной наукой, хотя и не основывается исключительно на данных позитивной психологии. Ее метод — это, в сущности, и есть экспериментальная наука, поскольку строится на экспериментировании, наблюдении, изучении, открытии новых явлений, их воспроизводстве и использовании.

Можно определить качество и количество внешних стимулов

Нет ничего интереснее подобных опытов. С их помощью можно очень точно определить количество и качество внешних стимулов. Например, трехлетнего ребенка ненадолго увлекут маленькие геометрические фигурки. Однако, если увеличивать постепенно их размер, мы найдем оптимальную форму, которая возбудит устойчивый интерес. С большими фигурками малыш будет заниматься долго, и эти упражнения станут фактором его развития. Мы повторяли подобные эксперименты на множестве детей и определили нужный размер фигурок.

То же самое с цветом и всеми остальными свойствами предметов. Чтобы вещь привлекала внимание, нужно точно подобрать все параметры. Они определяются по реакции ребенка. Итак, качественные характеристики предмета определяются в ходе серии экспериментов — по активности, которую они провоцируют в детях, чьи длительные упражнения с одним и тем же предметом являют собой феномен самообучения.

Среди разнообразных качеств наших материалов особого внимания заслуживает одно, поднимающее деятельность на более высокий интеллектуальный уровень, — возможность контроля ошибок.

Раз уж мы говорим о самообучении, нужно, чтобы стимул не только провоцировал деятельность, но и направлял ее. Ребенок не просто длительное время занимается с какими-то предметами, его упражнения должны быть безошибочны. Все свойства материалов определяются не только тем, насколько они привлекают внимание детей, но и тем, насколько позволяют контролировать ошибки, то есть требуют деятельности самого высокого уровня: сравнения и рассуждения. Первый материал для занятий трехлетнего ребенка — это большие блоки с наборами цилиндров разного размера, которые можно переставлять. Здесь контроль ошибок осуществляется механически: если хоть один цилиндр поставить неправильно, то весь набор в блоке не поместится. Ошибка становится препятствием в работе, преодолеть это препятствие можно, исправив ошибку. Контролировать себя здесь так легко, что ребенок, заинтересованный в решении проблемы, сам догадается, как это делать.

Мы заметили: не только конкретная задача интересуется детей, заставляет их повторять упражнение многократно, совершенствоваться. Не просто перемещение предметов увлекает малышей, но и новые умения, незаметно приобретаемые. К примеру, умение различать размеры цилиндров, чего раньше они не умели. Задача интересна, если есть возможность ошибок, неизбежных в процессе нормального развития. Любопытство, вызванное необычной задачей, — это не тот глубинный интерес, который возникает из жизненных потребностей ребенка и развивающий его личность. Если душа увлечена самой проблемой, это может нарушить гармонию внутреннего мира, как и всякое внешнее вмешательство. Я, вероятно, излишне акцентирую данный момент, но моя опора — многочисленные наблюдения и опыты.

В наборе цветных цилиндров, предназначенных для обучения визуальному различению

размеров, контроль ошибок осуществляется уже не механически, а психологически. Ребенок, умеющий визуально различать размеры, увидит ошибку. Все цилиндры, конечно, должны быть определенных цветов и размеров.

Хороший материал контролирует ошибки даже своим внешним видом, величиной, ярким цветом. Более сложный способ контроля ошибок предусмотрен в таблице Пифагора. Здесь необходимо сравнить свою работу с образцом — это требует от ученика сознательного волевого напряжения, а значит, создается ситуация осознанного самообучения. Но каковы бы ни были формы контроля ошибок (от механических до более сложных, психологических), они обязательны для всех материалов и определяются, как и прочие характеристики, по реакции ребенка, по тому, насколько долго он готов концентрировать свое внимание на предмете, сколько раз готов повторять упражнение.

Для определения качества материалов есть разные критерии. Если материалы сделаны очень точно, они провоцируют упорядоченный процесс самостоятельного тренинга, настолько соответствующий внутреннему состоянию ученика, что в какой-то момент возникает новое психологическое качество, некий высший уровень развития.

Тогда ребенок внезапно оставляет материалы — без признаков усталости, а как бы зарядившись новой энергией. Его сознание готово к абстракциям. На этом уровне он обращает внимание на внешний мир, изучает его теми способами, которые усвоил ранее. Он проводит сравнения количественные и качественные, демонстрируя истинные достижения своего образования. Этот период, известный как период «открытый», воодушевляет детей, наполняет их радостью.

Этот этап развития ведет к дальнейшим высотам. Внимание ребенка уже не должно быть обращено на предметы, поскольку начинает развиваться его абстрактное мышление. Если в этот момент педагог предложит ученику опять заняться материалами, он задержит его продвижение, воздвигнет преграды на его пути. Угаснет воодушевление ученика — для него закроется путь прогресса.

Слишком большое количество материалов также может отвлечь детей, сделать их упражнения механистичными. Не желая этого, даже не заметив ничего, мы помешаем воспитанникам испытать психологический подъем. Такая работа пуста, а в пустоте умирает душа.

Как же определить необходимое и достаточное количество материалов, отвечающее внутренним потребностям детей?

Наблюдения за проявлениями детской активности определяют это количество. Вот малыш погружен в работу с материалом, на лице выражение напряженной сосредоточенности. Вдруг, подобно самолету, завершившему свой короткий разбег по взлетной полосе, он незаметно для себя поднимается ввысь. В очевидном невнимании к предметам проявляется его истинная сущность, лицо ребенка сияет от радости. Со стороны кажется, он ничего не делает. Но лишь на мгновение. Скоро он заговорит и расскажет нам, что с ним происходит. Неудержимая активность приведет его к новым исследованиям и открытиям. Он спасен!

Посмотрим на другого ученика. В нем также проявлялись простейшие реакции, но вокруг было слишком много вещей. В момент созревания его остановили, парализовали, можно сказать, одолели земные узы. Его внимание не концентрируется на новых предметах, легко переключается, следовательно, нарастает усталость — очевидно, слабеет внутренняя активность. Ребенок становится груб, глупо насмешлив, неорганизован, постоянно требует все новых материалов и, наконец, остается в плену губительного тщеславия. У него отныне нет иных потребностей, кроме желания «разогнать тоску». Он никого не слушается, он в опасности. Если кто-нибудь не поможет бедняге, не уберет подальше бесполезные вещи и не покажет дорогу к небу, возможно, малыш сам не справится с этим.

Эти два противоположных примера показывают нам, на что следует ориентироваться, определяя количество материалов, необходимых для развития.

Излишек материалов замедляет развитие, это доказано и подтверждено всеми моими

сотрудниками. Если же материалов мало, самообучение примитивизируется и не приводит ребенка к созреванию, к абстрактному мышлению, второму повороту на бесконечной дороге самообучения.

Возможность сохранения длительного напряженного внимания, способствующего многократному повторению упражнений, вынуждает искать стимулы, соответствующие возрасту. То, что заставит трехлетнего малыша 40 раз повторить одно и то же, вряд ли подвигнет шестилетку хотя бы на 10 повторений. То, что интересно трехлетке, возможно, оставит равнодушным первоклассника. А ведь шестилетний ученик способен гораздо дольше удерживать внимание, если, конечно, материал отвечает его потребности. Трехлетние дети не повторяют упражнений более 40 раз, шестилетние могут 200 раз повторить по-настоящему увлекательное действие. Максимальная продолжительность работы с одним предметом у трехлетнего ребенка — полчаса, у шестилетнего — более двух часов.

Таким образом, материалы, например, для подготовки к обучению письму не имеют никакой ценности, если сделаны без учета возраста детей.

Моя система обучения письму строится на подготовке движений, физиологически присущих процессу написания букв. Обращение с орудием письма, контуры букв. Дети, то заштриховывая контуры рамок, то обводя пальцами шершавые буквы, закрепляют два мускульных механизма. Закрепляют так прочно, что в результате рождается «спонтанное письмо», каллиграфическое, одинаково прекрасное у всех учеников, потому что они осваивали одинаковые движения, обводя одинаковые буквы. И теперь могут точно воспроизвести освоенную форму. Чтобы действительно закрепить мускульное движение, необходимо многократное повторение упражнений. Максимальный интерес к штрихованию фигур и обведению букв мы наблюдали у детей 4–5 лет. Если дать те же материалы шестилетнему ребенку, он не станет ими заниматься, и его почерк будет гораздо хуже, чем у того, кто начал писать в подходящем возрасте. Это относится и к остальным разделам. Таким образом, можно экспериментально определить с точностью, о которой я и не мечтала, склонности детей и, предоставив им нужный материал, судить в зависимости от возраста об уровне их интеллектуального развития. Значит, можно точно определить средства развития, установить истинное соответствие между стимулами и внутренними потребностями учеников. Тот, у кого есть эти стимулы, легко сумеет поддержать естественное развитие психической жизни ребенка и создать свободную школу.

Развивающие материалы необходимы только как «начало пути»

Организуя внешнюю развивающую среду, мы должны сохранить материальный отпечаток внутреннего развития. Именно это нужно сознанию в его движении, его полете. Материальная часть не вмещает в себя печать целостного сознания. Так след ступни на песке — еще не отпечаток тела. Аэродром — это не место движения самолета, но кусочек земли, необходимый для взлета. Место отдыха, ангар, куда всегда можно вернуться.

То же и с психическим развитием. Есть необходимая материальная часть, откуда сознание начинает свое движение и где находит себе убежище, отдых, точку опоры, без которой невозможно расти и свободно развиваться. Но эта точка опоры должна воспроизводить формы сознания, вмещать их в себя, оказывая материальную поддержку духовным потребностям. Например, в первый период психической жизни ребенка материал нужен для простейших сенсорных упражнений. Его количество и качество определяются сенсорными потребностями, заложенными природой. Предметы позволяют осуществлять деятельность, достаточную для развития высших психических функций, наблюдения и абстракции. Однако ничто в этом материале не соответствует радостному и плодотворному движению сознания ребенка во внешний мир.

Развивающееся сознание нуждается в более сложных упражнениях, но все то же

простейшее свойство удержания внимания проявляется при изучении алфавита и арифметики. Интеллектуальные упражнения усложняются, чтобы установить связь между слуховым, зрительным и двигательным образом языка, устного и письменного, и чтобы перейти к изучению количества, пропорции, числа. Здесь проявляются те же феномены сознания: терпение, постоянство и одновременно — живость, активность, радость, если внутренняя энергия находит инструменты, чтобы спокойно выразить себя.

Так развивается и укрепляется сознание во внешней среде, совпадающей с внутренним устройством. Оно проявляет себя в уравновешенности, спокойствии, дисциплинированности, которые свойственны нашим детям.

Итак, для сознания ребенка материал — что-то вроде лестницы, которая помогает подниматься ступенька за ступенькой. На каждой ступени должны быть особые развивающие средства. Чтобы выполнить свое предназначение, материал должен представлять всегда в новой форме, все более сложной, способной удержать внимание детей, сделать их умы более зрелыми, пробудить усердие и терпение, сопутствующие развитию гибкости, уравновешенности психики, а также способности к абстрагированию и спонтанному творчеству.

Мы видим учеников, старательно упражняющих память, хотя нам и кажется это скучноватым. В них живет не просто потребность запоминать образы мира, но и как можно быстрее, осознанным усилием, получить знания о нем. Проявление этого феномена поражает и восхищает нас, когда мы наблюдаем заучивание таблицы умножения. Заучивание стихов или прозы не вызывает такого восхищения, хотя очень нравится многим.

Интересно наблюдать полное равнодушие ребенка к пособиям по арифметике. На определенном уровне зрелости он хочет рассуждать абстрактно, складывать и умножать абстрактные числа, словно слышит внутренний приказ, который одновременно освобождает душу и позволяет экономить время. Восьмилетние дети становятся страстными счетоводами.

Наши ученики, пользуясь предоставленной им свободой на пути самообучения, научились слышать свой внутренний голос. Как новорожденный при правильном кормлении спокойно дожидается очередного приема пищи и начинает плакать точно в момент следующей еды, так старшие дети обращаются к новым материалам, новым формам работы точно в момент таинственного внутреннего созревания. Причем делают это так уверенно, что очевидна внутренняя необходимость. Так же, ощущая физиологические потребности, они заявляют нам, что голодны, хотят пить или спать. Так ученики обращаются к книгам, грамматическим упражнениям или материалам наблюдений за природой. Их чувствительность (сенситивность) проявляется в ясно выраженном желании. Учителю остается лишь соответствовать.

Несомненно, для успешного развития таких способностей необходима внешняя среда, а учитель, ожидающий от ребенка осознанного продвижения, не может действовать случайным образом. Должен быть план, разработанный на основе предварительных экспериментов. Так мы создавали развивающую внешнюю среду.

Окружающая ребенка среда напоминает конус, вершина которого — начало психической жизни, первичный импульс, который толкает ребенка двух с половиной лет к сенсорным стимулам. Этот импульс, развиваясь, постепенно усложняется за счет растущих психических потребностей ребенка.

Следует учесть еще и природу знаний. Каждый предмет, к примеру арифметика, грамматика, геометрия, естественные науки, музыка, литература должны быть представлены материальными предметами в нашей хорошо продуманной конструкции. Но первоначальной работы, преимущественно психологической, не достаточно. Необходимо сотрудничество со специалистами в разных областях, чтобы создать набор средств, необходимых и достаточных для самообучения.

Наши материалы можно было бы сравнить с дидактическими пособиями традиционной педагогики, если бы не принципиальная разница. Дидактические материалы в обычной школе помогают учителю сделать свои объяснения понятными для всего класса, который

смирно сидит и пассивно слушает. Здесь предметы — лишь иллюстрация, случайно выбранная, без научного исследования ее соответствия психическим потребностям ребенка.

У нас, напротив, развивающие средства экспериментально определены в зависимости от психического развития учеников. Они здесь не ради передачи знаний, они средства выражения внутренней энергии. И, следовательно, предоставлены индивидуальной активности каждого ребенка. Дети выбирают то, что им хочется, их предпочтения продиктованы внутренними потребностями психического развития. Ребенок занимается выбранным предметом сколько хочет, его поведение соответствует уровню зрелости сознания, а созревание нуждается в постоянной длительной работе. Никакой руководитель, никакой педагог не смог бы угадать внутренние потребности каждого ученика и время, необходимое для его личного созревания. Только сам ребенок открывает нам эту тайну, если он свободен.

Психические явления

Давайте посмотрим, с точки зрения науки, на поведение детей, воспитанных по нашим принципам, и откажемся от традиционной школьной системы, где развитие ребенка оценивается по его учебным успехам. Мы, как настоящие натуралисты, будем наблюдать развитие всех жизненных функций. Да, мы подготовили специальные внешние условия, но понимаем, что психические проявления связаны с естественным развитием внутренней активности детей.

У нас нет прямой связи между педагогом и учениками. Обучение не является последствием их встречи. Отдельные объекты системы, подобно катализаторам, провоцируют психические реакции, которые ведут к пробуждению, формированию личности. Дисциплина, следствие внутреннего закона, — главное проявление, знак начавшейся внутренней работы.

В первые дни после открытия новой школы мы видим ужасный беспорядок, особенно если педагог еще не слишком опытен. Не всегда интерес детей к материалам возникает немедленно. Учитель растерян. Ведь ребята не бросились, как он надеялся, к полкам, выбирая что-то на свой вкус. Конечно, царит страшный беспорядок. И педагог становится своеобразным ограничителем свободы, которую должен почитать, и руководителем процесса взаимодействия учеников с материалами. Опытные преподаватели хорошо понимают, что свобода начинается только с началом особой жизни, которая постепенно будет развиваться в детях. Необходимо тактично облегчить ребятам первые дни, помочь сориентироваться.

Эксперименты в самых трудных условиях очень интересны и ясно показывают основной психологический феномен: порядок, возникающий из хаоса.

Предлагаю познакомиться с двумя разными описаниями. Одно принадлежит мисс Джордж из американской школы, второе — мадемуазель Дюфрен из Англии.

Первоначальный беспорядок впечатляюще описан мисс Джордж. «Они (дети) сначала выхватывали предметы друг у друга из рук. Если я пыталась показать конкретный материал одному ребенку, остальные, побросав все, чем занимались, бессмысленно и шумно толпились вокруг нас. Едва я завершала объяснения, ученики начинали бороться за право обладания данным материалом. Они не проявляли никакого интереса к пособиям, переходя от одного к другому, ни на чем не сосредотачиваясь. Они бесцельно носились по классу, не обращая внимания на окружающие предметы, сшибая столы, переворачивая стулья, наступая на разбросанные по полу материалы. Начинали в углу какую-то работу, тут же бежали в непонятном направлении, хватали что-то и сразу бросали, повинувшись мимолетным капризам».

Мадемуазель Дюфрен так рассказывает о своем первом опыте. «Должна признаться, что первые четыре недели были обескураживающими. Дети могли сосредоточиться на работе лишь на несколько минут. Никакого упорства, никакой инициативы. Время от

времени бегали друг за другом, как стадо ягнят. Один ребенок хватал какой-то предмет — остальные немедленно хотели то же самое. Иногда они катались по полу, переворачивая стулья».

Вот лаконичное описание опыта работы с богатыми учениками в римской школе. «Самая большая проблема — дисциплина. Дети не могут сами сориентироваться, чем бы им заняться, и не слушают учителя, пытающегося чем-то их занять».

Все независимые эксперименты показывают, как одинаково начинает зарождаться порядок. В какой-то момент ребенок всерьез увлекается одним упражнением. Не обязательно первым в системе. Наоборот, довольно сложный материал может привлечь его внимание. Важно не это. Здесь значим сам факт внутреннего движения души в ответ на некий стимул. И пока этого достаточно.

Однажды испытал глубокую заинтересованность, не важно к чему, к любому из материалов, которые мы предлагаем ему как ответ на его психические потребности, ученик теперь начнет интересоваться всем, начнет естественным образом развивать свою деятельность. Однажды возникнув, этот феномен ведет к постоянному развитию, причем совершенно самостоятельному. Этот феномен возникает не в результате постепенного продвижения, как любой процесс, связанный с внешним дозированным, систематическим воздействием, нет, это изменение носит взрывной характер, как всякая неожиданность, которая случается однажды.

Здесь можно вспомнить о физиологических кризисах, свойственных растущему организму. День за днем — у ребенка вырос первый зуб. День за днем — он сказал первое слово. День за днем — малыш сделал первый шаг. Едва вырос первый зуб, следом появятся остальные. Сказано первое слово — разовьется речь. Сделан первый шаг — человек уже не разучится ходить.

Подобные кризисы происходят и с психикой детей. Привожу отрывок из дневника мисс Джордж, где описано установление дисциплины.

«Через несколько дней бесформенная клубящаяся масса непослушных детей начинает обретать форму. Мне кажется, ребята разобрались в себе. Во многих материалах, с презрением отвергнутых в первые дни как дурацкие игрушки, они начинают открывать что-то интересное для себя. Новый интерес превращает их в независимо действующих личностей».

Вот как написала об этом мадемуазель Дюфрен. «Они становятся совершенно разными. Случается, предмет, увлекший одного ребенка, не вызывает никакого интереса у другого. Дети проявляют внимание индивидуально, независимо друг от друга. Битва выиграна, когда ученик открыл что-то, нашел один материал, сильно заинтересовавший его. Иногда этот энтузиазм возникает внезапно, на удивление стремительно.

Однажды я перепробовала с ребенком почти все материалы комплекта, не вызвав ни малейшего интереса на его лице. Случайно я достала две таблички, красную и голубую, и обратила внимание малыша на разницу в цвете. Он жадно схватил таблички и за один урок выучил пять цветов. В последующие дни он перебрал все материалы, которыми раньше пренебрегал, и постепенно научился ловко обращаться с ними.

Ребенок, который сначала едва мог сосредоточить внимание, нашел себя, в конце концов, в одном из наиболее сложных материалов, мы называем его «штанги». Он играл с ними всю неделю и научился считать, даже немного складывать. Он заинтересовался цилиндрами, рамками, самыми простыми предметами — всеми разделами комплекта.

Едва дети находят интересный для себя предмет, беспорядок тут же прекращается. Прекращается душевный разброд. И ученики занимаются — рамками, цветными табличками...»

Крайне увлекательно следить за тем, как мисс Джордж описывает особые детали, возникающие на данном этапе. Она иллюстрирует пробуждение индивидуальности прелестным эпизодом.

«Речь идет о двух сестрах, одной 3 года, другой 5 лет. Младшая не проявляла своей

индивидуальности, она во всем подражала сестре. Если старшая рисовала синим карандашом, младшая не успокаивалась, пока не получала точно такой же. Старшая ела хлеб с маслом, младшая не хотела есть ничего другого, что бы ей ни предлагали. Малышка ничем не интересовалась в школе, только ходила по пятам за сестрой, копируя каждое ее движение. Однажды младшая сестра заинтересовалась розовыми кубами, сложила свою башню с огромным удовольствием, много раз повторила это упражнение и совершенно забыла о старшей сестре. Старшая настолько удивилась, что сказала: «Смотри, я штрихую круг, а ты строишь башню!» Именно с этого дня в малышке проснулась ее индивидуальность, девочка начала развиваться самостоятельно и перестала быть копией, зеркалом своей сестры».

Факты внезапного развития качеств, которых не было у ребенка и которые внезапно появились после того, как укрепился длительный сосредоточенный интерес к работе, подтверждены множеством опытов, произведенных в самых разных местах совершенно разными людьми.

Мадемуазель Дюфрен рассказывает о четырехлетней девочке, не способной принести стакан воды, хотя бы полупустой, не опрокинув на себя все содержимое. Она и не делала ничего подобного, потому что очень хорошо знала, что не умеет. Она заинтересовалась материалами и вдруг начала ловко носить всевозможные емкости с водой. Когда ее одноклассники рисовали акварелью, она обожала приносить всем воду, не проливая ни капли.

Другой факт, заслуживающий нашего внимания, описывает австралийская учительница мисс Бартон. У нее была малышка, еще не умеющая говорить. Она лишь издавала нечленораздельные звуки. Обеспокоенные родители обратились к врачу за советом. Медик уверил их, что девочка здорова, а если пока не разговаривает, не страшно, скоро научится. Однажды ребенок обратил внимание на блоки с цилиндрами. Она долго и настойчиво ими занималась, наконец, с неослабевающим интересом повторив упражнение много раз, подбежала к педагогу и сказала: «Пойди посмотри!»

Этот факт убеждает нас, что, когда дети начинают увлекаться работой и самостоятельно развиваться, они радостны и счастливы. Психолог сказал бы: «Это усиление чувств, возникающее как следствие интеллектуальных достижений». Физиолог, произведя обследование с высокой точностью, сказал бы, что радость — это признак внутреннего роста, как увеличение веса — признак роста телесного.

Дети, кажется, чувствуют свой внутренний рост, сознают победы, завоеванные в ходе самостоятельного развития. И они выражают это своей безграничной радостью, высшим проявлением внутреннего мира. «По детям все видно, — говорит мисс Джордж, — это гордость людей, совершенно самостоятельно сотворивших нечто новое. Они скачут и бросаются мне на шею, научившись делать что-нибудь совсем простое, и говорят: «Я сам сделал, ты и не думала, что я так могу, сегодня у меня получилось лучше, чем вчера».

После таких случаев устанавливается настоящая дисциплина, именно такое поведение мы называем «уважением к чужой работе и правам других людей». Ребенок больше не отбирает материал у товарища, даже если очень хочет именно этот предмет. Он терпеливо ждет, пока материал освободится, и порой с интересом наблюдает за работой друга. Когда дисциплина установилась по всем внешним признакам, ребенок может работать независимо, чтобы развивать свою индивидуальность, но он не остается в изоляции. Напротив, между детьми царят искреннее уважение и любовь, чувства, которые скорее объединяют людей, чем разделяют. Так рождается особая дисциплина, включающая в себя чувства, неотделимые от принципа коллективизма.

Мадемуазель Дюфрен рассказывает: «После рождественских каникул в классе огромная перемена. Порядок устанавливается сам собой, без всякого моего участия. Дети слишком заняты работой, чтобы беспорядочно носиться, как это было вначале. Они сами берут в шкафу материалы, которые раньше казались им скучными. Они берут геометрические фигуры, цилиндры, начинают обводить пальчиками контуры деревянных форм, самые маленькие выбирают рамки с пуговицами или шнурками и трудятся без всяких

признаков усталости. В классе царит рабочая атмосфера. Ученики раньше хватали предметы, повинуюсь мимолетным капризам, теперь они испытывают потребность в определенном порядке, личном, внутреннем. Они концентрируются на работе, испытывая истинное удовлетворение от преодоления трудностей. Работа сразу повлияла на характеры детей. Они научились владеть собой».

Один пример особенно поразил мадемуазель Дюфрен. Мальчик четырех с половиной лет поначалу был очень нервным, возбудимым, отвлекал весь класс. У него было потрясающе богатое воображение. Если вы давали ему какой-нибудь предмет, ребенок не разглядывал форму, цвет, а сразу персонифицировал объект и перевоплощался сам, воображая себя кем-то другим. Но долго ни на чем не останавливался. Пока малыш болтал, он не мог ничего сделать как следует, даже пуговицу застегнуть. Вдруг начали происходить чудеса с мальчиком. Сначала он нашел одно любимое упражнение, потом стал работать с разными материалами, и его нервы постепенно успокоились.

Я выбрала из многих историй, описанных учителями римского Дома ребенка, две — про очень разных детей. Один пришел в школу слишком поздно, уже взрослым, уже воспитанным в иной среде. Второй был еще мал, как раз в самом подходящем возрасте для нашего Дома. Старший (пятилетний) уже успел походить в детский сад, где его много ругали за излишнюю подвижность. «В первые дни он доставил нам массу хлопот. Мальчик хотел работать, но не останавливался ни на одном занятии, говоря «это все игрушки». Он бродил по классу и всем мешал. Наконец увлекся рисованием. Хотя рисованием лучше заниматься после сенсорных упражнений, ему предоставили свободу делать по-своему. Педагоги справедливо решили, что бесполезно настаивать на формальном порядке. На самом деле ребенок миновал возраст, когда его психическим потребностям отвечали простейшие материалы, его привлекало более сложное упражнение — рисование. Раньше он безостановочно переходил от занятия к занятию, хотя все же сумел выучить буквы. Едва малыш всерьез заинтересовался работой, сразу установился порядок. Мы не знаем, в какой волшебный миг случилось превращение, но поведение ребенка улучшалось, по мере того как развивался интерес к разным занятиям. Интерес пробудился к рисованию, но затем мальчик вдруг взял штанги, затем блоки, таблички, прошел постепенно все сенсорные упражнения, которые учительница даже не пыталась предлагать ему. Он выбирал материалы как бы в обратном порядке, идя от более сложных упражнений к совсем простым.

Второй малыш, трех с половиной лет, тоже не отличался дисциплинированностью. Учителя уже отчаялись привести его в порядок. Вдруг он увлекся блоками и рамками. С этого момента он прекрасно работал и никого не отвлекал.

В нашем римском Доме ребенка для бедных, под руководством синьорины Маччерони, можно было сделать много ценных наблюдений, которые мы представили в виде графиков, чтобы как можно нагляднее показать ход событий.

Поперечная линия АВ представляет состояние отдыха. Выше ее — проявления порядка — работы, ниже — беспорядок. Когда ребенок отдыхает после первого серьезного увлечения работой, он может сохранять в себе порядок. Именно так можно увидеть наилучшие условия для работы.

Первичная кривая упорядоченной работы

Вот как она проходит. Это индивидуальный образец утренней дисциплинированной работы.

Ребенок остается в покое какое-то время, потом выбирает легкую для себя работу, в данном случае таблички для различения цветов. Он занимается этим не слишком долго и переходит к более сложному материалу, к составлению слов из подвижного алфавита, и уделяет этому довольно много времени (около получаса). Затем ученик прекращает работу и прогуливается по классу. Он выглядит несколько взволнованным и уставшим. Но через

несколько минут возвращается к занятиям, причем очень сложным, и так сосредоточенно трудится, что очевидно — он на пике активности (считает и пишет). Выполнив свою работу, ребенок с довольным видом откладывает все занятия, долго разглядывает то, что сделал, потом подходит к учителю и секретничает с ним. У него вид человека, отдыхающего после хорошо выполненной работы.

Интересно отметить появление усталости между двумя периодами работы. В этот момент ребенок неспокоен, оживлен, как в конце кривой. Он несколько взволнован, бродит по классу, но не мешает остальным. Можно сказать, он ищет большего удовлетворения своих интересов, он готовится к «большой работе».

Когда цикл завершен, ребенок освобождается от внутренней сосредоточенности, он доволен и полон сил. Он испытывает глубочайшее доверие и желание соприкоснуться с другими душами.

Аналогичный распорядок со временем устанавливается в классе в целом. Вот как синьорина Маччерони подытожила это явление.

Большая работа.

С начала занятий и почти до 10 часов ученики преимущественно выбирают знакомую легкую работу. В 10 часов — перемещения. Дети возбуждены, ничего не делают, не выбирают материалы. Впечатление, что класс устал и начинает шалить. Через несколько минут снова идеальный порядок. Ученики совершенно погружены в напряженную работу. Они выбирают новые трудные материалы. Когда труд завершен, дети радостны, милы, спокойны. Если бы в период ложной усталости, в 10 часов, неопытная учительница, приняв паузу или подготовку к большой работе за беспорядок, вмешалась, призвала детей к порядку, предложила бы им отдохнуть, тогда возбуждение усилилось бы, и следующий рабочий период не возник. Дети остались бы в ненормальном, беспокойном состоянии. Потому что их прервали в середине цикла. Они утратили бы качества, связанные с завершенной, исполненной внутренней потребностью.

Одна уникальная кривая индивидуальной упорядоченной работы не всегда повторяется в других случаях. Но она может расцениваться как некий средний образец графика работы, когда порядок достигнут. Интересно увидеть график ребенка, еще не пришедшего к порядку. Дети из бедных семей почти никогда не проявляют такого полного замешательства, как богатые. Их всегда в той или иной степени интересуют материалы. Пусть поначалу это поверхностный интерес, скорее любопытство, желание взять в руки «красивую штучку». Бедные ученики на самом деле какое-то время занимаются выбранным предметом, затем меняют его, но глубокий интерес пока не возникает. Этот период, которого может и не быть в богатом классе, — своеобразная альтернатива беспорядку. Вот его график.

Индивидуальные различия

Период, предшествующий порядку

(индивидуальная кривая ребенка из бедной семьи)

На графике отрезки пересекаются ниже линии отдыха, то есть в классе беспорядок. Только призывы учительницы успокаивают детей, если они не заняты работой. Но их работа длится недолго, кривая резко падает вниз. Однако даже на этом графике можно увидеть периоды легкой и затем сложной работы (рамки, цилиндры, таблички), а между ними — самый большой беспорядок.

Кривая работы очень бедного ребенка, почти брошенного родителями, очень непоседливого

Похоже, этот ребенок хочет учить других. Он избегает работы, бросает, едва взявшись, и не переносит прямых поучений. Если кто-нибудь пытается его чему-то научить, он корчит гримасу и убегает. Очень подвижен, мешает другим, почти неисправим, но внимательно следит за тем, как педагог учит других детей.

По направлению к порядку

Однажды войдя в работу, научившись, ребенок трудится упорно, и мы видим на графике нормальный режим, то есть первоначальная работа, пауза (ребенок возвращается ненадолго к дурной привычке мешать другим), затем линия большой работы и отдых, где снова повторяется падение линии — возвращение к прежним недостаткам.

На вершинах графика, кроме интереса к работе, педагог отметил доброжелательность. Ребенок не просто спокоен, он счастлив, нежен. На пике работы оглядывается на друзей, улыбается им, не прерывая, однако, свой напряженный труд. Говорят, полное внутреннее удовлетворение — это источник любви, возникающей из глубины души. А с виду малыш производил впечатление грубияна.

Кривая работы слабого ребенка

График состоит из многих линий, которые опускаются на линию отдыха. На графике видно, что ребенку не хватает сил. Кульминационный момент занятий следует за более легкой работой, ученик возобновляет упражнение (цвета) на краткое время после того, как главный порыв иссяк. Отдых не окончателен. Ребенок вновь берется за работу, очень легкую — цилиндры. Можно сказать, что в характере внутреннего импульса, нецельного, нерешительного, проявляется слабый характер ребенка. Он предпринимает несколько успешных усилий, но не умеет ни максимально собраться, ни решительно отдохнуть. Он спокоен, но без порыва. Он не суетлив и не безмятежен, в нем нет сильных проявлений чувств.

Движение прогресса

Когда весь класс пришел в рабочее состояние, можно наблюдать развитие внутренней активности. Нужно помнить, что развивающие материалы предоставляют возможность действий на разных уровнях сложности, от простейших упражнений на развитие чувств до освоения письма, счета, чтения. Дети свободно выбирают то, что они хотят. Но, естественно, поскольку с каждым упражнением их знакомит учитель, дети выбирают только те материалы, которые знают, как использовать. Педагог, наблюдая за классом, замечает момент, когда ребенок готов к более сложным действиям, и знакомит его с соответствующим новым упражнением. Или ребенок, понаблюдав за более опытными одноклассниками, сам выбирает новый материал.

Эти условия нужно осознать, чтобы следить за ходом прогресса.

Эти кривые представляют собой графики упорядоченной работы более высокого уровня по сравнению с предыдущими. Пауза между двумя рабочими периодами почти исчезает. Дети более уверены в себе. Они действуют целенаправленно и легче находят свое главное упражнение.

Мы все же видим по-прежнему две фазы успешной непрерывной работы. Одну можно назвать периодом вовлечения, другую — этапом «большой работы». Стадия вовлечения гораздо короче большой работы. Отдых, характеризующийся чувством облегчения,

безмятежности и покоя, наступает после того, как максимальное напряжение угасает. Если же ребенка прервать раньше, в момент нарастания рабочего напряжения, он будет выглядеть усталым, или возбужденным, или рассеянным.

На первом графике вовлечение состоит из двух простых упражнений, которые длятся недолго и от которых ребенок непосредственно переходит к большой работе. В конце — отдых, наполненный размышлениями. Ученик закончил работу, но долго в молчании созерцает результаты труда, прежде чем положить материалы на место. Или, рассмотрев свою работу, спокойно интересуется занятиями одноклассников.

На втором графике линия работы параллельна линии отдыха. Ребенок трудится, не прерываясь. Единственная разница между периодами вовлечения и большой работы — их продолжительность.

Этап созерцания становится стадией несомненной внутренней работы, временем усвоения или внутреннего созревания. На этом уровне дети чаще интересуются занятиями одноклассников, как бы сравнивая себя с другими. Вероятно, активный интерес развивается в созерцании внешнего мира. Период открытий. Можно сказать, ребенок познает себя в собственных свершениях и сравнивает себя с другими, с миром.

Завершенный цикл оказывает глубочайшее воздействие на личность ребенка. Он не только испытывает потребность в глубокой внутренней сосредоточенности сразу после большой работы, но и сохраняет постоянно высокий интеллектуальный потенциал, душевное равновесие, внимание к миру. Ребенок становится высокоразвитой личностью. В этот период он учится владеть собой и проявляет качество, которое я называю послушанием.

Малыш способен слушаться, то есть, умея управлять собственным поведением, выполнять то, о чем его просят другие люди. Он оставляет работу не из-за внешних помех или усталости. Труд стал его естественным состоянием, и ребенок просто уже не может бездельничать.

Когда мы, к примеру, приглашаем некоторых ребят, достигших подобного уровня, на педагогические семинары в качестве «наглядного пособия», они охотно исполняют наши просьбы, позволяют нам измерять их рост, диаметр черепа без малейшего протеста, сохраняя неизменный интерес, словно сознавая, что вместе с нами делают очень важную работу. В ожидании момента, когда они понадобятся, ученики не скучают, они работают. Безделье невыносимо для них. Кто-то берет рамки, кто-то раскладывает на полу подвижный алфавит, составляя слова. Если есть возможность, дети рисуют, раскрашивают.

Подобное поведение — проявление разумной активности, которая стала частью детской психики. Но чтобы сохранить это состояние, чтобы личность не остановилась в развитии, необходимо трудиться по-настоящему ежедневно.

Именно завершенный цикл, постоянная концентрация создают равновесие, определенную «эластичность», умение приспособливаться, а значит, возможность высоких поступков, например послушания.

Можно вспомнить о советах католической церкви — сохранять силы духовной жизни, то есть состояние внутренней концентрации, от нее зависит возможность располагать своей моральной силой. Регулярными медитациями нравственная личность достигает духовной твердости, без которой внутренний человек, рассеянный, неуравновешенный, не может ни располагать сам собой, ни служить благородным целям.

Детям необходим период концентрации, период большой работы. Именно в ней они черпают возможность дальнейшего развития.

Вот график занятий ребенка, достигшего очень высокого уровня.

Посмотрите, даже на стадии вовлечения работа начинается сразу на высоком уровне. Едва войдя в класс, ученик выбирает, к примеру, письмо, затем (большая работа) читает. На перемене он находит себе разумное занятие: разглядывает книжки с картинками. Эта высокоинтеллектуальная работа соответствует высокому моральному уровню ребенка (послушание, безмятежность). Если мы примем линию отдыха за уровень развития, мы

увидим, как сильно вырос этот уровень.

На высшей стадии график работы стремится стать прямой, параллельной линии отдыха. Пользуясь индивидуальными графиками, можно понять, как определить уровень развития или типичную модель внутреннего развития. В ранних моделях мы видим беспорядочное поведение учеников, неспособность сосредотачивать внимание. Там нет, в сущности, настоящей линии работы, большая часть кривой ниже линии отдыха. В тех моделях, где уже проявляется феномен концентрации внимания, устанавливается типичный график упорядоченной работы первого уровня. Здесь после этапа вовлечения у детей наблюдается возбуждение, а после большой работы наступает отдых. На втором уровне исчезает период возбуждения между двумя рабочими стадиями, большая работа завершается созерцанием. Это уровень открытий, глобальных наблюдений, послушания — рабочего состояния.

Наконец, главный подъем, который можно узнать по высокому уровню работ уже на стадии вовлечения, по особой дисциплинированности поведения.

Обобщенная картина развития

Типичные графики

Состояние дисциплинированного поведения

Повышение интеллектуального уровня связано с качеством работы, а выпрямление рабочей линии на графике зависит от внутреннего устройства, организации личности, таких ее качеств, которые мы называем нравственными: покой, дисциплина, владение собой в послушании и разнообразной деятельности.

Когда устанавливается рабочее состояние, интеллектуальный уровень стремительно растет, а порядок приводит к дисциплине. Дети заняты упорядоченной работой, непрестанно и дисциплинированно, естественно. Как ритмичное дыхание, работа успокаивает и наполняет силой организм ребенка.

Основа такого устройства личности — свободная работа, соответствующая естественным потребностям внутренней жизни. Следовательно, свободная интеллектуальная работа — основа внутренней дисциплины. Величайшее достижение Дома ребенка — дисциплинированные дети.

Именно внутренняя организация дает им возможность в свободной деятельности продолжать завоевывать знания всю дальнейшую жизнь.

Начальная школа становится естественным продолжением Дома ребенка. Поведение связано с работой. Достаточно представить более сложный развивающий материал, чтобы дети, упражняясь, поднялись на новые высоты.

Интеллектуальные интересы учеников — это уже не только стремление совершенствовать свои умения в многократном повторении упражнений, это высший интерес к работе по достраиванию внешнего мира или собственных знаний до гармоничной целостности.

Ребенок создает и ищет вещи упорядоченные. Если он, к примеру, хочет составить рисунок из геометрических фигур (с металлическими вставками), то может заниматься этим 6 или 8 дней подряд, все так же интенсивно, пока труд не будет завершен. Если он заинтересовался магией чисел или таблицей Пифагора, то посвятит этим занятиям много дней, пока не узнает желаемое.

На основе внутреннего порядка, внутренней организации, сознание строит себя медленно, спокойно, как всякий живой организм, созидаящий себя с момента возникновения. Сейчас можно говорить только о первой идее — практической возможности определить средний уровень интеллектуального развития в зависимости от возраста. Потребуется много экспериментов с детьми, которых можно сравнить друг с другом, в подготовленной среде. Эти эксперименты должны быть проведены опытными учителями, чтобы получить достаточно полный материал для наблюдений. Ученые могли бы приняться за свою научную работу, которая дает самые точные данные, когда речь идет об измерениях

тела и средних математических показателей роста.

Примем во внимание, что сегодняшнее состояние методики — результат долгой систематической работы, а над созданием материалов для дальнейшего естественного развития придется трудиться еще больше.

Сказано достаточно, чтобы стало ясно, как трудно провести научное исследование, которое многие надеются совершить при помощи произвольных и поверхностных тестов Бине и Симона.

Обучение ребенка — это не моментальная фотография. Скорее, это кино. Окружающая ребенка среда, организованная в соответствии с потребностями психической жизни — основа. Иначе как судить об индивидуальных различиях в достижении внутреннего порядка, в способности к абстрагированию, в интеллектуальном уровне, в дисциплине, если нет определенных, тщательно отобранных материалов, ведущих ребенка от одной опорной точки к другой — по направлению к его собственной цели?

Чтобы разумно определить индивидуальные различия, необходима общая рамка, окружающая среда, которой пользуются все. Если есть единые условия, соответствующие психическим особенностям возраста, тогда образовательные траектории детей связаны с их индивидуальностью. Если средства обучения у каждого свои, то этим объясняются различия в реакциях. Значит, во всех научных исследованиях необходимо пользоваться определенным измерительным инструментом. Наш инструмент измерения психики — метод обучения.

Формулы к тестам Бине и Симона не дают ни мерки ни идеи хотя бы примерного определения уровня интеллекта. Потому что надо было бы понять, как ребенок узнал ответы на поставленные вопросы. Сколько ответов связано с его собственной активностью, сколько с пребыванием в окружающей его среде. Ведь если не принять во внимание влияние окружения, как определить настоящее состояние психики респондента?

В каждом человеке мы должны различать две стороны: одна — собственная, естественная, спонтанная активность, воспринимающая внешний мир, внутренне перерабатывающая полученные впечатления и создающая, развивающая личность. А следовательно, определяющая ее. Вторая сторона — внешняя среда, в которой пребывает ребенок. Вот в 4 года он знает 64 цвета. Значит, он проявляет незаурядную активность в этом направлении, упорядочивая все краски в своем сознании. Но это значит также, что у него была поддержка, что и позволило достичь такого потрясающего результата. Вероятно, у него были 64 цветные таблички и он мог упражняться с ними столько времени, сколько ему было надо, никого не беспокоя.

Психика P — сумма двух факторов: внутреннего (1) и внешнего (E):

$$P = 1 + E.$$

Неизвестный, не поддающийся непосредственному измерению внутренний фактор (1) можно обозначить X .

$$P = X + E.$$

Возьмем двух детей. У одного есть 64 цвета в тех условиях, о которых мы только что рассказали, а второй предоставлен сам себе среди скудной обстановки, где преобладают серо-коричневые цвета, не привлекающие внимания. Через некоторое время мы обнаружим существенную разницу между ними. Однако это не внутренняя разница. Если бы второй ребенок попал в благоприятные условия, он бы тоже, наверное, выучил 64 цвета.

Мы судим о детях по внешним признакам, не оценивая внутренний потенциал. Получается, мы судим о разных условиях жизни, а не о разных индивидуальностях.

Чтобы судить о различии между людьми, надо, чтобы у них были одинаковые условия развития.

Один из тестов, предлагаемый известнейшим психологом-экспериментатором Италии для определения уровня интеллектуального развития у детей с отклонениями (умственно отсталые, неполноценные), требует от испытуемого найти самый большой и самый маленький кубик в серии. Этот выбор, как считается во всех аналогичных тестах, не зависит от культурного и образовательного уровня ребенка. Считается, что он отражает внутреннюю

активность, присущую интеллекту. Однако, если подвергнуть данному испытанию малыша, воспитанного по моей методике, он легко выполнит задание, опираясь на свой сенсорный опыт, приобретенный в упражнениях на нашем материале. Ребенок, обучаемый психологом в пресловутых специализированных школах, будет в гораздо большем затруднении, хотя мой воспитанник, возможно, и моложе, и с более сильным отставанием в развитии.

Таким образом, тест сравнил разные методики обучения, а различия в психологическом и интеллектуальном развитии остались неизвестны.

Человек — это соединение индивидуальности и образования, если под образованием понимать опыт, приобретаемый в жизни. Две вещи в человеке неразделимы: разум без знаний не более чем абстракция. Все живое неразрывно связано с внешней средой, и это настолько важно для психической жизни, что ее внутреннее содержание и средства самообучения это и есть сам человек.

Следуя формуле

$$P = X + E,$$

где X — внутренняя часть, присущая индивидуальности, можно сказать, что у каждого из нас свой X . Если мы хотим узнать что такое X , нужно знать P и E .

Всякий, кто думает, что измеряет психику, останавливаясь на измерении фактов, на самом деле смешивает два неизвестных. Одно из них, лежащее вне личности, обесценивает результаты исследования.

Итак, чтобы изучать индивидуальные различия по отдельным видам деятельности, как, например, различение цветов, нот, букв, или способность найти ошибку, или координация движений, развитие речи... нужно сначала определить некую константу: средства развития, предлагаемые окружающей средой.

Здесь проявляется самое ясное различие между педагогикой и психологией. Педагогика экспериментально определяет средства развития и способ их применения без ущемления внутренней свободы. Психология изучает в индивидууме типичные и индивидуальные реакции. Но обе науки рассматривают два аспекта одного и того же явления: развития человека. Личность и среда — два фактора, X и E , одной сущности: психики.

Психологические исследования, отделенные от моральных правил, все же, если хотят получить достоверные результаты, должны базироваться на длительных наблюдениях, чтобы успела упорядочиться внутренняя активность человека, потому что в хаосе легко допустить ошибку.

В клинической психиатрии или при изучении паталогически криминальной личности говорят: «Понаблюдаем за пациентом». Это значит, его поместят в особые (упорядоченные гигиенические...) условия и долго будут наблюдать за человеком в данных условиях. Такой подход имеет еще большую ценность, если речь идет о нормально развивающемся человеке. В последнем случае нужно не только предоставить упорядоченную внешнюю среду, но привести в порядок хаотичный внутренний мир ребенка, а затем долго наблюдать за ним.

Примером послужит наблюдение за двумя детьми, самыми интересными из тех, кто посещал наши школы. Ребят представили на международных курсах подготовки учителей в Риме.

Описание двух детей, представленных как объект антропологического наблюдения в аудитории

Во взрослой аудитории шумно. Один наблюдает, другой смеется. В центре класса — «педометр». Дети спокойно сидят неподалеку, занимаются рамками со шнурками, которые выбрали себе в соседней комнате. Они не отвлекаются на шум вокруг, не обращают внимания на смех. Они выглядят как люди, занятые делом и не желающие зря терять время. Мы зовем их, чтобы обмерить, они чудесно слушаются, по первому знаку немедленно оставляют работу и поднимаются с улыбкой. Им, очевидно, нравится слушаться, они

испытывают нравственное наслаждение от сознания, что умеют трудиться, но готовы отложить привлекательную вещь ради высшего призвания. Они сами забираются на «педометр», предоставляя себя нашим инструментам. Если нужно, чтобы ребята изменили положение тела, достаточно шепнуть словечко, и необходимое движение совершается с удивительной точностью.

Они владеют своими движениями, они могут перевести слово в действие, поэтому они способны слушаться. Для них это сладкая внутренняя победа. Когда измерения закончены, никто ничего не говорит. Ребята ждут мгновение, потом обмениваются понимающими взглядами и улыбками. Они все поняли. Сами возвращаются на свои места, берут рамки и возобновляют работу. Через некоторое время мы снова их зовем. Повторяется та же сцена.

Если вспомнить, что ровесники этих детей (4 с половиной года), предоставленные сами себе, бегают, переворачивая стулья и не замечая этого, им всегда нужен старший, жертва капризов, который старается прекратить их безобразия, то придется признать внутренне совершенство наших малышей, достигших уровня, когда труд становится естественным состоянием, а послушание — победой.

Антропометрические данные показали, что один ребенок (назовем его *О.*) соответствует норме (вес, рост, длина туловища), а второй (*А.*) не дотягивает до нее.

Вот что рассказала учительница, наблюдавшая детей еще в состоянии дисгармонии.

О., агрессивный, расторможенный, издевался над одноклассниками, сам ничего не делал в классе, только смотрел, как работают другие, а потом старался прервать чужое упражнение, на индивидуальных занятиях с учителем сидел с видом насмешливым и циничным. Отец утверждал, что и дома он агрессивный, властный, непослушный.

А. - спокойный ребенок, но почти с маниакальным усердием шпионил за одноклассниками, докладывая учителю о мельчайших проступках друзей, обо всем, что можно счесть ошибкой, нарушением.

Оба ребенка из бедных семей. *О.* почти заброшен родителями.

В дальнейшем, когда дети успокоились в работе, учительница увидела иную картину.

О. Его агрессивность дома объяснялась борьбой за кусок хлеба. Отец, человек бедный и к тому же легкомысленный, не кормил детей. Малыши не протестовали, не жаловались, но боролись изо всех сил за еду. Учительница спросила отца, почему он не кормит детей, и услышала в ответ: «Даже если их покормить, они снова есть попросят!»

В школе *О.* переходил от одного малыша к другому, от урока к уроку, всем мешая, все хватая, потому что считал нужным завоевывать духовную пищу, как дома хлеб. Он хотел выжить любой ценой. Вечная готовность защищаться стала его главной чертой. Когда жизни мальчика ничто не угрожает, он становится не просто покладистым, но крайне нежным и деликатным. Сегодня ребенок, выучившись в радостной работе, смотрит нежно на друга и улыбается ему. Если для остальных учеников оценка учителя — работа, то для *О.* - работа и доброта.

Сначала в школе не было горячих обедов, и каждый ученик приносил с собой еду, очень разную. Двум-трем малышам достаточно обеспеченные родители давали мясо, фрукты. *О.* сидел рядом с одним из таких детей. Стол был накрыт, *О.* мог положить на тарелку лишь кусок хлеба, добытый в борьбе. Он смотрел на своего соседа, как бы стараясь согласовать время еды. Ни малейшей зависти в глазах. Напротив, мальчик жевал свой хлеб очень медленно, чтобы не закончить обед первым и не показаться голодным, пока другой еще ест. Он кусал медленно и серьезно.

Чувство собственного достоинства, пересилившее голод (и какой сильный!), было неразрывно связано с сознанием фундаментальных потребностей собственной жизни, за которую он вынужден бороться, завоевывая необходимое. Очаровательная мягкость светилась в ласковом выражении его взволнованного лица и в нежности ко всему на свете, которую он излучал, ничего не ожидая взамен.

Самое поразительное, что мальчишка, которому положено быть щедушным, полностью соответствовал антропологическим нормам, включая вес. Рожденный в бедности

и запустении, он сам заботился о себе. И нормальное тело создал себе сам героическими усилиями.

Теперь *Л.* Всегда спокойный, он быстро вошел в режим активных упорядоченных занятий, работал интенсивно и подолгу. Что-то вроде хорошего ученика городской школы. Иногда оставался в классе без еды. Его доброта была пассивна и смертельно опасна для хозяина. Мальчик даже не замечал отсутствия пищи. Он использовал имеющиеся возможности своей психики, но не умел завоевывать. Доброта ребенка оставалась прежней и до наступления порядка, и после. Ни волнений, ни откровенности. Его антропологические данные, гораздо ниже нормы, указывали, что малыш идет по жизни походкой жертвы и готов вступить в ряды тех, кого нужно спасать.

Моральная оценка *А.* - доносчик. Наблюдения показали, что он не работает, как все, а постоянно бежит к учителю, чтобы узнать, хорошо или плохо получилось у него упражнение. Это касалось не только занятий с материалами, но и действий морального плана. Казалось, больше всего он хотел знать, хорошо или плохо то, что он делает. С огромным усердием он старался сделать хорошо. Что касается доносов, *А.* не питал вражды к одноклассникам, он внимательно наблюдал за ними, а потом обсуждал их поступки, как и свои: такой-то сделал то-то. Это хорошо или плохо? Мальчик старался не повторять чужих ошибок.

Привычка ябедничать была проявлением внутренней проблемы: различение добра и зла. Скучный личный опыт казался ему недостаточным. *А.* хотел воспользоваться чужими знаниями, словно желание делать добро, избегая зла, стало единственной потребностью его души. Эта история заставляет вспомнить одну поговорку: он слишком хорош для этой жизни. *А.* чувствовал призвание к такой судьбе. Потребности тела исчезали. К интеллектуальной жизни малыш не испытывал интереса. Одна доброта оставалась движущей силой. Если общество не позаботится о сохранении хрупкой жизни тщедушного ребенка, он придет к преждевременной кончине, как ангел, что смотрит на небо.

Эти два описания, сделанные благодаря наблюдениям синьорины Маччерони, показывают истинное лицо тех, кого в обычной школе, не задумываясь, называют грубияном и доносчиком. Призовем на помощь науку и пойдем истинный перевод этих слов: герой и ангел.

Судьбы мальчиков тронули наши сердца, потому что нашлась чудесная понимающая учительница. Можно сказать, что «суждение любви — это научное суждение». Ибо в нем христианское милосердие.

Итак, психика исходит из принципа «был бы жив малыш», остальное приложится. Это проявляется во внутренней поляризации личности, вроде точки кристаллизации, вокруг которой, если раствор однороден, а условия благоприятны, складывается окончательная форма. И причиной всему — работа, повторяемая с особым напряжением внимания.

В мою «биографическую карту» я не включаю, поэтому, длинный перечень аналитических исследований, но помещаю «руководство психологическими наблюдениями», основанное на концепции, которую я попыталась пояснить. Тот, кто не умеет наблюдать, ничего не узнает из моего руководства, не похожего на привычные правила психологических исследований. Зато посвященный все поймет без лишних слов.

У наших педагогов свой язык, благодаря которому они понимают друг друга, не используя общепринятые термины, бессильные передать смысл происходящего. Они никогда не говорят «ребенок развивается, или прогрессирует, он умный, он злой». Единственный термин — «ребенок пришел к порядку — или не пришел». Именно внутреннего порядка наши учителя ждут, и на этом принципе «быть или не быть» строят все или ничего.

Приходится задуматься о более глубокой концепции взросления. Говорить про живого ребенка «он растет» — слишком поверхностно. Да, растет. Но лишь в результате внутреннего порядка, который созревает в нем.

Когда, к примеру, формируется эмбрион какого-нибудь животного, он растет. Но тот,

кто сможет увидеть внутренние изменения, будет поражен гораздо сильнее, чем внешний наблюдатель. Внутри происходит чудесная группировка клеток. Одни соединяются в кишечник. Другие создают печень. И так продолжается приведение в порядок отдельных частей и тщательная дифференциация каждой клетки. Именно из возможности такого порядка и самостроительства возникают затем функции.

Важно не то, что эмбрион растет. Порядком и при помощи порядка осуществляется этот рост и сама жизнь. Эмбрион, выросший, но не упорядочивший свои внутренние части, нежизнеспособен. Здесь не только сила, но и тайна жизни. Главное условие, чтобы жизнь, уже получившая энергию существования, реализовала себя, свой внутренний порядок.

Руководство психологическими наблюдениями

Работа

- Отметьте, когда ребенок начинает постоянную работу.
- Какую работу он выбирает и сколько времени ею занимается (медленное исполнение или многократное повторение)?
- Индивидуальные особенности в исполнении отдельных упражнений.
- Чем за один день ребенок занимается с успехом, с каким постоянством?
- Случаются ли периоды спонтанной работы? Сколько дней они длятся?
- Как ученик проявляет потребность в развитии?
- Какие работы он выбирает, повышая уровень сложности и настойчиво преодолевая трудности?
- Усердие, несмотря на внешние раздражители, рассеивающие внимание.
- Случается ли, что после того, как ребенку помешали, он возобновляет прерванный труд?

Поведение

- Отметьте состояние порядка и беспорядка в действиях ребенка.
- Его беспорядочные действия.
- Отметьте, есть ли изменения в поведении, связанные с развитием работоспособности.
- Отметьте, были ли после установления порядка приступы радости, состояние безмятежности, проявления любви.
- Какое участие ребенок принимает в развитии одноклассников?

Послушание

- Отметьте, отвечает ли ребенок, если его зовут?
- Отметьте, когда ребенок начинает принимать участие в работе одноклассников?
- Отметьте установление послушания в ответ на призыв.
- Отметьте установление послушания в ответ на приказ.
- Отметьте, когда ребенок слушается с удовольствием, с желанием.
- Отметьте случаи разных проявлений послушания в связи с развитием работоспособности, в связи с изменением поведения.

Подготовка учителя

Благодаря возможности наблюдать естественные проявления и спровоцированные реакции развивающейся психики ребенка, школа превращается в подобие научной лаборатории психогенетических исследований. Школа через несколько лет, возможно, станет пространством для работы лучших психологов. Как следует обустроить ее: не только создать лучшие средства обучения детей, но и научную базу?

Мы знаем, что натуралистам в лаборатории нужна специальная подготовка объектов

наблюдений. Чтобы наблюдать обычную клетку в движении, понадобится пустая пробирка для капли препарата, особые условия, в которых клетка сможет сохранить жизнь, питательный раствор и т. д. Есть специальные работники, «препараторы», они не ассистенты, не помощники профессоров, это работники очень высокой квалификации, сегодня многие из них сами дипломированные доктора. Их задача крайне деликатна. Приходится знать биологию, физику, химию. Чем лучше работники подготовлены аналогичными научными исследованиями, тем быстрее и увереннее развивается наука.

Странно, что из всех естественнонаучных лабораторий только в психологических нет никакой подготовки объектов наблюдений. Если предложить психологу нанять препаратора, он возьмет человека для ухода за инструментами и превратит свою комнату в подобие физического кабинета. Но ему не придет в голову подготовить живое существо, чьи психические реакции он хочет изучить. А ведь биолог зовет препаратора, чтобы наблюдать клетку, живого микроба. Насколько серьезнее должна быть подготовка для изучения человека!

Психологи полагают, что подготовили объект, если он обратил внимание на их слова и объяснения, на то, как нужно действовать в ходе эксперимента. Любой человек, незнакомый, случайно попавший в лабораторию, отлично подходит для их целей. Такой психолог напоминает ребенка, который поймал бабочку, взглянул на нее и отпустил. Он не похож на биолога, старающегося наладить подготовку объектов наблюдений в своей лаборатории.

С точки зрения психологии развития, как бы мало ни была она представлена в нашей деятельности, очевидно, как осторожно следует показывать ребенку развивающие материалы, с каким уважением к его свободе. Эти условия необходимы для проявления психических феноменов, которые станут объектом наблюдений. Требуется специальная среда и подготовка персонала. Все гораздо сложнее, чем организация биологической лаборатории. Нашей лабораторией может стать только самая совершенная школа, придерживающаяся научных методов работы. Учитель здесь — работник, аналогичный «дипломированному препаратору».

Конечно, не все школы соответствуют такому высокому научному уровню, но им нужно уметь ориентироваться в области экспериментальных наук. Психический рост ребенка зависит от среды и свободы. Эти принципы должны стать «жизненным правом», признанным за новыми поколениями, правом, которое будет основой философской и социальной концепции обязательного образования, опирающейся на государственную экономику и силы самих детей. Если психические проявления учеников обычных школ не ценны для психологов, они все же ценны сами по себе. Так самоценна красота природы.

Новая школа должна служить не науке, но человечеству. Учителя смогут развиваться, наблюдая жизнь, открывающуюся их взгляду. Отсюда следует, что готовить учителей нужно по-новому, по нашей методике. И тогда педагогические кадры решительно изменятся. Уже с первых шагов, робких и неумелых, сложится новый тип учителя. Он научится не говорить, но молчать, не обучать, а наблюдать, облачаться не в горделивое самоуверенное достоинство, а в смирение.

Понадобится изменить даже университетских профессоров, когда позитивные науки займут свое место в мире. Прежние профессора — жрецы в горностаевых мантиях, сидевшие на своих высоких кафедрах, как на троне, говорившие так уверенно, что класс должен был не просто верить — внимать, как гласу истины. Нынешние педагоги оставили скамейки амфитеатра студентам, чтобы они все хорошо видели, а сами заняли места внизу, прямо на голом полу класса. Когда все ученики сидят, стоит один учитель, одетый в серую блузу, словно рабочий.

Ученики знают, что самый большой успех — суметь проверить слова профессора, более того, продвинуть вперед науку, вписав свои имена среди первооткрывателей новой истины.

В этих школах, вместо гордыни и титулов, правит интерес к явлениям физики, химии или биологии. И это главное. Даже устройство классной комнаты подчинено науке. Если

опыт требует света, в кабинете огромные окна, если феномен проявляется в темноте, класс превращается в сумрачный зал. Важно, чтобы феномен возник, будь то запах, плохой или хороший, электрическая искра или разноцветные пробирки, форма листьев или лягушачья мышца, исследование слепого пятна глаза или сердечного ритма. Все равно. Страстное исследование — это поиск правды. Вот чего новое поколение ждет от науки. Ему не нужно ораторское искусство преподавателя, пластика и остроумие, оживляющие речь, выводы, облегчающие восприятие идей, и прочие составляющие специального искусства удержания внимания аудитории. Не силой внимания, но силой интереса воодушевлены сегодняшние ученики. Выходя из университета, они порой не помнят ни голоса, ни внешности педагога. И не от недостатка уважения и любви к нему. В сердцах молодых живет почтение к великому ученому и благодетелю человечества, скромному, в серой блузе. Чувство, совершенно не похожее на страх, смешанный с иронией, которое вызывали мантия и парик.

В этом направлении нужно изменяться сегодня и школе, и учителю. Если в школе в центре внимания факты, природные явления, значит, школа развивается в соответствии с научной методикой. И учитель должен обратить внимание на науку.

Ученые заняты разными объектами. Физики, химики, астрономы, ботаники и зоологи — все они, собирая каждый свои знания, расчищают пути позитивной науки, они вместе противостоят прежней метафизике. Что же их объединяет? Не содержание, а метод. И если педагогика хочет стать наукой, ей придется принять научный метод, и учителя готовить не к содержанию предмета, а к методу работы. Педагог должен отличаться не количеством усвоенной информации, а особыми качествами.

Важнейшее качество ученого — умение наблюдать — настолько важное, что позитивные науки сначала называли «науками наблюдений», позднее появился термин «экспериментальные науки». Ведь эксперимент связан с наблюдениями. Чтобы наблюдать, мало обладать чувствами и знаниями. Это умение нужно развивать в себе при помощи специальных упражнений.

Когда профан хочет увидеть в телескоп особенности звезды (или клетки в микроскоп), сколько бы ему ни объясняли, что «должно быть видно», он ничего не заметит. Человек, интересующийся великим открытием де Ври, приходит к нему в лабораторию, надеясь понаблюдать за мутациями ростков *Aenothera*. Напрасно ему показывают мельчайшие детали, отличающие новый вид среди едва проклюнувшихся стебельков. Ученые прекрасно знают: демонстрируя публике открытие, лучше объяснять в общем, не вдаваясь в подробности, в которых на самом деле истинный смысл открытия. Публика не увидит деталей, потому что не умеет наблюдать.

Умение наблюдать доступно лишь посвященным. И только оно по-настоящему ведет в науку. Ведь если ты не видишь некий феномен, его словно и не существует. Напротив, ученый страстно желает увидеть. Посвященный в это видение обретает интерес, а интерес становится движущей силой, созидающей дух исследователя. Так и для детей, интерес — точка кристаллизации, вокруг которой формируется их психика. Для учителя интерес к наблюдаемому объекту послужит центром формирования новой личности.

Умение наблюдать включает в себя и другие качества, например терпение. По сравнению с ученым, профан не только слеп, не видя ничего ни при помощи линз, ни невооруженным взглядом, он еще и нетерпелив. Астроном тщательно настраивает свой телескоп — профан не может дождаться. Ученый трудится, даже не замечая, какую длительную, кропотливую работу выполняет. Профан за это время тысячу раз проявит нетерпение, повторяя: «Что я здесь делаю? Я не могу терять время!» Препараторы, ожидая визита невежественной публики, заранее готовят целый ряд настроенных микроскопов. Публика хочет видеть «все сразу и побыстрее»!

Представьте, ученый, известный своими исследованиями, удостоенный университетской кафедры, всевозможных наград, любезно согласился показать некой даме клеточное строение ткани в окуляре микроскопа. Его движения естественны и привычны, медлительны, спокойны. Он отделяет мельчайший слой от препарата, погруженного в

парафин. Тщательно протирает предметное и покровное стекла, старательно очищает линзы микроскопа. Закончив приготовления, ученый готов объяснять. Но дама, конечно, за это время уже сто раз порывалась сказать: «Простите, я тороплюсь, у меня много дел!» Если она все же взглянет в микроскоп, то, ничего не увидев, расстроится еще сильнее. «Я потеряла столько времени!» Она действительно ничего не делала и зря тратила свое время. Ей не хватает не времени, а терпения. Нетерпеливый не знает цены вещей. Он чувствует лишь собственные желания и удовольствия. Однако время измеряется усилием. Вещь, доставляющая радость, может оказаться пустой, бесполезной. Пусть! Ее ценность в том удовольствии, которое она доставила. И время было потеряно не зря. Но нервное напряжение, миг власти над самим собой, ожидание без немедленной отдачи — вот чего не могут оценить нетерпеливые, считая, что время проходит напрасно. Пословица гласит: «Ожидание хуже смерти». Нетерпеливые люди постоянно торопятся, словно очень заняты, и спасаются бегством, когда для них находится дело.

Для изменения ситуации необходимо истинное образование. Нужно владеть собой, чтобы увидеть и оценить окружающий мир. Без специальной подготовки не оценить мельчайших деталей, которые и приводят к научным открытиям.

Умение полностью сосредоточиться на самой незначительной на первый взгляд работе — важнейшее качество для того, кто хочет преуспеть в науке. Посмотрите, что делает физик, чтобы подготовить инструменты. С каким терпением он крутит то один винтик, то другой, долго принаравливается... Ради чего? Ради придания поверхности строго горизонтального положения. Эталон измерений, металлический метр, единожды установленный, — как бережно его хранят, чтобы никакие температурные колебания ни на йоту не изменили заданной величины. Этот метр, эталон всех измерений, сам по себе ничего не представляет. Хранить метр! Когда химик хочет узнать степень активности вещества, он напоминает ребенка, играющего с пузырьками.

Он берет реторту, наполняет ее нужным веществом и опустошает. Затем наполняет водой и наблюдает реакцию. Реакция произошла. Ученый снова опустошает реторту, снова наполняет водой и снова наблюдает реакцию. Так устанавливается, при какой концентрации в растворе вещество сохраняет способность реагировать. Только эта мелкая подробность важна в данном эксперименте, и ради нее, минимальной, почти неощутимой, солидный человек в глазах посторонних выглядит ребенком.

Терпение включает в себя смирение. Ученый всегда скромен и доказывает это уже тем, что спускается с высот кафедры ради работы за столом; скидывает тогу ради серой блузы; отказывается от роли глашатая истины ради поиска этой истины — вместе с учениками. Они должны сами все проверить, чтобы не заучивать новое как догму, но действовать самостоятельно ради истины, конечной цели всех лабораторных исследований. Ученый ничто в природе не считает недостойным привлечения всех сил, всего внимания, всего времени. Даже в зените славы он сохраняет это отношение к миру, настоящую свою гордость, настоящий источник своего величия. Микроб, слизь — что угодно может увлечь ученого, будь он сенатором или министром.

Высшее проявление смирения ученых — это мгновенный отказ от предубеждений, не только по отношению к внешним вещам, но и к личным пристрастиям: любимые идеалы, умозаключения, родившиеся в сознании. Перед истиной ученый готов отвергнуть все, что ей противоречит. Так шаг за шагом он освобождается от заблуждений и сохраняет сознание ясным, чистым, как сама истина, с которой он хочет слиться.

Не потому ли к детскому врачу гораздо больше уважения и доверия, чем к школьному учителю? Врач ищет истину в изменениях физического состояния больного ребенка. Учитель же заполняет ошибками детскую душу.

Что стало бы, если бы учитель искал истину в душе ребенка? Какая несравненная гордость! Чтобы подняться на эту высоту, педагог должен пойти путем смирения, самоотречения, терпения, уничтожить гордость, возвысившись над пустотой тщеславия.

Хватит разговоров о других ученых. Они всегда далеки от объектов своих

исследований: электрическая или химическая энергия, жизнь микробов или звезд. Поговорим про объект внимания педагога, он тоже человек. Его интересует нечто большее, чем проявления детской психики, он познает себя, и его душа дрожит от соприкосновения с такими же душами. Не часть жизни, но вся жизнь открывается перед ним. Смирение и терпение ученого ограничены внешними целями, на которых сосредоточены исследования, у педагога они заполняют всю душу. Речь уже не о смирении и терпении ученого, но о человеческих добродетелях в их полном расцвете.

Духовный потенциал человека науки направлен на пробы, словно лучи света, проходящие через цилиндр телескопа, но для педагога он распространяется по всему бескрайнему горизонту, словно сияние солнца. Вышеупомянутые добродетели — необходимый путь, средство достижения истины. В зависимости от того, касается ли истина физической силы, простейшего существа или человеческой души, подход ученого будет иным. Одно имя не может служить двум формам. Сразу ясно, что ученый, по сравнению с учителем, ограничен и сух. Благородство его ума велико, но это грубая сила, или область низкой жизни.

Духовная жизнь человека не пострадает от добродетелей ученого, разве только объект изучения и ученый сольются воедино. Наука может стать источником мудрости, настоящая позитивная наука может встретиться с настоящей религиозной наукой. Существует связь между добродетелями ученого и святого. Смирению и терпеливо ученый прикасается к материальной природе. Смирению и терпеливо святой прикасается к духовной природе вещей и, главным образом, человека. Ученый добродетелен в рамках своих экспериментов. Святой весь состоит из добродетели, его жертвы, как и радость, безграничны. Ученый видит в пределах своего поля зрения. Святой видит духовным зрением. Даже материальное, законы природы он видит яснее остальных людей — и одухотворяет увиденное.

Современные ученые знают, что все живое прекрасно, что простейшие, примитивные формы жизни легче открывают законы природы, помогающие понять более сложных существ. И святой Франциск тоже это знает: «Подлети поближе, о сестра, — говорит он цикаде, стрекочущей на смоковнице возле окна его кельи, — в мельчайших созданиях с наибольшей силой открываются могущество и доброта Создателя».

Самая крошечная вещь достойна тщательного наблюдения ученого. Он считает суставчики на лапках насекомых и знает все жилки на самых хрупких крылышках. Он находит интересные подробности там, где взгляд профана даже не задержался бы. Святой Франциск видит то же самое, но испытывает при этом духовную радость и слагает гимн. «О ты, кто дал мне эти легкие ноги, наделенные маленькими косточками, прочными и гибкими, чтобы скакать с ветки на ветку, с дерева на дерево, ты дал мне и глаза, кристаллические шары, которые вращаются во все стороны, чтобы видеть всех врагов, хищного коршуна, черного ворона, прожорливого гуся; он дал мне крылья, податливую сияющую ткань, голубую, зеленую, которая отражает краски неба и моих деревьев».

Взгляд педагога должен быть одновременно точным, как у ученого, и духовным, как у святого. Научная подготовка и воспитание добродетелей дадут ему новую душу. Ведь учитель одновременно должен подходить ко всему и позитивно, и научно, и духовно.

Позитивно и научно, потому что ему необходимо исполнить конкретную задачу, постоянно искать истину в тщательных наблюдениях, избегать всяких иллюзий, ложных последствий собственных капризов, безошибочно отличать истинное от ложного, подобно ученому, умеющему ценить мельчайшую частичку материи, любые проявления зарождающейся жизни, и не допускать никаких ошибок в наблюдениях, никаких посторонних примесей, грязи, которые исказили бы его исследования, его истину. Подобное состояние духа достигается долгими упражнениями, широкими жизненными наблюдениями, направляемыми естественными науками.

Духовный подход необходим учителю, ибо перед ним человек, объект педагогических наблюдений — создание, наделенное духовными качествами.

Вот почему я призываю учителей наблюдать простейшие формы жизни всеми

способами, которые предлагает наука. Я их усаживаю за микроскопы, предлагаю выращивать растения и наблюдать за их развитием, наблюдать за насекомыми, проникнуть в законы биологии не только теоретически, но и на практике, в лаборатории, на лоне природы.

Физиология ребенка не исключается из наших наблюдений. Напротив, подготовка к осуществлению высшей задачи напрямую связана с познанием физиологических потребностей ребенка, с рождения и до зрелости. Я говорю не только о теоретическом изучении анатомии, физиологии, гигиены, но и о «детской практике», позволяющей следить за развитием ребенка, удовлетворять его физиологические потребности. То есть учитель должен готовить себя в соответствии с требованиями естественных наук, легко и спокойно осваивать области, где так сведущи студенты-биологи и медики. Эксперименты в лабораториях предшествуют проникновению в более глубокие проблемы жизни, связанные со специальностью.

Молодые люди, предназначенные нашими университетами к проникновению в глубины наук, проходят через спокойную работу по подготовке инфузории или среза стебля розы. Они чувствуют, прильнув к своим микроскопам, рождение того удивления, которое пробуждает ум и трепет перед тайной жизни. Так и мы все, привыкнув со школы читать толстые скучные тома, внезапно увидели перед собой книгу природы, полную бесконечного творчества и чудес, отвечающую самым тайным, неосознанным нашим стремлениям.

Эта книга должна стать настольной для нового педагога, азбукой, которая подготовит его к миссии руководства детской жизнью. Такая подготовка позволит учителю сформировать убеждения, способные изменить его, пробудить в нем особенную активность, качества, необходимые для исполнения миссии. Она станет божественной, материнской силой.

Однако все это — лишь часть подготовки. Учитель не должен останавливаться на пороге жизни, как делают ученые. Они наблюдают растения, животных, им довольно данных морфологии и физиологии.

Педагог не останавливается перед обездвиженным телом, как педиатры, исследующие патологии функций. Следует осознать ограниченность научных методик. Едва учитель произносит свою первую молитву и начинает восхождение по ступеням храма жизни, направляясь к дарохранительнице, полной Святых даров, он должен смотреть вверх и чувствовать, что среди верных обожателей в просторном храме науки он — жрец.

Его поле деятельности гораздо более обширно. Ему дано наблюдать внутреннюю жизнь человека. наших бедных слов о чуде жизни мало. Все духовные плоды истории человечества и религии нужны для формирования педагога. Высочайшие образцы искусства, любви, святости — проявления жизни, которую учитель не просто наблюдает, но служит ей, это и есть сама жизнь, а не что-то чужеродное. И в заключение: холод и тяготы интимной жизни, которые учитель разделяет со всем человечеством, — это и есть единственная настоящая жизнь людей.

Научная лаборатория, поле растений, где педагог наблюдает феномены внутренней жизни, — вот чем должна стать школа, где развиваются свободные дети при помощи развивающих материалов. Когда в учителе загорится интерес к духовным проявлениям ребенка и он почувствует искреннюю радость и безграничное желание наблюдать за ними, только тогда он сможет сказать: «Посвящен».

Он начнет превращаться в педагога.

Окружающая среда

Необходимо изменить не только учителя, но и окружающую ребенка школьную среду.

Проникновение развивающих материалов не может само по себе обновить обычную школу. Школа должна стать местом, где ребенок живет свободно, и это не только личная, духовная свобода внутреннего роста. Весь организм ребенка, его физиология, вегетатика, двигательные функции нуждается в наилучших условиях развития, включая гигиенические

открытия, помогающие детям жить.

Школа, детский сад — самое удобное в мире место для популяризации реформы детской одежды, соответствующей различным требованиям, чистой, не стесняющей движений, настолько простой, чтобы ребенок мог одеться самостоятельно. Нет лучшего места и для популяризации детской гигиены питания. Убедить публику в экономичности подобного подхода, показать, что элегантность и чистота ничего не стоят (они требуют лишь простоты, скромности и отсутствия дорогих излишеств) — вот настоящее обновление общества. Это найдет себе применение, особенно если Дома ребенка будут устроены, как и было в самом начале, в тех же зданиях, где живут родители.

Помещения свободной школы должны соответствовать специальным условиям: психическая гигиена важна для ребенка так же, как и физическая. По требованиям физической гигиены классы стали гораздо больше, потому что их размер связан теперь с объемом воздуха, необходимого для нормального дыхания детей. Сады, площадки на свежем воздухе сегодня признаны необходимыми для физического благополучия ребенка. Большие окна открывают доступ потокам света, повсюду встретишь спортивные залы, специально оборудованные, просторные и дорогостоящие. Стулья, очень сложные, настоящие механизмы из дерева и железа, с подставками для ног, с вращающимися сиденьями, помогают одновременно экономить силы ребенка и корректировать деформации позвоночника, связанные с неподвижностью тела. Это сущее разорение происходит из-за ложного понимания принципа школьной гигиены. В современных школах белое однообразие, моющиеся все до единого предметы обстановки демонстрируют триумф эпохи, когда борьба с микробами считается единственным спасением жизни человека.

Психологическая гигиена сегодня стоит на пороге школы со своими требованиями, которые не более разорительны, чем те, что уже приняты с первых победных шагов физической гигиены.

Психологическая гигиена также требует увеличения размеров комнат, но не из-за дыхания. Хорошее отопление позволяет открывать окна и сводит на нет все расчеты кубических метров воздуха. Увеличить размер класса необходимо ради свободы движения, которую мы должны предоставить ребенку. Естественно, ребенок ходит не в пустой комнате. Достаточно увеличить класс настолько, чтобы дети могли двигаться среди мебели. Если говорить об идеале, психологически комфортное помещение в два раза больше физически комфортного. Известно, что полупустая комната создает ощущение легкости, словно обещает живительную возможность движения. Это чувство благополучия более интимно, чем иной комфорт, обеспечивающий потребности дыхания в загроможденном небольшом классе.

Небольшое количество мебели — залог гигиены. Здесь сходятся требования физической и психической гигиены. В наших школах мебель легкая, простая и экономичная. Если она моется, прекрасно, потому что ребята научатся ее мыть, для них это упражнение приятное и полезное. Важно, чтобы мебель была красивой, «художественной». Красота в данном случае связана не с излишествами, но с грацией, гармонией линий и красок, с простотой и легкостью мебели. Мы заметили, что современная детская одежда гораздо элегантнее прежней, одновременно она экономичнее, проще и легче. То же необходимо совершить с мебелью.

В сельском Доме Ребенка, созданном в Палидано в память маркиза Карло Гверьери Гонзага, мы начали изучать мебельное искусство, В каждом уголке Италии таятся сокровища местных художников, нет такой провинции, где бы в прежние времена не создавали удобные, очаровательные предметы, отвечающие нуждам практической жизни и требованиям художественного вкуса. Почти все эти бесценные изделия сегодня потеряны, и даже память о них исчезает под гнетом однообразной, бессмысленной, гигиенически правильной моды наших дней. Следуя гениальному плану Марии Марени, мы тщательно исследовали местные старинные промыслы и использовали их достижения в Доме Ребенка (форма, цвет столов, стульев, сервантов, посуды, рисунок ткани, декоративные мотивы,

характерные для старинных сельских домов). Это возрождение деревенского искусства, вернувшее в обиход вещи бедняков эпохи гораздо более нищей, чем наша, выгодно и с экономической точки зрения. Если вместо грубых парт делать простую красивую мебель, мы увидим, как из безобразия рождается красота, отбрасывая дорогие материалы, потому что прекрасное возникает не из роскоши, но из вдохновения. Наша реформа нуждается не в больших средствах, а в утонченном вкусе.

Если когда-нибудь удастся изучить местные промыслы разных провинций Италии, каждая из которых имела собственные художественные традиции, тогда возникнет новый тип мебели, способной воспитывать вкус, исправлять нравы. Это станет «средством образования», потому что приобщение к старинному народному искусству вдохновит новую жизнь, почти задушенную призраком гигиены, занятой исключительно безнадежной борьбой с болезнями.

Человечность искусства должна развеять мрак. Черные парты в классах, серые стены, украшенные еще менее, чем камера смертника, чтобы ничем не занимать ум ребенка. Ему следует принимать только то неудобоваримое интеллектуальное варево, которое раздает учитель. То есть окружение прежде всего не должно отвлекать ученика. Тогда педагог при помощи своего ораторского мастерства и подручных средств сумеет привлечь к себе непокорное внимание детей.

Напротив, духовная школа не ставит никаких ограничений красоте обстановки, кроме экономических возможностей. Вы думаете, украшения будут отрывать ребенка, сконцентрированного на работе? Ничего подобного, красота вдохновляет сосредоточенных и дает отдых усталым. Церкви, лучшее место сосредоточения и душевного отдыха, всегда призывали самых вдохновенных гениев, чтобы собрать все самое прекрасное в мире.

Эта терминология покажется странной, но, если мы хотим соотноситься с научными принципами, следует сказать, что место, приспособленное для жизни человека, должно быть художественно. В школе, которая хочет превратиться в лабораторию наблюдений за человеческой жизнью, должно быть красиво. Как в бактериологической лаборатории должны быть дистилляторы и питательный раствор.

Детскую мебель, столы и стулья, следует сделать легкой, не только чтобы детские руки легко ее передвигали, ее хрупкость становится обучающей. По той же причине мы даем малышам фарфоровые тарелки, стеклянные стаканы, тонкие вазочки. Эти предметы — настоящие предатели каждого грубого, неловкого, неправильного движения. И ребенок вынужден исправляться, учиться не сталкивать, не переворачивать, не разбивать, соразмеряя свои движения и становясь постепенно их хозяином. Он привыкает по возможности не пачкать красивую веселую мебель, придающую радость всему вокруг. Так дети достигают великолепной координации своих произвольных движений. Подобным образом человек, воспитанный на музыке и тишине, изо всех сил постарается не шуметь, чтобы не раздражать свои «воспитанные» уши.

Напротив, когда ученик бешено толкает сто раз подряд металлический стул, такой тяжелый, что даже грузчику с трудом удастся его сдвинуть, когда сажает сто чернильных пятен, не заметных на черной поверхности, когда роняет железную миску, которая не разбивается, он незаметно для себя погружается в океан ошибок, потому что окружение устроено так, чтобы скрыть эти ошибки, а значит, подтолкнуть к совершению новых — с дьявольской хитростью.

Свободное движение

Гигиенический принцип, признанный всеми, таков: «Дети должны двигаться». Если мы говорим о «свободном ребенке», значит, признаем и свободу двигаться, то есть бегать, прыгать. Каждая мать, вместе с педиатрами, согласится, что ее малышу нужно гулять в парке, на лугу и двигаться свободно на свежем воздухе.

Разговоры о детской свободе в школе возникли под влиянием идей физической гигиены. Мы представляем свободного ребенка, скачущего через парты, бегущего, натыкающегося на стены. На первый взгляд свобода движения связана с идеей большого пространства, а в маленьких классах она вырождается в хаос, несовместимый с правильным поведением и работой.

Однако в соответствии с принципами психической гигиены свобода движения не ограничивается свободой соматической, двигательной. О детях мы говорим, как о щенках и котятках. Зверьки тоже свободны бегать и прыгать в парке и на лугу вместе с ребятами и совсем как они. А вот двигательная свобода для птицы предполагает иные условия. Придется предложить птице веточку или палку — опору для лапок, не приспособленных для ходьбы по земле. Предоставьте птице свободу движений на плоской равнине, и она почувствует себя несчастной.

Подумайте, если птице и змее нужны разные условия для свободы движения, то разве не ошибаемся мы, предлагая одну и ту же форму свободы детям и котяткам. Тем более что дети, предоставленные сами себе, двигаясь бесцельно, вскоре проявляют признаки нетерпения, протестуют и жалуются. Были бы они постарше, придумали бы что-нибудь, чтобы скрыть нестерпимую скуку и унижение ходить ради ходьбы, бегать ради бега. Малыши же делают глупости. Трудно представить, что двигательные способности детей, на которые никто не обращает внимания, приведут к благородной цели. Кроме физиологических преимуществ, ничто здесь не способствует нормальному развитию. Движения становятся неловкими, ребенок изобретает кульбиты, ходит пошатываясь, падает, разбивает предметы. Очевидно, он не похож на свободного котенка, такого грациозного, обаятельного, стремящегося довести до совершенства свой бег и легкие прыжки, присущие ему с рождения. Можно сказать, что в двигательном инстинкте ребенка нет грации, не заложена потребность совершенствования. Или же надо заключить, что движение, достаточное для котенка, не достаточно для ребенка. У детей иная природа, и, значит, должен быть иной путь к свободе.

Если у ребенка нет разумной цели движения, ему недостает внутреннего руководителя и движение его утомляет. Многие люди чувствуют ужасающую пустоту при необходимости двигаться без цели. В древности, желая жестоко наказать рабов, их заставляли копать глубокие ямы в земле, а затем тут же засыпать их, то есть совершать бессмысленную работу.

Эксперименты показали, что заданный объем работы выполняется легче, если у человека есть разумная цель, бесцельный труд утомляет сильнее. Сегодня психиатры лечат больных неврастенией не только движением, но и работой на свежем воздухе. Есть восстанавливающая работа, которая не связана с умственным напряжением, но способствует психосоматической координации организма. В результате этого труда вещи не создаются, но сохраняются, например: вытереть пыль, помыть стол, подмести, расставить или собрать посуду перед обедом, почистить ботинки, вытрясти коврик. Эти обязанности слуги, который бережет вещи хозяина, сильно отличаются от труда рабочего, который умственным усилием производит эти вещи. Перед нами совершенно разные виды работы. Первая — деятельность, не намного сложнее, чем ходьба или прыжки, придающая цель простым движениям. Вторая — продуктивный труд, включающий в себя интеллектуальную подготовку, серию сложных двигательных навыков, а также использование сенсорного опыта.

Первая работа годится для малышей, которым нужно двигаться, чтобы научиться координировать свои движения. Это их исходный опыт практической жизни, соответствующий психическому принципу свободы движения. Достаточно приготовить соответствующую среду, как готовят веточки в клетке для птиц, и предоставить ребенку свободу в проявлении его природной активности и стремления подражать взрослым.

Окружающие предметы должны быть соразмерны росту и силам детей. Легкая мебель, чтобы можно было ее переставлять, низенькие шкафчики, чтобы смогли дотянуться детские руки, без усилий открывающиеся замки, легко выдвигающиеся ящики, двери, которые свободно открываются и закрываются, крючки для одежды, повешенные в соответствии с

ростом малыша, щетки, которые может обхватить маленькая ручка, мыло, которое помещается в крошечной ладони, чашки для умывания такие маленькие, чтобы у ребенка хватило сил их перевернуть, метелки с короткими гладкими ручками, одежда, которую ребенок может снять и надеть самостоятельно, — вот обстановка, располагающая к активности, в которой дети постепенно и неустанно будут совершенствовать свои движения и достигнут человеческой грации и легкости, как котенок достигает кошачьих грации и ловкости, двигаясь по воле инстинкта.

Это пространство, открытое для свободной деятельности ребенка, позволяющее ему двигаться и становиться человеком. Не просто движение само по себе, а мощный стимул формирования личности, извлекаемый из повседневных упражнений. Социальные чувства, возникающие у ребенка при взаимодействии с другими свободными активными детьми, его сотрудниками в упражнениях жизненной практики, способствуют внутреннему росту. Ребенок испытывает чувство гордости, научившись действовать самостоятельно в обстановке, которую он сохраняет и которой руководит. Все эти вещи — человеческие показатели, сопровождающие свободное движение.

Сознание развития собственной личности заставляет детей трудиться старательно и усердно, испытывая высшую радость при выполнении работы. В таком окружении они сами себя формируют и укрепляют свою внутреннюю жизнь, так же как сами растили и укрепляли свое тело, бегая по лугу на свежем воздухе.

Внимание

Чего мы прежде всего ждем от ребенка, помещенного в обстановку внутреннего роста: вот он сосредоточит свое внимание на каком-либо предмете, использует этот предмет в соответствии с его назначением и будет бесконечно повторять упражнения с данным предметом. Один ребенок повторит упражнение 20 раз, другой — 40, третий — 200, но фиксация внимания — первое, чего мы ждем. Начало деятельности связано с внутренним ростом.

К проявлениям подобной активности ребенка, очевидно, приводит внутренний первичный импульс, нечто вроде огромного чувства внутреннего голода. Инстинктивное желание удовлетворить этот голод заставляет сознание ребенка обратиться к определенному объекту и приводит его постепенно к первичным (но сложным и повторяемым) упражнениям ума в сравнении, рассуждении, принятии решений, исправлении ошибок. Когда малыш, занятый цилиндрами, вкладывает и снова достает 10 цилиндров по 30–40 раз подряд, ошибаясь, исправляет ошибку, все более заинтересованный, вновь начинает ту же работу, он продолжает упражнять свою психическую активность, ведущую к внутреннему развитию.

Именно ощущение внутреннего развития делает для него упражнение приятным и объясняет его длительную сосредоточенность. Чтобы утолить жажду, недостаточно увидеть воду или ее попробовать, нужно выпить то количество, в котором нуждается организм. Чтобы удовлетворить свой внутренний голод, психическую жажду, недостаточно мимолетно взглянуть на вещи или услышать их описание, необходимо их взять и пользоваться ими столько, сколько нужно для удовлетворения потребностей внутренней жизни.

Этот факт является основой всей психической конструкции и единственным секретом обучения. Внешний объект — трамплин, на котором упражняется ум, и эти внутренние упражнения сами по себе становятся целью деятельности.

Цель действий с цилиндрами для ребенка не в том, чтобы составить представление о размерах, цель действий с цветными фигурками не в том, чтобы получить представление о форме, но чтобы упражнять свою активность. То, что при этом ребенок все-таки получает четкие представления и сохраняет их в памяти, благодаря сосредоточенному интенсивному вниманию, — закономерно. Сенсорный опыт относительно размеров, форм, цветов дает возможность продолжать аналогичные внутренние упражнения в пространстве все более обширном и сложном.

До сих пор все психологи соглашались с тем, что нестабильное внимание свойственно детям 3–4 лет. Малышей привлекает каждый предмет, они переходят от одного к другому, не задерживаясь ни на чем, и необходимость удержать их внимание составляет основную проблему начального образования.

Джеймс писал про «крайнюю подвижность внимания, которую мы встречаем у всех детей и которая делает первые уроки такими трудными... Непроизвольный пассивный характер внимания, так что кажется, что ребенок принадлежит не столько себе, сколько привлекательному для него объекту, — вот первая трудность, с которой должен постараться справиться преподаватель. Способность удерживать неустойчивое, ускользающее внимание — настоящий источник рассудительности, характера и воли, и образование, которое сумеет развить эту способность, будет превосходным образованием» (В. Джеймс «Принципы психологии»).

Итак, человек, действующий сам по себе, никогда не сумеет остановить и сконцентрировать свое удивительное внимание, переходящее от одной вещи к другой. В наших экспериментах не учитель привлекал искусственно внимание малышей, а предмет, словно этот предмет отвечал внутренней потребности ребенка, возникающей только по отношению к вещам, действительно необходимым для его развития. Так, сложные координированные движения грудного младенца при кормлении обусловлены его первой неосознанной потребностью в пище, а не являются сознательным целенаправленным действием. Сознательное целенаправленное действие невозможно для новорожденного. То же относится и к первым движениям ума ребенка. Надо только, чтобы внешним стимулом сначала была материнская грудь и молоко для ума. Тогда рождается потрясающее зрелище сосредоточенного внимательного детского лица.

Вот трехлетний ребенок, способный повторить 50 раз подряд одно и то же упражнение, рядом с ним люди ходят, играют на пианино, поют, но ничто не выводит малыша из состояния глубокой сосредоточенности. Так новорожденный не отпускает материнскую грудь, несмотря на внешние помехи, пока не наестся, он невозмутим. Одна природа способна на такое чудо.

Если основа психических проявлений природа, то, чтобы ее понять и ей содействовать, нужно изучить ее на самых ранних этапах, еще очень простых, единственно способных открыть истину. Впоследствии они помогут интерпретировать позднейшие, более сложные феномены. Это сделали уже многие психологи. Однако, используя аналитические методики экспериментальной психологии, они не приняли во внимание ту исходную точку, откуда черпают все свои познания иные биологические науки. Речь идет о свободе живых существ, за которыми мы собираемся наблюдать. Фабр не раскрыл бы нам тайны жизни насекомых, если бы вместо того, чтобы оставить их на свободе, в условиях естественного поведения, и наблюдать за ними, стараясь сделать свое присутствие как можно менее заметным, ученый не перенес бы насекомых к себе в лабораторию, чтобы подвергнуть экспериментам. Если бы бактериологи не создавали по особой методике исследований специальную среду для микробов, максимально приближенную к их природной среде (по питательным веществам, по температуре и т. д.), чтобы микробы жили свободно и проявляли свой характер, а только разглядывали в микроскопы зарождающуюся болезнь, то науки, которая сегодня спасает жизни стольких людей, защищает народы от эпидемий, просто не существовало бы.

Свободная жизнь составляет основу всякой методики наблюдений за живыми существами. Свобода необходима и для экспериментов по изучению феномена внимания детей. Достаточно подумать, что детское внимание, будучи сенсорным, имеет мощную физиологическую составляющую аккомодации органов чувств. Эта аккомодация, физиологически еще не совершенная у малышей, стремится сформироваться согласно природе. Предмет, не приспособленный к тому, чтобы стать стимулом, соответствующим развивающимся возможностям аккомодации, не привлечет внимания ребенка не только психическое, но и физиологическое, утомляя его, нанося вред механизмам аккомодации глаз, ушей. Малыш, выбирающий предмет и занимающийся им со всем вниманием (об этом

свидетельствует мышечное напряжение, придающее определенное выражение лицу), очевидно, испытывает удовольствие. Удовольствие — знак нормального функционирования, постоянный спутник всякого полезного для тела упражнения.

Внимания требует также подготовка центров образования понятий, связанных с внешней средой. Речь идет о внутренней психической адаптации. Мозговые центры должны возбуждаться, в свою очередь, по внутренним каналам, когда появляется внешний стимул. К примеру, если кто-то ждет гостя, он увидит его издали не только потому, что человек появился в поле зрения, но потому, что он ждет. Этот человек, еще далекий, привлекает внимание, потому что мозговые центры уже возбуждены ожиданием его. Так, насторожившийся охотник слышит самый малый шум, издаваемый дичью в лесу.

Итак, две силы действуют на клетку мозга, как на запертую дверь. Одна, внешняя сенсорная сила, стучит в дверь. Другая, внутренняя, говорит: я открою. Если внутренняя сила не откроет, внешний стимул напрасно будет стучаться у дверей. И самый яркий стимул может пройти незамеченным. Рассеянный человек способен шагнуть в яму. Человек, сосредоточенный на работе, не слышит музыки, играющей на улице.

Главный факт, сопутствующий вниманию, — ожидание. Оно имеет наибольшую психологическую и философскую ценность, а также всегда имело максимальную практическую ценность в педагогике.

Все искусство учителя заключалось в подготовке внимания ученика к ожиданию объяснений — во взаимодействии с внутренними силами, которые должны открыть дверь в ответ на стук. Но так как вещь, совершенно неизвестная или недоступная пониманию, не вызывает интереса, квинтэссенцией педагогического искусства был точный расчет продвижения от известного к неизвестному, от легкого к сложному. Знакомый предмет приводит ученика в состояние ожидания и открывает дверь неизвестному.

То есть, в соответствии с педагогической концепцией, можно наладить взаимодействие психических составляющих внимания. Они заключаются в ловком манипулировании известным и неизвестным и аналогичными вещами. Умелый учитель превращается в подобие полководца, разрабатывающего в штабе план сражения. И человек сможет руководить человеком, вести его куда угодно.

Долгое время этот материалистический принцип главенствовал в психологии. По Спенсеру, ум словно глина, на которой оставляют более или менее глубокие следы все внешние впечатления. По его мнению, а также по мнению английских эмпиристов, опыт формирует сознание даже в его высших проявлениях. Человек — это то, что сделал с ним его опыт, следовательно, в образовании, подготовив специальную среду для приобретения определенного опыта, можно создать человека по своему плану. Концепция не менее материалистичная, чем та, что появилась в результате чудесных открытий органической химии. Ученые сумели синтезировать искусственный белок, белок станет основой клетки яйца, зародыша. Человеческий зародыш — тоже клетка. Однажды химик сможет создать человека в пробирке. Концепция человека, создающего других людей, получила вполне материальное обоснование. Идея психического гомункулуса живет в педагогических методиках.

Никакой химический синтез не внедрит в клетку, простой комочек ядерной протоплазмы, эту активность *sine materia* (нематериальную), этот жизненный потенциал, таинственный фактор, заставляющий клетку превращаться в человека.

Непокорное детское внимание говорит нам, что психика человека существует по тем же законам самосотворения.

Современная школа психологов-спиритуалистов, и среди них Джеймс, признала, что природа внимания связана с духовной силой, мистическим фактором жизни.

Откуда в вас зачатки постиженья,
Сокрыто от людей завесой мглы,
Как и откуда первые влеченья,

Подобные потребности пчелы
Брать мед; и нет хвалы, коль взвесить строго,
Для этой первой воли, ни хулы.

(Данте «Божественная комедия», «Чистилище», песнь XVIII)

В каждом человеке есть свое особенное отношение к внешнему миру, составляющее часть его природы. Именно это отношение определяет характер личности. Внутренняя активность — причина, а не следствие, не реакция на внешние факторы. Наше внимание не останавливается на всех вещах без разбору. Нет! Только на тех, которые отвечают нашим вкусам. Лишь предметы, необходимые для нашей внутренней жизни, возбуждают интерес. Внутренний мир создается путем отбора внешних впечатлений силами (и по причине) внутренней деятельности. Художник увидит вокруг себя прежде всего краски, музыканта привлекут звуки. Специфика нашего внимания раскрывает наше «я», мы проявляем себя в отношении к миру. Внимание не создает личность. Индивидуальный характер, внутренняя форма, неповторимость — таковы люди, живущие в одинаковой обстановке. Ибо каждый берет лишь то, что ему необходимо. Опыт, из которого человек строит себя, отделяясь от внешнего мира, не хаотичен. Он складывается под влиянием личного отношения.

Если и были сомнения в существовании природной силы, управляющей формированием психики, эксперименты с нашими малышами стали «решающим доказательством». Ни один учитель не смог бы своими уловками вызвать такое внимание, его внутренний источник очевиден. Сила концентрации 3-4-летних учеников сравнима с возможностями гениев человечества. Детская сосредоточенность напоминает нам Архимеда, убитого над своими чертежами, от которых его не смог оторвать шум сражения при взятии Сиракуз; или Ньютона, погруженного в вычисления и забывающего о еде; или Витторио Алфьери, сочиняющего стихи и не замечающего свадебного кортежа, шествующего под звон колоколов и крики зевак мимо его окон.

Это гениальное внимание не вызовет ни один опытный учитель, накопление пассивного опыта не способствует накоплению психической энергии.

Если духовная энергия, живущая в ребенке, провоцирует его внимание, значит, это вопрос свободы, необходимой ему для развития интеллекта, а не педагогического мастерства. Дать при помощи разнообразных предметов пищу внутренним потребностям и научиться уважать свободу развития — вот постулаты, на которых логично было бы строить новую педагогику.

Мы не будем создавать гомункулуса, как химики 19-го столетия, но, подобно Диогену, возьмем фонарь и отправимся на поиски человека. Новая педагогика должна попытаться установить, что отвечает исконным психическим потребностям ребенка, так мы поддержим развитие комплексного жизненного феномена, когда ум, воля, характер будут развиваться одновременно, как гармонично развиваются мозг, желудок и мускулы ребенка, питающегося рационально.

Параллельно с первыми внутренними упражнениями в сознании ребенка закрепляются и первые упорядоченные знания, возникает область знакомого, содержащая зерна интеллектуального интереса, наряду с инстинктивным интересом. Формируется процесс, напоминающий механизм внимания, принятый сегодня педагогами за основу образования: переход от знакомого к незнакомому, от простого к сложному, от легкого к трудному, — но с некоторыми особенностями.

Движение от знакомого к незнакомому не идет от предмета к предмету, как считают учителя, не умеющие развивать идеи от центральной точки, а связывающие их без определенной цели, предоставляя блуждающему рассудку случайным образом соединять их друг с другом. Знакомое, в нашем случае, возникает как сложная система идей, созданная самим ребенком в ходе серии психических процессов, которые сами по себе и являются внутренним формированием, духовным ростом.

Для этого мы должны предоставить ребенку систематический комплексный материал,

отвечающий его природным инстинктам. К примеру, наш сенсорный материал, ряд предметов, способных привлечь инстинктивное внимание малыша к краскам, формам, звукам, тактильным ощущениям, весу и т. п. Ученик, подолгу упражняясь с каждым предметом, не только организует свою психическую индивидуальность, но в то же время получает ясное, упорядоченное представление о вещах.

Отныне все предметы уже потому, что обладают формой, размером, цветом, степенью гладкости, весом, твердостью и т. д., будут знакомы малышу. Есть нечто в сознании ребенка, что, заинтересовывая его, подталкивает к приобретению новых впечатлений.

Когда малыш приобщил знания к начальному импульсу, направлявшему его внимание на предметы внешнего мира, он достиг нового уровня взаимоотношений с миром, новых форм заинтересованности, связанных уже не только с исходным инстинктом, но и с интеллектом, с достижениями разума. Да, в основе всех новых достижений ребенка — его психические потребности, но, когда сюда добавляется интеллектуальный компонент, порыв превращается в осознанное добровольное исследование.

Старая педагогическая концепция предписывала ради привлечения внимания учеников к неизвестному связывать незнакомое с уже освоенным, переключая интерес на новую информацию, которую учитель собирался сообщить. Однако это лишь часть комплексного феномена, наблюдаемого в нашем эксперименте.

Чтобы известное послужило источником нового интереса, оно должно быть освоено *по внутреннему побуждению*. Только тогда предыдущие знания вызовут интерес к предметам более сложным. Формирующееся сознание обеспечит, таким образом, возможность бесконечного продолжения образовательных процессов.

Знание само по себе создает порядок в уме. Когда учитель в ходе простого, понятного урока говорит: это длинное, это короткое, это красное, это желтое и т. д., он называет признаки, хорошо ощутимые, их классифицирует, систематизирует. Каждое впечатление отличается от других и занимает в сознании свое место, легко запоминается, благодаря слову. Так в хорошей библиотеке новые книги не бросают, как попало, но расставляют по местам, рядом со старыми томами аналогичного содержания.

Наше сознание обладает не только стремлением к познанию, но и определенным порядком, который поддерживается, сколько бы новых материалов ни поступало. Пока сознание растет и укрепляется, оно сохраняет равновесие. Упражнения в сравнении, суждении, выборе предмета упорядочивают и внутренний опыт. В результате ребенок соображает легко и точно, понимает быстро, благодаря закону минимизации усилий, как везде, где царят порядок и энергия.

Внутренний порядок (и физиологическая адаптация) устанавливается, только если упражнения делались добровольно, спонтанно. Свободное развитие личности выращивает и организует, определяет внутренне состояние. В теле эмбриона сердце в процессе развития занимает свое место в средостении между легкими, формируется купол диафрагмы, определяя окончательное положение легких.

Учитель руководит образовательным процессом, но старается при этом не отвлекать на себя внимание ребенка, чье будущее зависит от сосредоточенности сознания. *Педагогическое искусство состоит в понимании природных явлений и умении не исказить естественный ход событий.*

То, что доказано относительно питания новорожденных и начальной активности сознания, сохраняется на всех этапах жизни, конечно, с определенными изменениями, обусловленными усложнением процессов.

Продолжим аналогию с пищей. Возьмем младенца, который растит свои зубки, развивает кишечник, постепенно усложняет свой рацион, пока, став взрослым, не приобщится ко всем сложностям современной кулинарии. Сохраняя свое здоровье, он должен есть только то, что соответствует внутренним потребностям его организма. Если же он переест или съест что-нибудь неподходящее, непредназначенное для еды, ядовитое, то почувствует себя хуже, отравится, заболеет. Именно в результате изучения питания ребенка

в грудничковый период и в первые годы жизни возникла гигиена питания взрослых людей, представление об опасностях, которых не замечали, пока не поняли, как правильно кормить младенца.

То же происходит и с сознанием. У взрослого оно гораздо сложнее, чем у ребенка, но остается зависимость между природной потребностью и пищей для ума. Порядок внутренней жизни — это всегда вопрос здоровья человека.

Внимание, исходная связь между внутренней природой и стимулом, присуще, пусть в несколько измененном виде, и старшим детям, оно должно оставаться основой образования, поскольку является основой жизни.

Я понимаю возражения практиков. Нужно приучать детей обращать внимание на все, в том числе на неприятные вещи, потому что в настоящей жизни есть необходимая работа.

Это возражение основано на предрассудке, аналогичном тому, который заставлял когда-то заботливых родителей говорить: дети должны есть все. Это было частью воспитания; фатальное заблуждение. Забытый сегодня предрассудок приводил к тому, что родители оставляли ребенка голодным, если он отказывался съесть неприятную для него еду. Малышу предлагали одну и ту же порцию, все более холодную и невкусную, до тех пор, пока голод не ослаблял волю, капризы, и бедняга проглатывал холодные куски. Родители верили, что теперь их сын в разных житейских невзгодах сможет прокормиться чем угодно и не станет ни гурманом, ни капризулей. Тогда детям не давали конфет, чтобы они победили в себе чревоугодие. (А ведь детский организм нуждается в сахаре, потому что растущие мускулы активно потребляют его.) Тогда легким и удобным наказанием считалось отправить ребенка спать без ужина, чтобы исправить его злой нрав.

Практик, утверждающий сегодня, что ребенок, готовясь к жизненным трудностям, должен уделять внимание неприятным вещам, напоминает прежних заботливых родителей. Только в случае с питанием для психики нет голода, заставляющего проглотить невкусную, холодную еду, питание неудобоваримое, отупляющее, ядовитое.

Так не воспитаешь сильный дух, готовый к житейским трудностям. У ребенка, доедавшего холодные остатки, голодавшего по вечерам, плохо развитое тело беззащитно перед внешними инфекциями, он заболевает. С точки зрения морали, вечно голодный малыш поверит, что обжорство — лучшее, что можно совершить, получив свободу в зрелом возрасте.

Современный ребенок, правильно питающийся, крепкий физически, вырастет умеренным человеком, который ест столько, сколько нужно для здоровья, не употребляет алкоголь, не травит себя, не переедает. Такой современный человек умеет защитить себя от инфекционных заболеваний, готов к тяжелой работе, с удовольствием занимается спортом, мечтает о грандиозных проектах, например покорение полюса или горной вершины, и воплощает свои планы в жизнь.

Человек, способный выстоять в ожесточенной моральной схватке, подняться на духовную высоту, должен обладать сильной волей, уравновешенным сознанием, мгновенной и неустанной решимостью.

Подобные качества скорее будут у того, чья внутренняя жизнь развивалась нормально, в соответствии с законами предусмотрительной природы, организуясь и формируя личность. Быть готовым к борьбе означает не бороться с рождения, но быть сильным. Сильный всегда энергичнее. Героями становятся, только совершив героическое усилие. Испытания, ожидающие нас в жизни, непредсказуемы, неожиданны. Никто не сможет подготовить нас к этому впрямую. Только сильная душа готова ко всему.

Чтобы обеспечить нормальное развитие растущему организму, нужно дать то, что соответствует сиюминутной внутренней потребности. Эмбриону для питания нужна кровь, новорожденному — молоко. Если крови, богатой белком и кислородом, не хватит зародышу в период внутриутробного развития или если в его ткани попадут ядовитые вещества, организм не сможет развиваться нормально, и никакая последующая забота не укрепит человека, родившегося из ослабленного эмбриона. Если малышу не хватает молока, голод в

начальный период жизни может навсегда оставить его на низшем уровне развития. Новорожденный учится ходить, лежа в кровати, пока спокойно спит. Он помогает прорезываться зубкам, когда сосет молоко. Птица готовится к полету не в воздухе, а в маленьком теплом гнездышке, где много еды. К жизни готовятся исподволь.

Все природные феномены, полет птицы, жестокость хищника, песня соловья, прекрасные оттенки крыльев бабочки, готовятся втайне — в гнезде, в норе или в неподвижной тесноте кокона. Всесовершенная природа просит у нас только покоя для растущего создания. Остальное ему дает она.

Воля

Когда ребенок выбирает среди определенного количества материалов то, что ему нравится, идет к шкафчику, относит предмет к своему столу или соглашается уступить его товарищу; когда он ждет, пока одноклассник освободит интересный для него материал; когда он усердно и внимательно повторяет одно и то же упражнение, исправляя ошибку, подсказанную самим материалом; когда в упражнениях в тишине он сдерживает все свои порывы, все движения, потом, поднявшись по сигналу, двигается крайне осторожно, чтобы не топтать, не стучать стульями, — ребенок совершает множество волевых действий. Можно сказать, что происходит тренировка его воли. Именно воля постоянно задействована и доминирует во всех ситуациях, воля, основанная на внутреннем фундаментальном явлении длительно сохраняемого внимания.

Давайте рассмотрим некоторые волевые показатели. Все внешние проявления воли — в движениях. Любое человеческое действие, идет ли он, работает, говорит, пишет, переводит взгляд на что-то или закрывает глаза, чтобы избавиться от некоего образа, связано с движением. Волевым актом может быть и запрет на движение: сдержать беспорядочную жестикуляцию в гневе, не поддаться желанию вырвать из чужих рук желанный предмет, — все это проявления воли. Итак, воля — это не просто порыв к действию, это совершенное управление своими движениями. Ничего не делая, волю не продемонстрируешь. Тот, кто хочет сделать что-нибудь хорошее и ничего не делает, мечтает искупить свои ошибки, но не действует, собирается пойти в гости или на писать письмо и не трогается с места, не совершает волевых усилий. Думать, мечтать — этого мало, учитываются только поступки. «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Жизнь воли деятельна. Поступки — равнодействующая сила между возбуждением и торможением, она может стать, при повторении действий, почти привычной, неосознанной. Это относится ко всем привычным действиям, которые и составляют поведение хорошо воспитанного человека. Нам хочется пойти в гости, но мы знаем, что можем помешать, сегодня неприятный день, и мы отказываемся от своего желания. Мы сидим в комнате, но входит пожилой человек, и мы встаем. Эта дама очень несимпатичная, но мы ей кланяемся и приветствуем ее. Наша соседка взяла именно ту конфету, которую мы присмотрели для себя, но мы и виду не подаем. Движения нашего тела подчиняются не порывам и не усталости, они точное воспроизведение наших представлений о приличиях. При отсутствии внутренних импульсов мы не сможем участвовать в социальной жизни, «без тормозов» не сумеем исправлять свои порывы, руководить, пользоваться ими.

Равновесие двух противоположных движущих сил — результат длительной тренировки, старинных наших привычек. Поступки становятся почти рефлекторными, мы не чувствуем усилий, их совершая, не прибегаем к доводам ума, к запасам знаний. А ведь они не имеют ничего общего с рефлексом, не природа, но привычка заставляет нас поступать так или иначе. Мы отлично знаем, что человек, не воспитанный в подобных привычках, хотя и знающий некоторые правила, часто поступает неловко, неуклюже. Ему приходится каждый раз делать волевое усилие, бдительно контролировать себя. Его усилия несравнимы с привычкой хороших манер, привычкой, в которой воля, накопив за долгий срок силы вне сферы сознания, или на самой его периферии, оставляет сознание свободным для новых

знаний и нового опыта. Может, мы перестанем считать доказательством воли поведение, при котором тем не менее сознание как бы косвенно, но бдительно следит за действиями, чтобы они соответствовали правилам хорошего тона? Воспитанный человек — всего лишь человек в себе, человек здорового духа. Действительно, только болезнь, разрушая личностную организацию, могла бы помешать вежливому господину действовать невоспитанно. Неврастеник, человек, проявляющий первые признаки паранойи, кажутся в начале болезни просто невежливыми.

Тот, кто не переступает границ вежливости, не более чем нормален. Мы не осмелимся назвать его волевым человеком. Его сознание открыто для других вещей, а механизмы, собранные на периферии сознания, уже не имеют волевой ценности.

Однако ребенок только набирается опыта, его личность еще не стала такой, как у светского господина. Он менее уравновешен, чем взрослые, весь во власти своих порывов и суровых запретов. Две противоположные волевые тенденции еще не соединились, чтобы сформировать новую личность. Психика изначально состоит из двух отдельных элементов. Их сочетание, согласование приводит к формированию своеобразного спасательного круга на периферии сознания. Для этого необходима немедленная активная тренировка. Цель ее, конечно, не в том, чтобы сделать из ребенка досрочно маленького джентльмена. Главное — тренировка волевого потенциала и создание баланса между возбуждением и торможением. Именно эта конструкция необходима, а не внешние проявления, которых можно достичь с ее помощью.

Есть только одно средство достичь цели: ребенок находится среди других детей и упражняет свою волю в повседневной жизни. Малыш, поглощенный работой, тормозит все лишние движения, кроме необратимых для осуществления замысла. Он выбирает между различными мышечными комбинациями, доступными для него, длительное время сохраняет это положение и так начинает фиксировать свой выбор. Ситуация, совершенно непохожая на беспорядочные движения, следствие некоординированных импульсов. Когда он начинает уважать чужой труд, уже не вырывает желанный предмет из рук одноклассника, но терпеливо ждет, двигается, не сталкиваясь с людьми, не наступая им на ноги, не переворачивая столы, — он делает это, организовав свою волю и установив равновесие между процессами возбуждения и торможения. Возникает бесценная привычка к общественной жизни. К такому результату невозможно прийти, если постоянно заставлять ребенка сидеть спокойно рядом с другими детьми. Так дети не начнут общаться, никакая общественная жизнь не возникнет.

Только свободное общение, реальный опыт вынуждают соразмерять свои границы с чужими, позволяют воспитать социальные навыки.

Конечно, не лекция о том, как надо поступать, порождает волевые механизмы. Недостаточно иметь представление о правилах поведения, о правах и обязанностях, чтобы добиться гармоничных движений. Если бы это было возможно, тщательное описание движений руки пианиста помогло бы внимательному ученику тут же исполнить сонату Бетховена. Однако здесь необходима подготовка: только упражнение развивает волю.

Наладить вовремя действие всех механизмов, необходимых для формирования личности, — главная ценность образования. Детям необходимо движение, гимнастика, ибо в бездействии мышцы не научатся выполнять множество движений, на которые способна наша мускулатура. Чтобы поддержать активность внутренней жизни, тоже нужна соответствующая гимнастика.

Без воспитания организм подвержен многим случайным ошибкам. Тот, у кого слабые мышцы, старается не двигаться. Тот, у кого слабая воля, слабовольный, безвольный, легко приспособится к школе, где все ребята только сидят и слушают или делают вид, что слушают. Сколько детей, попавших в больницы по причине расстройства нервной системы, не вызывали тревоги в школе: «Хорошее поведение, но плохая успеваемость». Учителя обычно говорят об этих детях: «Они очень послушные» — и тем самым якобы защищают их от всякого вмешательства. Детей оставляют наедине со слабостью, которая их поглощает,

как зыбучие пески. Других учеников, крайне возбудимых, воспринимают только как нарушителей порядка. Им вынесен приговор: скверные дети. Спросите, в чем состоит эта скверна. Ответ почти всегда один: «Он никогда не сидит спокойно» или «Он изводит одноклассников». В характеристиках нарушителей почти всегда упоминаются столкновения с одноклассниками. Дети всеми средствами стараются нарушить спокойствие товарищей и увлечь их за собой. Есть ученики, в которых преобладают процессы торможения, они чрезвычайно робки и даже не могут решиться ответить на вопрос. Если учитель настаивает, они все-таки отвечают, но тихим голосом, со слезами.

Тренировка, необходимая всем трем типам без исключения, — свободная деятельность. Заинтересованные и продолжительные занятия других детей — лучшее приглашение для безвольных учеников. Движение, направляемое упорядоченными упражнениями, развивает умение сдерживать себя у возбудимых ребят. Слишком стеснительный ребенок, освобожденный от гиперопеки, получивший возможность действовать самостоятельно, то есть освобожденный от всего, что провоцировало его стеснительность, сможет восстановить равновесие двух противоположных волевых процессов. Путь успеха во всех случаях один — путь, при котором слабые становятся сильнее, а сильные совершенствуются.

Нарушение равновесия между процессами возбуждения и торможения — факт не только известный и занимательный как патология, он так же часто встречается среди нормальных людей, как и недостаток воспитания в общественных отношениях.

Возбуждение толкает преступников на правонарушения, но сколько раз нормальные люди раскаивались в своих необдуманных поступках, во вспышках, которые приводили к самым печальным последствиям. Чаще всего такой человек вредит лишь себе, губит свою карьеру, не может реализовать свои таланты и страдает от рабства, вину за которое очень хорошо сознает, как от несчастья, которого мог бы избежать.

Патологическая жертва собственных процессов торможения — самый несчастный из всех, он замирает, молчит, но в глубине души хотел бы двигаться; тысячи порывов, которые не находят выхода, терзают его, а он стремится к искусству, к работе. Красноречивое повествование о собственных несчастьях могло бы сорваться с его губ, он хотел бы попросить помощи у врача, поделиться с благородным человеком, но губы сомкнуты. Этот невыносимый кошмар напоминает страдания человека, погребенного заживо. Сколько нормальных людей мучается от подобных несчастий. Они могли бы при счастливом стечении обстоятельств развиваться, демонстрировать свои достоинства, но ничего не получается. Тысячу раз они думали, что откровенная исповедь изменит тяжелое положение, но сердце заперто и рот закрыт. Как страстно они мечтают поговорить с кем-то, кто их поймет, поддержит, утешит! Но при встрече не могут произнести ни слова. Собеседник их ободряет, расспрашивает, подталкивает к разговору, но ответом ему — только внутренняя тоска. Говори, говори! подсказывает внутренний голос в глубине сознания, но неумолимый запрет — материальная сила, властная и непреодолимая.

Воспитание воли при помощи свободных упражнений уравнивает процессы возбуждения и торможения и исцеляет таких страдальцев, даже если речь идет о возрасте становления воли.

Равновесие, существующее как механизм на периферии сознания, позволяет человеку вести себя правильно, но еще не создает волевою личность. Мы сказали, что сознание остается свободным для дальнейшего развития воли. Самая аристократичная, утонченная женщина может быть безвольной и бесхарактерной, если в ней была сурово воспитана механическая воля, направленная исключительно на внешние объекты.

Существует базовый волевой акт, на котором строятся не взаимоотношения отдельных людей, но вся общественная конструкция и который характеризуется постоянством. Общественная организация основана на том, что люди могут постоянно работать и производить в неких средних пределах. Труд и производство поддерживают экономическое равновесие. Социальное отношение, лежащее в основе воспроизводства вида, основано на постоянстве союза родителей в браке. Семья и продуктивный труд — два краеугольных

камня общества. Они опираются на важнейшее волевое качество: постоянство.

Это настоящий показатель внутреннего единства личности. Без него жизнь превратилась бы в серию эпизодов, в хаос, в тело, распадающееся на клетки, вместо организма, который сохраняется, несмотря на все изменения собственных тканей. Это фундаментальное качество, включающее в себя сознание индивидуальности, образ мысли, то есть всю личность, мы назвали характером. Человек с характером упорен, верен своему слову, своим привязанностям. Постоянство имеет одно социально значимое проявление: упорство в труде.

Неразвитый индивид еще до того, как поддаться криминальному порыву, продемонстрировать непостоянство чувств, нарушить слово, пренебречь принципами благородных людей, уже несет на себе клеймо, которое выдает в нем человека мелкого, падшего. Это клеймо — праздность, неспособность к упорному труду. Когда у благородного, вежливого человека начинается расстройство психики, то, прежде чем появятся порывы, странное поведение, бред, возникает предупредительный симптом: он не может сосредоточиться на работе. Люди считают девушку готовой к замужеству, если она трудолюбива. Юношу считают честным, способным составить счастье молодой девушки, если он хороший работник. Звание хорошего парня или хорошей девушки присваивается не за умения, а за постоянство и упорство. Действительно, псевдохудожник, который ловко мастерит поделки, но не в силах заставить себя работать, вряд ли станет хорошим мужем. Все знают, что он не сможет заработать на семью, он подозрителен, опасен. Он будет плохим мужем, плохим отцом, плохим гражданином. Напротив, труд скромного ремесленника гарантирует благополучие и безопасность семье. Вот смысл великой римской эпохи: «Она оставалась дома и пряла шерсть». То есть была женщиной с характером, достойной подругой покорителей Вселенной.

Малыш, демонстрируя в качестве первых конструктивных шагов своей психики постоянство в работе, а значит, внутренний порядок, равновесие, рост личности, показывает нам, словно сияющее откровение, путь созидания личностной ценности. Погруженный в свои упражнения, упорный и сосредоточенный, он, очевидно, вырабатывает в себе человека постоянного, с характером, того, кто найдет в себе все человеческие ценности, венчающие фундаментальное, уникальное явление — постоянство в работе. Какова бы ни была работа, выбранная ребенком, лишь бы он занимался ею настойчиво. Это главное! Значима не работа сама по себе, а работа как средство построения внутреннего мира.

Отрывая ученика от его занятий, чтобы заставить выучить что-то определенное, вынуждая бросить арифметику ради географии и далее по списку (думая, как важно руководить культурным развитием), мы путаем средство с целью и разрушаем человека ради пустой суеты. Нужно руководить не культурным развитием, но самим человеком.

Основа воли — постоянство, а высший волевой акт — решение. Нам необходимо решиться, чтобы выполнить любое осознанное действие. Решение — всегда следствие выбора. Предположим, у нас много шляп, придется принять решение, какую надеть. Это может быть коричневая или серая шляпа — выбрать надо одну. У нас есть причины для выбора: любимый цвет серый или коричневый. Естественно, привычка носить шляпы облегчает выбор; мы почти не отдаем отчета в том, какие мотивы боролись в нас. Минутное дело, никаких ощутимых усилий. Наши познания о шляпах, какие носят утром, какие вечером, какие в театр, а какие на прогулку, спасают нас от внутренней борьбы.

Все иначе, если мы захотели купить подарок на определенную сумму. Что выбрать среди огромного количества подходящих предметов? Если у нас нет ясных познаний о вещах, ситуация мучительная. Мы бы взяли какое-нибудь произведение искусства, но, не разбираясь в них, боимся ошибиться и показаться невежественными. Мы колеблемся, что лучше подойдет, серебряная чаша или кружево. Нужен кто-то, кто просветит нас относительно всех подробностей, пока непонятных. Мы просим совета. Не обязательно ему следовать, ведь совет опирается на наше непонимание, а мы хотим ясности, вместо подстегивания воли. Воля ревнива, это наше дело, совсем иного рода, чем знание,

необходимое для решения. Выбор, который мы совершим после советов одного или нескольких доброжелателей, несет печать нашей индивидуальности, это решение нашего «я».

Такой же выбор делает хозяйка дома, когда готовит званый обед. Если у нее хороший вкус, если она разбирается в хозяйстве, то примет решение легко и с удовольствием.

В любом случае решение — результат внутренней работы, серьезного напряжения, которого стараются избегать слабовольные люди, словно наказания. Хозяйка дома, если у нее есть такая возможность, передоверит право решения кухарке, ее портниха разберется в многочисленных модных тенденциях при выборе одежды. Видя, что решение затягивается, портниха скажет, наконец: «Выбирайте это платье, оно вам идет». Дама предпочтет скорее избежать необходимости принять решение, чем довериться своему вкусу. Вся наша жизнь — постоянные упражнения в решимости. Выходя из дому, закрывая дверь на ключ, мы ясно помним это действие (уверенность в безопасности дома) и только тогда решаем уйти.

Чем сильнее наша решительность, тем менее мы зависим от других. Ясность идей, привычка решать дают чувство свободы. Самая прочная цепь, сковывающая нас, словно униженных рабов, это неспособность принять решение, а следовательно, необходимость прибегать к чужой помощи. Страх ошибки, блуждание во мраке, ожидание неизбежных последствий ошибки, которую мы не сможем распознать, — вот что заставляет нас бежать за кем-то, как собачка, которую тянут на поводке. Мы доходим до абсолютной беспомощности, не в силах отправить письмо, купить носовой платок без постороннего совета.

Когда в сознании такого человека возникнет настоящая борьба и придется немедленно принять решение, тогда сомнение обнаружит всю слабость существа, абсолютно подчиненного чужой воле. И вот послушный становится суккубом (демоном, призраком). Ничего не заметив, он оказывается в пропасти, где слабые спасаются от гибели. Молодые люди, самые послушные, безвольные, становятся легкой добычей многих опасностей, которыми наполнен наш мир.

Сопротивляться заставляет не моральный облик, но тренированная в повседневной жизни воля. Мать семейства, вечно занятая домашней работой, привыкшая каждый день принимать решения, имеет больше шансов победить в моральной борьбе, чем бездетная дама, живущая в мучительной праздности, привыкшая во всем подчиняться мужниной воле. При этом обе женщины могут обладать сходными моральными принципами. Если первая из них останется вдовой, она сможет продолжить дело своего мужа, второй же в подобной ситуации потребуются опекуны, чтобы не погибнуть. Ради спасения души нужно научиться не зависеть ни от кого, кроме самого себя, потому что в момент опасности ты всегда один. А сила не возникает мгновенно. Тот, кто знает, что ему предстоит борьба, готовит заранее свои силы, умения. Он не сидит сложа руки, ибо знает, что погибнет или окажется в зависимости, станет тенью того, кому придется опекать его всю жизнь, вещь практически невыполнимая.

«Мгновенье победило нас», — говорит Франческа Данте в «Аду».

Если мы хотим одолеть искушение, нельзя допустить, чтобы оно, как бомба, столкнулось с другой бомбой мгновенной вспышки морали. Нет, ему должны противостоять прочные стены неприступной крепости, строившейся надежно, камень к камню, в течение длительного времени, со дня закладки фундамента. Постоянная работа, ясность идей, привычка взвешивать мотивы во внутренней борьбе, даже в повседневной деятельности, решения, принимаемые каждый миг по поводу мелочей, умение управлять своими действиями, самим собой, постепенный рост через последовательность повторяемых упражнений — вот замечательные маленькие камни, на которых строится прочное здание личности. В нем может жить мораль, как принцесса живет в средневековой крепости, окруженной ровом и зубчатыми башнями. Здесь она в безопасности, во всеоружии, но все равно дама, владелица замка. Чтобы построить убежище для морали — крепкое тело, нужно воздерживаться от спиртного (самый страшный внешний яд, ослабляющий нас), двигаться на свежем воздухе (это активизирует обмен веществ, избавляет нас от внутренней отравы, производимой нашим собственным организмом, отнимающей силы). Насколько же важны

постоянные упражнения воли!

Наши малыши вырабатывают собственную волю, когда в процессе самообучения приводят в движение внутренние механизмы сравнения, суждения и систематизируют свои знания. Теперь они могут принимать решения и не зависеть от чужих указаний. Дети сами принимают решения по поводу своих ежедневных занятий, взявшись за что-то или отложить, двигаться в ритме музыки или сдерживать активность, если хочется тишины. Постоянная работа, созидающая личность, ведется в соответствии с их решениями. Такое состояние приходит на смену первобытному хаосу, когда человек действует, повинаясь порывам. Воля развивается в них, робость и сомнения исчезают, как тени прежней душевной смуты.

Воля не сможет развиваться, если в сознании не созреет порядок, ясность, если мы будем туманить ум ребенка нагромождением идей, уроками, которые приходится учить наизусть, если мы помешаем детям принимать решения, решая все за них. Педагоги, действующие именно так, справедливо считают, что ребенок не должен быть своеволен, они учат, что слов «я хочу» не существует. Они действительно мешают детской воле развиваться. Ученики, находящиеся под гнетом бесконечных запретов, становятся робкими, у них не хватает храбрости предпринять что-то без помощи и одобрения людей, от которых они целиком зависят. «Какого цвета вишни?» — спросила однажды женщина у мальчика, отлично знавшего, что вишни красные. Робко, испуганно, сомневаясь в правильности ответа, он пробормотал: «Я спрошу учительницу».

Волевой механизм, который готовит к принятию решений, — один из важнейших, он должен создаваться и укрепляться. Патологические случаи показывают нам его значимость отдельно от прочих волевых компонентов, и мы понимаем, что он словно опора огромного свода, поддерживающего личность. То, что называют манией нерешительности, — частый этап развития прогрессирующей психопатии, может предшествовать одержимости, неотвратимо толкающей человека к аморальным поступкам. Однако эту манию можно наблюдать и как самостоятельный феномен. Люди ни на что не могут решиться, пребывают в состоянии тревоги, однако сохраняют моральный облик. Мания нерешительности вырастает порой на самых высоких моральных принципах.

Я встретила в клинике нервных болезней один такой характерный случай. Мужчина собирал мусор в домах. Его преследовал страх, не упало ли случайно что-то нужное в мусорный бак и не заподозрят ли его в злоупотреблении чужой рассеянностью. Поэтому несчастный, едва выйдя из дома со своей ношей, вновь поднимался по лестнице, стучался во все двери и спрашивал, не попало ли что-то нужное в мусор, он уходил, снова возвращался и, несмотря на уверения жильцов, опять стучался в дверь. Напрасно он обращался к врачам, надеясь, что они укрепят его волю. Ему повторяли, что в мусорных баках ничего нет, и он может быть совершенно спокоен, продолжать работу без всяких опасений. В глазах больного загорался луч надежды. «Я могу быть спокоен», — говорил мусорщик, уходя. Через минуту он вновь возник на пороге: «Я действительно могу быть спокоен?» Напрасно его убеждали... Да, да, спокоен. Жена старалась увести мужа, но в окно мы видели, как больной внезапно останавливался, вырывался, возвращался в кабинет и, задыхаясь, спрашивал: «Я могу быть спокоен?»

Как часто совершенно здоровые люди таят в себе зерна этой мании. Вот дама выходит из квартиры, закрывает дверь на ключ, толкает, чтобы проверить, хорошо ли закрылось, проходит несколько шагов, и ее охватывает сомнение: «Заперла ли я дверь?» Она знает, что заперла, она хорошо помнит, как толкнула дверь, но непреодолимая сила заставляет ее вернуться назад, чтобы удостовериться, закрыта ли дверь. Порой дети по вечерам перед сном заглядывают под кровать, чтобы выяснить, нет ли там животных, кошки например. Никого нет. Однако через несколько минут малыш снова слезает с постели и смотрит, нет ли кого-нибудь внизу. Эти зерна живут в нас, как бациллы туберкулеза, ослабляя организм. Однако, пока зло спрятано, оно не вызывает беспокойства, как бледность лица, временно замаскированная румянами.

Воля проявляется в действии, которому тело должно подчиниться. Так сколько же

нужно специальных упражнений, чтобы развить все волевые механизмы!

Можно провести параллель между формированием воли и координации движений при помощи материальных инструментов — развитой мускулатуры. Всем ясно, нужно упражняться, чтобы движения стали точными. Нельзя научиться танцевать без репетиций, играть на пианино без тренированных рук, с детства устанавливается координация основных движений, ходьбы, умения схватить предмет. Однако мы пока не поняли, что подобная подготовка необходима и для развития воли.

С точки зрения физиологии, наши мышцы работают не одинаково, а в двух противоположных направлениях: одни отводят руку от тела, другие — приводят; одни сгибают ногу, другие выпрямляют, то есть они антагонистичны в своих действиях. Каждое движение нашего тела — результат взаимодействия мышц-антагонистов, с преобладанием то одних, то других. Благодаря их сотрудничеству, нам доступны самые разнообразные движения: энергичные, грациозные, элегантные. Так мы вырабатываем достойную осанку, великолепное соответствие танца музыкальному ритму.

Чтобы наладить чудесную согласованность мышц-антагонистов, нужны двигательные упражнения. Да, можно выучить движение. Однако, если уже выработана естественная координация, становятся доступны особенные движения, спортивные игры, танцы, если субъект продолжает тренировки, он обретает новые возможности. Это относится не только к грации, ловкости, но и к силе. Необходимы постоянные упражнения. Конечно, воля играет важную роль в подобных вещах. Некто хотел бы заняться спортом, танцами, участвовать в соревнованиях... но он должен был тренироваться заранее, постоянно, чтобы подготовить инструментарий, который подчинится волевому импульсу. Движение всегда произвольно. Оно произвольно с первых шагов, вырабатывающих координацию, произвольно, если упражнения адаптированы к новым двигательным сочетаниям, умениям, если воля действует, как командующий, отдающий приказы прекрасно организованной, дисциплинированной, обученной армии. Волевой потенциал возрастает по мере того, как мышцы, от которых зависит действие, совершенствуются и могут теперь подчиниться волевому импульсу.

Никому и в голову не придет, ради развития подвижности ребенка, погрузить его в абсолютную неподвижность, заковать в гипс (правда, не ломая костей), подождать, пока мускулы атрофируются, и в этот момент прочитать несчастному несколько замечательных историй о клоунах, акробатах, боксерах, чемпионах мира, чтобы воодушевить примером, зажечь в малыше страстное желание бросить вызов великим. Конечно, это абсурд!

А ведь именно так мы поступаем, формируя детскую волю. Сначала мы хотим ее уничтожить, как говорят «сломить», затем мешаем развитию воли, подменяя собой ребенка. Своевольно обрекаем его на неподвижность или заставляем действовать. Мы выбираем и решаем за детей, чтобы затем ограничиться поучением: «Хотеть — значит мочь». Мы рассказываем славные истории о жизни героев, гигантов воли, и воображаем, что, выучив наизусть чужие подвиги, ребенок ощутит непреодолимое стремление вступить в соревнование с великими и случится чудо.

Когда я была маленькой и ходила в начальную школу, у меня была очень милая учительница. Она нас любила. Естественно, заставляла смиренно сидеть за партами, а сама говорила без конца, так что даже бледнела и задыхалась. Ее идеей фикс было заставить нас выучить биографии известных женщин, особенно героинь, чтобы дать нам образец для подражания. Она заставляла нас зубрить множество биографий, чтобы мы узнали таким образом все способы обретения славы, а также поверили в достижимость этой цели, ведь столько людей уже стали героями. Каждая история заканчивалась призывом: «И ты должен постараться стать знаменитым. Ведь ты хочешь стать знаменитым?» — «Ни за что, — ответила я однажды, соскучившись на уроке, — я никогда не стану такой. Я слишком люблю будущих детей и не заставлю их учить наизусть еще одну биографию».

Доклады учителей всего мира на последних международных педагогических и психологических конгрессах посвящены «отсутствию характера» у молодежи — великой

опасности для человечества. Это не у человечества нет характера, это школа калечит тело и убивает душу. Освободите детей, и проявятся их скрытые силы.

Умение использовать свою волю — важнейшая проблема. Ее можно сформулировать так: воля должна быть, должна развиваться и укрепляться. Один из примеров, который мы привыкли приводить детям, чтобы они восхитились силой воли, — жизнь Витторио Альфьери, который в достаточно солидном возрасте начал учиться, преодолел огромным напряжением скуку первых уроков. Будучи светским господином, засел за латинскую грамматику, упорно трудился, пока не стал эрудитом и, благодаря своей гениальности, одним из величайших наших поэтов. Слова, которыми он объяснял свое перерождение, все школьники Италии слышали много раз от учителей: «Желать, всегда желать, очень сильно желать».

Перед тем как принять великое решение, Витторио Альфьери был жертвой капризной светской дамы, которую обожал. Он понимал, что гибнет, оставаясь рабом своей страсти. Внутреннее чувство подталкивало его к освобождению, он ощущал в себе великого человека, полного могучих сил, еще не проснувшихся. Он хотел бы их использовать, ответить на внутренний порыв, отдаться ему. Вдруг приносят пахнущее духами приглашение на спектакль от возлюбленной. Вечер потерян. Власть этой особы была сильнее его собственной воли, которая пыталась сопротивляться. Скука, ярость, испытанные поэтом во время пошлого спектакля, причинили ему столько боли, что он почти возненавидел обольстительницу.

Решение Альфьери было вполне материально. Он придумал воздвигнуть непреодолимую преграду между собой и ею: отрезал свою прекрасную косу, признак благородного синьора. В таком виде он не мог выйти за порог дома, не опозорив себя. Затем страдалец приказал привязать себя к креслу и проводил так целые дни, не в силах прочитать ни строчки, так он был возбужден. Невозможность двигаться и страх показаться смешным мешали ему повиноваться страсти, толкающей в объятия любимой.

Вот так он «желал, всегда желал, очень сильно желал» и позволил раскрыться своему внутреннему «я», вот так он спасся от пустоты и гибели и заслужил бессмертие.

Именно такими мы хотим видеть наших детей, воспитывая их волю. Мы хотим, чтобы они умели избегать губительной суеты, умели концентрироваться на работе, раскрывающей внутренний мир, ведущей к великим целям. Мы хотим, чтобы и они заслужили свое бессмертие.

Движимые этим мучительным желанием, мы ведем детей за собой. Но разве сила, способная привести к успеху, не в них самих? Ребенок любит нас всем сердцем и подражает нам изо всех сил. Однако есть в нем нечто, что протестует. Это сила его собственного развития. Повинуясь ей, он берет различные предметы, изучая их, а мы говорим: «Не трогай!» Он двигается, чтобы научиться сохранять равновесие, а мы говорим: «Не бегай!» Он задает нам вопросы, чтобы уяснить положение вещей, а мы говорим: «Не приставай!» Мы держим его на привязи возле себя с немногими скучными игрушками, как Альфьери в театральной ложе. Ребенок думает: «Почему тот, кого я так люблю, хочет меня уничтожить? Почему он угнетает меня своими капризами? Ведь из каприза не разрешает он мне развивать свои внутренние силы, а отсылает к пустым, скучным игрушкам. Он так поступает только потому, что я его люблю».

Ради спасения ребенку нужно быть сильным, как Альфьери. Слишком часто ему это не удается.

Мы не замечаем, как угнетаем, уничтожаем детей, требуем от них — по закону, по праву нашего всемогущества. Мы хотели бы получить взрослого человека, не давая ему расти при этом.

Сколько родителей, читая биографию Альфьери, мечтали о большем для своих сыновей! Они хотели бы, чтобы их детям не пришлось воздвигать материальных преград перед искушениями, стричь волосы, привязывать себя к креслу, пусть им хватит духовной силы. Они рассуждают, как один из наших поэтов, который, воспевая Лукрецию, упрекал ее

за самоубийство, потому что она должна была бы «умереть от стыда, если бы была благороднее».

Эти родители, наполненные возвышенными идеями, не спрашивают себя, что они сами сделали для того, чтобы сыновья обрели силу и научились принимать духовную поддержку. Возможно, один из отцов уже позаботился о том, чтобы сломить волю ребенка, подчинить его себе. Однако не земной отец формирует дух, но мистический голос, который звучит в сердце каждого человека — в тишине. Пронзительные вопли родителей, желающих покорить своих отпрысков, противоречат законам природы, нарушают тишину, где спокойно и свободно творится чудо. Без «сильного человека» — все напрасно.

Говорят, однажды священник представил святой Терезе юную девушку, которая хотела стать кармелиткой и походила, по его словам, на ангела. Святая Тереза, принимая новенькую, сказала: «Отец мой, наш Господь, возможно, даровал этой девушке благочестие, но она не умеет рассуждать и не научится этому никогда. Она всегда будет обузой для нас».

Жанну д'Арк некоторые считали простым инструментом святого духа, но известный современный теолог, изучив ее личность во время процесса канонизации, возразил: «Не стоит заблуждаться, Жанна д'Арк не была слепым, пассивным инструментом высшей силы. Освободительница Франции располагала своей личностью и доказала это независимостью своих решений и действий».

Я думаю, задача педагога состоит прежде всего в защите детских сил и в руководстве ими — без помех для развития; затем в установлении контакта между человеком и его душой, которой он должен служить.

Разум

Давайте остановимся на минуту, чтобы подобрать ключ к свободе ребенка. Что приведет в движение механизмы образования?

У ребенка, свободного в движении,двигающегося все с большим совершенством, есть интеллектуальная цель этих движений. Ребенок, свободно развивающий свое внутреннее я, упорно работающий, организовавший себя на это фундаментальное занятие, руководствуется интеллектуальной целью. Без нее упорство в упражнениях, внутренний рост, прогресс были бы невозможны. Когда мы перестанем руководить каждым шагом поработанных детей, освободив их от нашего личного влияния, поместим их в соразмерную среду, наполненную развивающими материалами, мы доверим детей их собственному разуму. Их двигательная активность сведется к осознанным действиям: они моют руки и лицо, подметают комнату, вытирают пыль с мебели, передеваются, складывают коврики, накрывают на стол, выращивают цветы, ухаживают за животными. Ребенок выбирает развивающее занятие и упорно трудится, направляемый интересом к сенсорному материалу, который помогает ему отличать один предмет от другого, выбирать, рассуждать, исправлять свои ошибки. Знания, приобретенные таким путем, являются не только причиной внутреннего образования, но и движущей силой прогресса. Переходя от простых объектов ко все более сложным, малыш становится хозяином своих знаний, более того, при помощи внутреннего порядка и достигнутых навыков создает характер.

Итак, предоставляя ученикам свободу, мы оставляем их на попечении собственного разума, а не инстинкта, как принято считать, подразумевая под словом «инстинкт» то, что присуще животным. Мы привыкли низводить детей до уровня щенков и прочих зверушек. Свободный ребенок напоминает нам собачку, которая лает, прыгает, ворует сладости, и мы расцениваем как проявление дурных наклонностей бунт детей, выращенных, как щенята: их скрытый протест, отчаяние или самозащита, к которой они вынуждены прибегать, чтобы избежать унижительной ситуации, созданной нами для их воспитания.

Сначала мы сравниваем детей с цветами и стараемся действительно держать их в бездействии, в растительном состоянии, не позволяя доверять собственным чувствам. Мы относимся к детям как к рабам. Но они никогда не превратятся в растения с ангельским

ароматом. Напротив, признаки разложения проявляются все сильнее по мере того, как умирает духовная субстанция. Предоставив ребенку человеческую свободу, оставив его на попечении разума, мы кардинально изменим ситуацию. Именно ради этого нужно сформулировать новую концепцию проблемы свободы.

Я думаю, проблема разума должна стать ключевой в вопросе о социальной свободе человека. Люди поверхностно рассуждают о свободе мысли. Укоренившиеся предрассудки относительно воспитания детей заставляют думать, что мы и взрослых освобождаем, оставляя их наедине с собственными мыслями. Однако способны ли они мыслить? Не превратится ли эпоха подобного свободомыслия в коллективную неврастению? Не придется ли мы, в конце концов, к спорам об ограничении социальных прав безграмотных граждан?

К примеру, предложите больному выбор между болезнью и здоровьем. Мы предоставили ему свободу выбора? Предложите несведущему крестьянину настоящие и фальшивые деньги и предоставьте свободу выбора. Выбрав фальшивку, он не свободен, он ошибся. Выбрав настоящие деньги, он не свободен, ему повезло. Свободным крестьянин станет тогда, когда не только узнает, как отличать настоящее от поддельного, но и поймет социальную значимость того и другого. Дар внутреннего образования делает человека свободным без всяких социальных разрешений, то есть без внешних свободных завоеваний. Если бы сделать человека свободным было легко, то можно было бы издать один закон, разрешающий слепым видеть, глухим слышать, и несчастное человечество исцелилось бы.

Политики когда-нибудь признают, что фундаментальное право человека — право на образование, свободное от препятствий, от рабства, свободное черпать из окружающей среды средства, необходимые для развития. Итак, именно образование — основа для решения всех социальных проблем личности. Благодаря нашим детям мы поняли, что ум — ключ к образованию и средство внутреннего развития.

Гигиена ума становится крайне важной. Интеллект, средство формирования, основа жизни, не может больше ни использоваться для достижения сомнительных целей, ни безрассудно угнетаться. В недалеком будущем нам придется за детским разумом ухаживать тщательнее и продуманнее, чем за телом ребенка, о котором мы сегодня заботимся, не жалея денег и труда, до самых кончиков пальцев... Пока хорошая мать, зная все о том, что вредно и полезно для волос ребенка, совершенно не заботится о его уме, калечит его, ничего не замечая. Что ж, новый путь, открытый нам цивилизацией, долгов, раз еще так велика пропасть между излишним и необходимым.

Что такое интеллект? Не прибегая к различным философским определениям, можно сказать, что это совокупность деятельности рефлексивной и ассоциативной, или репродуктивной, позволяющей сознанию строить себя, взаимодействуя со средой. По Бэну, осознание различий — главный принцип всех интеллектуальных упражнений. Первый шаг ума — различение. Основа интеллектуальной деятельности по отношению к внешнему миру — ощущения. Собирать факты, отличать их друг от друга — начало интеллектуального образования.

Давайте проанализируем это понятие, внесем немного определенности и ясности. Первая характеристика, которую мы учитываем как показатель развития, — время. Люди настолько прочно усвоили этот простейший признак, что быстрота стала синонимом ума. Быстро реагировать на раздражитель, соединять идеи, формулировать суждение — вот наиболее очевидное проявление ума. Эта живость, конечно, связана со способностью черпать впечатления из окружающей среды, создавать образы, выражать свои внутренние впечатления. Ее можно развивать упражнениями, напоминающими ментальную гимнастику: получать многочисленные ощущения, устанавливать их взаимосвязь, извлекать суждения, привыкать свободно их высказывать. Все это, по мнению психологов, делает более проницаемыми проводящие пути, соединения, повышает скорость реакции. Так, в интеллектуальных упражнениях повторение не только совершенствует процесс, но и ускоряет его. В школе умным считают ученика, который не просто понимает, но понимает быстро. Медлительный, выучивающий заданный объем за более долгий срок, скажем за два

года, а не за год, называется отстающим. Смышленный ребенок ничто не оставляет без внимания, он всегда собран, готов к восприятию любых стимулов. Баланс хороших весов зависит от малейшего изменения груза, и чувствительный мозг также чутко реагирует на каждый призыв, мгновенно ассоциирует. «Хватает на лету», — говорят люди.

Упражнения, приводящие в движение интеллектуальные механизмы, могут производиться только в режиме самообучения. Невозможно другому человеку, занимаясь вместо нас, усовершенствовать наши способности.

Сенсорные упражнения пробуждают детскую активность, усиливают ее. Вычленив отдельное ощущение и отдельный стимул, ребенок получает ясное, осознанное впечатление. Ощущение тепла, холода, шероховатости, гладкости, тяжести, легкости. Он слышит шум; в почти абсолютной тишине, закрыв глаза, слышит голос, шепчущий слово. Это внешний мир стучится в его душу, пробуждая ее. Так многочисленные ощущения соединяются в насыщенной среде, гармонично взаимодействуют, усиливая пробужденную ими активность. Ребенок, погруженный в рисование, слышит музыку и находит самые чудесные краски. Музыкант, репетирующий в радостном, изящном помещении, наполненном цветами, поет без фальши.

Первое, что мы замечаем у наших детей в самом начале процесса самообучения, увеличение скорости их реакций. Сенсорный раздражитель, которого они раньше не заметили бы, мгновенно воспринимается. Связи между предметами безошибочно и легко узнаются, осмысливаются, корректируются. Сенсорные упражнения — это первая и важнейшая гимнастика ума, пробуждающая его, запускающая механизмы центральной нервной системы.

Сравнение наших детей, живых, активных, чувствительных к самым незначительным внешним изменениям, готовых немедленно бежать к нам, не оставляя без внимания ни одно собственное движение, ни один попавшийся предмет, с учениками, парализованными обычной школой, неловкими, ничего вокруг не замечающими, неспособными быстро соединять идеи, заставляет сопоставить современную цивилизацию с былыми временами. Раньше жили гораздо медленнее, чем сейчас. Мы научились беречь время. Когда-то путешествовали в карете, сегодня в машине или даже на самолете. Прежде разговаривали на расстоянии слышимости человеческого голоса, теперь — по телефону. Люди сражались один на один, нынче гибнут тысячи. Приходится признать, что наша цивилизация ценит превыше всего не жизнь и душу, но время. Эпоха изменилась только внешне, стала стремительнее, привела в действие разнообразные механизмы.

Но человек не подготовился к таким скоростям, он не развивается быстрее. Дети в наше головокружительное время не стали иными, более активными, смысленными, умными. Не возникла преображенная личность, обладающая всеми этими техническими новшествами, использующая для собственного блага достижения цивилизации. Человек, словно в оцепенении, бережет время и деньги, но его сознание остается ущербным, угнетенным. Если он не изменит себя в соответствии с новым миром, который сам же и создал, то рискует быть опрокинутым, раздавленным эпохой.

Скорость реакций наших детей не единственное внешнее доказательство их ума. Быстрота связана не только с упражнением, но и с порядком, возникшим внутри. Внутренняя самоорганизация особенно значима для интеллектуального образования.

Порядок — настоящий путь к быстроте реакций. Хаотичному разуму узнать ощущение так же трудно, как и выработать суждение. Во всем, даже в социальном устройстве, есть свой порядок, который позволяет действовать быстро.

Уметь отличать — вот качество интеллекта. Различать и упорядочивать — это значит готовиться к созиданию. Творчество находит развитие в порядке.

В Книге Бытия та же концепция. Бог начал создавать мир только после подготовки. Этой подготовкой стало появление порядка среди хаоса. Бог отделил свет от тьмы и сказал: «Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша». Наше сознание может хранить множество разных сведений, но, если они в беспорядке, не будет понимания.

Появление понимания можно сравнить с появлением света, который позволяет различать вещи: «Да будет свет!»

Есть основания считать, что развивать ум — значит упорядочивать образы в сознании. Подумаем о состоянии духа трехлетнего ребенка, уже повидавшего этот мир. Сколько раз засыпал он от усталости, нагнав себя на множество вещей. Никто не догадывается, что для него прогулка — это работа. Видеть, слышать, когда органы чувств еще не слишком развиты (малыш должен постоянно исправлять их ошибки, руками проверять то, что не может пока точно определить на глаз), — очень трудно. Вот почему там, где раздражителей чересчур много, маленькие дети от переутомления плачут или засыпают.

В трехлетнем ребенке царит хаос. Он словно человек, собравший огромное количество книг, валяющихся в беспорядке, и задающий себе вопрос: что мне с этим делать? Когда я приведу книги в порядок настолько, чтобы иметь право сказать: «У меня библиотека!»?

Наши сенсорные упражнения позволяют детям различать и классифицировать. В наших сенсорных материалах проанализированы и представлены свойства вещей: размер, форма, цвет, гладкость или шероховатость поверхности, вес, температура, запах, шум, звук. Материал представляет собой качества, изолированные одно от другого, содержащиеся в предметах. Длинный, короткий, толстый, тонкий, большой, маленький, красный, желтый, зеленый, горячий, холодный, тяжелый, легкий, шершавый, гладкий, пахнущий, шумящий, звучащий — эти свойства соответствуют последовательным сериям предметов. Градация важна для порядка.

Свойства предметов отличаются не только качественно, но количественно. Можно быть выше или ниже, толще или тоньше, звуки бывают разной высоты, краски разной насыщенности, формы могут быть похожи; шершавость или гладкость тоже не абсолютны. Сенсорный материал позволяет различать это. Позволяет прежде всего при помощи многочисленных упражнений с вкладышами и составления пар установить идентичность двух стимулов. Различение возникает, когда внимание детей привлекают к предметам одной серии: светлый — темный, длинный — короткий. Ученик начинает различать степень проявления признака, располагая в определенной последовательности серии предметов. Таблички дают представление о разных оттенках одного и того же цвета. Звоночки — о звуках октавы. Другие материалы дают представление о соотношении длины, толщины.

Упражнения с этими материалами, как мы видели, очень привлекательны для детей и повторяются ими бесконечно. Наставница называет каждый признак. Так создается классификация, все ее рубрики, то есть возможность вспомнить признак, его образ по названию.

Мы можем различать предметы только по их свойствам, следовательно, классификация этих свойств — основа порядка, включающего в себя все предметы. Мир уже не хаотичен для ребенка. Его сознание похоже на полки хорошей библиотеки или музея. Каждая вещь на своем месте, в своей категории, всякий новый объект не брошен, как попало, а классифицирован. Этот исходный порядок уже не будет разрушаться, разве только обогащаться новыми материалами.

Так ученик, научившись различать предметы один от другого, закладывает основу своего интеллекта. Уже нет необходимости его внутреннему импульсу вновь стремиться к исследованию объектов окружающего мира, если порядок установился. Малыш узнает вещи, которые его окружают. Сколько чувств возникает в нем, когда он узнает, что небо голубое, рука гладкая, окно прямоугольное. На самом деле он узнает не про небо, руку или окно, а открывает их место в порядке своего сознания. Это создает устойчивое внутреннее равновесие личности, дающее покой, силу и возможность новых открытий.

Также координированная мускулатура позволяет телу сохранять равновесие, придает ему устойчивость, уверенность, облегчающую все движения. Порядок экономит силы и время, как хорошо организованный музей экономит силы и время посетителей. В итоге дети способны интенсивно и неустанно работать, мгновенно реагировать на внешние раздражители.

Различать, классифицировать, систематизировать предметы на основе твердо установленного в сознании порядка — это и есть разум и в то же время культура. Когда образованный человек узнает писателя по стилю или по композиционным особенностям произведения, обычно говорят: «Он знаток литературы». Про другого скажут — знаток искусства, если он узнает художника по цветовому решению или по фрагменту барельефа определит время создания.

То же относится к ученым: они умеют наблюдать и оценивать каждую мелочь. То есть различия в свойствах вещей безошибочно воспринимаются и классифицируются. Ученый различает предметы благодаря порядку в своем сознании. Крошечный росток, микроб, животное или только его часть понятны ему, даже если он их видит впервые. Таковы химики, физики, геологи, археологи.

Не сумма знаний о вещах создает эрудита, ученого, умного человека, но порядок, созданный рассудком для получения новых знаний.

Напротив, у непросвещенных людей есть только знания о предметах, будь то дама, читающая книжки по ночам, или садовник, всю жизнь пытающийся научиться различать свои цветы. Их знания не просто беспорядочны, но ограничены теми вещами, с которыми связаны. Знания же ученого бесконечны. Располагая классификацией свойств, он узнает их повсюду и может определить тип, происхождение, связи объекта — сведения более глубокие, чем прямое знание о предмете.

Наши дети, как знатоки, как ученые, узнают во внешнем мире вещи по их признакам и классифицируют. В итоге они интересуются всем на свете, все имеет для них свою ценность. Необразованные же ребята слепы и глухи к миру, так невежественный человек проходит мимо шедевра живописи, музыки, не узнав, не оценив его.

Традиционные образовательные методики противоречат нашей. Они совершенно отвергают спонтанную активность, представляют ученикам каждый предмет со всем набором признаков, требуя постоянного внимания, не направляя, ничего не упорядочивая. Педагоги надеются, что детский ум самостоятельно обобщит признаки всех представленных вещей. Так в пассивном существе искусственно создается хаос, еще более непостижимый, чем тот, что возникает при непосредственном знакомстве с миром.

Широко распространенная сегодня «наглядная методика» преподавания, которая заключается в представлении одного предмета со всеми его признаками, проще говоря, в его описании, — всего лишь сенсорный вариант привычной зубрежки. Вместо описания отсутствующего предмета описывают то, что имеется в наличии. Вместо работы воображения задействованы органы чувств. И все это ради лучшего запоминания свойств того же самого объекта. Пассивный ум получает только образы, ограниченные беспорядочно собранными предметами. Каждая вещь обладает бесконечным набором свойств, и, как часто случается на наглядном уроке, они смешиваются с происхождением и назначением самого предмета. Ребенок совершенно теряется.

В одном детском саду я посетила наглядный урок, посвященный кофе. Кофе показывали и описывали: размер, цвет, форму, вкус, запах, температуру. Затем рассказали о плантациях кофе, о том, как его привозят в Европу через океан. В заключение зажгли небольшую плитку, вскипятили воду, смололи кофе, приготовили напиток. Что в результате? Сознание ребенка рассеяно по бесконечным просторам, а тема не исчерпана. Ведь можно было поговорить о возбуждающей силе кофе, о кофеине и еще бог знает о чем. Этот урок расплывается, как масляное пятно, до полного исчезновения, его невозможно хоть как-то использовать. Спросите малыша: «Что такое кофе?» Он ответит: «Это такая длинная штука, я и не помню».

Понятие столь обширно (нельзя сказать сложно), что утомляет и туманит сознание, его не превратишь в динамичное пробуждение сходных ассоциаций. Усилия ученика останутся лишь усилиями памяти, пытающейся вспомнить историю кофе. Если ассоциации все же возникнут в его сознании, они будут весьма недалекими. Оттолкнувшись от слов учительницы про океан, малыш подумает про стол, на котором по утрам возникает чашка

кофе, то есть отвлечется от темы, как всякий праздный ум, предоставленный ряду собственных пассивных ассоциаций.

У погруженного в подобные мечтания ребенка не возникнет никакая внутренняя активность, тем более индивидуальное отличие. На таких наглядных уроках дети только пассивно воспринимают, превращаясь, если угодно, в своеобразные склады; они сидят в классе как будто лишь для того, чтобы в них можно было засунуть побольше новых предметов.

Здесь не возникает никакая деятельность, направленная на исследование свойств объекта, так чтобы в ребенке родилась какая-нибудь идея. В его сознании не может возникнуть связь между данным предметом и остальными. Да и что может быть общего в их употреблении?

Чтобы найти нечто общее между разными вещами, мы должны выделить из всей совокупности признаков только те, что действительно похожи. К примеру, чтобы сказать, что две прямоугольные таблички похожи, мы должны сначала выделить из множества свойств данных табличек (они деревянные, полированные, гладкие, раскрашенные, разной температуры и т. д.) то, что связано с формой. Они сходны по форме. Это напоминает целый ряд предметов: стол, окно... Однако прежде необходимо, чтобы ум мог абстрагировать из всех признаков этих объектов прямоугольную форму. Ум должен работать активно: анализировать объект, выделять определенный признак и в соответствии с данным признаком синтезировать, соединять множество предметов определенным образом.

Если такой отбор предметов по определенным качествам не осуществлен на стадии синтеза, то ассоциирование по сходству и вся высшая умственная деятельность становятся невозможными. Это и есть настоящая умственная работа, поскольку понимать не означает фотографировать предметы и складывать их рядышком, как страницы альбома или плитки на кафельном полу. Подобная складская деятельность нестерпима для нашего ума. Ум с его стремлением упорядочивать и различать должен иметь возможность различать, выделять наиболее значимые качества вещей, ибо эти способности лежат в основе его внутреннего развития.

Наши дети, чей разум упорядочен в отношении классификации свойств (при помощи педагогов), учатся не только наблюдать предметы, анализируя их свойства, но и видеть сходство, отличия, идентичность, и, благодаря этому, легко и свободно выделяют один признак, свойственный каждой отдельной сенсорной группе. То есть ребенок и усваивает различные характеристики вещей, и открывает объекты, сходные по форме, по цвету, потому что и формы, и цвета уже сгруппировались по категориям, ясно отличимым, и, следовательно, могут напомнить целый ряд сходных объектов.

Классификация признаков — своеобразный магнит, сила, объединяющая группу признаков. Предметы, обладающие определенным качеством, связаны между собой, соединены в одно целое. Тогда ассоциирование по сходству становится почти механическим. «У книг форма призмы», — могут сказать наши ученики, и их выбор был бы следствием сложной умственной работы, если бы призматическая форма не вызвала заранее в их сознании некий хорошо знакомый ряд, включающий в себя все предметы окружающей среды, обладающие данным признаком. Образ белой бумаги, покрытой черными значками, соединится в нашем сознании, благодаря сочетанию цветов, в одно целое, и мы скажем ученикам: книги — это белая бумага, на которой напечатаны черные буквы.

В подобной активной деятельности проявляются индивидуальные отличия. Какая группа признаков объединит наибольшее количество сходных предметов? Каков будет выбор значимого признака, по сходству с которым выстроится ассоциативный ряд? Один ребенок скажет, что занавеска светло-зеленая, другой заметит, что она легкая. Для одного окно — прямоугольник, для другого — возможность увидеть небесную лазурь. Выбор существенного признака становится естественным выбором, связанным с врожденными тенденциями.

Так, ученый, ассоциируя, выберет наиболее полезное свойство. Один антрополог для

различия человеческих рас обратит внимание на форму головы, другой — на цвет кожи. Не важно. Оба отлично знают внешние признаки человека. Важно найти один и выстроить на его основе классификацию, то есть сгруппировать по сходству множество признаков. Деловые люди оценят человека не по научным — по утилитарным признакам. Производитель шляп учтет прежде всего размер головы, оратор — способность сочувствовать речам. Однако выбор необходим для использования вещей, для перехода от неопределенности к практике, к действию.

Каждая существующая или созданная вещь характеризуется определенными границами. Наша психосенсорная организация основана на отборе. Органы чувств к одним раздражителям более восприимчивы, чем к другим. Глаз определяет границы света, ухо — звука. Формируя содержание сознания, мы отталкиваемся оттого, что его величина ограничена. Сознание заранее определяет границы этой величины, доступной нашим чувствам, и формирует ее путем внутреннего отбора. Вот почему внимание сосредотачивается на определенных объектах, а не на всех подряд и волевым действием выбирает сферу деятельности из многих возможностей.

Высшая умственная работа совершается по аналогии с работой внутреннего внимания и воли. Ум выделяет существенные свойства вещей, ассоциирует, благодаря этому, образы и сохраняет их. Он не учитывает колоссального балласта, который превращает его содержимое в нечто бесформенное и спутанное. Всякий развитый ум отличает важные вещи от поверхностных, отбрасывая последние, и, таким образом, может создать что-то существенное, ясное, настоящее и живое. Он способен выделить то, что полезно его творческой деятельности, и найти бесконечное множество средств для своего спасения. Без подобной деятельности нет ума. Иначе он будет, как неразвитое внимание, переходить от одного предмета к другому, ни на чем не останавливаясь, как неразвитая воля, не решится ни на один поступок.

«Можно предположить, — говорит Джеймс, — что Бог, не в ущерб своей работе, умудряется уделять внимание мельчайшим деталям нашего мира. Если бы человеческое внимание рассеивалось так же, мы бы только смутно видели все вокруг, не находя времени для конкретного действия».

Это одно из волшебных явлений жизни, которое проявляется только в условиях определенных границ. Это таинственное наличие у всякого живущего «своей фигуры и своего роста» (в противоположность камням неопределенных форм и размеров) повторяется и в психической сфере. Развитие, самосотворение психики — лишь все более точная определенность, возрастающая сконцентрированность. Так постепенно из первобытного хаоса возникает и утверждается наш внутренний неповторимый облик.

Это и лежит в основе нашей способности формировать концепт вещи, рассуждать и делать выводы. Узнав свойства колонны, можно прийти к обобщению, что колонна — это поддержка. Такая синтетическая идея опирается на заранее выбранное качество. Мы могли бы сделать другой вывод: колонны цилиндрической формы. Мы выделили данное свойство из многих других, которые заставили бы нас сказать: они твердые, холодные, каменные и т. д. Именно умение отбирать позволяет нам рассуждать.

К примеру, при демонстрации теоремы Пифагора ученики занимаются с металлическими фигурами-вкладышами. Они должны сначала установить, что прямоугольник эквивалентен ромбу и что квадрат эквивалентен тому же ромбу. Осознание данного факта позволяет рассуждать дальше: квадрат и прямоугольник эквивалентны друг другу. Если бы ребята не могли выяснить свойства фигур, они не пришли бы ни к какому выводу. Ум открыл им общее свойство двух непохожих фигур, а это открытие привело к целому ряду выводов, при помощи которых и доказывается теорема Пифагора.

В волевой сфере решимость предполагает систематическую тренировку сил возбуждения и торможения. На это способен только сам человек ради выработки привычки. В интеллектуальной сфере то же самое: только человек может тренировать свою ассоциативную и селекционную деятельность (под руководством и при помощи внешних

средств), чтобы сформировать умственные привычки (решительно исключая одни идеи и выбирая другие), адекватные его индивидуальности, его типу. В основе всякой внутренней деятельности, формирования интеллекта, в частности, как и внимания, раскрывающего его, лежит индивидуальная направленность, природа.

Несомненно, существует глубокое различие между пониманием, удержанием чужих рассуждений и умением рассуждать самостоятельно; между запоминанием факта, что художник может видеть мир в соответствии с одним из своих ведущих качеств (цвет, созвучие, форма), и умением действительно видеть внешний мир через призму каких-то ключевых свойств, поддерживающих эстетическое творчество. В сознании того, кто изучает предметы с чужой помощью, как в сумке с тряпьем, оттягивающей плечи старьевщика, хранятся доказательства теоремы Евклида и представления о картинах Рафаэля, географические, исторические сведения, правила риторики — все одинаково безразлично и тягостно. Тот же, кто использует все это в своей жизни, обретает благополучие, легкость, комфорт среди тех самых предметов, которые для многих остаются лишь грузом в сумке старьевщика. Во втором случае вещи не свалены в кучу в закрытой сумке без порядка и цели, но расставлены по всему дому, чистому, убранному. Ум созидательный вмещает гораздо больше, чем тот, где знания искусственно скапливаются. Созидательный ум — это и есть дом, где вещи гармонично расположены, точно известно назначение каждой.

Между пониманием, когда кто-то стремится запечатлеть в нас свои объяснения, и самостоятельным пониманием — неизмеримая дистанция. Представьте, мы создаем из мягкого воска форму, чтобы потом уничтожить ее, создать другую, и так без конца, или художник высекает форму из мрамора. У того, кто понимает самостоятельно, возникает неожиданное чувство: его сознание освобождается и в нем возникает сияние. Понимание небезразлично. Это принцип отдельной вещи, иногда принцип жизни, открывающийся нам. Возможно, нет более продуктивного чувства для человека, чем интеллектуальное. Сделав значительное открытие, мы испытываем максимальную радость. Даже простое понимание вызывает удовольствие, пересиливающее многие страдания. Когда страдалец, сраженный несчастьем, начинает выделять причины своих проблем, понимает, откуда взялась его печаль, ему становится легче, он испытывает чувство освобождения. Среди мрака непонимания, в котором он пребывал, блеснул утешительный луч разума. Действительно, нелегко найти убежище в черный день. Подумайте, собака умирает от горя на могиле хозяина, а мать способна пережить смерть единственного ребенка. Здесь кроется принципиальное различие между этими двумя существами. Собака не может смириться, она умирает, потому что ни один луч света не проникает в ее душу, чтобы победить уныние и отчаяние.

Но мысль о высшей справедливости, живая память об умершем, возвращающая его нам, спасают человека. Постепенно не забвение, помогающее порой животным, но связь, которую наш ум установил с миром, возвращает спокойствие страдающей душе. Подобного утешения не дадут скучные уроки, где педагоги заставляют зубрить научные теории, противоречащие состоянию наших душ. Когда говорят: «Примиритесь, черпайте силу в убеждениях», имеют в виду: «Предоставьте разуму свободу трудиться над восстановлением и спасением — он всегда к этому стремится».

Если интеллект, даруя понимание, становится спасением от смертельной опасности, каким источником радости должен он быть для человека. Говоря «ум прояснился», речь идет о моменте творчества, не связанном с давлением сильных внешних впечатлений. Ясный ум — это активное понимание, сопровождающееся ярким чувством, а следовательно, воспринимаемое как внутреннее событие.

Я знала одну девочку, рано потерявшую мать, настолько угнетенную иссушающим школьным образованием, что она была почти не способна учиться и понимать излагаемые предметы. Одинокая жизнь без капли нежности усугубила умственную усталость. Отец отправил дочь на несколько лет в деревню, где ребенок жил совершенным дикарем, а затем вернулся в город и решил учить дома, приглашая разных преподавателей. Девочка учила,

зубрила, но оставалась такой же усталой и пассивной. Время от времени отец ее спрашивал: «Твой ум прояснился?» И она всякий раз отвечала: «Я не знаю, что это значит». По странному стечению обстоятельств моей жизни девочка оказалась целиком на моем попечении. Для меня, еще студентки медицинского факультета, это был первый педагогический опыт, о котором я не могу здесь распространяться, хотя он и заслуживает внимания. Однажды мы сидели в комнате, ученица занималась органической химией, внезапно все бросила, взглянула на меня сияющими глазами и воскликнула: «Это случилось! Это случилось! Я поняла!» Потом она вскочила и побежала, громко выкрикивая: «Папа! Папа! Мой ум прояснился!» Я ничего тогда не знала о ее жизни, поэтому удивилась и обрадовалась. Девочка схватила отца за руку и все повторяла: «Теперь я могу тебе сказать, да, раньше я не знала, что это такое. Мой ум прояснился!» Счастье отца и дочери, их единение в эту минуту заставили меня подумать, какое наслаждение и какой источник жизни теряем мы, сковывая свой разум.

Каждое интеллектуальное достижение становится для наших свободных детей источником радости. Это удовольствие, жертвой которого они становятся, приучает их мало ценить прочие низменные наслаждения: игрушки, конфеты... Это удовольствие делает наших учеников столь неотразимыми, когда смотришь на них со стороны. Их радость — высшее чувство, отличающее человека от животного, спасающее от потерь, страдания и мрака.

Когда наш метод обвиняют в том, что он потакает детским удовольствиям, а это аморально, оскорбляют не метод, а детей. Потому что это клевета по отношению к ним, низведенным до уровня животных, находящих удовольствие лишь в обжорстве, праздности и прочих глупостях. Ни еда, ни безделье не могут поддерживать в ребенке радость часами, днями, годами. Только ощутив человеческую радость, он становится настойчив и счастлив, напоминая мне порыв той девочки, бегущей к отцу, чтобы объявить ему, что пришел конец мраку, в котором она изнывала годами.

Эти кризисы, интеллектуальные проблески гениальности, открывающие истину, возможно, представляют собой естественное проявление психической жизни. Проявление гениальности то же, что «сильная личность», избежавшая опасностей, благодаря собственной индивидуальности. Значит, это врожденное качество человека. Данный феномен является всеобщим, свойственным всем людям, более или менее воспитанным. Путь ребенка в процессе активного созидания тот же, что и у гения. Он характеризуется интенсивным вниманием, глубокой сосредоточенностью, изолирующей от внешних раздражителей и соответствующей по напряженности и длительности состоянию внутреннего развития. Как и гениям, сосредоточенность приносит детям свои плоды. Она является источником интеллектуальных кризисов, стремительного внутреннего развития и «внешней активности», то есть энергичной деятельности. Можно было бы сказать, что гений — тот, кто разбил свои цепи, сохранил свободу и поднял перед толпой знамя гуманности, завоеванное им.

Почти все феномены, свойственные людям, свободным от предрассудков времени, мы наблюдаем у наших учеников. Скажем, возвышенное внутреннее послушание, еще неведомое сегодня большинству (кроме монахов, которые порой тоже знакомы с ним скорее теоретически, на примерах из жизни святых), способы созидания сильной внутренней жизни (эти способы — часть подготовки верующих в процессе систематических медитаций). Никто, кроме верующих, не медитирует. Мы едва умеем отличать медитацию от методов интеллектуального обучения. Однако известно, что чтение всех книг без разбора распыляет силы и ум, что заучивание стихотворения связано с многократным его повторением, пока оно не запечатлется в памяти, и все это не медитация.

Учить наизусть стихи Данте или медитировать над строкой Евангелия — совершенно разный труд. Стихи Данте укрепят ум на время, не оставив глубокого следа. Строка Евангелия обладает преобразующей, восстанавливающей силой. Тот, кто медитирует, очищает ум, насколько это возможно, от всех посторонних образов и стремится

сконцентрироваться на предмете медитации так, что весь внутренний потенциал, или, как говорят верующие, все силы души, на нем поляризуется.

От медитации ждут укрепления внутренних сил, душа становится более сильной, цельной и деятельной, способной воздействовать на то семя, вокруг которого она и сконцентрировалась, чтобы оно принесло плоды.

Итак, способ, избранный нашими учениками на пути естественного развития, — медитация: длительное сосредоточение на каждом предмете не может быть ничем иным — только медитацией, приводящей к внутренней зрелости. Цель детей, усердно занимающихся с разными материалами, не в том, чтобы выучить. Их удерживает потребность внутренней жизни, развивающаяся и организующаяся подобным образом. Так растут наши дети. Подобное поведение упорядочивает, обогащает их ум. Медитируя, они вступают на бесконечный путь прогресса.

После медитативных упражнений с предметами наши ученики обретают способность ценить тишину, становятся чрезвычайно чувствительными к внешним впечатлениям и поэтому стараются двигаться бесшумно, вести себя вежливо. Они стали такими, вкусив плоды умственной сосредоточенности.

Так обретает целостность и силу их личность. Лучшая тренировка для нее — совершенствование восприятия внешнего мира: в ходе спонтанной продолжительной деятельности наблюдать, рассуждать, исправлять свои ошибки. Ребенок сам действует, выбирает предмет, усердно трудится, ищет в окружающей среде повод для сосредоточения, и причина всего — его внутренний двигатель.

Педагог никого не беспокоит, он не играет роль высшего существа, подавляющего блеском своего ума, угнетающего те ничтожества, что пробуждаются к жизни. Он перестает быть фигурой омрачающей (а не просветляющей), утомляющей (а не вдохновляющей). Наши дети мирно живут вместе с учительницей, которая, почти как жрица, служит им. Как в идеальном монастыре, смирение, простота, труд создают мир, где медитирующий однажды ощущает в себе пронизательность, особую интуицию, чувствительность, позволяющую обрести истину.

Ради иной цели, но той же дорогой, в тишине, простоте и смирении монастыря, ум готовится обрести веру в начале жизни.

Много лет назад, когда я поняла, что ученики открыли основные жизненные принципы, свойственные лишь интеллектуальной и духовной элите общества, а значит, невольно разоблачили, как сильно давление, угнетающее, калечащее внутренний мир людей, я рассказала об этом одной образованной женщине, заинтересовавшейся моими теориями и мечтающей, чтобы я их разработала в философском трактате. Она не считала происходящее экспериментом. Сначала, слушая мои истории, она нетерпеливо перебивала: «Знаю, знаю, ваши дети умны, как гении, добры, как ангелы». Потом, подчиняясь моей настойчивости, она пришла в класс и сама все увидела. Тогда, схватив мою руку и глядя мне в глаза, она сказала: «Вы же можете умереть каждую минуту. Немедленно опишите все, как можете, только побыстрее, как вы писали бы завещание, только факты, чтобы не унести секрет с собой в могилу». К счастью, у меня отменное здоровье.

Наблюдая за умственной работой гения, благодаря которой совершаются все открытия, прокладываются новые пути мысли, обеспечиваются благосостояние и социальный прогресс, мы должны признать, что в этих людях нет ничего экстраординарного, недоступного среднему человеку. Разве что у гения сильно развита способность выстраивать ассоциации по сходству. «Это основной признак гениальности», — считал Бэн. Проще говоря, отправная точка открытия — точное наблюдение и простое рассуждение, на которое считает себя способным всякий, когда открытие уже сделано. Это то очевидное, чего раньше никто не замечал.

Можно сказать, что гений умеет выделить в своем сознании отдельный факт, увидеть его отличие от всех прочих. Словно в темной комнате луч света, упавший на полированную поверхность. Этот единственный факт объединяет сознание и позволяет построить нечто

грандиозное, ценное для всего человечества. Именно сила обычного факта имеет значение. Его выделение из ряда равнозначных, а не ценность самого факта предопределяют чудесное явление. Возможно, в тысячах тысяч хаотичных умов эта драгоценность уже существовала, смешанная с кучей бесполезных, мешающих предметов, не привлекающая внимания. Ум продолжал по инерции пропихивать все новые и новые факты сквозь толстые, но бессильные стены. Когда открытие сделано, многие замечают, что знали это раньше, однако теперь это уже не важно. Главное — был человек, который почувствовал истину и совершил необходимые действия.

Бывает, новая истина еще не существует в хаосе темных умов. Тогда свет открытия не может проникнуть туда. Его отвергают как нечто чужеродное, ложное. Требуется много времени, чтобы ум слегка упорядочился, чтобы появилось свободное место для новой правды. Однажды она будет обнаружена, прозрачная, как стекло. Ее отвергала не природа человека, а его ошибки. Именно по ошибке люди не только не создают, но даже воспринимают с трудом. Случается, вестников спасения преследует неблагодарность окружающих, следствие их внутреннего мрака.

Как рассуждал Христофор Колумб? Он думал: «Если земля действительно круглая, то, выехав из одного места и двигаясь все время прямо, обязательно вернешься к исходной точке». Это и была интеллектуальная работа, подарившая человечеству Новый Свет. То, что огромный континент оказался на дороге Колумба и он нашел его, а не собственную гибель, произошло исключительно благодаря обстановке. Она иногда вознаграждает самым удивительным образом подобные рассуждения.

Конечно, не серьезная работа ума привела к открытию, это был триумф идеи, покорившей сознание, и мужества человека, оценившего идею. Самое сложное для Колумба было настоять на своей идее, убедить других помочь ему в опасном предприятии, дать корабли и людей. Не сама идея, но вера Колумба действовала на всех. Простое логичное рассуждение пробудило в моряке нечто более ценное, чем ум, и поэтому человек незнатный, почти необразованный, подарил королеве целый мир.

Рассказывают, однажды у жены Аппесандро Вольта поднялась температура. Заботливый муж освеживал лягушек, чтобы сварить питательный бульон для больной. Он повесил мертвых лягушек на решетку окна, а день был дождливый, и заметил, что лягушачьи лапки подергиваются. Если мертвые мускулы сокращаются, значит, некая сила проникает в них извне. Вот простое рассуждение гения великого ученого. Вольта при помощи своих батареек нашел таинственную силу и ошачил всю землю электричеством, настоящей искоркой неизмеримого прогресса. Оценить крошечный факт — движение мертвой лапки, просто принять его во внимание, не счесть фантазией, а остановиться перед проблемой, вытекающей из него: почему лапка движется. Вот путь одного из самых грандиозных достижений цивилизованного человека.

Открытие Галилея произошло аналогичным образом. В церкви в Пизе он следил за колебаниями подвешенной лампы. Он заметил, что колебания происходили через равные промежутки времени; изохронизм маятника стал основой для измерения времени на земле, измерения пространства в космосе.

История Ньютона очень проста. Он лежал под деревом, и вдруг на него упало яблоко. Он подумал: почему яблоко упало? Из такого элементарного случая возникла теория падения тел и всемирной гравитации.

Изучая жизнь Папена, поражаешься его эрудиции, поставившей ученого в один ряд с самыми образованными людьми того времени. Медик, физик, математик, он был титулован университетами Англии и Германии, а для человечества оказался полезен и велик, благодаря тому, что обратил внимание на обыкновенное явление: кипящая вода приподнимает крышку кастрюли. «Пар, — подумал Папен, — это сила, которая смогла бы двигать поршень, как сдвигает сейчас крышку кастрюли, и стать движущей силой машины». Знаменитая кастрюля Папена — волшебная палочка в истории человечества, которое, благодаря ей, теперь работает и путешествует без усталости. Сколько подобных волшебных открытий рождается в

смирении и преобразует затем огромный мир.

Своим рождением они напоминают живых существ, возникающих из двух незаметных, микроскопических клеток, чье слияние неизбежно приводит к возникновению сложного организма. Ясно воспринимать, логично соединять увиденное — вот работа развитого ума. Она характеризуется особой силой воли, заставляющей ум сосредоточиться на предмете (состояние, сходное с медитацией, — отличительный признак гения).

Как из зародышевых клеток возникает существо, так начинается деятельная внутренняя жизнь. Говорят, от гениального мышления обычный ум отличается не формой, но силой. Сильная жизнь порождает маленькие искры интеллекта, раздувает их до невероятных размеров. Если начальные интеллектуальные порывы возникнут в человеке слабом, зависимом, неспособном усердно и героически трудиться, они (как часто бывает) останутся незамеченными. Итак, все, что укрепляет внутренний мир человека, может вывести его на путь гениального открытия.

По сравнению с интеллектом, это незначительная работа, но она должна быть выполнена ясно, без лишних сложностей. Простота приводит к открытию. Простота, как и правда, всегда голая. Мы нуждаемся в немногом, но это малое — могучая целостность. Все остальное суэта.

И чем больше суеты, то есть бесполезного загромождения ума, тем меньше ясности, собранности, а значит, трудно, невозможно не только рассуждать, но даже воспринимать реальность, видеть.

Было бы интересно рассмотреть типичные интеллектуальные ошибки, препятствующие продвижению нового открытия, способного облегчить человеческую жизнь, мешающие признать существование очевидных фактов только потому, что эти факты пока неизвестны.

Давайте посмотрим, как была открыта малярия. Честь данного открытия принадлежит англичанину Россу (малярия у птиц) и итальянцу Грасси (малярия у людей). Выяснили, что плазмодий малярии, вызывающий заболевание, передается и животным, и людям особой разновидностью комара. Каково же было состояние науки накануне открытия?

В 1880 году Лаверан описал микроорганизм, разрушающий у животных красные кровяные тельца и вызывающий своей жизнедеятельностью повышение температуры. Дальнейшее изучение подтвердило и уточнило эти данные, *Plasmodium Malariae* был признан всеми. Также признали, что эти микроорганизмы сначала размножаются делением, то есть из одной клетки получается множество других, идентичных первой, а затем они превращаются в разнополюх особей, мужских и женских, неспособных к делению по отдельности, им необходимо соединиться, чтобы организм возобновил свой жизненный цикл.

Лаверан заметил, что в крови людей, излечившихся от малярии, находится много кровяных телец не круглой формы, какая присуща плазмодию, а полукруглой или вытянутой. Он счел их трансформацией плазмодия, поскольку они утратили форму и не вызывали малярии, и классифицировал как выродившиеся организмы, деформированные, обесиленные переизбытком работы, ранее исполненной. Эти тельца получили название «дегенеративные формы Лаверана».

В 1900 году открыли способ передачи малярии и «дегенеративные формы Лаверана» признали разнополюхими особями в репродуктивный период, не способными соединяться в крови человека, им нужно обязательно тело комара, чтобы породить новых существ. Можно спросить, почему Лаверан не узнал разнополюхие формы и не определил фазу слияния плазмодия? Если бы он думал о полном жизненном цикле простейших, то, конечно, узнал бы их, но он живо интересовался теорией Мореля о вырождении человека, и переход от таких далеких теорий к объяснению жизни плазмодия показался ему гениальным. Словом, гениальное решение, хитроумное обобщение помешали Лаверану увидеть истину.

В подобных ошибках мы узнаем особого рода гордость и легкомыслие. Однако нас занимает кое-что поважнее. Как сотни и тысячи ученых всего мира приняли с закрытыми глазами ошибку Лаверана? Почему никто не оказался достаточно независимым, чтобы самостоятельно изучить проблему? Что за инерция ума? Почему она возникает у людей? Все

эти последователи не разглядели проблему, лежащую прямо у них под носом, потому что она была еще не решена. Конечно, у них не было никакого предчувствия славы, прогресса, блага для человечества, связанного с решением данной проблемы, если препятствие остановило их мысль, сказав: «Реши меня!»

Они безразлично прошли мимо, аплодируя «гениальному решению Лаверана», повторяя за ним: «Это дегенеративные формы». Пустой домисел увлек за собой целую толпу людей, неосознанно отрекшихся от собственной индивидуальности.

Еще один факт заключается в том, что кровеносная система — это закрытый сосуд. Выстилающий эпителий непроницаем даже для крупных молекул, тем более для простейших. Этот очевидный и всем известный факт должен был заставить ученых задуматься: как простейшие (возбудители малярии) попали в кровоток? Со времен Гиппократ, Плиния, Цельса, Галлена так уверенно говорили, что повышение температуры вызвано ядовитой атмосферой малярийных мест, опасным утренним и вечерним воздухом, что до последних лет, до самого открытия, выращивали в малярийных областях эвкалипты, думая, что они дезинфицируют воздух. Почему никто не спросил себя, как из воздуха плазмодий попадает в кровоток? Каким оцепенением был охвачен ум специалистов по интеллектуальной работе? Какое огромное скопище умов — и ни одной индивидуальности!

Наконец Росс открыл, что птицам малярия передается особыми комарами. Вот, наконец, основной довод, породивший знание истины. Если птицы заражаются от комаров, то и у людей все должно быть так же.

Простое рассуждение, но оно, как дорожный указатель, ведет нас прямо к открытию. Можно верить, что в малярийных районах воздух прекрасен, а почва плодородна. Можно дышать этим воздухом с утра до вечера и оставаться здоровым! Только избегайте укусов насекомых. Целые толпы крестьян, погубленных малярийной анемией, могли бы защитить себя простым накомарником.

Однако после такого головокружительного успеха хочется упрекнуть некоторых премудрых ученых. Почему вы не открыли это раньше? Разве вы не знали о жизненном цикле простейших? Разве не повторяли, что кровеносная система закрыта, непроницаема для микроорганизмов? Разве не естественно было предположить, что только кровососущие насекомые могут переносить заразу?

Сколько ученых почувствовали, что слава прошла совсем рядом, близко, а они стояли, не шелохнувшись, опечаленные, как путники близ Еммауса, повторяя друг другу (а Учитель уже исчез, неузнанный): «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?»

Как тяжело думать: «Мы столько трудились, чтобы забить хламом умы, а нужно было только стать смиренными и независимыми. Мы же, напротив, наполнялись мраком, и луч прозрения не смог проникнуть в наши умы».

Рассмотрим факты покрупнее.

С античных времен люди на собственном опыте убедились, что с неба могут падать небесные камни. В самых древних китайских хрониках описано падение аэролита. Средневековье и Новое время — все чаще появляются записи об аэролитах. Наконец необычные явления, отмеченные в преданиях, соединились с наблюдениями очевидцев. Метеорит, упавший на землю в 1492 году, послужил Императору Максимилиану I прекрасным поводом для начала христианской войны против турок. Однако до конца XVIII века ученые мужи это явление не признавали. Близ Аграма в 1751 году упал крупный метеорит весом около 40 кг. Его поместили в Музей минералогии Венского Двора и тщательно описали. А вот что сказал по этому поводу немецкий ученый Штутц в 1790 году: «Люди, не сведущие в естественных науках, верят, что кусок железа упал с неба. Даже те, кто получил немецкое образование, поверили в это и продемонстрировали тем самым свое абсолютное невежество, еще царящее в массах, в вопросах естествознания и физики. В наше время непростительно допускать даже относительную правдоподобность таких выдумок».

В том же году (1790) 10-килограммовый аэролит упал в Гаскони. Его видело

множество людей, был составлен официальный рапорт (его подписали 300 свидетелей) и отправлен в Парижскую академию наук. Пришел ответ, где было сказано, что академиков чрезвычайно позабавил официальный документ человеческой глупости. Один крупный физик отнесся к делу серьезно и добавил: «Грустно видеть муниципалитет, своим протоколом удостоверяющий вульгарную сплетню и подлинность очевидно невозможного происшествия».

Несколько лет спустя Виттенберг, основатель научной акустики, признал это явление и поверил в существование аэролитов. Его ославили человеком, «презирающим все законы и не помышляющим о зле, которое он творит в области морали». Его коллега объявил, что «не поверит в метеориты, даже если кусок железа свалится к его ногам»

Эти люди еще более недоверчивы, чем святой Фома, изрекший поверю, пока не потрогаю». Есть куски железа весом 10 и 40 кг, их потрогать, но ученые говорят: «Даже если потрогаю, все равно не поверю».

Недостаточно видеть, чтобы поверить. Нужно верить, чтобы увидеть. Вера управляет нашим взглядом, а не взгляд порождает веру. В Евангелии слепец кричит в страхе: «Господи! Чтобы мне прозреть!» Он взывает к вере, ибо знает, что можно ничего не видеть, даже имея глаза.

Факт невосприимчивости к очевидному мало изучается психологами и еще меньше учитывается в педагогической практике. А ведь подобные вещи хорошо известны. Без внутренней готовности вний внешние стимулы напрасно будут воздействовать на органы чувств. Мало поместить предмет перед нашими глазами, чтобы мы его увидели. Нужно уделить объекту частичку внимания, нужна внутренняя подготовка, располагающая к получению впечатлений от раздражителей.

В сфере духа — то же самое. Идея не завоеует сознание, если вера не подготовила почву. Без веры идея, с какой бы грубой очевидностью она ни являлась нам, не проникнет в сознание. Сознание должно быть не просто свободно, оно должно ждать. Тот, кто мечется в хаосе идей, не способен принять истину, внезапно упавшую на неподготовленную почву.

Это относится и к простейшим психическим феноменам (сенсорное восприятие, связанное с вниманием), и к духовным явлениям, хорошо известным религиозным людям. Напрасны объяснения, демонстрации чудес, если нет веры. Не очевидность, но вера позволяет истине проникнуть в сознание. Органы чувств не помогут, если нет внутренней готовности воспринимать.

Когда в Евангелии рассказывают о потрясающих чудесах Христа всегда следует вывод: «Многие, узревшие это, уверовали». Это словно приглашение к обеду. На него не откликнутся те, кто слишком занят. Озабоченность сложными интеллектуальными идеями мешает внезапно возникшей очевидной истине проникнуть в сознание. Вот зачем нужен предвестник Мессии — подготовить его появление. Вот почему, как Мессию, новую идею лучше понимают простые люди, не предубежденные, те, кто сохранил природные способности ума: чистоту и умение ждать.

Харве в 1628 году открыл кровообращение. Физиология была еще почти не изучена, а медицина находилась на стадии эмпирической. Медицинский факультет Парижского университета, «несмотря на опыты», отказался поверить в кровообращение, начались гонения на Харве, клевета (по «Антропологии» Хэккеля).

Одна из самых впечатляющих историй — открытие зародышевых листков в эмбриональном развитии позвоночника. В 1700 году была популярна теория преформизма. Думали, что зародыш — это живое крошечное существо, совершенно сформировавшееся, которое впоследствии развивается, его части тела, как бы вложенные одна в другую, увеличиваются от бесконечно малых размеров до нормальных. Это применяли ко всем живым существам, растениям, зверям, людям. Теория преформизма логически приводила к другой более всеобъемлющей теории взаимного включения, по которой все живые существа, если они сформированы изначально, должны были существовать с момента сотворения, вложенные одно в другое. В яичниках Евы находилось все человечество. Левенгук в 1690

году в окуляре микроскопа разглядел сперматозоид. Возникла идея, что мужская клетка содержит микроскопического человечка, гомункулуса. Значит, не Ева, Адам хранил в себе все человечество. Итак, на протяжении XVIII века соперничали две противоположные теории: овистов и анимакулистов. Этот спор не мог привести к реальному решению проблемы. В дискуссию включались самые знаменитые ученые, философы. Спалланцани, Лейбниц, принявший близко к сердцу идеи зарождения жизни: «Я думал, что все души, которые однажды станут человеческими душами, уже содержались в зародышах. Они всегда существовали как сформировавшиеся тела в своих предках, начиная с Адама, с начала начал». Халлер, овулист, авторитетный физиолог, автор знаменитой книги «*Elementa physiologiae*», решительно отстаивал свои принципы: «*Nulla est epigenesis, nulla in corpore animalipars ante aliam facta est, et omnis simul creatae existunt*», то есть ничего нового создать невозможно, ни одна часть тела животного не создается раньше остальных, все было создано одновременно. Подсчитав (опираясь на библейскую космогонию), сколько людей должно было содержаться в яичниках Евы, Халлер даже называет точное число — 200 миллиардов. Вот каково было состояние науки, когда в 1759 году Вольф опубликовал свою «Теорию зарождения», где на основании опытов и наблюдений при помощи микроскопа за эмбрионами цыплят утверждал, что новые существа не сформированы изначально, но возникают постепенно из ничего, или, лучше сказать, из микроскопической клетки, обычной, похожей на все другие. Вольф описал простой способ настоящей эволюции организма: из одной клетки делением образуются две, затем 4, 8 и т. д. Клетки зародыша делятся на 2 или 3 чешуйки, или первоначальных листка, из которых впоследствии образуются все органы, начиная с пищеварительной трубки. «Это утверждение не вымышленная теория, а описание фактов, собранных при самом внимательном наблюдении».

Все ученые того времени умели обращаться с микроскопом. Каждый мог взять яйцо, то есть эмбрион цыпленка, для наблюдений. Проблема происхождения индивида была им небезразлична, волновала воображение, превращала в противников в борьбе умов. Неужели никто не смог провести наблюдения, пройти испытание, повинувшись чувству Самсона, уничтожившего себя вместе с филистимлянами? Сама мысль о том, что они обретут истину в увиденном, должна была заставить хоть кого-нибудь рискнуть и ступить на этот путь. Ведь в случае успеха он приведет к величию, к открытию и к славе. Нет! Густой туман окутал умы, и сияющая правда не смогла его преодолеть. И прогресс в эмбриологии стал невозможен.

Лишь 50 лет спустя, когда Вольф, нищий, преследуемый, изгнанный с родины, умер в Санкт-Петербурге, ученые Пандер и Эрнст Бэр вернулись к теории бластодермических листков. Научный мир только тогда заметил истину и признал очевидное, возобновив исследования в области эмбриологии, прославившие XIX век.

Почему понадобились 50 лет, чтобы люди увидели очевидное? Что произошло за это время? Работы Вольфа, забытые, непризнанные, уже не могли ни на что повлиять. Факт налицо: через полвека увидели то, что невозможно было увидеть раньше. Люди достигли определенной внутренней зрелости, позволившей умам пробудиться и прозреть. Пока они не видели, вся очевидность явления была напрасна. 50 лет назад наступление разбилось о непреодолимое препятствие. Время прошло, не было никакой борьбы, даже никаких усилий в этом направлении. Просто все безоговорочно признали явившуюся истину.

Можно спорить о зрелости масс. Но по отношению к отдельной личности процесс неоспорим. Если очевидного не замечают, не нужно настаивать, просто дадим мысли созреть в том, кого хотим убедить. Борьба за то, чтобы заставить увидеть очевидное, всегда жестока, изматывает противников. Но едва настанет пора зрелости, человек сам воодушевится, ясность принесет плоды, как виноградник в земле обетованной.

Когда Дарвин в 1859 году изложил эволюционную теорию в книге «Происхождение видов», он предчувствовал, какое огромное влияние его теория окажет на образ мыслей современников. «Моя теория приведет к философии». Концепция борьбы за жизнь и естественного отбора, так активно воспринятая сообществом, стала популярна, включив в себя и почти обосновав своим содержанием, законы Ламарка относительно появления новых

видовых признаков вследствие адаптации к окружающей среде. Эти законы, исключая одновременно и акт творения, и его цели, неявно приводили к отрицанию бессмертия души. Революция оказалась сокрушительной. Душа в течение стольких веков была целью жизни, что теперь рухнули основы веры, перевернулось сознание людей. Некоторые стали испуганно искать противоречия в этой разрушительной теории, повинувшись инстинктивному стремлению сохранить древние верования, укоренившиеся в человечестве.

Рассмотрим два революционных принципа, столь воодушевивших и поразивших многие поколения. Первый: «Нет функции без органа». Второй: «Функция создает орган». Как? Нет функции без органа, функция не может существовать без органа. И тут же противоположное утверждение: функция может существовать без органа, да так мощно, что сама создает себе новый орган. Никогда более очевидное противоречие не было заложено в теории. А ведь нельзя сказать, что дарвинизм и законы Ламарка изучались наспех, между прочими философскими теориями. Дарвинизм победоносно выдвинулся, изгнав прочие идеи, как свет дня прогоняет ночной мрак. Студенты сосредоточенно изучали его, желая основать на этих законах новую мораль и новое сознание. Вот почему два упомянутых мною принципа рассматривали пристально, пристрастно. Они вместе проникали в умы, возбуждали энтузиазм, каждый в отдельности. Основываясь на таком вопиющем противоречии, хотели разрушить наш мир, построить другой.

Ведь окончательный вывод теории такой: «Мы настоящие животные, нет принципиальной разницы между животными и людьми. Мы обезьяны, благодаря долгой эволюции, произошедшие от земляных червей». С каким пылом профессора с высоты своих кафедр анализировали психологию человека, чтобы показать: в нас нет ничего такого, чего нет у животных. Какими аплодисментами поддерживала их аудитория!

Профессора психиатрии удаляли мозг живого голубя или обезьяны, а потом, если подопытный не умирал, его представляли на международных конгрессах и требовали самого искреннего внимания к его реакциям, положению тела, активности восприятия и проч. Ученые действительно верили, что животное, лишенное мозга, поможет понять психологию человека!

Тот, кто думает, что это была эпоха «позитивизма», когда «не верили, не пощупав», будет поражен одним глубоким впечатлением: ум избегает опасностей, как и дух человека. Он может омрачаться, впадать в противоречия, ошибки, не замечая этого, но одна-единственная незамеченная ошибка способна ввергнуть его в своего рода помешательство, смертельное извращение.

Но есть путь спасения, разуму, как и духу, нужна поддержка, чтобы не растеряться. Эта поддержка исходит не от органов чувств. Нужно очищение, которое исцелит слепоту. Забота о себе, которую современная гигиена рекомендует для тела (мы тратим на него столько времени, очищая и полируя до кончиков ногтей), нужна и внутреннему миру, чтобы он сохранял свое здоровье и целостность.

Образование ума должно иметь в виду прежде всего эту цель. Образование ума — это спасение его от внутренних опасностей, грозящих болезнью и смертью, это очищение от ошибок. Усталость от зубрежки не формирует ум. Мы хорошо понимаем это, видя, сколько сегодня неуравновешенных, сумасшедших людей, есть даже те, которые кажутся совершенно здоровыми, но вдруг проявляют признаки безумия, способные погубить все человечество.

Мы должны заботиться не о том, чтобы заставить ребенка выучить что-то, но всегда поддерживать в нем свет, называемый разумом. Даже когда приходится посвятить этому всю жизнь (как поступали древние весталки). Но дело того стоит.

Воображение

Творческое воображение в науке основывается на истине

Если бы 100 лет назад кто-нибудь сказал людям, путешествующим в дилижансе, пользующимся масляными светильниками, что скоро появится ослепительный, сияющий огнями в ночи Нью-Йорк, что можно будет вызвать помощь, находясь посреди океана, что человек взлетит выше орла, наши добрые предки улыбнулись бы недоверчиво. Их воображение не способно было принять это. Современные люди показали бы им инопланетянами.

Воображение человека нашего времени творит на основании достоверных научных фактов, а раньше люди позволяли уму напрасно блуждать в иррациональных сферах. Сегодня мир кардинально меняется. Прежде, пока воображение блуждало в мире иллюзий, он развивался крайне медленно. Едва фантазия смогла найти путь к реальности, мысль начала создавать такое, от чего внешний мир пришел в движение, то есть мысль человека приобрела волшебную созидательную силу.

Так и Божественная мысль: всякое творение — воплотившийся божественный замысел. Бог подумал — и возник свет, порядок во Вселенной, живые существа. Современный человек, пользуясь научными методами, кажется, тоже открыл секрет мысли, выводящей на путь божественного замысла, проявляющей его истинную природу, в ответ на библейские слова: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему». Человеческий ум говорит: «Да будет свет» — и волшебный ослепительный свет возникает и исчезает по его приказу. «Пусть человек летает в небе выше птиц». И стало так. «Пусть голос терпящих бедствие в океане поднимется таинственным образом и достигнет отдаленного берега». И стало так.

Воображение созидает, если оно — часть создания, то есть если оно сначала воспринимает существующую истину. Только тогда оно творит чудесные вещи.

Крошечная колибри, спрятавшись под крылом орла, летящего ввысь, поднимается высоко-высоко, а затем отделяется от могучей птицы и сама летит еще выше. Так и человек сначала держится ближе к природе, привязан к ней в самых смелых своих рассуждениях, он поднимается с ней в поисках истины, затем отрывается от нее и позволяет своему воображению парить выше самой природы.

Человек — отражение Бога. Без него волшебство, чудеса, созданные современными людьми и недоступные нашим предкам, словно колибри без орла, не достигнут высот.

История первородного греха показывает нам вечное стремление человека самостоятельно создавать себя, творить, заменив Бога, освободившись от него. Но тут его поджидают бессилие, рабство, несчастья.

Ум, работающий сам по себе, независимо от истины, трудится в пустоте. Его творческие возможности — это способность создавать, основываясь на реальных фактах. Но если он перепутает возможность с целью, пропадет. Этот интеллектуальный грех напоминает первородный. Смещение цели и средств, только в разных формах. Слово огромная инерционная сила влияет на психику человека. Он путает простые, легкие и понятные средства с целью своих действий. Если, к примеру, питание избыточно, аппетит удовлетворяется ради самого удовлетворения, то это не обновляет тело, не делает его здоровее, красивее, а отравляет. Если секс становится самоцелью, а не средством продолжения жизни, он ведет к вырождению и бесплодию. Человек впадает в аналогичный грех, если использует творческие возможности мысли ради нее самой, не ради истины. Он создает нереальный мир, полный ошибок, и разрушает свой божественный творческий потенциал, создавая отныне только предметы внешнего мира.

Позитивная наука — это искупление первородного греха мысли, ее очищение, возвращение к естественным законам психической энергии. Ученые напоминают библейских персонажей, которым после египетского рабства дана сила найти землю Обетованную, и они вернулись оттуда с виноградной гроздью, такой тяжелой, что двое мужчин с трудом несли ее, и народ был поражен. Ученые проникли сегодня в обетованную землю истины (ее секрет — пристальное вкладывание в природу) и принесли оттуда поразительные плоды. Простой

секрет, верный способ: наблюдения, осторожность и терпение. Все люди могли бы проникнуть в землю обетованную, ведь подобные добродетели отвечают тайным интимным потребностям их духовной жизни.

Следовало бы спросить, почему только исследователи могут проникнуть в землю обетованную? Почему все прочие остаются за ее пределами, пассивными потребителями ее плодов? Почему метод позитивной науки, выводящий на путь познания истины, соединяющий фантазию с реальностью ради дальнейшего созидания, остается монополией, привилегией немногих избранных?

Этот метод — интеллектуальное искупление, он должен стать методом совершенствования нового человека, образования новых поколений.

В библейской истории исследователи были посланцами и свидетелями существования земли Обетованной, куда должен отправиться целый народ. Сейчас тоже все люди должны научиться действовать научными методами. Каждому ребенку следует предоставить возможность экспериментировать, наблюдать, взаимодействовать с реальностью. Тогда полет воображения начнется сразу с высокого уровня, а ум пойдет по пути созидания.

Художественное воображение также основано на истине

Работа ума состоит не только в пристальном наблюдении и простейших логических рассуждениях (с этим связаны величайшие научные открытия). Есть работа более возвышенная, о ней никто не скажет, как о многих научных открытиях: «И я так мог бы».

Данте, Гете, Мильтон, Рафаэль, Вагнер — великая тайна, чудо ума. Их творчество нельзя считать только следствием элементарного наблюдения и рассуждения. Художественное воображение присуще каждому человеку, инстинктивная потребность создавать прекрасное силой духа. Развитие этого инстинкта приводит к бесценным сокровищам искусства, рассеянным, словно крупички золота, там, где кипит человеческая жизнь, где ум успевает созреть в покое. В каждом районе, где сохранились следы прошлого, мы найдем местные формы живописи, поэзии, музыки, местную мебель и песни. Эти разнообразные творения человеческой души оберегают ум и поддерживают его потребности, как переливчатая раковина оберегает нежного моллюска.

Кроме наблюдений за материальной реальностью, есть еще творчество, отрывающее человека от земли и уносящее в высший мир, где душа раскрывает все свои таланты. Однако никто не скажет, что люди создают произведения искусства из ничего. То, что называется творчеством, в действительности представляет собой своеобразное соединение, сочетание в определенном порядке исходных материалов, получаемых нами из окружающего мира при помощи органов чувств. Вот основной принцип, изложенный в древней поговорке: «*Nihil est in intellectu quod prius non fuerit in sensu*». Мы не умеем вообразить то, чего никогда не ощущали. У нас даже не будет слов, чтобы выразить нечто, выходящее за рамки привычного. Воображение Микеланджело не смогло надеть Бога иным обликом, кроме величественного старца с белой бородой. Желая представить вечные муки ада, говорят об огне. Рай чудится светом. Слепые и глухонемые с рождения ничего не знают о том, что не доступно их восприятию. Известно, слепые с рождения представляют цвета, как звуки. Красный цвет кажется им звуком трубы, бледно-голубой — нежной музыкой скрипки. Глухие, читая описание прекрасной музыки, представляют красоту живописных полотен. Вдохновение художников, поэтов в высшей степени чувственно. Не все органы чувств, создающие тот или иной тип воображения, равнозначны. Есть преобладающие. Музыканты прежде всего слышат. Они описывают мир звуками. Трели соловья в тишине леса, постукивание дождя по одинокой крыше — все может стать источником вдохновения для гениального композитора. Остальные же услышат только тишину и шум. На визуала, напротив, большее впечатление производят формы и цвета. Движение, гибкость, напор, ощущение мягкости, шершавости предопределят содержание описания у людей, у которых

доминирует тактильное, мускульное восприятие.

Есть те, чье восприятие не связано с органами чувств. Они ведут напряженную духовную жизнь. Их внутренние образы не продукт воображения, а непосредственное восприятие реальности. Не только наблюдения обычных людей подтверждают существование этих внутренних впечатлений, но и то влияние, которое они оказывают на душу человека. «Божественное откровение, — говорит святая Тереза, — это огромная радость, обогащающая душу, свет, мудрость и предвиденье». Но если бы мы захотели описать подобные впечатления, не связанные с органами чувств, все равно нам пришлось бы воспользоваться чувственным языком. «Я слышал, — говорит блаженный Раймонд де Капу, — голос не из воздуха, но он произносил слова, достигавшие моего сознания и моих ушей. Я их понимал яснее, чем то, что произносится внешними голосами. Я не смог бы воспроизвести этот голос, если можно назвать голосом нечто беззвучное. Этот голос создавал слова и представлял их моему сознанию». Житие святой Терезы наполнено описаниями подобных событий. Так она пытается дать нам понять, пользуясь совершенно неподходящим здесь языком чувств, что есть видимое не глазами, но душой.

Ощутима разница между внутренними образами, возникающими у профанов, совсем не святых людей, и галлюцинациями сумасшедших.

У сумасшедших, вследствие возбуждения коры головного мозга, старые образы, сохранившиеся в сенсорной памяти, воспроизводятся и проецируются вовне, где, по причине их внешней сенсорности, воспринимаются больными как реальность. Они видят некие фантомы, слышат голоса, преследующие их. Это жертвы патологических состояний. В их личности проявляются признаки органических нарушений, сопровождающиеся разрушением психики.

Итак, за исключением непосредственных внутренних образов (чрезвычайно редких и совершенно не обязательных для достижения святости, образов, которые могут стать объектом изучения специалистов, например теологов или членов английского общества психических исследований, но не входят в сферу образования), единственный материал для нашей интеллектуальной деятельности — то, что дают нам органы чувств. Воображение не может иметь другой основы, кроме сенсорной.

Сенсорное развитие, подготавливающее к точному восприятию всех отличительных признаков предмета, лежит в основе наблюдения за вещами и всеми явлениями, доступными нашим органам чувств. Следовательно, помогает собирать материал для воображения.

Творческая фантазия не может опираться только на сенсорнику. Это не бесконечное нагромождение образов света, цвета, звуков. Это конструкция, непосредственно связанная с реальностью. И чем теснее связь с формами внешнего мира, тем выше ценность творчества. Даже представляя нереальный, сверхчеловеческий мир, воображение остается в границах, напоминающих о реальности. Человек творит — но по образцу божественного творения, в которое он материально и духовно погружен.

В литературных произведениях, например в «Божественной комедии», мы любимся постоянным возвращением высочайшего гения к вещам материальным, осязаемым, сравнению с которыми дает наглядное представление о вымысле.

Как голуби на сладкий зов гнезда,
Поддержанные волею несущей,
Раскинув крылья, мчатся без труда,
Так и они, паря во мгле гнетущей,
Покинули Дидоны скорбный рой
На возглас мой, приветливо зовущий.

(Песнь V, «Ад»)

И словно тот, кто, тяжело дыша,

На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страша,
Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

(Песнь I, «Ад»)

Как выступают овцы из загона,
Одна, две, три, и головы и взгляд
Склоняя робко до земного лона,
И все гурьбой за первую спешат,
А стоит стать ей, — смирно, ряд за рядом,
Стоят, не зная, почему стоят;
Так шедшие перед блаженным стадом
К нам приближались с думой на челе,
С достойным видом и смиренным взглядом.

(Песнь III, «Чистилище»)

Как чистое, прозрачное стекло
Иль ясных вод спокойное течение,
Где дно от глаз неглубоко ушло,
Нам возвращают наше отраженье
Столь бледным, что жемчужину скорей
На белизне чела отыщет зренье, -
Такой увидел я череду теней,
Беседы ждавших...

(Песнь III, «Рай»)

Сравнений у Данте много, и все они чудесны. Всякий крупный писатель, всякий опытный оратор постоянно соединяет плоды воображения с реальными наблюдениями, и тогда мы говорим, что он гениален, у него богатое живое воображение, что мысли у него ясные и содержательные.

«Как свора ищек после напряженной погони за зайцем униженно возвращается к хозяину, повесив головы и поджав хвосты, так в эту незаконную ночь бандиты возвращались во дворец Дона Родриго» (Мандзони «Обрученные»).

Воображение должно существовать в границах реальных вещей. Их размер, форма дают разуму силу творить. Фантазер должен располагать запасом сенсорных впечатлений. И чем они точнее и ее вершеннее, тем более значительными будут созданные образы. Сумасшедшие рассуждают о фантастических вещах, но мы не думаем, что у них богатое воображение. Между бредом сумасшедшего и творческим образом — пропасть. В первом случае нет ни адекватного восприятия реальности, ни нормальной умственной деятельности. Во втором случае восприятие и разум тесно связаны и гармонично взаимодействуют.

Ценность творческого образа — в его оригинальности, в том, что автор объединил реальные картины и созданные воображением, чувствуя точную и гармоничную связь между ними. Если он повторил, скопировал чужие образы, он не сделал ничего. Следовательно, всякому художнику необходимо быть наблюдательным, и, переходя к интеллектуальным обобщениям, он должен, развивая фантазию, опираться прежде всего на реальность.

То же самое и в изобразительном искусстве. Художник воображает образ, не копирует, но создает его. Это созидание — плод работы его ума, в основе же — наблюдение за

реальностью. Живописец, скульптор — чаще всего визуалы по способу восприятия, они чувствительны к формам и краскам мира, их гармонии и контрастам. Оттачивая свою наблюдательность, художник совершенствуется и приходит к созданию шедевра. Бессмертное искусство древних греков основано именно на наблюдении. Греческие художники, благодаря лаконичным костюмам своего времени, могли подолгу созерцать человеческое тело. Изысканная чувствительность их глаз умела отличить красоту от безобразия. Они умели создавать, повинувшись гениальным порывам, идеальные фигуры, слияние прекрасных деталей, выбранных из всего, что сохраняла их сенсорная память. Конечно, художник не просто собирает, как в мозаике, отдельные кусочки, создавая целостный образ. Вдохновенный, он видит новую форму, рожденную его гением, но эту форму питает запас его жизненных впечатлений, как кровь питает зародыш в материнской утробе.

Рафаэль частенько прогуливался по самым многолюдным кварталам Рима, где жили красивейшие женщины. Там он искал образ мадонны, там встретил Форнарину и других своих моделей, но в Мадонне на холсте воспроизвел образ своего духа. Говорят, Микеланджело целые вечера вглядывался в даль, в пустоту неба. Его спрашивали, что он видит. Художник отвечал: «Я вижу купол». Так он создал потрясающую форму знаменитого купола собора Святого Петра в Риме. Этот образ никогда не возник бы в уме Микеланджело, если бы изучение архитектуры не подготовило почву.

Ни один гений никогда не создавал ничего совершенно нового. Вспомните некоторые расплывчатые формы, ставшие в искусстве гротескными, тяжелыми, как человеческая фантазия, неспособная подняться над землей. Мне кажется невероятным, что еще существуют фигуры ангелов с крыльями. Почему их никто не исправит? Желая создать образ эфирных существ, бестелесных, нечеловеческих, нам показывают крепких мужчин, чья спина обременена огромными крыльями с тяжелыми перьями. Чудовищное соединение несоединимых черт: волосы и перья, 6 конечностей (руки, ноги, крылья) и человеческая фигура. Этот странный образ не является художественной идеей, он свидетельство бедности нашего языка. Мы говорим, что ангелы летают, потому что человеческий, земной язык не может найти слов для выражения ангельских качеств. Слишком мало призванных художников, которые изображают ангелов сияющими, хрупкими, неосязаемыми фигурами.

Чем более совершенна связь с истиной, тем изящнее искусство.

Например, на приеме некто сделал вам комплимент, действительно соответствующий вашим истинным талантам. Эта похвала волнует вас, вы чувствуете себя польщенным, потому что комплимент на самом деле посвящен вам, скорее всего, человек наблюдал за вами, испытал по отношению к вам искреннее восхищение. Вы начинаете думать, что это умный и тонкий господин, вы готовы любезно ответить ему. Однако если комплимент касается свойств, не присущих вам, если он искажает или преувеличивает ваши способности, вы подумаете с неудовольствием: «Какой грубиян!» — и отчужденно отвернетесь от собеседника.

Возвышенный сонет Данте произвел огромное впечатление на Беатриче.

Приветствие владычицы благой
Столь величаво, что никто не смеет
Поднять очей. Язык людской немеет
Дрожа, и все покорно ей одной.
Сопровождаемая похвалой,
Она идет; смиренья ветер веет.
Узрев небесное, благоговеет,
Как перед чудом, этот мир земной.
Для всех взирающих — виденье рая
И сладости источник несравненный.
Тот не поймет ее, кто сам не испытал.

И с уст ее, мне виделось, слетал
Любвеобильный дух благословенный
И говорил душе: «Живи, вздыхая!»

(Новая Жизнь, XXVI)

Совсем иное впечатление должен был произвести на самолюбие и деликатную чувствительность женской души другой сонет, напыщенный, наполненный неподходящими, надуманными образами.

При встрече милый взгляд
Меня навек сразил.
Любовью я объят,
Сражаться нету сил.
Отравленный снаряд
Мне сердце вмиг разбил.
Его куски горят,
Мне белый свет не мил.
Меня ваш лик сгубил.
Так вражеский набег
Вмиг крепость в прах поверг.
Я статуей застыл,
Пропала жизнь навек,
Лишь с виду — человек.

(Г. Гвиницелли)

Итак, если в основе воображения — отточенное, совершенное наблюдение за реальностью, значит, следует готовить детей так, чтобы они умели точно воспринимать предметы окружающего мира, чтобы могли обеспечить себе материал для работы фантазии. Даже интеллектуальные упражнения, где нужно рассуждать в жестких границах и отличать одну вещь от другой, готовят скрепляющий раствор для фантастических конструкций, которые становятся тем прекраснее, чем богаче форма, чем логичнее связи. Грубый вымысел бесплоден.

Подобная подготовка расчищает русло, по которому источники творчества потекут радостными или величавыми потоками, не перехлестывая через край, не разрушая красоты внутреннего порядка.

Мы не можем породить эти потоки. Не чинить препятствий спонтанному проявлению активности (что еще можно сделать для скромных ручейков?) и ждать — вот наша миссия. Почему мы воображаем, что способны создать ум, мы, чья участь наблюдать и ждать, когда пробьется из-под земли тоненькая травинка, когда клетка начнет делиться.

Детское воображение

Распространено мнение, что маленькие дети обладают богатым воображением, и, следовательно, специальное обучение должно развивать в них этот особый дар природы.

Мышление детей сильно отличается от взрослого. Они разрушают наши жесткие границы, а потом страдают, заблудившись в туманном мире фантазий. Так случается и с дикими племенами. Многие на детей распространяют старую материалистическую идею: «онтогенез повторяет филогенез». То есть развитие индивида воспроизводит развитие вида.

В жизни одного человека повторяется вся история цивилизации, а маленькие дети — это первобытные дикари. Поэтому они так и очарованы фантастикой, сверхъестественным и нереальным. Чем попевать за полетом научной фантазии, гораздо легче сказать, что

неразвитый организм ребенка мыслит почти так же, как примитивный дикарь, менее цивилизованный, чем мы. Как бы ни интерпретировали особенности детского мышления, можно утверждать, что это состояние временное, переходное. Образование должно помочь ребенку преодолеть этот период, а не удерживать его на одном месте.

Все формы еще не законченного развития, которые мы встречаем у детей, действительно несколько похожи на первобытные. К примеру, язык: бедность словаря, преобладание конкретных существительных, расширение значений слов (одно слово используется в разных ситуациях и обозначает разные предметы), отсутствие правильных глагольных форм (ребенок употребляет инфинитив). Но ведь никто не предлагает поддерживать этот примитивный язык детей, чтобы им было удобно в их доисторическом состоянии.

Пусть отдельные нецивилизованные народы еще остались на таком уровне развития воображения, где реальность уступает фантазии. Но ребенок мог бы стать частью более развитой культуры, обладающей великими произведениями искусства, научными достижениями. Именно в такой среде может формироваться его ум.

Естественно, пока сознание ребенка еще не проявилось, его привлекают фантастические идеи, но не стоит забывать, что дети — наше продолжение, более того, им суждено нас превзойти. Самое малое, что мы можем для них сделать — отдать все, чем располагаем сами.

Разновидность воображения, считающаяся собственно детской и якобы творческой, — лишь спонтанная работа детского ума, помогающая малышам присвоить простым предметам особые качества тех вещей, о которых они мечтают, но получить не могут.

Кто не видел мальчишку, скачущего верхом на папиной трости, еще и подхлестывающего «скакуна»? Вот оно детское воображение. С каким удовольствием ребята составляют из стульев и кресел великолепную повозку. Один, растянувшись внутри, с наслаждением разглядывает воображаемую деревню, рукоплещущую толпу, остальные игроки, опираясь о спинки стульев, хлещут по воздуху, якобы подгоняя разгоряченных лошадей.

Однако понаблюдаем за детьми из богатых семей. У них есть спокойные пони, их часто возят в экипажах и автомобилях. Маленькие господа с некоторым презрением смотрят на мальчишку, который скачет верхом на палочке. Они удивляются, видя, как счастлив седок, которого «везут» неподвижные кресла. Богатые дети говорят: «Это бедняки, они так играют, потому что у них нет ни лошадей, ни машин». Взрослый в бедности смиряется, ребенок фантазирует. Однако это не доказательство развитого воображения, а свидетельство неудовлетворенного желания. Это не природный талант, а осознанная, осязаемая бедность. Конечно, никому и в голову не придет ради воспитания богатых детей отобрать у них лошадей и дать взамен палочки. И у бедняка не нужно отбирать эту палку. Вот нищий, у которого ничего нет, кроме сухой хлебной корки, пристроился возле окна роскошного ресторана и, вдыхая кухонные ароматы, воображает, что и сам ест все эти восхитительные кушанья. Кто решится ему помешать? Но ведь не станем же мы отнимать у богатых клиентов ресторана вкусное мясо, чтобы у них остался только хлеб и запах жаркого, а воображение стремительно развивалось.

Бедная женщина, нежно любившая своего сына, могла заработать только на кусок хлеба. Она делила этот кусок на две половинки и, протягивая их малышу, говорила: «Это хлеб, а это мясо». Ребенок был счастлив. Однако ни одна мать не захочет лишиться свое дитя необходимого ради развития его воображения. Правда, некая дама весьма серьезно спрашивала меня, не вредно ли купить пианино дочери, которая постоянно барабанит пальчиками по столу, воображая, что играет на рояле. «Чем же это может повредить девочке?» — спросила я. «Она, конечно, научится музыке, но перестанет упражнять свою фантазию, — ответила дама. — Я не знаю, что выбрать».

На подобных убеждениях основаны некоторые игры Фребеля. Детям дают маленький брусочек, говоря: «Это лошадь». Затем кладут рядом другие маленькие брусочки и говорят:

«Это конюшня. Давай отведем лошадь на конюшню». Потом брусочки располагают иначе: «Это башня, это церковь...» В таких упражнениях предметы (брусочки) дают воображению еще меньше, чем палочка во время игры «в лошадки». На палку ребенок, по крайней мере, садится, хлещет ее и скачет.

Но строить башни и церкви из лошадей — это полное смятение ума. К тому же в данном случае фантазирует не ребенок, он просто должен увидеть то, о чем говорит учитель. Никто не проверяет, действительно ли ученик следит за тем, как конюшня превращается в церковь, или он уже отвлекся. Конечно, ему хочется двигаться, но нельзя. Нужно досмотреть это своеобразное кино, где педагог озвучивает последовательно сменяющиеся кадры, но в котором, в сущности, ничего нет, кроме одинаковых деревянных брусочков.

Что развивают в незрелом уме, к чему готовят такие упражнения, что общего это имеет с миром взрослых? Есть люди, принимающие деревяшку за трон и отдающие приказы, как короли. Кто-то считает себя богом. Нарушение восприятия (в самых тяжелых случаях галлюцинации) приводит к ошибочным суждениям и сумасшествию. Безумные не творят, не создают ничего ни для себя, ни для других, как и ученики, обреченные на неподвижность методикой, доводящей до абсурда невинные проявления их неудовлетворенных желаний.

Мы часто думаем, что развиваем воображение детей, позволяя им принимать за чистую монету всякие фантастические вещи. К примеру, новогодние персонажи. В некоторых средиземноморских странах это уродливая старуха Бефана. Она видит сквозь стены, спускается по дымовым трубам и приносит игрушки послушным детям, а непослушным оставляет только кусочки угля. В Англии дряхлый старик, покрытый снегом, по ночам разносит детям в огромной корзинке игрушки. Но как наши вымыслы развивают детское воображение? Это же мы фантазируем — не они. Они верят, но не фантазируют. Доверчивость действительно свойственна неразвитому существу, которому не хватает опыта, знаний о реальности, чей ум еще не научился отличать правду от лжи, красоту от безобразия, возможное от невозможного.

Вероятно, именно доверчивость мы стараемся развить в наших детях, тем более что в период, когда они еще так невежественны и неразвиты, их так легко обмануть. Конечно, доверчивыми бывают и взрослые, но это качество не говорит об их высоком интеллекте. Доверчивость зарождается в период умственной темноты, и мы гордимся, преодолевая этот период. Мы считаем доверчивость признаком низкой культуры.

Вот забавный анекдот XVII века. В Париже Новый мост был местом прогулок и встреч всевозможных бездельников. В толпе, конечно, попадались бродяги и шарлатаны. Одного из них (он зарабатывал на жизнь тем, что продавал китайскую мазь, увеличивающую глаза, округляющую рот, удлиняющую короткие носы и укорачивающую длинные) как-то арестовал полицейский мсье Сартином. Ведя правонарушителя в камеру, он спросил:

— Мариоло, как тебе удастся привлекать столько людей и зарабатывать столько денег?

— Господин, — ответил жулик, — как вы думаете, сколько человек проходит по мосту за день?

— 10–12 тысяч.

— А сколько, как вы думаете, среди них умных людей?

— Около ста.

— Пожалуй, преувеличили, — усмехнулся Мариоло, — но пусть будет по-вашему. Все равно осталось достаточно тех, на ком я могу заработать.

С тех времен изменилось только то, что умных стало больше, а доверчивых меньше. И образование должно вести нас не к доверчивости, а к уму. Тот, кто строит образование на доверчивости, возводит дом на песке.

Расскажу одну историю, которая, возможно, повторяется в разных формах в нашем обществе.

Две маленькие девочки из знатной семьи воспитывались в монастыре. Стремясь уберечь малышей от соблазнов и мирской суеты, которой им не избежать в связи с положением семьи, монахини убедили своих учениц, что мир лжив, что если, выслушав

комплимент, спрятаться и подслушать продолжение разговора, то узнаешь много неутешительного о себе. Достигнув возраста светской жизни, юные красавицы впервые появились на званом обеде, их мать пригласила самое блестящее общество. Все изощрились в комплиментах нашим девушкам. К. гостиной примыкала маленькая комнатка, дверь в которую была замаскирована ковром. Естественно, воспитанницы монастыря пожелали спрятаться в тайной комнате, чтобы услышать разговоры за спиной. Однако после исчезновения девочек из гостиной сдержанные доселе комплименты удвоились. Гости выражали свое искреннее восхищение. Девушки позднее признавались мне, что испытали невероятное возмущение в тот момент. Они вмиг разуверились во всем, чему их учили в монастыре. Они отказались даже от религии и отдались светским развлечениям. «Спустя годы нам пришлось самим восстанавливать свою жизнь, вновь приходить к вере и осознавать пустоту бессмысленных удовольствий».

Доверчивость исчезает с появлением опыта и созреванием сознания. Образование способствует этому. И у целого народа, и у отдельного человека развитие культуры и ума приводит к уменьшению степени доверчивости. Недаром говорят: «Знания — свет», и они разгоняют мрак невежества. На пустом месте (невежество — это пустота) фантазия легко превращается в бред. У нее нет поддержки, руки, помогающей подниматься вверх. Геркулесовы столпы исчезли, когда Гибралтарский пролив стал общедоступным морским портом. Обученные в европейских школах индейцы уже не поверят новому Колумбу, если он станет их уверять, что управляет небесами и солнце меркнет по его приказу. О солнечных затмениях сегодня знают и краснокожие, и белые.

Мы хотим развивать у детей воображение, основанное на доверчивости? Конечно, оно существует независимо от нашего желания. Но вот малыш перестает верить в сказки, и мы радуемся: «Он уже не ребенок». Это должно произойти, мы ждем этого момента: придет день, и наш сын перестанет верить во всякие выдумки. Когда пора зрелости в самом деле наступает, давайте спросим себя: «Что мы сделали, чтобы приблизить счастливый миг? Как мы поддерживали слабый детский ум, как помогли ему окрепнуть?»

Ребенок преодолевает препятствия вопреки нам, а мы держим его в плену иллюзий и невежества. Мы сильнее. Малыш стремится туда, куда ведет его внутренняя сила развития и созревания, и он мог бы сказать: «Как много я страдал из-за вас. Мне и без того тяжело подниматься вверх, а вы тянете меня вниз». Представьте, из любви к младенцам мы сожжем им десны покрепче, чтобы не выросли зубки (младенцы беззубы), не позволим выпрямляться, чтобы они не научились стоять, навсегда остались грудными детьми. Мы впадаем в ту же ошибку, когда сохраняем детскую речь на примитивном уровне. Не произносим звуки как можно яснее, не даем следить за движениями губ, а начинаем невнятно лепетать, повторяя за ребенком: «Тятя, ам-ам». Мы бросаем его в трудный период, удерживаем в прошлом. Ему трудно.

То же самое с развитием воображения. Нас забавляют детские иллюзии, их невежество, ошибки неразвитого ума. Так, еще недавно мы развлекались, раскачивая хохочущего ребенка, не думая, что это не слишком полезно для него. Нас развлекает Дед Мороз и доверчивость малышей. Нужно честно признаться, что мы напоминаем одну великосветскую даму, которая, чтобы не скучать, время от времени занималась детскими больницами для бедняков и повторяла: «Какое счастье, что есть больные дети!» Если исчезнет однажды детская доверчивость, мы лишимся огромного удовольствия в жизни. Искусственно тормозить развитие ребенка, получая от этого удовольствие, — одна из неосознанных ошибок нашего времени. Так, в древности калечили младенцев, приостанавливали их рост, чтобы превратить в карликов, королевских шутов. Мы не понимаем, что делаем, однако говорим порой с презрением к детской неопытности: «Я уже не ребенок». Не будем препятствовать развитию малышей, не будем потешаться над их неопытностью. Напротив, предоставим им возможность расти свободно и, наблюдая за их прекрасными изменениями, повторим вслед за Христом: «Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

Если то, что зовется детским воображением, есть продукт незрелости ума, бедности и

невежества, прежде всего следует создать для наших учеников насыщенную внешнюю среду, сделать доступными для них разные предметы, обогатить их ум знаниями и опытом, почерпнутым из реальности. И тогда можно оставить их развиваться свободно и ждать чудесных проявлений фантазии.

Обогатить детей, главных бедняков нашей эпохи (у них нет совсем ничего, они рабски повинуются многим хозяевам), — вот наш первый долг. Скажут: «Как дать лошадей, машины, рояли всем детям?» Это и не понадобится. Лекарство не действует напрямую, если речь идет о жизни человека. Ребенок, у которого ничего нет, воображает труднодостижимые вещи. Нищий мечтает о миллионах, раб о троне. Однако тот, у кого есть хоть что-то, привязан к своему имуществу, ухаживает за ним и разумно приумножает.

Бездельник мечтает стать королем, а учитель — директором. Если у ребенка есть свой дом, своя метелка, тряпка, посуда, мыло и мебель, он с удовольствием заботится об этом. Его желания спокойны, а внутренняя гармония позволяет развиваться творческой активности.

Реальное обладание успокаивает ребенка и умиряет желания, истощающие в пустых иллюзиях его драгоценные силы. Это не фантазии, хотя и для них остается место. Однажды учителя, работавшие в образцовом приюте, сказали мне: «Мы тоже даем детям опыт практической жизни, как вы. Приходите посмотреть». Я пришла. Пришли и разные авторитетные люди, даже университетский профессор, преподаватель педагогики.

Несколько детей, сидя за столом, накрывали игрушечный обед. Их лица были равнодушны. Я в изумлении смотрела на тех, кто пригласил меня. Они выглядели довольными, думая, очевидно, что накрывать на стол понарошку и по-настоящему — одно и то же. Жизнь настоящая и выдуманная — одно и то же. Вдруг подобные ошибки, проникая в наше сознание с детства, остаются там надолго, формируя особый склад ума? Возможно, поэтому один крупный итальянский профессор педагогики сказал мне: «Новое? Свобода? Да почитайте Коменского, он об этом уже написал». Я ответила: «Многие писали, важно осуществить». По-моему, он не увидел разницы. «Не кажется ли вам, что есть разница между тем, кто говорит о миллионах, и тем, кто ими обладает?» — добавила я.

Довольствоваться воображаемым и жить так, словно наша фантазия реальна, бежать за иллюзорным и «не узнавать» настоящее — как часто это встречается. Заметив нечто подобное, мы говорим: «Вернись на землю, дружище!», но сознание точит червь сомнения.

Право на воображение есть у каждого, независимо от наличия фундамента для возведения фантастической постройки. Но если фантазия не отталкивается от реальности, от правды, то вместо божественной красоты появляется уродливый нарост, он душит ум, заслоняет свет.

Сколько времени и сил человек теряет и теряет из-за этой ошибки. Как порок (а бесцельное использование способностей — порок) истощает тело, вплоть до болезни, так воображение, не опирающееся на правду, изнуряет ум, вплоть до сумасшествия.

Небылица и вера

Мне часто говорят, что развитие воображения, фантазии готовит душу ребенка к восприятию религии. Образование, основанное на реальности (наш метод), слишком скучно, истощает духовные силы. Верующие люди с этим не согласятся. Они хорошо знают, что небылицы и вера — противоположные полюсы. Небылица — неправда, а вера — чувство истины, сопровождающее человека до самой смерти. Религия не плод воображения, но высшая реальность, единственная правда для верующего. Источник жизни, ее опора. Неверующему человеку не хватает не воображения, ему не хватает внутреннего равновесия. По сравнению с верующим, он менее спокоен, менее стоек в несчастьях, более подвержен сомнениям, колебаниям. Он напрасно цепляется за свое воображение, стремясь создать иллюзорный мир. Голос в глубине его души кричит вместе с Давидом: «Господи! Моя душа жаждет тебя!» Человек надеется угадать цель настоящей жизни, но в минуту ожесточенной

борьбы чувствует, что почва уходит из-под ног.

Когда апостол стремится обратить душу к вере, он обращается к чувству, не к воображению, потому что знает: не нужно создавать новое, достаточно пробудить то, что спит в глубине сердца, воскресить жизнь, застывшую в оцепенении, как тело, засыпанное снегом, но еще живое. А свежевылепленная снежная баба растает в солнечных лучах.

Да, фантастическое проникает в религию, но по ошибке. В средние века эпидемии считали Божьей карой. Сегодня причину видят в микробах. Паровые двигатели поначалу внушали необразованным людям мысли о дьявольской силе. Предрассудки, как многие фантазии, расцветают в пустоте невежества. Религия не похожа на фантастический замок, чей фундамент — невежество, иначе первобытные народы были бы религиозны, а цивилизованные — нет. Все наоборот. У дикарей верования странны, неустойчивы, чаще всего основаны на страхе перед таинственными явлениями природы. У цивилизованных людей вера устойчива, сильна, и современная наука, раскрывая загадки природы, позволяет глубже ощутить Таинство.

Сегодня в школах стремятся свести религиозное воспитание к минимуму. Помогут ли вере вернуться к ученикам разные небылицы? Не проще ли открыть двери самой религии, чтобы ее свет согрел и укрепил растущую жизнь? Она должна войти, как солнце входит в мир, а не как колдунья влетает в печную трубу. Небылицы в какой-то мере готовят к восприятию язычества, где части божественного рассыпались среди множества мелких божков, символизирующих внешний мир, воспринимаемый органами чувств и порой обманчивый. Это не вступление в христианство, которое устанавливает связь между Богом и человеческой душой, единой, целостной, учит законам бытия. Если позитивная наука чужда религии, вовсе не изучение реальности разделяет их.

Позитивные науки до сих пор изучали внешний мир, анализировали его частности. Ученых можно сравнить скорее с язычниками. Только когда они проникнут во внутренний мир человека, откроют глубинные законы жизни, яркий свет христианства зажжется среди людей, а дети, как вифлеемские ангелы, запоют гимн, посвященный миру между наукой и религией.

Святой Иоанн в пустыне искал путь к Господу и очищал людей от тяжких грехов — вот метод создания внутреннего равновесия и избавления от грубых ошибок, истощающих духовную энергию. Так можно подготовить к восприятию истины, найти жизненный путь.

Развитие воображения в начальной школе

Что делают в обычной школе для развития воображения? В большинстве случаев класс — абсолютно голое место. Серые столы, белые занавески не возбуждают наши чувства. В чем смысл такой скудной мизансцены? Внимание детей не должно рассеиваться, следует сосредоточиться на преподавателе, объясняющем урок. Ученики слушают, неподвижно сидя за партами, час за часом. На уроке рисования им велят как можно точнее скопировать чужой рисунок, на физкультуре движения ребят подчинены чужим приказам. В них превыше всего ценится пассивное послушание. Воспитание воли заключается в методичном подавлении детских желаний.

«Наша традиционная педагогика, — заявляет Клапаред, — угнетает учеников огромным объемом информации, которая никогда не пригодится им в жизни. Их заставляют слушать — они не хотят слышать. Их заставляют говорить, писать, пересказывать, сочинять, рассуждать — им нечего сказать. Детей заставляют наблюдать при полном отсутствии любопытства с их стороны. Заставляют думать — при отсутствии стремления к открытиям. Заставляют представлять себя самостоятельными, но никто не спросил, согласны ли ученики с предъявленными требованиями. Ведь только внутреннее согласие придает послушанию, исполнению долга нравственную ценность».

Дети, с которыми обращаются, как с рабами, напрягают глаза, чтобы читать, руки,

чтобы писать, уши, чтобы слушать учителя. Только тело остается неподвижным, а ум ни на чем не может остановиться. Ребенок постоянно вынужден поспевать за ходом мыслей педагога, а тот, в свою очередь, за программой, составленной случайным образом и, конечно, без учета детских потребностей. Смутные образы, как сны, проносятся время от времени перед глазами ученика. Учитель рисует треугольник на черной доске, а потом стирает его. Мгновенное абстрактное видение. Малыш не подержал в руках настоящий треугольник. Ему приходится с трудом запоминать контур, к которому тут же прибавляются абстрактные расчеты. Эта фигура никогда не оживет в ребенке, он не прочувствует ее, не соединит с другими, не вдохновится ею. И так со всеми предметами. Кажется, единственная цель школы — утомить детей. Об эту детскую усталость разбиваются все усилия экспериментальной психологии.

В этой среде, где нет ни свободных упражнений, ни выбора деятельности, ни медитации, где угнетены все чувства, исключены внешние стимуляторы, способные обогатить ум его собственными открытиями, — здесь хотят развивать воображение, заставляя писать сочинения, то есть ученик должен создавать из пустоты, отдавать, ничего не имея, опираться на внутреннюю активность, которую всегда ограничивали. Бесконечные упражнения в написании сочинений якобы должны развить воображение. Из бессилия, из пустоты должен возникнуть самый сложный продукт умственной деятельности.

Все знают, что сочинение — самая большая школьная проблема. Учителя жалуются, что у детей мало идей, их рассуждения беспорядочны, им не хватает оригинальности. Сочинение — самый страшный экзамен для учеников. Мы видели выражение их лиц в ожидании объявления темы, по которой нужно написать за короткое время целый текст, плод воображения. С ужасом, со стесненным сердцем, с холодными руками и взглядом, тревожно обращенным на часы (время бежит!), под бдительным присмотром педагога, превратившегося ради такого случая в тюремного надзирателя, ребенок подвергается кошмарной пытке. Горе ему, если он не сдаст сочинение. Он пропал! Это главный экзамен, где он должен свободно проявить себя, свою индивидуальность. По сочинению комиссия будет судить о его интеллекте. Вот почему молодые люди порой становятся неврастениками, доходят до суицида. Дети не могут повторить слова одного из величайших поэтов Кардуччи. Его попросили написать оду по случаю смерти знатного сеньора, он ответил: «Я пишу по вдохновению, а не по случаю».

Интересно узнать, как в современных школах, использующих достижения психологии, помогают ребятам научиться писать сочинения. Сочинение (вот противоречие!) преподается, педагог проводит коллективные уроки, обучая сочинению, как арифметике. Это называется «коллективное устное сочинение». Предоставим слово специалистам в этом деле. Это отрывок из методички, по которой учителя проводят подобные уроки.

Как сформулировать тему?

Возьмем для примера коротенький рассказ из трех предложений. 1) *Эрнст не выучил урок.* 2) *Учительница строго отчитала ребенка.* 3) *Эрнст заплакал и пообещал исправиться.* Если мы озаглавим рассказ фразой «Эрнст не выучил урок» (первый факт, причина), дети легко поймут смысл двух остальных предложений, по логике и хронологии следующих за причиной. Если мы в качестве темы назовем второе предложение (*Учительница строго отчитала ребенка*), то вынудим учеников искать причину, а затем наблюдать следствие, описанное в третьей фразе. В самом трудном случае, если тема сформулирована третьим предложением (*Эрнст заплакал и пообещал исправиться*), детям придется вернуться ко второй фразе, а от нее к первой. Итак, первая фраза рассказа должна указывать тему.

Ход урока. Учитель пишет на доске заголовок и предлагает детям подумать (не сказать!) о логических последствиях данного факта. Она дает понять, что ученики должны работать самостоятельно, без подсказок.

Луиза бросила в огонь комок шерсти (тема). Подумайте, что могло произойти дальше.

Запахло паленым. Очень хорошо. Теперь повтори рассказ. *Луиза бросила в огонь*

комков шерсти. Запахло паленым. Кто-то может добавить другие возможные последствия? Учительница отругала Луизу. Мальчик открыл окно. Учительница повторяет упражнение, пользуясь темами А, В и С, и записывает на доске рассказы, составленные коллективными усилиями.

Затем она предлагает новую тему и позволяет ученикам свободно ее развивать, без подсказок.

Тема А . *Луиза бросила в огонь комков шерсти. (Запахло паленым. Учительница отругала Луизу. Мальчик открыл окно, чтобы проветрить.)*

Тема В . *Эрнст опрокинул чернильницу на пол. (Пол стал грязным. Учительница сделала замечание мальчику. Он пообещал быть внимательным.)*

Тема С . *Эльза хорошо прочитала рассказ. (Учительница похвалила ее и поставила пятерку. Эльза счастлива.)*

Тема D . *Мария испачкала свою тетрадь. (Учительница не стала проверять ее сочинение и отругала девочку. Мария вернулась домой в слезах.)*

После коллективных упражнений учительница дает одну свободную тему. *Мария хорошо выучила урок.* Дети, развивая ее, должны ориентироваться на предыдущие примеры, то есть сформулировать в двух-трех предложениях логичные последствия указанной причины. *(Учительница поставила ей пятерку и велела всегда быть такой же старательной.)*

Иногда урок приобретает психологическое направление. В этом случае продолжение темы связано не с причинно-следственными отношениями, а с развитием психической деятельности в трех сферах: восприятие, чувство, волеизъявление. Например, *Амели дала мне понюхать нашатырь* (восприятие). *Какой ужасный, запах!* (чувство) *Я не хочу больше его нюхать* (волеизъявление).

Жорж дернул меня за волосы, (восприятие) *Мне больно!* (чувство) *Я оттолкнул его* (волеизъявление).

(Школьные права. 1914. № 16. С 232)

Конечно, такая методика разрушает всякое вдохновение, творчество. Ученики должны следовать, фраза за фразой, указаниям педагога. Следовательно, самостоятельное сочинение исчезает совершенно. Ребенок лишен материала для творчества, пропадает и сама способность творить, так что, если завтра материал возникнет в сознании, не будет желания его воплотить. Школьная рутина сковала мысль. Учитель, подобным образом развивающий детский интеллект, напоминает шофера, который сначала заглушил мотор машины, а потом стал толкать ее руками. Он превратился в носильщика, а машина в громоздкий бесполезный механизм. Если же мотор работает, внутренняя сила сдвинет автомобиль с места, шоферу нужно лишь управлять им, чтобы он двигался по дороге, не сталкиваясь с препятствиями, не проваливаясь в ямы, не сбивая пешеходов.

Направление — вот что необходимо. Но верная дорога определяется только внутренним импульсом, который невозможно создать искусственно.

Так родилось итальянское литературное возрождение, с появлением Данте возник «сладостный новый стиль», спонтанное выражение чувств. «Я такой. Когда любовь меня вдохновляет, я пишу то, что она диктует в глубине моего сердца, я повторяю ее слова».

Ребенок должен создавать свою внутреннюю жизнь, чтобы суметь выразить что-то. Он должен самостоятельно выбирать в окружающей среде материал для сочинений, свободно упражнять свой ум, чтобы находить логические связи между вещами. Мы должны дать ему все необходимое для его внутренней жизни и позволить свободно творить. Тогда, возможно, появится ученик, чьи глаза сияют, он пишет одно сочинение за другим, медитирует и развивает природный талант.

Мы должны заботиться, питать внутренний мир ребенка и ждать чудесных проявлений. Если творческое воображение просыпается поздно, то только из-за медленного интеллектуального развития. Не стоит торопить его, как не нужно приклеивать младенцу фальшивые усики, потому что не хватает терпения дождаться, пока у него через 20 лет

появятся свои.

Моральный вопрос

Сначала мы говорили, что позитивная наука ничего не принесла обществу, кроме правил гигиены, и тем самым незаслуженно обидели ученых. Они исследуют не только физическую, но и моральную жизнь человека.

Наука служит социальному прогрессу. Здесь нет ни благодетелей, ни благодарных — просто общество повышает свой уровень жизни.

В прошлом бедность была раздражителем, а благодеяние — реакцией на раздражитель. Бедные нужны были богатым для ощущения собственного богатства. Если бы тогда бедняк сказал: «Дайте мне все необходимое, иначе умрете», — богач возмутился бы. Он не смотрел на нищего как на брата, человека с такими же правами, не видел общей угрозы смерти.

Сегодня наука заставила его взглянуть на вещи иначе. Она сделала милосердие реальностью, облагодетельствовав и бедных, и богатых. Она возвела в принцип цивилизации то, что раньше считалось нравственным принципом, сферой чувств.

Гигиена стала обычаем, устанавливающим законы индивидуальной жизни. Вот почему исчезли излишества знаменитых эпикурейских пиров, уступив место правильному питанию. Его преимущество — в научно установленной пропорции между потребностями тела и потребляемой едой. Алкоголь богатые осуждают больше, чем бедные. Они едят, чтобы быть здоровыми, то есть без обжорства и отравления организма. Именно это проповедовала древняя мораль, сражаясь с грехом чревоугодия, провозглашая пост и воздержание как добродетель. Однако в те времена никто и представить себе не мог, что миллионеры решительно перейдут с вина на сок, что исчезнут многочасовые обеды, от них останутся лишь воспоминания, как о старинной причуде. Более того! Никто из современных воздержанных господ не кичится своей добродетелью. Поучения древних пророков передавались, как и дух времен Маргариты Валуа. Истории Боккаччо сегодня не пересказывают в аристократическом обществе. Люди стали щепетильнее в словах, жестах, говорят не о низком, но о высоком. Блестящим собеседником считается знающий человек, который, рассказывая о путешествии, знакомит с обычаями иноземных народов, рассуждая о политике, проявляет понимание событий. Неумеренный смех, скользкие шутки, провокационные жесты не приняты. Древний пророк сказал: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших».

Таким улучшением нравов мы обязаны науке, она руководит миром. Она отменила грим и мушки, упразднила кринолины, корсеты, длинные подола, унифицировала одежду. Человек прошлого, попав в наш мир, спросил бы: «Неужели здесь все каются? Мужчины в скромных пиджаках, коротко остриженные. Женщины без париков, без мушек на лице, скромно причесанные. Графини одеты почти также, как простолюдинки, почти по-монашески. Экипажи черны, как катафалки, и служанки одеты в черное. Никакого карнавала, шума, все тихо и солидно». Разве поверили бы люди, фанатично боровшиеся с тщеславием, что их мечта станет реальностью не из-за покаяния, а просто по ходу жизни. Новое общество не считает, что жизнь полна страданий. Напротив, оно смотрит на прошлое с ужасом, страшась вновь вернуться в те времена, когда человек был рабом помпезных костюмов и макияжа, а сам не стоил ни гроша и умирал от многочисленных инфекций. Сегодня люди свободны от тщеславия и действительно благополучны. Наша жизнь столь приятна, потому что комфортна. Это секрет счастливой знати минувших веков, секрет жизни.

Возможно, монахи и светские бездельники в каком-то смысле оказались заодно. Монахи отказывались от мирской суеты и хранили секрет жизни, полной наслаждений, с отвращением глядя на мнимые радости света. Весельчаки, ничего не понимая, рабы до кончиков волос, упрятанных под парики, до кончиков пальцев, стиснутых модными туфлями, называли радостью настоящее самоубийство.

Позитивная наука, проникнув в область морали, дала нам еще кое-что ценное. При помощи социологии, статистики, она пролила свет на проблему аморальности и преступности, указала их причины. Криминальная антропология открыла «низкий тип», из-за генетической ущербности ребенок подвержен заражению всеми моральными инфекциями. Теория вырождения Мореля и теория преступности Ломброзо упорядочили хаос, где смешаны были суждения о добре и зле. Формы вырождения связаны в первую очередь с нервной системой. Все аномальные личности выпадают из общего типа. У них разный уровень интеллекта и морали. Но ложное восприятие, ложные суждения, иллюзии, излишняя импульсивность или безволие, фобии, слабое моральное чувство, на котором ум строит свои бредовые концепции, воспринимаемые как философские системы, — общие признаки асоциального типа.

Слабость нервной системы и беспорядочный ум, отсутствие интереса к труду мешают этим людям созидать. Поэтому они стремятся жить за счет других. Их называют злыми. Однако, понаблюдав за ними, понимаешь: это не злость, а болезнь и ошибки общества. Наши злодеи родились такими не по своей вине, они жертвы, доведенные обществом до гибели. Их преследовали и бросали в одиночестве с детства, они не умеют быть вежливыми из-за умственной неразвитости, отсутствия воли, аномальных чувств и физической дисгармонии. Сначала их ругала мать, затем школа, и, наконец, общество применяет к ним самое суровое наказание.

Первая картина Мореля, описывающая смерть вида, поражает. Его теория утверждает: если по какой-то причине человек деградирует, он дает слабое потомство, и через 2–3 поколения его семья совершенно вырождается. Сумасшедшие, преступники, эпилептики, умственно отсталые — печальный ряд, свидетельствующий о вырождении семьи. Если, умирая, человек оставляет сильное потомство, он на самом деле не умирает, а возрождается. Молодость следует за старостью. Умирает только вырождающийся тип, его род угасает, немногие оставшиеся потомки — агония вида. Агонизирующий тип, живущий среди здоровых, слаб, его мучат бред, судороги, излишнее возбуждение, эгоизм, его стремятся затолкать в могилу для живых — в сумасшедший дом или в тюрьму.

Какая картина и какой пример для людей! Ошибка одного человека может стать смертельной для семьи, передаваясь, как библейское проклятие, всем потомкам и приводя всех к гибели.

Ужасно, что над головой невинного ребенка висит проклятие. А ведь земная жизнь еще не все, у нее есть продолжение, где мы получаем истинное вознаграждение и наказание за земное существование.

У нас чаще всего есть право выбора между сыном хорошим, здоровым, плодовитым и сыном болезненным, бесплодным, неспособным нас любить и понимать. Спасение отдельной жизни достижимо ценой заботы о здоровье человечества. Алкоголизм, интоксикация, переутомление, врожденные заболевания, истощение нервных сил, пороки, безделье — вот причины вырождения. Наука открыла это ради спасения людей и стала в каком-то смысле проповедницей добродетели. Она провозгласила великий принцип прощения, остававшийся доселе одной из тайн религиозной морали.

Уже несколько веков никто, кроме нескольких благородных и милосердных христиан, не смотрел на преступника с такой жалостью и справедливостью, как наука. Ученые поняли, что перед ними жертвы социальных проблем, за которые мы все в ответе. Следовательно, мы должны принять на себя вину за ошибки, допущенные по отношению к низшему существу, и постараться вывести его на путь возрождения. Только святые предчувствовали эту истину. Они отдавали себя человечеству, принимая груз чужих ошибок. «Думайте, — говорил святой Иоанн Златоуст, — не только о своем спасении, но о спасении всего человечества. Молитва ваша должна быть ради интересов всего человечества».

Очевидно, что если бы очистилась наша раса от всех уродств и стала бы не восприимчива к болезням, слабостям и страданиям, наука возрождения просто не возникла бы. Лишь видя последствия, можно осознать губительные причины и спасти человечество от

гибели.

В конце концов, есть глубокое различие между языческой моралью и христианской, между философией древних греков и современной наукой, между эстетическим идеалом и жизненным. Позитивная наука помогла нам воплотить в жизнь важнейшие христианские идеи. Можно сказать, что монахи веками в разных странах показывали нам тот единственный образ настоящей жизни, который открыла сегодня наука. Они жили среди беспорядка по строгим гигиеническим правилам. Их питание, скромное, но регулярное, состояло из грубого хлеба, свежих фруктов, молока, овощей и небольшого количества мяса. Они жили в просторных зданиях за пределами зараженных городов или хотя бы на их окраине, по возможности на холме. В их комнатах не было тяжелой мягкой мебели, зато оставалось много свободного места, много свежего воздуха. Просторная одежда, сандалии или босые ноги, на зиму — шерстяные вещи, физические упражнения, работа на земле, путешествия — это почти современный спортивный образ жизни. Каждый монастырь заботился о своем окружении: давал приют бедным, лечил больных, показывая, что свободная комфортная жизнь обязательно должна быть наполнена заботой о людях. Это была интеллектуальная и социальная элита: бенедиктинцы хранили рукописи, собирали коллекции произведений искусства, бернардинцы развивали сельское хозяйство, францисканцы проповедовали мир. Современное общество, внедряя научные законы жизни и заботясь о здоровье, словно вернулось к религиозным законам, открывающим пути спасения. Наша цивилизация стремится походить в определенном смысле на старинные оазисы духа. Если мы рискнули провести параллель между светским обществом и монастырем, о каком монастыре мы говорим?

Монастырь, где все братья едят по уставу, носят гигиеничную одежду, корректны в высказываниях, пекутся об общих интересах, равнодушны к материальным благам. Они размышляют о вечной жизни, о спасении, о воздаянии и наказании. Однако не волнуются об этом, ибо утратили веру и любовь друг к другу. Амбиции, желания и даже ненависть разрушают их внутренний покой. В их мире есть место разврату, признакам глубокого упадка, утрачено целомудрие. Человеческую любовь нельзя сравнить с животной похотью. Любовь рождается в целомудрии, даруя понимание чужой души, чувство истины. Этот жаркий огонь, называемый милосердием, поддерживает жизнь и придает ценность всему. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества, — говорит святой Павел, — и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы».

В выродившихся монастырях потеряно самое главное, самое высокое, самое совершенное знание. Так, личность, отмеченная печатью вырождения, теряет сначала самые высокие таланты, накопленный опыт, но сохраняет элементарные знания.

В социальном монастыре, напротив, последнее знание еще не приобретено. В этом разница и точка пересечения. Возвышение общества до христианства только началось. Милосердия и целомудрия нет в бесплодной почве, лишенной веры и духовности.

Позитивная наука еще не коснулась внутреннего мира человека, и высшие человеческие достижения еще не воплотились в обществе.

Когда мы займемся моральным воспитанием наших детей, давайте прежде всего спросим себя, любим ли мы их по-настоящему, искренни ли мы в желании видеть их нравственными.

Обратимся к реальности: отцы и матери, что вы можете ждать от своих детей? Война не так опасна для человеческого тела, как духовная гибель. Представим себе всемирную войну, куда призваны все мужчины, а выживших почти нет. И вы должны растить сыновей для смерти. Станете ли вы так надрываться? К чему так тщательно их причесывать, стричь розовые ногти, заботиться о свежести и красоте сильных тел, если неизбежна скорая смерть? Ах, как восстали бы против войны все, кто любит детей, как боролись бы за мир!

Мадам де Эрикур красноречиво изложила свое кредо в книге «Освобожденная женщина», написанной еще во времена французской революции:

«Матери, вы ругаете детей и говорите им:

– Не лги, потому что ложь недостойна уважающего себя господина; не кради (понравится ли тебе, если кто-то возьмет твою вещь?), потому что это бесчестный поступок; не обижай слабых, это низко.

Великолепные принципы! Но вот мальчик становится юношей. Считается, что молодым нужно веселиться, а значит, соблазнять, вступать в незаконные связи, посещать грязные притоны. Та самая мать, которая запрещала ребенку лгать, сегодня позволяет юноше предавать такую же женщину, как она сама. Она запрещала красть игрушки, но позволяет похитить жизнь, честь такой же женщины, как она сама. Она запрещала обижать слабых, а теперь разрешает сыну стать одним из угнетателей человеческих существ, превращенных обществом в рабов».

Унижены все матери, искажена жизнь всего человечества. Сегодня набирает силу социальное движение против господства белых. Возникла наука евгеника, которая заботится о спасении потомства.

Это замечательно! Но остается вопрос духовный. Белые рабыни не падшие создания, а жертвы общего падения нравов. Нам угрожает такая серьезная духовная опасность, что никакая внешняя гигиена не спасет детей, если мы не победим причину. По-настоящему грешны те, кто упорствует в своей низости. Белые рабыни, униженные обществом, безжалостно наказанные, кричат о возмездии перед лицом всего мира. Они бесчестят все человечество, но не одни они прокляты. Проклят и тот воспитанный юноша, который без малейших угрызений совести, не замечая собственного падения, пользуется человеческим существом, превращая его в раба. Он даже презирает это существо, не слыша голоса собственной совести: «И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазу не чувствуешь?» Юноша пытается защитить свое тело от бедственных последствий греха, но не всегда ему это удается. Он рискует погубить себя, свое потомство из-за пустяка. Но одновременно хочет обрести положение в обществе, войти в благородную семью. Он погиб во мраке, стал рабом. Попала в рабство и его мать, которая не может следовать за сыном. Она так заботилась о здоровье его тела, столько душевных сил потратила на его воспитание. Теперь она рабыня, ибо сын порывает с ней, чтобы идти на гибель, физическую и моральную, а она стоит и молча смотрит на это. Женщина униженно оправдывается, говоря, что честь и чистота не позволяют ей следовать за сыном на гибельном пути. Это то же самое, как если бы она сказала: «Мой сын ранен, истекает кровью, а я не могу пойти за ним: на улице грязно, я запачкаю туфли».

Где сердце истинной матери? Насколько выродились материнские чувства! «Только та мать по-настоящему достойна и чиста, — пишет мадам де Эрикур, — которая воспитала сына так, что ему не приходится говорить с матерью о низостях». Без материнского авторитета женщина погибает. А ведь честь матери так много значит.

Вспомните, римлянка, мать Кориолана, узнав, что ее сын стал предателем Родины и готовится напасть на Рим во главе вражеской армии, храбро вышла из-под защиты городских стен и отправилась к грозному предводителю захватчиков, чтобы спросить его: «Ты мой сын или предатель?» Эти слова заставили Кориолана отказаться от недостойной затеи. И сегодня настоящая мать должна перешагнуть границы дозволенного, выйти из рабского состояния и, собрав все свое достоинство, смело встретить сына словами: «Ты не станешь предателем человечества!» Почему не хватает женщине чувства ответственности, чтобы спасти свое дитя? Что ослабляет чувства молодого человека до такой степени, что он презирает материнский авторитет? Это смерть души, а не внешняя угроза.

Позитивная наука пока ограничивается изучением внешних причин болезни или вырождения и предписывает соблюдение гигиенических правил, защищая жизнь тела, но уже одно это оказывает огромное влияние на общественную мораль. Свидетелями какого нравственного подъема мы бы стали, если бы наука обратила внимание на душу человека?

Сначала ученые, scrupulously следуя духу истины, при помощи точных исследований, воплотили в жизнь христианские принципы. Возможно, в дальнейшем они с той же честностью и точностью заполнят имеющуюся пустоту. Я думаю, это самый прямой и ясный ответ всем, кто беспокоится, что станет с моралью и верой новых поколений, выращенных по нашему слишком позитивному методу.

Экспериментальная медицина, открыв причины болезней, решила многие проблемы физического здоровья. Экспериментальная наука, изучив психику человека, откроет законы высшей жизни и духовного здоровья. Эта наука еще не создана, она ждет своих творцов, но можно предвидеть, что если медицина разработала правила гигиены — ориентир в сфере физического существования, то новая наука откроет законы, способные помочь людям в моральной сфере. Позитивная медицина вышла из больниц, государственных и благотворительных, где накапливался опыт лечения. Новая наука должна перенести свои исследования в школы, в то место, где принимают всех детей, стараясь усовершенствовать общество. А приемы обучения рождаются из опыта.

Более глубокие знания современных врачей изменяют многие приемы эмпирической медицины. Эмпирическая медицина прибегает к кровопусканию и пластырям. Научная возвращается к старому принципу: *vis medicatrix naturae*, то есть сила в природе. Живой организм способен сражаться с болезнью и побеждать ее. Именно этот принцип следует изучить, создавая рациональную медицину. Тот, кто верит, что медицина (или врач) лечит пациента, — эмпирик. Тот, кто знает, что организм сам может излечиться (для этого его надо оберегать, поддерживать в нем природную силу), — ученый.

Необходимые приемы сохранения защитных сил природы в позитивной медицине разработаны гораздо более тщательно и распространены на гораздо более отдаленные области, чем у древних эмпириков. Множество специалистов (в прошлые века был один врач на все случаи жизни) готовы к разнообразным практическим действиям, рекомендуемым новой медициной. Интересно взглянуть на пройденный ею путь.

Все началось с ухода за больными. Здесь истоки открытия законов нормальной физической жизни, помогающие сохранять здоровье. Затем медики обнаружили, что средства сохранения здоровья лучше всего помогают и в болезни, потому что это единственный источник жизни, дарующий здоровье, *vis medicatrix naturae*. К примеру, рациональный режим не только полезен здоровым людям, но чрезвычайно важен при уходе за больными. Диета для страдающих подагрой, туберкулезом, лихорадкой имеет огромное значение. По сравнению с ней все лекарства — ничто. Современная тенденция заключается в решительном замещении токсической терапии естественными процедурами: отдых, лечебная гимнастика, гидротерапия и климатотерапия. Психиатры, невропатологи вводят эффективное лечение трудом, чтобы занять ум деградирующего пациента упорядоченной деятельностью. Постепенно концепция природного лечения побеждает. Значит, люди признают природные силы, поддерживающие жизнь. Лишь природа всемогуща. Врач полезен, если следует ей, служит ей. Естественно, ученые пытаются разобраться, что это за силы, от которых зависит здоровье людей.

Изучение иммунитета — наиболее блестящий, всем известный пример научного подхода в медицине. Мечников открыл, что лейкоциты крови поглощают и переваривают микробов, спасая человека от инфекции. Словно яркий луч света рассеял мрак неизвестности. Едва возникнув, теория была опровергнута дальнейшими исследованиями: лейкоциты не могут постоянно поглощать микробов. Нужны особые условия в организме, чтобы появилась эта сила. Итак, вот зерно проблемы. К тому же не сами микробы приводят к болезни, отходы их жизнедеятельности — яд. В науке возобладала теория токсинов. Возникло море трудностей, стало очевидно, что мы проникли лишь в часть тайны иммунитета, а последнее слово, основа проблемы осталась скрыта от нас. Сегодня иммунитетом занимаются мало, однако невозможно развивать медицину, использующую природные силы, и не исследовать тайну жизни, чьи истоки скрыты, но проявления очевидны.

Возможно, то же относится и к науке, изучающей здоровье и болезни души. Если станет очевидно, что душа так же подвержена болезням и смерти, что у нее свои законы здоровья и своя *vis medicatrix naturae*, то наука поможет эффективно заботиться о ней, сохранять и укреплять ее драгоценные жизненные силы, а также откроет таинственный источник этих сил, как медицина открыла иммунитет. Тогда жизнь, мораль и религия сольются в единое целое.

Вернемся к детям двух с половиной — трех лет. Они трогают руками все подряд, ничего не выделяя в особенности, это их любимое занятие. Они тянутся к самым простым вещам: прямоугольный листок бумаги, квадратная чернильница, круглый блестящий колокольчик. Ко всему, что им запрещено трогать.

Случается, мать тащит малыша за собой и вдруг шлепает по ручке и кричит: «Не трогай, негодник!» Однажды я стала свидетельницей сцены, которая повторяется во многих семьях, но никто не придает ей значения. Отец, врач, сидел за письменным столом. Мать держала на руках сынишку, тянущегося к разным вещам на отцовском столе. «Этот ребенок, — сказал отец-врач, — неисправим. Что мы только ни делали с женой, чтобы отучить его брать мои вещи. Ничего не помогает». «Нехороший мальчик, плохой», — приговаривала мать, сжимая детские ручки. А малыш, извиваясь, кричал, сердился, старался ударить мать.

Дети растут — борьба становится все ожесточенней. Дети хотят что-то делать. Наблюдатель может заметить определенную тенденцию в их поведении: они подражают маме. Если мама — домохозяйка, они с удовольствием пойдут с ней на кухню, мечтая взять на себя хоть часть ее работы. Малыши тайком пытаются месить тесто, варить, подметать, стирать. Матери это мешает. Она без конца кричит: «Посиди спокойно! Не трогай! Не зли меня, уходи!» Ребенок бросается на пол, стучит ногами, но спустя какое-то время возобновляет тайные попытки, торопясь изо всех сил, пока его не разоблачили. Конечно, от спешки и страха он разливает воду, стирая белье, пачкает паркет, пряча незаконно приготовленное рагу. Отчаяние матери, крики, все более строгие запреты. Ребенок отвечает гневом, слезами, но снова принимается за свое.

Если мама работает вне дома, а ребенок умен — еще хуже. Малыш ищет что-то, чего нет, плачет без видимой причины, раздражается. Отцы в отчаянии: «У меня такой умный сын, но такой злой, ему ничего не нравится. Мы без конца покупаем ему игрушки, весь дом ими завален. Все без толку».

Мамы тоже встревожены: «Посоветуйте, что делать, когда ребенок впадает в истерику. Он такой беспокойный. Я больше не могу».

Очень редко можно услышать от матери новорожденного: «У меня чудесный малыш, он все время спит». Зато все слышали материнские угрозы плачущему младенцу: «Замолчи! Замолчи! Я кому говорю!» Естественно испуганный ребенок рыдает с удвоенной силой. Таково первое разногласие новорожденного с миром, куда он пришел. Ему приходится бороться с родителями (а ведь они подарили ему жизнь), потому что его жизнь сильно отличается от жизни взрослых. Ребенок должен сформироваться, его родители уже сформировались. Ребенку надо много двигаться, чтобы научиться координировать свои движения, пока еще беспорядочные. Родители прекрасно контролируют свои движения, но устали от работы, предпочитают покой. Органы чувств ребенка еще не развиты, ему приходится помогать своим глазам, ушам, осязая руками все вокруг, чтобы получить полное представление об окружающем пространстве. У родителей же органы чувств развиты прекрасно, работа мозга помогает получить верное представление о реальности, им не нужно ничего осязывать руками. Дети торопятся познакомиться с внешним миром. Родители уже пресытились им.

Вот почему дети и родители не понимают друг друга. Родители хотят, чтобы дети стали такими же, как они. А если дети другие — значит, они плохие, злые. Мать тащит за собой малыша, который едва поспевает за ней. У него ножки коротенькие, у нее длинные. Он слаб, она сильна. Ребенок с трудом удерживает вес туловища и непропорционально большой

голова, у матери пропорциональное, стройное тело. Ребенок устал, плачет, а мать кричит: «Иди, негодник, я не собираюсь потакать твоим капризам! Ты хочешь, чтобы я носила тебя, толстого лентяя, на руках? Не выйдет! Я не пойду у тебя на поводу». Иногда родители видят, что малыш растянулся на земле, лежит на животе, опершись локтями, болтая ногами в воздухе, и внимательно смотрит по сторонам. Сразу окрик: «Вставай, испачкаешься!»

Все это означает только одно: ребенок отличается от взрослого. Его голова и туловище непропорционально велики по сравнению с маленькими ножками (просто ноги растут быстрее остальных частей тела), следовательно, ходить ему трудно, лежать легче, что, кстати, полезно для малыша. Ребенок прекрасен в своем стремлении к совершенству. Он впервые открывает мир, развивает зрение и слух, ощупывая предметы, чтобы уяснить их форму, расстояние. Он постоянно в движении, потому что должен развивать свою координацию, но ходит мало, часто ложится на землю, все трогает руками — это необходимость его жизни, роста. Но родители видят в таком поведении проявление дурного характера.

Конечно, это не вопрос морали, не стоит исправлять дурные наклонности едва родившегося человека. Это вопрос жизни. Ребенок хочет жить, а мы мешаем ему. И тут действительно мы переходим в область морали: мы должны проанализировать свои ошибки, унижающие детей, ущемляющие их права. Ребенок виноват лишь в том, что мешает нам. Мы сражаемся с ним, защищая собственное благополучие, свободу. Сколько раз мы чувствовали в глубине души, что не правы. Но подавляли в себе сомнения. Ведь маленький бунтарь ни в чем не обвиняет нас, не таит злобы. Наоборот, он упорствует не только в непослушании (естественный для него образ жизни), но и в любви к нам, в прощении, в забвении обид. Только чтобы быть рядом, обнимать нас, карабкаться к нам на колени, засыпать на нашей груди. Это тоже естественный для него образ жизни. А мы, если устали, отталкиваем малыша, ханжески прикрывая свой эгоизм заботой о благе ребенка. «Хватит глупостей!» Обвинения, клевета постоянно слетают с наших губ, как припев надоевшей песенки: «Плохой, злой!» А ребенок — воплощение абсолютного добра, он не думает ни о чем плохом, не обижается на несправедливость, ко всему приспосабливается, всему верит, всегда надеется. Мы, конечно, не такие.

Если все же борьба между взрослым и ребенком заканчивается примирением, взрослый принимает детские условия, помогает малышу, то обретает высочайшее в мире наслаждение: возможность следовать за ребенком по пути естественного развития, наблюдать, как растет человек. Если образ распускающегося бутона розы так полюбили поэты, то как прекрасен должен быть расцвет детской души. Это бесценное сокровище, нашу путеводную звезду и опору, мы гневно топчем ногами, проклиная, как безумные.

Ребенок что-то делает, хватается руками, несмотря на замечания, — он занят необходимыми для своего развития упражнениями и проявляет столько силы, что мы порой вынуждены отступить. Так же упорно, как дышит, плачет от голода, встает на ножки, пытаясь научиться ходить, малыш тянется к предметам, полезным для него. Если находит их, тратит массу сил, тренируя мускулы, органы чувств, тогда он счастлив. Если не находит того, что нужно, беспокоится (как при всякой неудовлетворенной потребности). Игрушки слишком легкие, а детским ручкам необходимо напрягаться, поднимая и перекладывая разные вещи. Игрушки слишком сложные, а детским органам чувств необходимо анализировать простые впечатления. Игрушки бесполезны, это фикция, пародия на реальность. Однако именно они составляют мир наших детей, где малыши напрасно тратят силы, приходя в ярость. Поэтому и ломают все подряд.

Говорят, детям присущ инстинкт разрушения. К счастью, эту сентенцию понимают не лучше, чем другую, противоречащую первой: детям присущ инстинкт собственника, они эгоисты. Ничего подобного. Ребенок испытывает властную потребность расти, совершенствоваться. В каждый период своей жизни он инстинктивно готовится к следующему этапу. Эту идею проще понять, чем те странные инстинкты, которые мы приписываем детям.

Предоставьте ребенку возможность действовать свободно, и он изменится. В Доме ребенка «Геррери Гонзага» достаточно было дать расческу самой непослушной, злой девочке, которую воспитатели уже давно считали безнадежной, как она становилась милой и веселой, аккуратно и радостно причесывала подружек.

Неловкой, медлительной девочке, которая спешила за помощью всякий раз, когда хотела подвернуть рукава, достаточно было сказать «сделай сама», как ее глаза загорались, выражение удовлетворенной гордости и удивления появлялось на лице, и она с удовольствием принималась подворачивать рукавчики. Мы давали детям кувшинчики и мыло, и они, вымыв руки, старательно и бережно ставили их на место, боясь уронить. Казалось, они двигаются под музыку. Музыкой была их радость.

Дети трудились, сами раздевались, причесывались, убирали вещи. Им очень нравилось все полезное, поэтому они бережно хранили годами кусочки бумаги, старались не поцарапать мебель, не разбить посуду и совершенствовали свои движения.

Но мы вмешиваемся в их жизнь, ведущую к спасению, мы стараемся подчинить себе малышей, несмотря на яростное сопротивление. Мы вмешиваемся мягко, коварно. Ребенок переживает, нечаянно разбив что-то, он хочет исправиться, научиться, а мы растравляем его боль, предлагая небьющиеся тарелки и чашки, мягкие игрушки, чудесных плюшевых мишек, резиновых кукол. Ошибка скрыта. Какое-то неправильное движение мышц осталось незамеченным. Сожаление, раскаяние, стремление к совершенству — ничего этого нет. Ребенок остался в заблуждении. И вот он неловкий, тяжелый, равнодушный с плюшевым мишкой в руках. Он скован пустотой и ошибками, он потерялся.

Взрослый еще больше притесняет ребенка: он все делает за него, одевает, даже кормит. Но цель ребенка не в том, чтобы быть одетым и накормленным. Его цель глубже: он двигается, упражняет интеллект, стремится стать лучше. Какими тонкими намеками взрослые стараются его запутать: «Зачем так напрягаться? Чтобы умыться, чтобы завязать шнурки? Но ты можешь получить все это без всяких усилий, все будет сделано превосходно. Не шевельнув пальцем, ты получишь в сто раз больше, чем мог бы сделать сам, стараясь изо всех сил». Тебе даже не придется положить в рот кусок хлеба, тебя сэберегут и от этой работы, пища сама попадет в рот.

Дьявол был менее жесток, когда искушал Иисуса в пустыне, показывая ему все царства мира и славу их: «Все это дам Тебе, если падши поклонись мне». Но у ребенка нет силы Христа, чтобы ответить: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Ребенок должен слушаться Бога, который предписывает ему действовать. Ребенок должен завоевывать мир ради совершенства, не ради славы и удобства. Но он не может сопротивляться искушению и, в конце концов, становится обладателем вещей, готовых чудесных предметов. Его душа не развивается, цель потеряна, ребенок неловок, неустойчив, глуп — раб. Его вялые мускулы служат оболочкой пленной души. Малыш угнетен этой смертельной инерцией больше, чем борьбой, с которой начались его взаимоотношения с миром взрослых. Часто у него бывают приступы ярости, он кусает небьющегося плюшевого мишку, безнадежно плачет, когда его моют или причесывают, кричит и сопротивляется, когда его одевают. Все, что осталось ему после дьявольских запретов, — это гнев. Ребенок унижен бессилием. Взрослые говорят: «Дети неблагодарны, в них еще не проснулись высшее чувства, они любят только себя».

Кто не встречал матерей, терпеливых воспитательниц, которые выдерживают с утра до вечера пятерых ребятишек, вечно недовольных, орущих, раздраженных среди железных тарелок и матерчатых кукол? Говорят, таковы дети, и это добровольное сочувствие сдерживает естественное раздражение. Мы говорим о таких женщинах: «Как они добры, как терпеливы!»

Но это дьявольское терпение: смотреть на агонию и бессильный протест душ, которые находятся в твоей власти и погибают в пустоте, угнетенные до такой степени, что потеряли цель, сознание греха, они тонут в море смертельных ошибок. Терпеливо смотреть, переносить крики и снова протягивать плюшевых медведей и резиновых кукол, кормить с

ложечки, пичкать всякими глупостями, скрывая ошибки и питая лишь тело.

Если кто-то усомнится в доброте подобных матерей, поддержкой ему станут слова Христа: «Никто не благ, как только один Бог». Доброта — божественное качество, добр творец, доброта — в созидании. Добр тот, кто помогает творцу достигнуть цели.

Перейдем к школе. Здесь идеи добра и зла должны быть особенно ясны. Когда учитель выходит из класса, он просит девочку, чтобы в его отсутствие она записывала на доске фамилии хороших и плохих учеников в две колонки, соответствующим образом озаглавленные. Любый ребенок с этим справляется, потому что нет ничего проще, чем отделить хороших от плохих в школе. Хорошие — спокойные и тихие. Злые — шумные и подвижные. Последствия такого судилища не слишком серьезны: учительница поставит хорошие и плохие отметки за поведение. Это не страшно, в каком-то смысле аналогично социальной оценке человека. Люди ведут себя хорошо или плохо, с этим не связаны ни почести, ни тюремное наказание. Это только мнение, суждение. Однако от общественного мнения зависит уважение и даже честь, несомненные моральные ценности. В школе хорошим поведением считается инертность, плохим — активность. Уважение директора, учителя, одноклассников, то есть моральное поощрение или порицание, зависят от этой оценки. Как и в обществе, никто не прибегает к помощи специалистов, авторитетных людей. Это что-то очевидное, о чем все знают. Любая девочка (или служанка) запишет фамилии на черной доске. Поведение — это не что-то таинственное, философское, это совокупность совершенных действий, факты твоей биографии, известные всем, их все судят и оценивают.

Есть и более серьезные вещи, влияющие на коллектив, затрагивающие основы справедливости, которыми все хотят гордиться. На экзамене дети быстро должны представить доказательство своих знаний, то есть написать заветный листок (наглядное свидетельство, которое все смогут оценить) — сочинение, диктант, решение задачи.

Представьте, один ученик помог другому, он не просто плохой, он виновен. Он не просто проявил активность, но и принес кому-то пользу. Наказание довольно сурово: вплоть до аннулирования результатов экзамена, порой это означает потерю целого года учебы, повторное прохождение курса. Ребенок, помогающий другому, хороший, но наказывают его ужасно.

Бывает много разных ситуаций. Случается, семья ученика бедна, малыш старается помочь родителям своей усердной учебой. Кто знает, насколько трогает сердце ребенка сознание семейного неблагополучия? Возможно, в неудачливом соседе он видит товарища по несчастью, такого же бедняка? Много раз он не спал ночами из-за домашних неурядиц, голода, а утром вставал с больной головой. Вдруг с его одноклассником произошло то же самое накануне экзамена?

Другая ситуация. Мать считает каждый день учебы сына, потому что каждый такой день — это ее жертва. Она провожает с трепещущим сердцем ребенка на экзамен и выглядывает в окно, не вернулся ли ученик. Как все прошло? Эту картину, возможно, представлял себе тот, кто помог однокласснику на экзамене.

Он мог, конечно, заботиться только о себе, проверить еще раз контрольную или сдать ее пораньше. Школьное правосудие учитывает каждую лишнюю минуту, потраченную на экзамене. Как оно сурово! Учитель пишет на детской тетрадке: начал в 10.32, сдал в 11.05. Если две работы равноценны, так что по содержанию ни одной нельзя отдать преимущество (обе превосходны), смотрят, какая сдана раньше. Важнейший факт с самыми серьезными последствиями. Одна сдана в 10.30, другая — в 10.35. Первое место отдается той, что сдана на 5 минут раньше. От каких мелочей зависит победа? Вот почему необходима такая точность в подготовке к экзамену. Два ребенка, одинаково умелые и живые, но один позаботился заранее о хороших перьях и чернилах, а второй нет. Из-за своей небрежности он может потерять награду. Не малыш, родители покупают перья, но строгие судьи считают, что перья у всех должны быть одинаковые.

Перед нами море тонкостей, способных запутать судей. Конечно, судить следует строго, но не мелочно. Мы говорили о ребенке, подсказавшем однокласснику. Он потерял

время, следовательно, часть преимущества. Можно сказать, пожертвовал собой ради друга.

Никакие соображения, никакие обстоятельства не смягчат наказание. Семья, мать — это не имеет значения по сравнению с несданным экзаменом. Даже преступникам засчитывают смягчающие вину обстоятельства, но школа — другое дело! Здесь все точно! Нельзя допустить взаимодействия детей, иначе как судить по сочинению о каждом ученике отдельно. Экзамен — индивидуальное испытание. Даже если не сдан один, самый последний, придется оставаться на второй год, повторять все сначала. Это вам не каторга, где срок считается неделями, месяцами. Здесь единица отсчета — год, здесь вам не каторга. На каторгу попадают те, кто совершил преступление, кто непреодолимо тянется ко злу, в школе карается неумение воздержаться от совершения доброго поступка. Ведь желание творить добро не так уж непреодолимо.

Школа, желая предотвратить подобные проблемы, весь год учит детей воздерживаться от помощи друзьям. Более того, решительно мешает ученикам общаться. Настоящая травля! Опытный педагог — настоящий стратег, он знает все детские уловки в этой молчаливой бесчестной борьбе. Эти ученики способны на все, чтобы поддержать друг друга и пообщаться! Если на уроке во время опроса нельзя подсказать шепотом (учитель слишком хорошо слышит), то ученик, сидящий впереди того, кто должен отвечать, открывает учебник и кладет его так, чтобы отвечающий мог прочесть нужную страницу. Хитрый педагог заставляет отвечающего встать, чтобы лишить его поддержки соседей. Друзья подсказывают, пользуясь жестами, азбукой глухих. Тогда учитель поворачивает ребенка лицом к доске, а сам пристально наблюдает за классом. Наконец-то полная изоляция! От хорошего учителя не ускользнет ни одна мелочь. Он заметит крошечную шпаргалку, которую один ребенок сунул другому под парту. Ученик просит разрешения передать промокашку однокласснику — педагог отнимет ее, ведь на обороте написано решение задачи — подсказка.

Хорошая парта не имеет задней стенки и хорошо просматривается со стороны учительского стола, чтобы передать шпаргалку было труднее. Таким образом, парта должна отвечать не только гигиеническим, но и моральным требованиям.

Есть еще одна причина, по которой парты стараются делать открытыми спереди. Ученики сидят рядами, не имея возможности общаться, их головы пухнут от монотонной учительской лекции. Дети могут приобрести пагубные привычки, например к онанизму. Об этой опасности говорят не так часто, как о сколиозе, переутомлении или миопии, но она существует, ученые знают о ней с тех пор, как начали изучать школьные проблемы. Сидячее положение затрудняет кровообращение, провоцирует застойные явления. К тому же нет никаких других развлечений на уроке.

Открытая парта препятствует подобным шалостям, школа решительно борется против любых моральных преступлений. В римских школах порядок и надзор так совершенны, что детям не разрешают даже самостоятельно ходить в туалет. Ведь какой беспорядок может получиться! Ученик устал сидеть в классе и слушать учителя. Он просит разрешения выйти. Он способен закрыться в туалете надолго, думать о вещах более приятных, чем то, что вынужден слышать на уроке (в коридоре детям запрещено находиться, за этим строго следят). Туалет стал источником таких беспорядков, что решено было от него избавиться. Примерно подсчитали, как часто физиология требует посещения туалета, и в строго определенное время весь класс в сопровождении учителя попарно, как солдаты на плацу, проходит в кабинки. Сначала первая пара, затем вторая. Выстраивается очередь. Не будем говорить, в каком состоянии будет туалет, когда в него войдут последние.

Поговорим лучше о кабинках. Маленькая дверца оставляет для обзора большое пространство снизу и сверху. Так охраняют невинность и мораль. Во многих школах туалеты делают без сидений — просто дырка в полу. Это гигиеничнее, так как нет соприкосновения с кожей. Но очень неудобно. Однако это превосходное устройство туалета, пригодное для ночлежек, нищенских приютов и для школ.

Школа — место, где развивается общественное чувство. Здесь детское общество. На самом деле не школа сама по себе организует взаимодействие, образование должно

заботиться об этом. Вот почему мне задают вопросы, хотя я много рассказываю, как дети вместе работают с удовольствием: «Как у ваших учеников развивается социальность, если каждый занимается своим делом?»

Если дети все делают вместе и одновременно, даже ходят в туалет, тогда развивается их общественное чувство. Детское общество отличается от взрослого. У взрослых отношения строятся на основе свободы и взаимной вежливости, принято помогать друг другу, хотя каждый занят своим делом. Дети должны быть одинаковы во всем, в положении тела, в действиях, но без всяких взаимоотношений, тем более вежливых и приятных. Помощь, почитаемая как добродетель в большом мире, в школе считается преступлением, худшей формой нарушения дисциплины.

Современная методика рекомендует учителю заканчивать каждый урок небольшим поучением, как мораль завершает басню. Идет ли речь о птицах, масле или треугольнике, во всем должна быть мораль.

Чтобы не оставить места случайностям. Вывод: мораль — истинная цель школы.

Помощь ближнему — главный принцип. Все моральные системы настаивают: «Любите друг друга». В школе педагог делает все, чтобы помешать детям помогать друг другу, любить друг друга. Он следует психологической методике трех этапов, разделяя восприятие, ассоциацию и волю, или методике причинно-следственных связей, как угодно. Но всегда он заботится о дисциплине в классе и хорошем поведении учеников. Вот его главная задача. Важнейшую роль в этом играет система поощрений и наказаний, краеугольный камень всех педагогических методик.

Все учителя в большей или меньшей степени признают необходимость внешних стимулов, чтобы заставить детей учиться и хорошо себя вести. Некоторые считают, что нужно внушить ученикам любовь к добру ради собственного блага, что чувство долга, а не страх наказания должны удерживать ребенка от непослушания. Идея замечательная, но нереальная. Вот малыш работает исключительно из чувства долга — абсурд. Наивно думать, что ученик станет учиться, примерно вести себя ради такой далекой цели, как будущее положение в обществе. Нужен непосредственный стимул, немедленная реакция. Конечно, можно уменьшить количество наказаний, сделать поощрения менее явными. Так и происходит. Сегодня в классах не приняты телесные наказания, еще недавно широко используемые в тюрьмах, сумасшедших домах и школах. Наказания стали менее суровыми: плохие оценки, замечания, жалобы родителям, временное исключение из школы. Поощрения тоже стали менее демонстративными. Раньше ученики поднимались на сцену, как победители, получали из рук знаменитых горожан награды, выслушивали напутственные слова, а зал, заполненный гордыми, взволнованными родителями, замирал в восхищении. Сегодня избегают подобных излишеств. Грамоты раздают скромно, в коридорах. Медалей стало меньше. Поощрением все чаще становится книга, что-нибудь полезное. Крупицы здравого смысла проникли даже в школу. Глядишь, через несколько лет учеников будут награждать мылом, отрезом на платье. Причем с глазу на глаз. Главное, чтобы это действительно было наградой для ребенка.

Но никто в пылу педагогических дискуссий по поводу оценивания не спросил себя, за какое доброе дело дается награда, за какое зло наказывают? Прежде чем подталкивать детей к осуществлению определенной задачи, наверное, следует понять, насколько важна задача.

В наше время вновь поднимается старый забытый вопрос: хорошо ли соблазнять ребенка наградами, если в результате он получит расстройство нервной системы, миопию? Хорошо ли суровыми наказаниями уничтожать инстинктивные спасительные порывы души? Все знают, что отличники начальной школы обычно довольно посредственно учатся в гимназии. Гимназические отличники не всегда преуспевают в лицее. Вечные отличники плохо адаптируются к социуму.

Зная это, хорошо ли поощрять, наказывать, загоняя детей в тупик? Школа и без того достаточно опасна для ребенка. Хорошо ли усугублять положение стимулированием? В последнее время проводились интересные исследования по сравнению отличников и

двоечников. Антропологи попытались выяснить очень простую вещь: проявляют ли отличники признаки морфологического превосходства, врожденное совершенство, развит ли их мозг лучше, чем у среднего ученика.

Оказалось, все наоборот. Антропологические показатели отличников ниже нормы: маленький рост, небольшой объем грудной клетки, голова такая же, как у менее трудолюбивых одноклассников. Зато отличникам чаще приходится носить очки. Теперь мы яснее представляем себе образ жизни ребенка, ответственно исполняющего свой долг, панически боящегося ошибок. Он учит все уроки, лишая себя прогулок, развлечений, отдыха. Его подстегивает стремление к первенству, иллюзия будущей блестящей карьеры, похвалы окружающих. Его уверяют, что он «надежда страны, утешение родителей». А силы кончаются.

У посредственных учеников объем грудной клетки больше, они энергичнее.

Отличники часто дополнительно занимаются с репетиторами или с родителями. Семьи двоечников часто бедны, их дома неуютны, на детей не обращают внимания. Они либо целыми днями слоняются по улице, либо вынуждены зарабатывать на жизнь, рано утром, перед уроками. Я заметила, что у хороших, успешных учеников в портфеле обычно лежит обильный питательный завтрак. У двоечников (их вечно ругают), как правило, ничего нет, кроме куска хлеба.

Конечно, это не единственная причина проблем, но помогает понять происходящее. Поощрение или наказание — это не завершение процесса, а показатель морального уровня школы. И переэкзаменовка для того, кто помог товарищу, тоже лишь отдельный эпизод воспитательного процесса, направленного на изоляцию ребенка, развитие в нем эгоизма. Поощрение или наказание тоже отдельные эпизоды, проявления основного школьного принципа: соревнование. Педагогам кажется, что плохие ученики, глядя на лучших (которых награждают, хвалят), должны стараться стать лучше, подражать своим друзьям, догонять их. Так рождается механизм, подталкивающий не только к работе, но к совершению усилий. Значит, моральная цель соревнования — приучить детей к страданиям.

Вот пример. Один наблюдательный врач заметил, что многие ученики в школе плохо слышат, поэтому и вид у них часто глуповатый, растерянный. В наказание учителя сажают их на последние парты. Эти дети часто остаются на второй год, потому что не могут написать диктант. Они делают невероятные, непростительные ошибки. Соревнование, наказания здесь бессильны. Они не исправят слабослышащего ребенка, посаженного на последнюю парту, как можно дальше от учителя. Подвижных детей постоянно наказывают, потому что они не могут сидеть спокойно. Бесполезно ставить им в пример медлительных одноклассников. У многих детей увеличенные аденоиды, они дышат ртом (он у них постоянно приоткрыт), плохо концентрируют внимание. Им ставят двойки, наказывают за невнимательность, но природный дефект не исправишь учительскими назиданиями, рассказами о том, как некрасиво сидеть, разинув рот, да еще засунув туда палец.

Лентяи, которые не любят физкультуру, часто оказываются сердечниками, страдают анемией, душевными заболеваниями.

Блестящий пример — школьные спортивные соревнования. Конкурс силы и скорости. Здесь нужно либо выполнять упражнение как можно дольше, либо двигаться как можно быстрее. Усилие — основа упражнения. Антропологи считают, что есть два основных конституциональных типа. Один — туловище длиннее ног. Второй — ноги длиннее. У первого типа обычно хорошо развиты легкие, сердце, им легче выполнять силовые упражнения. Второму типу легче даются скоростные. Соревнование не изменит тип фигуры. Морфологические исследования детей, чьи тела так сильно меняются с возрастом, должны стать основой спортивных тренировок. Но при чем здесь соревнование? Необходимо учитывать то, что заложено в нашем теле конституцией или болезнью. Жажда первенства не изменит этого.

Идея соревнования так укоренилась в сознании людей, что в 1898 году, когда я начата в Италии борьбу за создание отдельных классов для детей с проблемами развития, мне

возражали, ставя в вину именно отсутствие соперничества в таких классах. Если отстающие ученики лишаются положительных примеров (старательных отличников), если им не с кем будет соревноваться, они (и без того слабые) вовсе перестанут работать. Но соревнование возможно лишь между равными. Мы всегда хотим найти чемпиона. Больного ребенка унижает сравнение со здоровяком. Он остро ощущает свою неспособность, бессилие в этой борьбе с заранее определенным исходом. Ученик обескуражен, а тут еще замечания, наказания (за все несчастья) от усердного учителя, который тычет пальцем в пример для подражания.

Увидеть возможность сделать что-то важное, но посильное, успешно состязаться с кем-то — для больного ребенка это луч света, ниточка надежды. Значит, он не хуже других, его любят, лелеют. И хрупкий цветок начинает распускаться. Больные дети гораздо больше нуждаются в поддержке и одобрении, во внешних положительных стимулах.

А что происходит с нормальными здоровыми детьми, которые служат примером для слабых? С кем они соревнуются, за кем тянутся, чтобы подняться выше? Если пример нужен всем, то на кого равняться первому? И все меняются местами. Первого тянут назад. Он превращается в дурачка, который соревнуется со слабыми. Это напоминает мне конкурс, описанный доктором Вуазеном. В его больнице один слабоумный, довольно взрослый и рослый ребенок искал совсем маленьких детишек и уговаривал их побегать наперегонки. Он прибегал первым и был счастлив. Таковы моральные принципы всех сильных амбициозных лентяев, которые хотят побеждать без усилий, без работы над собой. Они рассчитывают только на природные преимущества. Краснобай состязается с молчуном, красавица таскает за собой несимпатичную подружку, чтобы подчеркнуть собственную привлекательность.

Я читала одну замечательную басню, пародию на такие соревнования. У одного короля был ужасно длинный нос. Как-то соседний король собрался посетить нашего героя, и тот заволновался: что подумает иноземец, увидев его кошмарный нос. Первый министр предложил: «Ваше величество, велите придворным удалиться на время. Я найду в королевстве самых носатых людей, они будут служить вам во время визита соседа». Так и сделали. По сравнению с носами слуг королевский уже не казался таким страшным. Гость, конечно, заметил, что придворные очень длинноносые, а на короля не обратил особого внимания.

Соревнования умственно отсталых, длинноносый двор — это забавно. Но соревнования между учениками — это уже не смешно.

Здоровые дети чувствуют свое превосходство над больными. Богатые, которым помогают образованные родители, чувствуют себя совершенством рядом с несчастными бедняками, предоставленными сами себе. Сытые, выспавшиеся дети кажутся себе умнее рядом с теми, кто перед уроками продавал газеты, разносил молоко. Якобы их пример заставляет соперников учиться лучше. На самом деле искажается мораль этих счастливицков.

Их совратили, не разобравшись, они смирились с несправедливостью. Они не лучше, им повезло в жизни, но сердце не подсказало им истину, они не умеют сочувствовать страданию, утешать в несчастье, восхищаться героями. Это не их вина, если вместо доброты в сердце проросли семена тщеславия, гордости и заблуждения.

Учитель развивает чувствительность детей, рассказывая им о больных, о несчастных, о героических подвигах, но не замечает, что такие же больные, несчастные, героические дети сидят перед ним в классе. Ведь в школу ходят все. Ученики лишены возможности общаться друг с другом, узнавать своих одноклассников, действительно сравнивать себя с другими. Одних наказывают, ругают, другие в это время гордятся своим совершенством, собирая награды, но теряя душу.

В этой нравственной неразберихе, где потерян образ Бога, как в аду, разве сможет сильный развить свои бесценные таланты, чувства? Все смешалось, сильные стали слабыми. Крайне редко встречаются дети с таким мощным инстинктом добра, что находят в себе силы противостоять искушениям похвал, угрозам наказаний, азарту лживой борьбы и умудряются

сохранить душевные силы, чистое сердце, умение ценить настоящее величие. Они идут по пути спасения, которого достигают лишь добрые и красивые ценой внутренних усилий и стремления к истине. Их можно считать гениями, спасителями человечества.

Когда начинаешь анализировать понятия добра и зла, понимаешь, что многие пороки, которые мы теоретически замечаем в человеке, проявляются лишь в экстремальных ситуациях. Развращенность чаще встречается у алкоголиков и нищих, преступления совершают, как правило, душевно больные люди, причина школьных проблем — предрассудки. Конечно, эти причины не абсолютны, они связаны с определенным состоянием, которое может меняться. Древние философские представления о зле распадаются на две части: социальные проблемы и социальные меры. Бороться с безработицей, алкоголизмом — это, устраняя причины пороков, оздоровит мораль. Заботиться о лечении и обучении больных детей — это способ борьбы с преступностью, а значит, за нравственность.

Если в школе предрассудки так сильны, что становятся причиной безнравственности, значит, необходимо перестроить школу на основании естественных законов. Это станет первым шагом на пути нравственного совершенства.

Вот о чем надо говорить, а не рассуждать о поощрении и наказании, о соревновании, о методике воспитания морали, о создании новых заповедей. То, что мы до сих пор считали дидактической проблемой, на самом деле является социальным вопросом.

Последствия легко устранимых причин нельзя считать моральной проблемой. Представьте бедный квартал, где множество нищих, где драки вспыхивают из-за куска хлеба, здесь грязно, ужасные кабаки, никакой культуры, женщины и мужчины легко встают на путь порока. В первый момент мы чувствуем только отвращение к ним. Неподалеку современный рабочий квартал. Зарплаты у людей достаточные, дома чистые, рядом театры, а не одни кабаки. В ресторане обедают прилично одетые посетители. Нам они нравятся. Но действительно ли они хороши? По-настоящему добры те, кто улучшает жизнь. Тот, кто просто пользуется жизненными благами, не может считаться добрым в строгом смысле слова, с позиции морали.

Иначе достаточно было бы решить экономические проблемы, и люди мгновенно стали бы нравственными. Конечно, это не так, мораль — вопрос жизни, природы, ее нельзя изменить внешними факторами. Люди живут богаче или беднее, в более или менее культурной среде, все равно перед ними стоят нравственные проблемы, более глубокие, чем богатство и цивилизация.

Легко убедиться, что воображаемая детская злость — лишь выражение борьбы за духовное здоровье. Дети хотят сохранить свой внутренний мир, а мы хотим помешать им. Мы отравляем их мраком заблуждений. Ребенок сражается за свою духовную пищу, как бедняк за кусок хлеба. Он деградирует, становится жертвой наших соблазнов, как бедняк поддается влиянию алкоголя. В этой борьбе и гибели дети — бедняки, обреченные на нищету. Никто лучше не показывает нам, что не хлебом единым жив человек. Страдания, борьба, все общественные требования, касающиеся телесных нужд, проявляются и в духовном развитии. Детям нужно расти, совершенствоваться, развивать свой интеллект, внутренний мир, формировать характер. Значит, им нужно освободиться от рабства, завоевать средства к существованию. Им недостаточно пищи телесной, им нужно интеллектуальное питание. Им недостаточно одежды, защищающей от холода, они хотят стать сильными и ловкими, украсить себя умом. Почему же взрослые не обращают внимания на эти потребности ребенка, почти поверив, что решение экономических проблем освобождает от нравственных? Почему мы не видим, что сопротивление, гнев, отчаяние и деградация — проявление неудовлетворенных высших потребностей, хотя каждый день наблюдаем это сопротивление, гнев, отчаяние и деградацию в наших детях, сытых, одетых, ухоженных по всем правилам гигиены?

Удовлетворять интеллектуальные потребности человека — значит способствовать укреплению его морали. Наши ученики, которые могли свободно заниматься

интеллектуальной работой, свободно удовлетворяют внутренние потребности, свободно заниматься с выбранным предметом сколько угодно долго, отвлекаться в момент созревания, сосредотачиваться на медитации, сохраняли спокойствие и порядок. Гармония движений, вкус к прекрасному, чувствительность к музыке, вежливость во взаимоотношениях питались из внутреннего источника.

Это труд освобождения. У нас нет никаких специальных приемов воспитания детей, мы не учим их побеждать капризы и сохранять спокойствие во время работы. Мы не учим порядку и тишине, призывая следовать положительным примерам и объясняя пользу дисциплины. Мы не читаем проповеди о вежливости, об уважении к труду, к другим людям, о терпении. Ничего подобного. Мы только освобождаем ребенка и помогаем ему жить. Это он нам объяснил, что ему нужно в жизни помимо материальных благ.

Деятельность, доселе не замеченная у маленьких детей, такие качества, как работоспособность, постоянство, терпение, проявляются во взрывах радости, в атмосфере привычной тишины. Они встали на путь мира. Препятствие, доселе мешавшее природе, исчезло.

Сытый человек спокойнее, склонен предпочесть высокие наслаждения низким, примитивным удовольствиям. Так и ребенок, чьи внутренние потребности удовлетворены, становится спокойнее, готов совершенствоваться.

Несмотря на это, вопросы морали не забыты, мы их только очистили от всякой шелухи. Чем больше удовлетворены потребности человека, тем он счастливее, но это не значит, что он полон достоинств, которые предписывает высокая мораль. Мы скорее освободили его от внешних заслуг. Добро и зло исчезли перед лицом социальной реформы. Мы уже выяснили, что определенные проявления добра связаны с богатством, а зла — с нищетой, и мы оставили человека совершенно голым, чистым. Теперь ему надо вернуться к истокам жизни и создать свои достоинства, возродить мораль.

В основе нашего метода — глубокая сосредоточенность на сенсорном стимуле, но мы не ограничиваемся только развитием органов чувств, иначе мы забыли бы о цельности человека, который живет не только материальной пищей, но одной интеллектуальной ему тоже не достаточно.

Стимулы окружающей среды — это не только предметы, но и люди, с которыми нас связывают нематериальные отношения. Мы не ограничиваем себя созерцанием красоты, которую так чувствовали древние греки, слушанием стихов и песен, потому что настоящие взаимоотношения между людьми хотя и начинаются с сенсорных ощущений, строятся на чувствах.

Моральное чувство, о котором говорят позитивисты, — это в значительной степени симпатия к себе подобным, понимание их боли, справедливость, без нее нет нормальной жизни. Нельзя стать нравственным, заучивая правила и обычаи, потому что память — это еще не все, самая крошечная страсть окажется сильнее. Преступники, если они хитры и прилежны, всегда обойдут закон и совершат свое преступление. Нормальные люди, не зная законов, никогда не нарушат их, благодаря внутреннему чувству, которым руководствуются.

Позитивная наука под моральным чувством имеет в виду комплексное явление: одновременно чувствительность к общественному мнению, к законам, к религии, но в этом многообразии теряется само определение, что такое моральное чувство. О нем говорят интуитивно. Каждый чувствует в себе что-то, что соответствует этому качеству, и судит, опираясь на собственное внутреннее убеждение. Религия проста и точна. Она называет внутренним моральным чувством, источником жизни — любовь. В это определение не входят ни социальные законы, ни весь мир. Любовь — это связь между душами и Богом. Она есть — и все остальное суета. Добро исходит от нее, как потоки света от солнца. Все создано и живет любовью.

Биологи, исследующие тайны природы, обнаружили в любви источник жизни. После многих трудов ученые узрели очевидное: биологический вид сохраняет любовь, а не борьба за существование. Борьба разрушительна, а выживает не только сильнейший, как думали

сначала, но и любимый. На самом деле борются и побеждают взрослые особи. Но кто защищает новорожденного? Если для защиты нужна непроницаемая броня, когти, у него нет ничего подобного. Мускулы? Младенец слаб. Ловкость? Он не умеет двигаться. Плодовитость? Еще не скоро. Значит, почти все живое должно было исчезнуть с лица земли, потому что каждый силач когда-то был слабым, и нет ребенка слабее некоторых взрослых. Любовь защищает слабых и объясняет их выживание. Материнская любовь привлекает сегодня внимание ученых как природный феномен. Если борьба за существование рисует нам картины разрушения, материнская любовь проявляется в самых разных волшебных формах, это сокровенная и явная причина чарующего разнообразия природы. Это фундаментальное качество вида, которое должны признать все ученые.

Насекомые, столь тщательно описанные Фабром, такие крошечные и непохожие на нас, демонстрируют великолепные примеры материнской любви. Одна из первых статей натуралиста об этом, «Психология паука», могла бы стать сюжетом пьесы. Как известно, паук создает сеть и прикрепляет ее к обратной стороне листьев. В ней он хранит яйца и сам остается тут же, чтобы защитить сокровище, будущее вида. Если паутина случайно рвется, паук быстро чинит ее. Экспериментатор вынул паука из сети и унес подальше на 20 дней. Что такое паук? Несколько кубических миллиметров мягкой ткани, ни мозга, ни сердца. Его жизнь коротка, 20 дней для него — целая эпоха. Тем не менее это существо все время разлуки беспокоилось, пыталось бежать. Когда его, наконец, освободили, он кинулся к паутине, спрятался в ней и взялся за починку дырок. Где прячется столько памяти и любви? Если из паутины вынимают настоящую мать и кладут на ее место другого паука, чужак немедленно усыновляет кладку: защищает гнездо от врагов, чинит дыры. Следовательно, материнский инстинкт присущ всему виду, независимо от того, кто именно произвел потомство. Более того, если к паутине, где сидит приемный родитель, приближается настоящая мать, чужак и не думает сражаться. Напротив, уползает, освобождая место. Какая телепатия позволяет пауку почувствовать приближающуюся материнскую силу? Вот конец эксперимента: родились паучата, они прячутся в сети вместе с матерью. Экспериментатор разрывает паутину, чтобы посмотреть, что произойдет. Паучата разбегаются во все стороны, а их мать остается на месте разоренного гнезда и умирает ужасной смертью. Ее убивает гибель вида. Материнской любви не нужны специальные сложные органы, мозг, сердце, органы чувств. Она словно существует вне материи. Это сила, которой жизнь защищает себя. Сила, которая была до сотворения и во время его. О ней говорится в Книге Мудрости: «Я был с Господом в начале творения, прежде чем было создано хоть что-нибудь, не было еще бездны, а я уже был задуман. Я был с Ним и владел всем, и рад был быть с Ним, с миром. Кто обретет меня, обретет жизнь».

Прежде чем биологи заметили, что любовь — самая могущественная сила, охраняющая вид и объясняющая выживание, религия указала на любовь как на опору жизни. Недостаточно быть рожденным, нужно быть любимым, чтобы жить. Это закон природы: кто не любит — мертв. Когда Моисей объявлял 10 заповедей, которые должны были спасти еврейский народ, сначала следовало провозгласить закон: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и возлюби ближнего твоего, как самого себя». Евреи окружили Христа, говоря: «Дай нам закон». А он ответил: «Разве вы сами не знаете? Возлюби ближнего». Словно он хотел сказать: закон очевиден, один-единственный, закон жизни, поэтому он должен быть вечно, от сотворения мира. Святой Петр, глава новой религии, религии любви, предлагающей вместо старого закона новый, объяснил лучше: «Любите, — говорил Христос, — как я вас любил, то есть не как вы можете любить, а как я могу любить». Пропась лежит между человеческим умением любить и любовью Христа к людям. Люди порой настойчиво стремятся к собственной гибели, путают добро со злом, жизнь со смертью, пищу с ядом. Как хрупок закон: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Действительно, новый закон: люби, как я тебя любил.

Моисей не добавил закона любви к 10 заповедям, практическим указаниям: почитай отца твоего и мать твою, не убий, не кради, не лжесвидетельствуй, не желай дома ближнего

твоего. Христос, напротив, учит, что не надо ограничивать любовь, не нужен никакой закон. Одной любовью спасется человек. Это больше всех предписаний, только это ведет к спасению. «И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших и благотворите, не ожидая ничего, и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего» (Евангелие от Луки).

Освободитесь от всех уз и указаний и стремитесь к одному, действительно необходимому: жить и чувствовать. Вот откровение Христа, когда он, как Моисей, поднялся на гору, но не прячась, а позвав за собой целую толпу и раскрыв ей все секреты Истины: «Блаженны алчущие, даже если страдаете. Страдание — это чувство, это жизнь. Блаженны плачущие, блаженны гонимые. Блаженны те, кто жаждет справедливости, и те, у кого чистое сердце. Ибо только алчущий насытится, а равнодушный погибнет. Горе тому, кто нашел утешение в себе самом, горе тому, кто пресытился, горе насмехающимся, они погибли, и все напрасно. Зачем тогда знание всех законов морали, даже их исполнение, если сердце мертво? Словно мы пытаемся раскрасить склеп, где лежит мертвец. Моральный, всем довольный человек без сердца — это могила».

Воспитание морального чувства

Концепция морального воспитания (и интеллектуального тоже), чтобы не вести ребенка к иллюзиям, ошибкам, во мрак, должна опираться на чувство. Свободное развитие органов чувств и интеллекта в соответствии с естественными законами, с одной стороны, воспитание чувств и духовной свободы, с другой — два аналогичных принципа, две параллельные дороги.

Подумайте, кто мы для детей? Мы стимулы, при помощи которых они упражняются и развивают свои чувства.

У нас много предметов, развивающих интеллект: цвета, формы. Но дух мы развиваем собой. Мы должны питать чистые детские души, к нам должны обратиться их сердца, как к самому любимому стимулу, любя нас, они могут духовно расти.

Когда внутренний интерес заставил ребенка взять коробку с цветными табличками и долго заниматься с нею, мы остаемся пассивными по отношению к ребенку. Но цвет табличек отражает солнечные лучи, которые попадают на сетчатку его глаз, еще не развитых, не приспособленных. Когда малыш всем сердцем привязывается к нам и просит внимания нашей души, мы должны быть готовы не избегать его из эгоизма, но отвечать на все его внутренние движения, чтобы отражать и направлять ему лучи света, которые необходимы его чистой и еще не приспособленной к жизни душе.

Не нужно звать его по имени, ласкать, уговаривая принять нашу помощь. Как выставленные на полках материалы, привлекающие своей гладкой поверхностью, блеском, разнообразными формами, возможностью интеллектуальных упражнений при помощи подвижного алфавита и счетных штанг, мы должны ждать, но не равнодушно, давая почувствовать, как много в нас сокровищ, которые всегда в распоряжении ребенка, их можно почувствовать, потрогать. Мы должны так же полно, всеобъемлюще удовлетворять детские потребности, как и материалы, с которыми они работают и которые при каждом прикосновении развивают их интеллект.

Сколько раз мы видели, как ребенок с отвращением бежит от наших ласк. Сколько раз мы видели, как ребенок, чей порыв был отвергнут, уходит в себя, как будто его ранили, затронуты его чувства. В этом и заключается наше уважение к духовной свободе детей: никогда не навязывать им наши комплименты, ласки, завоевывая их расположение; никогда

не отталкивать их порывы, даже если дети приходят к нам в самый неподходящий момент, но отвечать со всей деликатностью, искренним вниманием. Мы объекты их любви. Объекты, с помощью которых они организуют свою жизнь. Лучшие учителя, родители те, кто берет пример с дидактических материалов. В них сосредоточено моральное богатство, и каждая частица их готова и к пассивной реакции, это свидетельство самоотречения, и к активной, как неиссякаемый источник любви. Сенсорные материалы представляют все возможные диапазоны, доступные человеку: диапазоны света и цвета, звуков и тепла. Родители и учителя должны представить ребенку всю гамму чувств и ждать, что выберет развивающаяся душа.

Могут сказать: «Как заставить ребенка полюбить нас? Он должен уметь чувствовать».

Если малыш не различает цвета, он слеп, и никто не даст ему прозрения. Если ребенок бесчувственный, никто не изменит этого. Природа не случайно соединила мать и дитя не только единой плотью, но и более прочной связью — любовью. Ребенок с рождения не просто тело, но и любовь. Тот, кто любит хоть что-то, уже обладает чувствительностью и открыт для новых впечатлений. Кто видит предмет, тот не слеп. Он будет видеть. Кто любит мать, кто любит сына, способен любить. Это внутреннее чувство живет не только ради одного объекта, представленного в данный момент.

Даже несчастный паук, насильно посаженный в чужую паутину, заботится о чужом потомстве, потому что пауки способны любить детенышей.

Ребенок, которого любят, и эта любовь удваивает его собственное чувство, обладает внутренней чувствительностью, благодаря которой сам способен любить.

Нужно дождаться, пока нас увидят. Придет день, когда среди множества интеллектуальных объектов ребенок почувствует нашу душу и доверится нам. Для него это станет вторым рождением, вроде того момента, когда он впервые сосредоточился на одном из материалов. Невозможно, чтобы этот день, этот момент не пришел. Мы проявляем истинное милосердие, предоставляя ребенку средства удовлетворения его интеллектуальных потребностей, не навязывая себя при этом, оставаясь на некотором расстоянии, но всегда рядом, готовые помочь. Мы ему даем величайшее удовлетворение, помогая по мере его потребностей упорядочить сознание, развивая речь. Мы даем ему имена вещей, но только это, ничего не требуя, не подчеркивая свою роль. Мы открываем ему буквы, тайну чисел, мы помогаем ему установить связь с разнообразными предметами, ограничиваясь при этом только тем, что ребенку нужно, скрывая себя, если можно так сказать, свое дыхание, свою личность.

Когда он захочет выбрать, он не встретит в нас препятствия. Когда он сосредоточится надолго на одном упражнении, мы будем оберегать спокойствие его работы, как мать защищает здоровый сон младенца. Когда он поднимется до абстракций, он встретит в нас лишь отзвук его радости.

Мы без усталости будем отвечать на все его вопросы, как если бы это было нашей миссией по отношению к нему, подобно миссии цветка непрестанно распространять свой аромат. Он найдет в нас новый источник жизни, не менее сладостный, чем материнское молоко, начало его первой любви. И поэтому однажды он поймет нас, живущих ради того, чтобы жил он. Из нашей жертвы родилась его свобода жизни и самовыражения.

Конечно, придет день, когда его душа поймет нашу, он вкусит это высшее наслаждение общности душ, и наш голос будет звучать не только у него в ушах. Слушаться нас, рассказывать нам о своих достижениях, разделять с нами радости — отныне это часть его жизни. Мы вдруг увидим, что ребенок стал обращать внимание на одноклассников, интересоваться, как и мы, их успехами, их работой. Мы с радостью заметим, как несколько учеников замерли, опустив ложку в тарелку с ароматным супом, забыв о голоде: они поглощены наблюдением за усилиями младшего соседа по столу, который впервые пытается повязать себе салфетку и преуспевает в этом сложном предприятии. Какую радость доставят нам эти наблюдатели, чьи лица выражают облегчение и гордость, словно они отцы, увидевшие победу сына. Своими успехами, своими внутренними устремлениями, своим

сладостным послушанием дети вознаграждают нас за все усилия. Это тайна жизни: «Давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо какою мерою мерите, такую же отмерится и вам».

Суть морального воспитания

Суть морального воспитания — активная поддержка внутренней восприимчивости, ее совершенствование. Эта внутренняя восприимчивость (как сенсорные упражнения для умственного развития) устанавливает порядок: добро отделяется от зла. Никто не может научить до тонкостей отличать добро от зла, если человек сам не видит этого отличия. Видеть разницу и понимать ее — не одно и то же.

Чтобы помочь ребенку, нужно создать правильно организованную внешнюю среду, где плохое отличается от хорошего. Там, где все перепутано, где добро путают с апатией, с богатством, а зло с подвижностью, с бедностью, окружающая среда не способствует упорядочиванию моральных представлений. Еще хуже, если вокруг царит несправедливость и гонения. Детское сознание тогда омрачается, отравленное ядом более сильным, чем алкоголь, отнимающий разум у пьяницы. Разрушается порядок, ясность сознания, и мы не знаем, как это скажется на моральном облике человека.

Однако правильно организованная внешняя среда — это еще не все. В интеллектуальном развитии важны не только спонтанные упражнения, оживляющие ум, но и уроки педагога, утверждающие, освещающие внутренний порядок. К примеру, учитель говорит: «Это красное, это зеленое». Также он должен сказать: «Это хорошо, а это плохо».

Часто встречаются дети, для которых вопросы добра и зла — самое важное, важнее хлеба насущного, важнее интеллектуальной пищи: «Где добро и что такое зло?» Однако не стоит забывать, что моральные поучения должны быть очень короткими. Моисей, отец всех мудрецов, желая облагородить не ребенка, целый народ, дал лишь 10 простых рекомендаций, но и они показались лишними Христу. Моисей не поставил во главу угла «закон любви», и Христос заменил эти заповеди всеобщим законом, который включает в себя все моральные правила.

Возможно, помимо знания моральных правил различать добро и зло нам помогает внутреннее чувство. В данном случае, конечно, речь идет об абсолютном добре и зле, о том, что связано с жизнью, а не только с социальными условностями. Постоянно говорят о голосе совести, который помогает нам различить два понятия: добро, дарующее спокойствие порядка, воодушевление силы; и зло — боль, иногда непереносимая, вызванная угрызениями совести, мраком и хаосом, лихорадкой, тяжелой душевной болезнью. Не социальные законы, не общественное мнение, не материальное благополучие, не спасение от опасностей порождают это чувство. Иногда люди обретают покой в несчастье. Но угрызения совести леди Макбет, не отводящей глаз от кровавых брызг на узких ладонях, способны измучить ее, завоевавшую королевство.

Внутреннее чувство охраняет нас от гибели и подсказывает наилучшие решения. В этом нет ничего удивительного. Наука доказала, что средства поддержания материального существования соответствуют моральным добродетелям. Значит, можно поверить, что внутренняя чувствительность позволяет понять, что нам действительно необходимо в жизни. Нечто подобное утверждают и биологи. Биометрические измерения помогли рассчитать фигуру среднего человека, размеры всех частей его тела соответствуют статистической норме. Итак, средний человек великолепно сложен, и у него нет никаких морфологических предрасположенностей к заболеваниям внутренних органов. Оказывается, эти совершенные пропорции абсолютно соответствуют пропорциям древнегреческих статуй. Этот факт заставляет по-новому взглянуть на эстетическое чувство. Именно оно помогло древнегреческим мастерам определить средние размеры каждого органа, чтобы создать из них гармоничное целое. Они наслаждались красотой, и поэтому еще глубже чувствовали

триумф жизни, освобожденной от ошибок природы, от угрозы болезни. Триумф творения может дать глубочайшее удовольствие тому, кто понимает. Ошибки, даже незначительные, воспринимаются как дисгармония. Можно бесконечно приближаться к идеалу, но с каждым шагом острее чувствуешь малейшие отклонения от него. Большой художник видит красоту одной-единственной детали среди множества других, некрасивых. Он яснее всех понимает суть прекрасного, которое так зависит от любых формальных диспропорций.

Нечто подобное происходит и с различением добра и зла, хотя добро нужнее в жизни, чем красота, а зло представляет большую опасность, чем уродство. У животных сильно развит инстинкт самосохранения, заставляющий их проявлять бесконечное разнообразие поведенческих форм, направленных на поддержание и защиту собственной жизни. Собаки, лошади, все звери, живущие рядом с нами, не ждут землетрясения спокойно и бессмысленно, как мы, но начинают волноваться задолго до катастрофы. Эскимосские собаки, которые везут нарты, разбегаются, едва заслышав треск льда, чтобы не провалиться в трещину, а человек с недоумением следит за ними. Природные инстинкты человека не так развиты. Ум и совесть, чувствительная к добру и злу, помогают ему узнавать опасность и защищаться от нее. Его ум способен изменить мир, он ставит человека на недостижимую для животных высоту. Насколько выше мог бы он стать, развивая свое моральное сознание.

Однако человек так низко пал сегодня, что животные кажутся совершеннее. Желая похвалить себя, люди говорят: «Верен, как собака, чист, как голубь, силен, как лев». Великолепно развитые инстинкты животных дают им таинственную силу, и, если человеку не хватает совести, он сильно проигрывает братьям меньшим.

Зачем человеку научно доказанные законы сохранения здоровья в теле, если он не заботится о спасительном инстинкте, живущем в его душе? Зачем правильно питаться, регулярно взвешиваться, ходить в баню и на массаж, если теряешь инстинкт человечности, убиваешь ближнего или себя самого? К чему тогда все старания? Если сердце бесчувственно, а пустота притягательна, что делать ему тогда со своим откормленным, чистым телом?

Добро — это жизнь. Зло — смерть. Различие ясно, как сами слова. Наше моральное чувство, как и ум, способно совершенствоваться, развиваться. В этом их принципиальное отличие от животных инстинктов. Можно совершенствовать и эстетическое чувство, и чувствительность совести, чтобы узнавать добро и наслаждаться им безгранично. Чтобы чувствовать малейшие отклонения в сторону зла. Такой человек наверняка спасен. Менее чувствительный — в опасности. Ему необходимо развивать по мере сил свою совесть, таинственное сокровище. Вот важнейшая сторона жизни — тщательное изучение своей души, которая опирается не только на знание моральных правил, но и на любовь. Только любовь ведет к совершенству. Тот, в ком не воспитано моральное чувство, не сознает сам себя. Врач может прекрасно выучить все симптомы болезни, нарушения сердечного ритма, изменения пульса, но если он не услышит слабый стук сердца, если его рука не почувствует незаметное биение пульса, его знания не принесут пользы. Здесь прячется тайна правильного диагноза. Так и с диагностикой нашей совести. Если мы глухи и слепы, то не заметим никаких признаков болезни. Что станет основой нашего суждения? Отвращение к безнадежному предприятию обескуражит нас с первых шагов. Напротив, чувствительность подтолкнет к совершенству.

Люди могут превосходно отличать добро от зла, как древнегреческие художники, которыми руководило эстетическое чувство, сумели определить идеальные параметры человеческого тела. Святая Тереза говорила, что, когда к ней приближался злой человек, она страдала, словно при появлении отвратительного запаха. Запаха, конечно, никакого не было, но страдания были вполне реальными — внутренняя непереносимая боль.

Наша бесчувственность

Как мы далеки от утонченного чувства, проявляющегося в страдании при виде зла и в

радости при виде чужого блага. Мы можем долго общаться с грешником, уважать его, пожимать ему руку, пока не раскроется его преступление. Тогда мы восклицаем: «Кто бы мог подумать! Мы-то считали его порядочным человеком».

Наверняка грешник как-то проявляет свою порочность, свое бессердечие, это должно заставлять нас сразу видеть, кто перед нами. Да, мы вряд ли станем утонченными эстетамы, как древнегреческие художники, или сверхчувствительными, как святые. Но если мы понимаем, что нельзя пройти мимо красоты искусства, что для цивилизованного человека недопустимо путать ужасных монстров с идеалом красоты, грохот трамвая с тихой музыкой, сочинения Беллини и Вагнера, то должны тем более стыдиться подобной бесчувственности в области морали. Мы не отличаем грешника от праведника, и ничто нас не предупреждает об опасности. Как случилось, что судебные ошибки и жалобы невинных не достигают наших ушей, хотя суд был публичным, а невинный год за годом мучался в тюрьме? Может ли добро быть так спрятано, что мы путаем его с богатством? Как случилось, что богачи (в Евангелии о них сказано: «Горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение») позволяют себе поучать бедных, не обращая внимания на мораль, на собственный моральный облик, словно уверены, что все богатые — праведники, а бедняки — грешники.

Если наш ум настолько погружен во мрак, трудно представить, какая искаженная картина возникает перед нашими глазами. При путанице моральных принципов невозможно составить ясные представления о других жизненных сферах. Когда-нибудь прозорливая молодежь узнает, что на полях сражений европейской войны праздновали Рождество, и поймет причину войны. Давид в такой непонятной ситуации воскликнул: «Где мой Бог?» Потерять Бога — несомненное горе. Но праздновать эту потерю — значит не понимать, что происходит. Сколько времени душа мертва? Когда мы начали создавать из мертвечины? Что за сумасшествие — посреди чудовищной резни поставить дерево во славу Рождества Христова!

Мы не чувствуем вони от зла, как святая Тереза, не видим белого голубя, спрятанного под грязными перьями. Мы отличаемся от подобной святости не так, как грубый крестьянин от изысканного художника, но как труп от живого человека. Мы уже умерли, не заметив того.

Секрет нашей жизни во внутренней чувствительности, а не в правилах гигиены. Есть нечто более хрупкое, чем тело, чем физическое существование. Мрак нас губит. Вот секрет человека. Если он утратил свет, который вел его к лучшей жизни, он падает в пропасть, хуже зверя. Только любящий все свои силы отдает жизни. Как слабы легкие новорожденного и как легко бесчеловечной матери лишить младенца воздуха! Но как ничтожно это преступление перед убийством души, которое совершить еще легче. Смерть души, как и смерть тела, связана с потерей чувствительности. Напрасно испытывать мертвеца раскаленным железом — он не отзовется.

Живой активно реагирует на раздражители, конечно, не такие ужасные, как раскаленное железо. Тот, кто живет и чувствует, может совершенствоваться. Это и есть жизнь.

Пусть душа будет чувствительной. Но как она сможет тогда продолжать жить во зле? Если, закрыв окна нашего дома, кто-то стал бы собирать нечистоты и вонь становилась бы все сильнее, разве не протестовали бы мы, не старались ликвидировать причину страданий? В доме ребенок, и мы протестуем еще сильнее, собственными руками наводим чистоту, заботясь о здоровье малыша. Но если мать и дитя мертвы, они не почувствуют зловония.

Важное жизненное качество — очищать окружающее пространство и душу от всего нечистого, вредного для здоровья. Важнее не тот, кто проповедует, а тот, кто очищает. Мораль, развивающая чувствительность, в том и заключается, что необходимо действовать, очищая мир, убирая препятствия, освобождая дух от смертельного мрака. Главные человеческие достоинства не в тонком музыкальном вкусе, не в способности совершать открытия, но в спасении и поддержании жизни. И м нет предела, как и прогрессу.

Религиозное чувство у детей

Кризисы сознания, естественное религиозное чувство у детей пока еще мало изучены. В последнее время религиозное движение, в частности в Англии, явило нам поразительные факты детской веры. После смерти пятилетней Нелли, пожелавшей получить причастие перед кончиной, папа Пий X допустил к таинству детей любого возраста. Но это мало повлияло на современных ученых. Единственный научный труд по данной теме, представленный на Первом Международном конгрессе педологов в Брюсселе в августе 1911 года, называется «Некоторые наблюдения за развитием морального и религиозного чувства у детей» (Гидеонеску, доктор философии, Бухарест). Наблюдения велись за ребенком, не получившим никакого религиозного воспитания. Однажды он разрыдался без всякой видимой причины. Матери, подбежавшей с вопросами, малыш ответил: «Я вспомнил, как два месяца назад на улице мучили щенка. Я сейчас почувствовал это». Через год повторилось то же самое. Вечером, глядя на луну и звездное небо, ребенок снова заплакал. «Не ругайте меня, — сказал он родителям, — глядя в небо, я почувствовал, сколько огорчений причинил вам, и я понял, что обидел Бога».

Это интересное исследование показывает нам этапы естественного развития морального сознания. Сначала это очень яркое переживание события двухмесячной давности, сопереживание страданиям несчастного щенка. Спустя долгое время после этого всплеска активности сознания все упорядочивается, ребенок понимает разницу между хорошим и дурным поступком, замечает, что стал причиной страданий родителей, в момент свершения он не замечал ничего. Очистившись, он чувствует Бога. «Я понял, что обидел Бога», — говорит малыш и знает, что обидел не родителей. Ему никогда не говорили о Боге, никто не учил его анализировать свое сознание.

Я ни разу не была свидетелем всего процесса внутреннего развития, мои попытки религиозного воспитания были очень робкими. В Доме ребенка, который содержали сестры-францисканки, религиозное воспитание велось обычным способом и не давало материала для оригинальных исследований. *Vice versa*, муниципальная власть изгнала религию из государственных школ. Таким образом, мой личный опыт ограничен несколькими частными учениками, чьи семьи нельзя считать религиозными, поэтому на детей в этом плане не оказывали никакого влияния.

Одну из моих учениц, семи лет отроду, отец (видя, как умна девочка, и желая воспитать ее свободно) просветил, кратко пересказав теорию эволюции Дарвина и Ламарка. Ребенок внимательно выслушал все и спросил:

– Значит, человек произошел от обезьяны, обезьяна от другого животного и так далее. Но откуда взялось самое первое живое существо?

– Случайно возникло.

Девочка рассмеялась и позвала маму:

– Послушай, мамочка, какая глупость. Жизнь возникла сама по себе... Невозможно!

– А как же она возникла?

– Это Бог, — убежденно ответила малышка.

С разрешения матери она приготовилась к первому причастию. Однажды, в один из последних дней подготовки, я стала свидетелем любопытного эпизода. Пастор рассказывал о сохранении вина и о том, когда следует обращаться за помощью к священнику. Мне показалось, что все это не нужно детям и отвлекает от главной цели. Но, к моему удивлению, юные лица были сосредоточены и обращены к алтарю. Их привлекали не сами слова, но некое сильное чувство. Чаша с божественной кровью призывала детские души, готовые принять причастие. На церемонии они участвовали в таинстве со всей верой и простотой, словно все связанное с Богом было им совершенно понятно, а все опровержения абсурдны. И это знание будет сопровождать их всю жизнь.

Маленькая сестра моей ученицы однажды воскликнула на уроке: «Как прекрасна

анатомия цветка! Как мне нравится арифметика! Но самый замечательный предмет — религия».

У нас в школе была девочка, чьи родители довольно враждебно относились к религии. Несмотря на интерес к школьным занятиям, она всегда чувствовала себя беспокойно. Даже получая прекрасные оценки, ребенок проявлял еще больше беспокойства, иронии, словно страдал от разочарования. Однажды малышка отвела в сторону свою одноклассницу и попросила ее прочитать «Отче наш». Выслушав молитву, девочка, повинувшись внутреннему порыву, направилась к роялю, руки ее дрожали. Душа искала утешения. Ничто не могло дать ей покоя, кроме того единственного, чего пыталась лишить ее любящая семья. Душа ребенка жила, искала свой путь: «Как жаждущий олень стремится к источнику, так моя душа стремится к тебе, Господи!» Она еще не погрузилась во мрак, который так осложняет взрослому человеку постижение тайны, столь доступной ребенку.

Достаточно и таких беглых наблюдений, чтобы понять, что у ребенка есть не только интеллектуальные потребности, но и душа, открытая, чистая, отражающая божественный свет.

Проблемы морального воспитания лишь фрагментарно обозначены здесь. Мы едва начали в Барселоне (Испания) экспериментальную работу по моральному и религиозному воспитанию детей. Описание ее станет продолжением данной книги. Не знаю, насколько мы с коллегами преуспеем в задуманном предприятии.

Начальное обучение

Грамматика

Механизмы развития речи

В Доме ребенка мы достигли такого уровня интеллектуального развития, что к школе наши дети уже умели писать слова и даже фразы. Они читали на карточках задания, а затем выполняли их, демонстрируя таким образом свое понимание написанного текста. Материал для развития письма и чтения состоял из двух алфавитов. Один побольше, гласные отличаются от согласных по цвету. Второй поменьше, все буквы одного цвета. Дети освоили механизмы письма и чтения и продолжали свое интеллектуальное развитие, опираясь на это великое достижение. Бесконечное движение вперед — главный путь прогресса, на котором основано все дальнейшее обучение ребенка в начальной школе.

У маленького ребенка механизмы письменной речи медленно созревают под воздействием методичной тренировки психомоторных способностей, до этого так же естественным образом развивалась и устная речь ребенка. Позже его разум сможет воспользоваться письменной речью и на уровне собственно письма, и на уровне интерпретации написанного (чтения). Обычно это происходит к пяти годам. Малыш начинает рассуждать и пользоваться письменной речью в зависимости от уровня развития его мышления. Он готов к начальной школе. Но случается это именно по мере его внутренней готовности, а не по внешним причинам, например подошедшего к школе возраста.

В Доме ребенка дети оставались до семи лет. Здесь ребяташки учились письму, чтению, счету, умению писать сочинения, а значит, по уровню обученности они соответствовали начальной школе. Свой опыт мы обогатили множеством экспериментальных исследований. То есть мы не выходили за пределы Дома ребенка, но в его стенах пытались придать форму так называемым природным «туманностям» детства, рождающимся вместе детьми и проясняющимся по мере их взросления. Мы были полны надежд продолжить свою работу.

Давайте войдем в наш Дом и подойдем к ребенку пяти с половиной лет, успешно

обучающемуся и переходящему на уровень начального образования.

От второго алфавита мы переходим к третьему. Его подвижные буквы гораздо меньше, идеально написаны, каждая — по 20 раз, вместо четырех, как было в предыдущем. К тому же весь алфавит повтoren трижды: белый (написан мелом), черный (черными чернилами), красный (красными чернилами). Таким образом, мы имеем 60 копий каждой буквы плюс все знаки препинания: точки, запятые, апострофы, вопросительные и восклицательные знаки. Каждая буква написана на глянцевой бумаге. (Был еще алфавит с печатными буквами, лежащими в коробках в таком же порядке, как на клавиатуре печатной машинки.) Есть много способов использования этого алфавита, и мы еще к ним вернемся.

Нам казались совершенно естественными грамматические упражнения в Доме ребенка: ученики занимались с карточками, на которых были написаны слова, обозначающие какие-то предметы. Первый опыт чтения. Мы узнавали, что дети научились читать, если они находили названный на карточке предмет. Во всех школах мира этот способ скоро сочтут совершенно логичным и создадут нечто подобное. Это не усложняет, но упрощает ребенку процесс освоения имен существительных. Да, оказывается, уже давно при помощи различных приемов мы изучаем, используя практические упражнения, существительное. А почему только существительное? Разве это не такая же часть речи, как другие? Если есть способ облегчить изучение существительных, нельзя ли придумать нечто аналогичное для других частей речи: прилагательного, глагола, местоимения, наречия, союза, предлога, междометия? Когда ребенок кладет карточку со словом на соответствующий предмет, он начинает отличать имя существительное от прочих частей речи, интуитивно постигает понятие, делает первые шаги в область грамматики. Читая, ученик знакомится и с классификацией слов. Он складывает их сначала при помощи подвижного алфавита, потом пишет — это предварительная работа, анализ звуков и самих слов. Мы видели, как ударение помогает ребенку при чтении узнать слово. *(В книге «Дом ребенка. Метод научной педагогики» описано, как ученик начинает читать: сначала он произносит в слове звуки, соответствующие написанным буквам, но не понимает смысла. Перечитывая все быстрее, он находит место ударения, и вот слово узнано.)* В конце концов он приходит к анализу не только звуков и ударений, но и формы слова.

Говорят, что изучать фонетику и морфологию в детском саду с четырехлетними несмышлениками — безумие. Однако у детей все получается! Анализ — способ изучения слов. С его помощью можно легко научиться грамотно писать.

Если определенный процесс полезен при изучении слов, не будет ли он удобен и для развития речи в целом?

Обводя шероховатую букву и произнося соответствующий звук, малыш фактически анализирует фонетический строй речи. От классификации слов и выделения из них существительных мы переходим к анализу других частей речи. Ученики составляют слова и предложения, и мы видим в этом эффективный способ побуждения ребенка записывать собственные мысли. Получается, мы уже давно занимаемся с детьми грамматикой, остается только продолжить.

Вроде бы это очень непростое занятие. Ну и что? Грамматика — это пугало не менее ужасное, чем жуткий старинный способ обучения чтению и письму. Но ее изучение может превратиться в увлекательное занятие, ведущее к обретению замечательных вещей. Ребенок видит, как фраза выходит из-под его пера, и счастлив, как был счастлив когда-то, сложив первое слово.

Грамматика чудесна! Когда она любезно и ненавязчиво помогает строить предложения, то ее уже не спутаешь с тем чудовищем, которое расчленяет фразу так, что невозможно ничего понять. Так легко сказать: «Вот готовое предложение, не трогайте его!» Зачем разбирать его, лишая смысла, превращать в грудку ничего не значащих слов? Зачем ломать конструкцию ради того, чтобы запутаться в непостижимом анализе? Мы предлагаем ребенку, уже умеющему читать, разлагать слова на звуки. Это требует от него такого огромного напряжения воли, на которое способны лишь отдельные увлеченные

специалисты. Зато четырехлетний малыш соединяет лишённые значения звуки в некое целое, соответствующее определенной цели. Это его грандиозное достижение, и он предельно внимателен и увлечен своей работой.

То же относится и к грамматике. Ребенок, анализируя, поднимается вверх, ступенька за ступенькой, обогащая свои знания и не теряя интереса, пока не достигает вершины, — выразительной, ясной, энергичной речи, прекрасной и совершенной, как само творение.

Звуковой анализ у нас приводит к спонтанному письму, но это относится не к любому возрасту. Только четырехлетние (четырёх с половиной лет) дети увлекаются подобными упражнениями и так упорно ими занимаются (как ни в каком другом возрасте), что вырабатывают превосходные механические навыки письма. Анализ речи, интерес к отдельным словам также характерен не для всех возрастов. Ученики от пяти до семи лет — страстные любители слов. Их сознание еще не слишком развито, они не способны достаточно ясно понимать речь в целом, но прекрасно понимают отдельные слова и могут с огромным неослабевающим интересом заниматься отдельными частями речи.

Наш метод начинался как ересь. Во-первых, мы уверены, что дети наиболее способны к письму в возрасте от четырех до пяти лет. Во-вторых, лучшее время для изучения грамматики — от пяти с половиной до семи, восьми лет.

Неправильно думать, что для анализа необходимо сначала создать целостную конструкцию. Это так для объектов, созданных природой, их нужно анализировать, чтобы понять. Если мы хотим проанализировать фиалку, нам придется оторвать лепестки, препарировать ее, чтобы увидеть структуру, потому что она родилась прекрасной и совершенно готовой. Но чтобы создать искусственную фиалку, мы будем делать все наоборот. Мы приготовим стебелек, лепестки — каждый отдельно вырезая, раскрашивая, проглаживая горячим утюгом, — затем возьмем кисточку, клей, чтобы соединить детали и т. д. Для людей, способных к легкому ручному труду, эти несложные манипуляции, разнообразные приготовления, завершающиеся созданием прекрасного цветка, так интересны, что они ловко и терпеливо готовят отдельные части.

Анализ служит не только для расчленения, но и для соединения в целое. Строя дом, мы поступаем аналитически: кладем один кирпич за другим, от фундамента до крыши. Строитель представляет себе дом в деталях и способен оценить качество каждой частицы гораздо лучше, чем тот, кто, желая получить ясное представление о конструкции, начнет ее разрушать. Почему? На созидание требуется больше времени, чем на разрушение, поэтому у создателя больше возможностей проанализировать все детали. При этом возникает особенное чувство. Строитель полон надежд, радости при виде постепенно возникающего из хаоса здания. Разрушитель видит, как распадается гармоничное целое на бесформенные части... Поэтому ребенок в возрасте «интереса к словам» может обращаться к грамматике, останавливаться на анализе отдельных частей речи, следуя своим внутренним процессам, и постепенно овладевать языком, а значит, учиться ценить его.

Грамматика для нас — это не книжка. Это карточки с именем существительным, которые малыш кладет на соответствующий предмет, если прочитал надпись. Они все одного размера, маленькие, прямоугольные размером 5х3,5 см, но разных цветов: черные для существительных, каштановые для прилагательных, красные для глаголов, розовые для наречий, зеленые для местоимений, фиолетовые для предлогов, желтые для союзов, голубые для междометий и частиц. Карточки лежат в специальных коробках — их 8. В первой 2 отделения, во второй — 3 и так далее, до восьмой, в которой 9 отделений. Каждое отделение отгорожено перегородкой. В верхней части каждого отделения написано, для какой оно части речи. Учитель расставляет коробки так, чтобы они всегда были под рукой для изучения двух или более частей речи.

Изучение морфологии слова

Маленький ребенок, только начинающий читать, с удовольствием учит слова. В Доме ребенка шла бесконечная охота за карточками, дети читали все слова, написанные на них, одно за другим. Это объясняется тем, что малышу необходимо собрать свой банк слов. Главная особенность его речи — бедность словаря. Он приближается к возрасту, когда ему захочется выразить свои мысли, вот ребенок и запасается «строительным» материалом. Многие замечали, с каким напряженным вниманием дети слушают чужие разговоры, даже если не понимают их смысла. Они стараются выхватить отдельные слова, иногда это становится заметно: малыш начинает радостно повторять то или иное услышанное слово. Мы должны ответить на эту детскую потребность, предоставив специальные материалы, организовав упражнения, способные закрепить спонтанные реакции.

У нас очень много разнообразных материалов, но для большинства учеников складывается разная последовательность их выбора. С самого начала четко проявляются индивидуальные различия. Упражнения, легкие для одного, трудны для другого. Учитель, конечно, должен хорошо знать весь материал и точно находить момент предъявления того или иного упражнения. Впрочем, опытные педагоги замечают, что процесс развивается и сам по себе, что облегчает задачу учителя. На стены класса вешаются таблицы, на которые дети могут смотреть, могут их брать. На таблицах напечатаны группы слов.

Следующая таблица представляет группы однокоренных слов. Она может помочь тем детям, которые уже продвинулись в изучении частей речи. Все слова в группе образованы от одного слова, самого простого и короткого, оно, в сущности, состоит только из корня. Остальные слова образуются путем присоединения суффиксов и приставок. Через некоторое время ребенок начнет сам находить корневые слова для группы однокоренных слов. Он поймет, что это слово, содержащее основную идею, может быть существительным, прилагательным, глаголом. Что существительные, прилагательные, глаголы могут быть образованы от одного корня. В таблице представлены группы однокоренных слов, и учителю уже не надо самому их составлять. Но однажды это начнут делать за него дети.

Каждое упражнение выполняется двумя разноцветными алфавитами, что позволяет зрительно выделить корень.

Однокоренные слова

Земля... земляца, приземлиться, земляной, земляника, заземление

Великий... величина, увеличить, преувеличить, величайший

Писать... письмо, писанина, написать, переписать, выписать, письменный, записка

Учить... учитель, ученик, выучить, ученый, заучить

Добро... доброта, добренький, удобрение, задобрить

Жар... жаркий, жара, жарить, пожарить

Холод... холодный, холодильник, похолодать

Грех... грешный, грешить, грешник, прегрешение

Солнце... солнечный, солнышко, подсолнух

Праздник... праздновать, праздничный

Сеять... сеятель, посеянный, засеять, высевать

Петь... песня, запевать, песенный, песенник, припев

Вид... видеть, видный, увидеть

Плод... плодовый, плодиться, приплод

Цвет... цветок, цветной, цвести, расцветать, расцветка

Стол... столовая, столяр, престол, столик, застолье

Труд... трудный, трудиться, труженик, потрудиться

Вода... водяной, водный, водичка, наводнение, подводный, приводниться

Упражнение с двумя алфавитами может быть и таким, к примеру:

Суффиксы и приставки

Таблица суффиксов

Серия 1

(русифицированная версия)

Дом... домИК Стол... столИК

Малина... малИНКа Мальчик... мальчОНКа

Книжка... книжЕЧКа Вилка... вилОЧКа

Крыло... крыльШКО Поле... полЮШКО

Упражнение такое: ученик составляет из букв подвижного алфавита одного цвета (например, черного) первое слово на строке, затем ниже выкладывает буквами того же цвета второе слово пары. Только для отличающихся букв он берет алфавит другого цвета (например, красный). Так, корень слова выложен буквами одного цвета, а суффикс (то, что меняется) — другого. Пример: дом — домик. Затем ребенок берет другое слово и повторяет упражнение. И так далее. Часто дети сами придумывают пары слов.

В другой таблице суффиксов каждая группа слов объединена одним суффиксом (корни отличаются). Суффикс меняет смысл слова. Он обозначает либо профессию человека, либо действие, либо идею общности, либо абстракцию. Конечно, сначала ученик не осознает этого. Он только составляет слова из двух алфавитов. Но по мере развития грамматического чутья ребенок возвращается к этим таблицам (они по-прежнему висят в классе) и постигает смысл различий.

Серия 2

Шляпа... шляпник Коммуна... коммунист

Монтаж... монтажник Журнал... журналист

Двор... дворник Телефон... телефонист

Печь... печник Символ... символист

Курица... курятник Стройка... строитель

Кролик... крольчатник Мысль... мыслитель

Упражнение делается так же, как и с первой таблицей, при помощи подвижных алфавитов двух цветов.

Таблица приставок

Серия 3

Крыть... прикрыть, открыть

Вязать... привязать, отвязать

Сесть... присесть, отсесть

Бежать... прибежать, отбежать, выбежать, пробежать

Смотреть... подсмотреть, присмотреть, рассмотреть

Нести... принести, отнести, унести, перенести

Ходить... подходить, выходить, входить, переходить

Ставить... подставить, переставить, выставить Брать... собрать, перебрать, выбрать

Упражнение выполняется аналогичным образом при помощи алфавитов двух цветов.

Таблица сложных существительных

Стоп-кран

Мать-и-мачеха

Кресло — кровать

Иван-да-марья
Плащ-палатка
Экс-чемпион
Рыба-молот
Лейб-гвардия
Рыба-пила
Вице-президент
Рыба-кит
Премьер-министр
Штаб-квартира
Мамин-Сибиряк

Ученик читает сложное существительное и старается воспроизвести его по памяти при помощи подвижного алфавита двух цветов. Каждую часть слова — другим цветом. Например: плащ-палатка.

Единственное и множественное число

Упражнениями на окончания, указывающие на число, род и падеж, занимаются дети, умеющие отличать существительные от местоимений. Мы предлагаем группы из 40 карточек, на которых написаны существительные и местоимения рода, числа и падежные слова: она, он, оно, они, нет кого? чего? даю кому? чему? И т. д.

Цвет карточек всегда соответствует цвету части речи (черный для существительных), карточки всегда лежат в соответствующем отделении коробки с нужной табличкой, так что дети скоро начинают говорить об отделении в коробке для существительных, о карточке с существительными. Берем из одной группы 10 существительных в единственном числе и раскладываем на столе, одно под другим, вокруг них в беспорядке лежат остальные карточки — на них те же существительные, но во множественном числе (*можно цветом выделять окончания рода и числа*). Две карточки другого цвета со словами Единственное число и Множественное число лежат сверху, как бы обозначая две колонки. Таких комплектов у нас четыре, поэтому сразу четыре ребенка могут заниматься этой темой одновременно. Обмениваясь карточками, ученики смогут получить большой опыт.

*Карандаш карандаши Дом дома
Лента ленты Платье платья
Отец отцы Перо перья
Сад сады Брат братья
Таблица таблицы Цвет цвета
Стол столы Учитель учителя
Сестра сестры Стул стулья
Кукла куклы Лист листья
Животное животные Цветок цветы
Столовая столовые Курица куры
Душевая душевые Судно суда
Земноводное земноводные Теленок телята
Млекопитающее млекопитающие Котенок котят
Булочная булочные Сын сыновья
Рулевой рулевые Дочь дочери
Учащийся учащиеся Мать матери
Больной больные Южанин южане*

Аналогичный материал готовится и для различения форм мужского и женского рода.

Наконец, есть третий комплект материалов, посвященных существительным, где часть речи представлена в четырех формах: единственное и множественное число, мужской и женский род. Три серии, в каждой по 10 существительных в единственном числе в мужском роде. Нужны еще и карточки с терминами Единственное число и Множественное число (по крупнее), Мужской род, Женский род (помельче).

С этими комплектами наши ученики занимаются не только индивидуально, но и коллективно. Детям это очень нравится. К примеру, один ребенок раздает карточки с существительными во множественном числе. Потом вслух называет существительное в единственном числе. Тот, у кого есть соответствующая карточка, сразу откликается. То же самое с родовыми формами или со всеми четырьмя сразу.

Когда ученики освоили этот материал, можно предлагать другой (следующий), самый сложный.

Здесь представлены омонимы и антонимы, то есть слова, имеющие одинаковое написание, но разный смысл или, наоборот, по-разному написанные, но имеющие один и тот же смысл. Все группы слов по порядку записаны в маленьких блокнотах, которые дети могут брать домой, чтобы перечитать. На каждой страничке этого блокнота напечатаны существительные одной группы комплекта. Обычно ученики с удовольствием перечитывают блокноты, это закрепляет в них возникшие идеи, способствует внутреннему созреванию, естественному следствию спонтанных открытий. Чтение порой сопровождается восклицаниями, смехом, когда дети замечают, как сильно меняется смысл от незначительного изменения слова.

Эти несложные, но занимательные упражнения можно делать и дома, что очень нравится нашим малышам, которые порой не знают, чем себя занять после школы и очень докучают родителям.

Мы сделали алфавит, расположив печатные буквы в порядке, совпадающем с устройством клавиатуры пишущей машинки. Дома ребенок может составлять слова (а позднее и фразы, самостоятельно придуманные), тренируя глаз, привыкая находить буквы на определенных местах. Если дома есть пишущая машинка, малыш быстро учится повторять на ней те слова или фразы, которые составил из подвижного алфавита. Печатный документ остается ему надолго как свидетельство успеха.

Уроки и приказания

Впервые я начала преподавать грамматику лет 16 назад, в 1899 году, работая с умственно отсталыми детьми, затем в ходе семинаров, которые проводила с учителями начальных школ Рима. Этот опыт дал мне так много, что некоторые из моих умственно отсталых учеников выдержали экзамены в государственной школе. Краткий и неполный обзор моих уроков времен занятий с учителями, можно найти в брошюре под названием «Обзор дидактических занятий доктора М. Монтессори» (1900).

Мы изучали грамматику не очень глубоко и не слишком полно, не так, как с обычными детьми, но результаты были блестящими. Мы «проживали» грамматику, и она вызывала огромный интерес у ребят. Несчастные малыши, попадая ко мне (их отвергала обычная школа) или с улицы, или непосредственно из психиатрической больницы, проводили весело и радостно полчаса в день, наслаждаясь грамматическими упражнениями. Вот цитата из брошюры 1900 года относительно применяемых дидактических материалов и уроков по теме «Отдествительное».

«Для каждого написанного или прочитанного слова готовится карточка, на которой напечатано слово. Из этих карточек позднее можно будет сложить предложения, как раньше из подвижного алфавита мы складывали слова. Простые предложения связаны с теми действиями, которые выполняют ученики. Мы начинаем с объединения двух-трех слов: *красная шерсть, сладкая конфета, четвероногая собака*. Затем переходим к

предложениям. Суп горячий. Мария ест конфеты. Дети составляют фразы из карточек. Чтобы облегчить поиск нужной карточки, мы раскладываем их по ящичкам, в каждом из которых есть несколько отделений. Вот ящичек, на котором написано Существительное. А внутри на каждом отделении своя надпись — название рубрики: люди, одежда, животные, пища. На втором ящичке написано Прилагательное, а на отделениях — цвета, формы. Третий ящик — Служебные части речи, его рубрики: артикли, союзы, предлоги. Ящик Глагол, внутри отделения: инфинитив, настоящее время, прошедшее, будущее. Дети учатся брать и ставить на место (в нужное отделение) каждую карточку. Скоро они без труда находят категории цвета, формы, животных, пищи. В один из дней учитель объясняет значение надписей на ящичке: существительное, прилагательное, глагол. Так начинается изучение грамматики.

Уроки по теме существительное

Существительными я называю людей и предметы. Если позвать человека, зверя, они ответят, предметы — нет, они не могут. А если бы могли, обязательно ответили бы. Вот я говорю: Евгения! И Евгения отвечает. Я говорю: фасоль! Но фасолинки не отвечают, они не могут. А если бы могли, обязательно ответили бы. Если я назову предмет, вы поймете меня и сможете принести то, что я назвала: фасоль, тетрадь. Если не назвать имя предмета, вы не поймете, о чем идет речь, ведь у каждой вещи свое имя. Это имя — существительное, оно называет предмет. Я произношу имя существительное, и вы сразу понимаете, какой предмет я имею в виду. Дерево, скамейка, ручка. Если я не произнесу существительное, вы не узнаете, о чем я говорю. Предположим, я скажу: принесите мне, быстро давайте сюда, я хочу, чтобы мне принесли! Но что? Если я не назову существительное, вы не поймете меня. Предмет называется словом. Это слово — имя существительное. Чтобы понять, является ли слово существительным, нужно спросить себя: это предмет?

Хлеб. Это предмет? Да. Стол. Тоже. Служанка. Она ответит нам? Да.

Давайте поищем среди карточек. Я взяла их из разных ящичков и перемешала. Читаем: сладкий. Принесите мне сладкий. Ты принес мне сахар, но я не говорила о сахаре, я сказала «сладкий». Ты даешь мне леденец? Но я не говорила о леденце, я сказала «сладкий». Я хотела сладкий сок из бутылочки.

Значит, «сладкий» — это не предмет, вы не смогли угадать, какой предмет мне нужен. Вот если бы я сказала: «сахар», «леденец», «сок» — тогда вы поняли бы, что я хочу, потому что эти слова обозначают предметы. Эти слова — существительные.

Конечно, краткое описание не дает полного представления об уроке. Я говорила приказным тоном: «Принесите мне! Принесите мне!» Дети толпились вокруг меня, заглядывая мне в рот, как щенки, которые ждут, когда хозяин кинет им палку. Они готовы были броситься за любым предметом, как собака бросается за мячом, но не было слова. «Принесите мне! — кричала я нетерпеливо. — Принесите, наконец! Я хочу!» Детские лица светлели, слышался смех. «Что? Что вы хотите? Что мы должны принести?» Вот настоящий урок по теме существительное.

Потом я произносила слово «сладкий». Ученики приносили множество сладких вещей, но я каждый раз отказывалась. «Я не просила конфету, я не просила сахар». Ребенок смотрел на предмет, зажатый в кулачке, и, смеясь, размышлял, что сладкое не существительное.

Так начинались многие грамматические уроки. Я не произносила какое-то слово, и его отсутствие приводило к пониманию определенной части речи. Всякий раз это была веселая, интересная сценка. Наши уроки грамматики мы стали называть приказаниями.

С обычными детьми таких уроков-приказаний было больше. Здесь уже можно было полагаться не только на учителя, на его артистические таланты, способные возбудить слабую нервную активность отсталых учеников, приковать их внимание. Приказания можно было написать и прочитать. Молчаливое чтение карточки — и немедленное выполнение действия.

Это упражнение пользовалось таким успехом в Доме ребенка, что до сих пор мы в начальной школе говорим о чтении или написании приказаний.

Изучение грамматики определяется серией упражнений, материалы для которых родились из нашего опыта. При чтении этой книги возникает ясное представление о задачах педагога: у него есть полностью подготовленный материал, не нужно ничего придумывать, ни одного предложения, никаких сложностей с программой. Окружающие предметы — это все, что необходимо и достаточно, только умей ими пользоваться. Уроки чрезвычайно просты, немногословны. Это скорее уроки жестов, действий, чем слов. Школа — настоящая интеллектуальная лаборатория. Дети постоянно что-то делают, провоцируют друг друга. Они осваивают предложенный материал, ищут его, знают, где находится каждая карточка. Материал (и сами уроки) меняются от ребенка к ребенку. Учитель своими краткими пояснениями словно протягивает связующие нити, подключает электричество, и его несложные действия вызывают значительные последствия. Он словно нажимает кнопку — и звенит звонок, зажигается лампочка, механизм приходит в движение. Иногда педагог целую неделю потом может не вмешиваться в детскую работу. Но сколько деликатности, такта ему требуется, чтобы представить этот материал, провести свой краткий урок — осторожное пробуждение внутренней активности; чтобы дать детям возможность свободно развиваться; чтобы не пропустить ни малейшего изменения — чтобы всегда поддерживать огонь в лампе.

Вот учитель проходит мимо ученика, который за столом собирает фразу из разноцветных табличек. Ребенок кладет (возможно, шутя) одну табличку на чужое место. Педагог не только психологически точно должен вмешаться и поправить ученика, но и представить соответствующее грамматическое правило, дать малышу первое общее представление о нем. Каждое движение учителя, самое незаметное, крайне важно. Он, как священник с прихожанами, всегда сосредоточен, неутомим и наполнен внутренней силой. Педагог не себя реализует, а детям помогает раскрыть их потенциальные возможности.

Внешне же подготовка учителя заключается в ознакомлении с материалом. Педагог всегда может вспомнить, предложить нужный материал — быстро и на все случаи жизни. Практика вводит в курс дела.

Основные грамматические упражнения таковы:

1. Согласование — комплекты карточек (их несложно сделать), которые позволяют установить связь между существительным и прилагательным, глаголом и местоимением, местоимением и существительным.

2. Анализ и приказания.

Приказания — это одновременно и уроки учителя, и детские упражнения. Нужно объяснить смысл слова, чаще в практическом действии, чем в теории. За объяснением немедленно следует упражнение ребенка, который тоже в живом действии реализует смысл одной или нескольких фраз, написанных на карточке. Ученик читает карточку, как делал это, обучаясь искусству чтения, а там фраза, уже объясненная преподавателем. Малыш, прочитав приказание, сразу выполняет то, что было написано. В этом занятии не обязательно участвует весь класс. Иногда это группа детей, иногда один-единственный ребенок, иногда почти все. Лучше, если приказания будут выполняться в другой комнате, чтобы не мешать остальным ученикам заниматься своими делами. Впрочем, можно оставаться в классе. Приказания — уроки, вводящие в основы актерского мастерства, из них постепенно вырастают маленькие сценки, интересные и веселые. Точное объяснение слова, определение позиции, исключаящей все прочие, увлекает детей.

Анализ — совсем иное дело. Работа индивидуальная, требующая сосредоточенности. Приказания развивают интуицию, анализ способствует созреванию. В обоих упражнениях используются грамматические ящики. В самом большом отделении каждого ящика лежат большие карточки, на которых напечатана целая фраза. Например, покажи твою книгу. Ребенок вытягивает эту карточку и кладет ее на угол стола. Затем достает из ящика цветные карточки с отдельными словами из предложения. Он их раскладывает по порядку, составляя

целую фразу: покажи твою книгу. Несложная работа — перевести цветными карточками напечатанную фразу, составить ее, как когда-то составлял из букв подвижного алфавита слова. Даже проще — ведь фразу не приходится воспроизводить по памяти, как слово. Предложение напечатано, лежит перед глазами. Все внимание ученика сосредоточено на другом: он запоминает место карточки в ящике. Ведь нужно взять карточку то из отделения существительных, то из отделения наречий, то из предлогов. Цвет карточки и надпись (над каждым отделением написано название части речи) заставляют ребенка несколько раз обратить внимание на классификацию слов в зависимости от грамматического смысла.

Главный интерес таким упражнениям придает переключивание. Учитель, проходя мимо стола, переключивает карточки, тем самым провоцируя сознание грамматических правил, определений. Вот педагог убрал карточку, связанную с новой частью речи — изменившаяся фраза подчеркивает роль отсутствующей части. Ничто так не демонстрирует нам значение вещи, как ее потеря. Переключивание карточек показывает, что смысл речи не только в словах, но и в их порядке. Это производит сильное впечатление на детей. Одни и те же карточки могут составить хаос и порядок, бессмысленный набор слов и выражение мысли.

Рождается живой интерес к порядку слов. Ребенок ищет, где же главный смысл. Он начинает чувствовать значение малейшей перестановки, которая не лишает фразу смысла, но делает ее невнятной, плохо звучащей. В этот момент педагог и объясняет правила, связанные с местом и ролью каждой части речи в предложении. Объяснение очень деликатное, блестящее и краткое, но у детей возникает глубокое понимание грамматики. Если ребенок уловил, в чем здесь секрет, он долго еще не оставит это увлекательное упражнение и с величайшим терпением будет разбираться в грамматических тонкостях.

Для педагога это нелегкий труд, поэтому его надо максимально освободить от подготовительной работы. Мы помогаем ему, создавая материал, мы рабочие, создающие предметы, необходимые для нормальной жизни. Учителю же остается жить самому и пробуждать к жизни других.

Насколько это отличается от модернистской педагогической концепции, которая понимает свободу в школе так: «Старайтесь отвечать запросам детей и не оглядывайтесь на авторитеты». Требуя, чтобы учитель соответствовал потребностям внутреннего мира человека, мы требуем многого. Педагог не сможет ничего сделать, если не поддержать его, предоставив все необходимое для работы.

Вот сам материал.

Приказания на тему существительных, призывы

Раздаются карточки, на которых напечатаны приказания. Дети читают их и выполняют.

– Позови громко: «Пьер! Мари! Жюли!» А потом позови еще: «Белокурая! Красивая! Добрая!»

– Прикажи: «Пьер, принеси стул! Мари, возьми кубик! Жюли, принеси мне немедленно! Принеси мне сейчас же!»

– Попроси: «Подойди и поцелуй меня! Подойди!» Теперь скажи: «Мари! Подойди и поцелуй меня!»

Эти приказания выполняются как маленькие сценки, настоящие комедии, которые разыгрывают ученики. Потребность разыгрывать, изображать сильна в них и просыпается лет с пяти. Малыши с упоением произносят суровые приказания, помогая себе жестами. Тот, кто отдает приказание, зовет, произносит имя существительное особенно четко. Тот, кого назвали, выходит вперед. Затем другой, третий. Тут начинаются напрасные призывы: «Белокурая! Красивая! Добрая!» Никто не двигается. Полный успех!

Просьбы, как и призывы, очень артистичны. Пьер, которого попросили, несет стул, Мари — кубик, а бедная Жюли напрасно ждет, замирая, пока одноклассник кричит: «Принеси мне немедленно! Принеси мне сейчас же!»

А как выразительна напрасная просьба: «Подойди и поцелуй меня! Подойди!» Затем следует обращение к Мари, она бежит, и наш герой получает долгожданный поцелуй. Дети радуются и готовы повторять представление до бесконечности.

Прилагательное Анализ

Материал: *грамматическая коробка, разнообразные знакомые предметы, новые предметы.*

Материал для анализа слов — карточки: существительные (черный цвет), прилагательные (каштановый цвет). Они лежат в коробке, в двух разных отделениях. Над каждым отделением прикрепляется карточка с указанием на соответствующую часть речи: существительное, прилагательное. Помимо двух отделений, с другой стороны коробки есть большое пространство для карточек покрупнее, на которых написаны словосочетания для анализа.

Качественные прилагательные

Ребенок читает надпись, берет указанный на карточке предмет, потом составляет то же словосочетание из разноцветных карточек.

Вот пример:

Зеленый цвет

Голубой цвет

Красный цвет

Ребенок берет три цветные таблички, хорошо известные ему, из материалов для развития сенсорики, кладет их на стол, потом составляет словосочетание из карточек: «зеленый цвет» и кладет рядом с табличкой зеленого цвета. Затем, оставляя на месте существительное, меняет только прилагательное. Вместо прилагательного «зеленый» кладет «голубой» и меняет цветную табличку, зеленую на голубую. Потом кладет карточку с надписью «красный» — и красную табличку. То есть три разных предмета отличаются прилагательным:

Цвет -> (голубой, зеленый, красный.)

Словосочетания, как правило, связаны с предметами из дидактических материалов. Для некоторых нужно подготовить специальные объекты (вода горячая, теплая, холодная, ледяная, бесцветная, подкрашенная). В коробку кладут 6 больших карточек со словосочетаниями, а в отделения цветные карточки с соответствующими словами в нужном количестве (существительные не повторяются). Мы приготовили материал для 5 серий упражнений, связанных с разными типами ощущений.

Учитель наблюдает, какие предметы берут дети, и, если все правильно, можно переходить к следующему упражнению.

Перемещение

Это упражнение посвящено месту прилагательных в словосочетании. Как правило, прилагательное ставится перед существительным. При инверсии меняется интонация, смысл.

Черный карандаш

Карандаш черный

Высокий человек

Человек высокий

Учитель перекладывает карточки, он замечает, насколько эти перемещения увлекают ребенка. В любом случае у детей возникает сознание обычного места прилагательного в предложении. Это важное грамматическое знание.

Окончания

Следующее упражнение связано с окончаниями и помогает осознать свойства прилагательного. Две серии по 20 прилагательных в каждой (20 мужского рода, 20 женского, 20 среднего и 20 во множественном числе) и еще две серии по 20 прилагательных (во всех родовых и числовых формах). Всего получается 8 групп карточек, половина соединена между собой, это помогает определить место остальных карточек.

Серия 1

Серия 2

Серия 3

Серия 4

Этими упражнениями можно заниматься индивидуально и коллективно (как и с материалом для изучения существительных).

Например, раздаем детям карточки с прилагательными во множественном числе. Учитель (или ученик) читает вслух прилагательные в единственном числе, а ему отвечает тот, у кого лежит карточка с соответствующим прилагательным во множественном числе.

Грамматическое и логическое согласование прилагательного с существительным

Материал состоит из двух групп карточек, по 50 в каждой (25 существительных, 25 прилагательных). Существительные раскладываются на столе, а прилагательные лежат в беспорядке. Ученик подбирает каждому существительному то прилагательное, которое, по его мнению, подходит, и кладет выбранную карточку рядом. Иногда соседство оказывается таким неподходящим, что ребенок сам начинает хохотать. Дети стараются подобрать как можно больше прилагательных к одному существительному, создают самые разные комбинации.

Упражнение может выполняться индивидуально и коллективно. На один стол кладут существительные, на другой — прилагательные. Потом ученики молча ходят и выбирают сначала существительное, потом прилагательное. Когда выбор сделан, каждый читает вслух получившуюся пару при всеобщем интересе.

Возвращаемся к качественным прилагательным

Приказания (индивидуальные занятия)

Изучение прилагательных — это прекрасная возможность дать ученикам представление о некоторых физических признаках предметов, еще не известных детям. Например, педагог кладет перед ребенком *прозрачное* стеклышко, *черное* (или еще что-нибудь непрозрачное) и кусочек *промасленной* бумаги. Сквозь прозрачное стекло ясно видны все предметы, сквозь масляную бумагу — только свет, сквозь темное стекло ничего не видно.

Другой опыт. Берем *стеклянную* воронку, *бумажный* фильтр, губку и лоскут *непромокаемой* ткани. Можно наблюдать, как вода проходит сквозь фильтр, впитывается губкой и отталкивается тканью.

Берем две стеклянные пробирки, наполняем их водой так, чтобы водяные столбики были разной высоты. В одном случае поверхность воды будет выпуклой, в другом вогнутой.

Бумажные полоски с напечатанными приказаниями мы складываем и прикрепляем к каштановым карточкам (цвет прилагательного), на которых написаны соответствующие заданию слова. Вот несколько примеров.

– Наполни две пробирки водой, одну до краев, другую наполовину. Посмотри, какой формы поверхность воды, и прикрепи нужные таблички: *вогнутый*, *выпуклый*.

– Возьми разные предметы (бумажный фильтр, непромокаемая ткань, губка), посмотри, пропускают ли они воду. Прикрепи прилагательные: *пористый*, *промокаемый*, *непромокаемый*.

– Возьми прозрачное стекло, кусочек черной бумаги, кусочек промасленной бумаги и посмотри сквозь них на свет. Прикрепи прилагательные: *прозрачный*, *непрозрачный*, *полупрозрачный*.

Прилагательные в положительной, сравнительной и в превосходной степени (простые приказания)

Можно сравнить вес. Наливаем в стакан с водой масло или спирт, подкрашенный анилином, кладем в воду кусочек пробки или свинца.

– Сравни вес воды и подкрашенного спирта, вес воды и масла, воды и пробки, воды и свинца. А теперь напиши, что *тяжелее*, а что *легче* в каждом случае.

В качестве ответа ребенок должен написать небольшой текст, например: «*Вода тяжелее масла. Вода тяжелее спирта*».

Ученики выполняют указанные опыты, учатся обращаться с пробирками, воронкой, фильтром, аккуратно переливать воду, осторожно наливать масло поверх воды. Это их первые шаги в науку.

Посмотри на эту *зеленую* ткань, найди табличку с *таким же темным* оттенком.

Посмотри на эту *красную* ткань, найди табличку с *более светлым* оттенком.

Возьми *самую длинную* штангу.

Возьми *самый большой* кубик.

Возьми *наименее широкую* призму.
Возьми *очень шероховатый* предмет.
Возьми *менее шероховатый* предмет.

Счетные прилагательные

(Мария Монтессори не выделяет пока числительные как отдельную часть речи, изучая некоторые из них в разделе прилагательные. — Е.Х.)

Приказания (индивидуальные занятия)

Бумажные полоски с приказами прикрепляются к каштановым табличкам с нужными словами.

– Возьми жетоны и собери их в кучки так, чтобы количество жетонов в каждой соответствовало словам: *один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать*.

– Возьми горошины и собери в кучки так, чтобы это соответствовало словам: *много, несколько, ни одной*.

– Возьми сначала несколько бусинок, потом из других бусин собери кучки, соответствующие словам: *в два раза больше, в три раза больше, в четыре раза больше, в пять раз больше, в шесть раз больше, в десять раз больше, половина, столько же*.

Порядковые прилагательные

Приказания (индивидуальные занятия)

– Сделай шкалу измерения величины и положи на каждое деление нужное порядковое прилагательное: *первое, второе, третье, четвертое, пятое, шестое, седьмое, восьмое, девятое, десятое*.

– Прикрепи на мебельные ящички порядковые прилагательные, начиная сверху: *первый, второй, третий, четвертый, пятый*.

– Прикрепи на мебельные ящички порядковые прилагательные, начиная снизу: *первый, второй, третий, четвертый, пятый*.

Глагол

Когда я преподавала грамматику умственно отсталым детям, я уделяла основное внимание существительным и глаголам. Существительное — предмет, глагол — действие, движение. Они так ясно отличаются друг от друга. Изучая существительные, ребята занимались с разными предметами. Теперь они будут действовать.

Для выполнения действия ребенку нужен руководитель, потому что он не всегда может сам перевести слово в соответствующее действие. Более того, изучение глаголов помогает освоить много разных действий. Учитель в этой ситуации индивидуально занимается с ребенком, помогая ему разобраться в этой части речи.

Анализ

Как обычно, мы даем ребенку коробку с отделениями для существительных, прилагательных и глаголов, на каждом отделении табличка соответствующего цвета (черная, каштановая, красная) с названием части речи. В параллельном отделении карточки побольше с фразами. Каждое отдельное слово предложения лежит в соответствующем отделении коробки, за исключением повторяющихся слов. Например, фразы *открой дверь* и *закрой дверь* потребуют трех карточек: *открой, закрой* и *дверь*. Составив первое предложение, ребенок заменяет только одну карточку (вместо *открой* кладет *закрой*) и видит, что изменение глагола меняет смысл предложения, заставляет совершать совершенно другое действие. Ученик выполняет задание и составляет из карточек нужное предложение. Мы

приготовили серии с антонимичными и синонимичными глаголами.

Серия А

*Открой дверь Возьми черный карандаш
Закрой дверь Отдай черный карандаш
Положи ручку Завяжи узел
Брось ручку Развяжи узел
Подними стул Брось бусинки
Приподними стул Собери бусинки*

Серия Б

*Приоткрой книгу Покажи руку
Закрой книгу Спрячь руку
Опусти руку Коснись ткани
Подними руку Пощупай ткань
Швырни мячик Напиши короткое слово
Подбрось мячик Сотри короткое слово*

Серия В

*Повесь дощечку Опустоши вазу
Сними дощечку Наполни вазу
Сложи слово Опусти голову
Разбери слово Подними голову
Начерти круг Пронеси маленький стул
Закрась круг Протащи маленький стул*

Серия Г

*Открой коробку Выдвини стул
Закрой коробку Задвинь стул
Принеси маленький столик Пододвинь доску
Унеси маленький столик Отодвинь доску
Возьми книгу Сложи белую бумагу
Дай мне книгу Расправь белую бумагу*

Серия Д

*Сожми кулак Подними карандаш
Разожми кулак Опусти карандаш
Собери розовую башню Дай приказ
Разбери розовую башню Выполни приказ
Расправь ковер Смешай краски
Сложи ковер Скомбинируй краски*

Уроки и приказания по теме глагол

Изучение глагола и все упражнения с этим связанные очень нравятся детям. Мы готовим комплекты по 10 красных карточек, соединенных между собой. Ребенок выполняет указанные действия, одно за другим, может списать слова с карточек. Многим это доставляет удовольствие.

- Иди, пой, прыгай, танцуй, поздоровайся, сядь, спи, встань, вздохни, пиши.
- Стирай, смейся, спрячься, рисуй, читай, говори, слушай, беги, беспокойся, успокойся.
- Вытри, застегни, зашнуруй, завяжи, посмотри, причешись, умойся, вытрись,

улыбнись, схвати.

Здесь использованы глаголы, хорошо знакомые детям. А теперь переходим к настоящим урокам про глаголы.

Учитель предлагает серию глаголов, объяснив ребятам их значение, выполнив самостоятельно все необходимые действия. Затем он раздает ученикам приказы с этими глаголами (приказания можно повторять, если детей в классе много). Ребенок читает про себя свою карточку с приказом и выполняет действие, вспоминая объяснения учителя.

Глаголы: *положить, бросить, швырнуть, подобрать.*

Приказания:

– Возьми жетон, *положи* его на землю, *подбери* его и снова брось.

– Свяжи тряпку так, чтобы получился шарик, *брось* его подальше, беги туда, куда он упадет, и *швырни* его об стенку.

– Положи тряпку аккуратно на землю, *подбери* ее и *брось* на землю, снова *подбери*, скомкай и *брось* подальше, беги туда, куда она упала, *швырни* ее об стенку.

Глаголы: *приподнять, поднять, схватить.* Приказания:

– *Приподними* твою тетрадь, верни ее на место, *схвати* ее и *подними* над головой, как можно выше, снова положи на стол.

– *Приподними* твой стул, поставь его, возьми и подними, как можно выше, поставь снова, теперь *схвати* его и поставь в угол.

– Подними эту вазу как можно выше, посмотри на нее, верни на место, *приподними* и поставь, теперь *схвати* и *поставь* на стол. **Глаголы:** *открыть, приоткрыть, закрыть, запретить, отпереть.* Приказания:

– Подойди к окну открой его пошире, *закрой, приоткрой,* подожди немного и *закрой* окно.

– Подойди к двери, *открой* ее пошире, потом *закрой, приоткрой, закрой* снова, запри, теперь *отпри,* но оставь *закрытой.* **Глаголы:** *дышать, вздохнуть, вдохнуть, выдохнуть.* Приказания:

– Встань перед окном и *дыши* полной грудью так, чтобы слышно было твое *дыхание,* потом *вздохни* и вернись на место.

– Встань у открытого окна, *вдохни* изо всех сил, *задержи дыхание,* медленно *выдохни.*

Глаголы: *повесить, прикрепить.* Приказания:

– *Повесь* твой фартук в шкаф.

– *Повесь* твой лучший рисунок на стенку.

– *Прикрепи* кнопками на стене твой лучший рисунок.

Глаголы : *сложить, расправить, скатать, раскатать, завернуть, развернуть.*

Приказания:

– *Сложи* тряпку вчетверо и расправь ее.

– *Скатай* лист бумаги в трубочку, раскатай его.

– *Заверни* вазу, *разверни* вазу. **Глаголы:** *шептать, говорить, кричать.* Приказания:

– Позови Рене, *шепни* ему на ухо: «Хочешь почитать?», спроси, что он услышал.

– Подойди к двум ребятам, поговори с одним из них, спроси второго, что он слышал.

– Подойди к однокласснику и *крикни:* «Быстро! Губку!» — посмотри, что он сделает.

Глаголы : *потрогать, пощупать, коснуться.* Приказания:

– Возьми ткань и *пощупай* ее с закрытыми глазами.

– Возьми два лоскутка и *пощупай* их, чтобы почувствовать разницу.

– Возьми бархат и *коснись* его.

– *Потрогай* стол. **Глаголы:** *идти, бежать.* Приказания:

– *Иди* по классу, стараясь держаться прямо.

– *Беги* к двери.

Глаголы : *поймать, схватить, догнать.* Приказания:

- Попроси одноклассника убежать от тебя, постарайся его поймать.
- Схвати его за руку.
- Попроси одноклассника убежать от тебя, постарайся его догнать.

Уроки-опыты

Можно объяснять глаголы, совершая действия, а можно провоцировать действия, дающие новые знания. Учитель не объясняет слово простыми жестами, а проводит опыт, который ребенок немедленно или через несколько дней сумеет повторить, пользуясь указаниями на карточке.

Глаголы : *смешивать, размешать, разводить.*

Приказания :

- *Смешай* в стакане воду и уксус.
- Налей в стакан воду и масло, *смешай* изо всех сил, пока *не размешается*.
- *Разведи* в двух пробирках с водой красную и желтую краску, *смешай* равные части подкрашенной воды и посмотри, какой цвет получится.

Глаголы : *растворять, насыщать, взбалтывать суспензию.* Приказания:

- Положи немного сахара в воду и мешай ложечкой, пока сахар *не растворится*, вода останется прозрачной, а сахар исчезнет.
- Положи много сахара в небольшое количество воды и мешай ложечкой, если сахар *не растворится* весь, значит, мы *насытили* воду сахаром, сделали *насыщенный раствор*.
- Положи в стакан воды крахмал и сильно размешай ложечкой, вода останется белой, крахмал *не растворится*, получилась *суспензия*, *вболтай* ее.

Глаголы : *процеживать, фильтровать.* Приказания:

- Возьми стакан с насыщенным раствором сахара и стакан с крахмальной суспензией. Подожди, пока частицы осядут на дно, вода станет прозрачной, теперь процеди ее.
- Отфильтруй насыщенный раствор сахара и крахмальную суспензию, попробуй воду из одного и второго стакана.

Все эти приказы исполнимы, детям они доставляют огромное удовольствие. Ученики интересуются значениями глаголов, так что начинают спрашивать: сколько всего глаголов во французском языке? А в итальянском? В английском? Поэтому мы готовим для детей словари синонимов и словарные таблицы. Постепенно ребята сами начинают составлять свои первые словари. У каждого словарь свой, туда вписываются все новые для ученика слова, естественно, по алфавиту.

Сколько всего может узнать ребенок, обучаясь в начальной школе: физика, химия и, конечно, соответствующие новым знаниям слова. И каждый эксперимент дает некоторое количество новых существительных, прилагательных, глаголов, которые ученик вписывает в свой словарик.

Спряжение глаголов

Мы подготовили материал для изучения спряжения глагола «быть» и глаголов двух основных спряжений. Для глагола «быть» — желтые карточки, для «делать» — зеленые, для «любить» — розовые. На каждой карточке написано местоимение и соответствующая глагольная форма. Это сделано не ради облегчения задачи, а ради возможности самопроверки для ученика.

Все карточки со спрягаемыми формами одного глагола собраны в отдельные конверты красного цвета. На каждом написан инфинитив соответствующего глагола. Конверты не простые. Это такие красные призмы (3,5x4x5,5 см), завязанные ленточкой. Развязываешь ленточку, и появляются три красные конвертика поменьше. Это наклонения глагола, на

каждом конвертике надпись: изъявительное наклонение, условное наклонение и повелительное наклонение, а также три римские цифры в углу: I, II, III. Внутри первого конвертика (изъявительное наклонение) мы находим новые красные конверты, еще меньше. (Получается что-то вроде матрешки.) Это времена. На конвертиках написано: настоящее время, прошедшее время, будущее время и арабская цифра (1, 2, 3). Ученик открывает конверт, достает карточки, на которых написана глагольная форма вместе с соответствующим местоимением. Наличие надписей, цифр, местоимений (их расположение по лицам ему уже хорошо знакомо) на каждой карточке помогает ученику самостоятельно освоить спряжение глагола. Он раскрывает таинственные конверты один за другим и раскладывает на столе все спрягаемые формы глагола. Он смешивает карточки и снова располагает их в порядке, постепенно запоминая этот порядок. В конце концов он хочет написать спряжение глагола, самостоятельно приготовить новые комплекты спряжений глагола. Поэтому мы заранее делаем пустые конверты и разноцветные карточки без надписей. Дети сами их заполняют, так получаются новые комплекты, которыми можно обмениваться, брать домой для самостоятельных упражнений.

Предлог

Анализ

Первое упражнение — составление фраз при помощи разноцветных карточек. Теперь в грамматической коробке 4 отделения, на каждом — карточка соответствующего цвета: черная для существительных, каштановая для прилагательных, красная для глаголов, фиолетовая для предлогов и предложных выражений. В большом отделении 6 карточек с предложениями. Цветные карточки с отдельными словами соответствуют этим предложениям, но для повторяющихся слов нет повторных карточек. Таким образом, во фразе придется менять только предлог, а остальные слова останутся на месте. Вот предлагаемые серии фраз.

Серия А

Возьми коробку *с* цветными бусинками.
Возьми коробку *без* цветных бусинок.
Поставь призму *под* цилиндр.
Поставь призму *на* цилиндр.
Положи ручку *перед* тетрадью.
Положи ручку *за* тетрадью.
Положи карандаш *около* тетради.
Положи карандаш *под* тетрадью.
Положи зеленую бусинку *в* коробку.
Положи зеленую бусинку *на* коробку.
Положи бусинки *посреди* коробки.
Положи бусинки *между* жетонами.
Поставь стол *напротив* окна.
Поставь стол *возле* окна.

Серия Б

Выложи красный жетон *из* коробки.
Положи красный жетон *в* коробку.
Поставь стул *у* двери.
Поставь стул *за* дверью.
Поставь друга *напротив* стола.
Поставь друга *возле* стола.

Расставь стулья *вдоль* двери.
Расставь стулья *напротив* двери.
Положи тетрадь *поверх* ручки.
Положи тетрадь *впереди* ручки.
Положи доску *на* шкаф.
Положи доску *под* шкаф.

Серия В

Сравни ситец с шерстью и с шелком.
Возьми маленький треугольник *из* железа.
Возьми маленький треугольник *из* дерева.
Найди поднос *из* стекла.
Найди поднос *из* дерева.
Принеси щетку *для* одежды.
Принеси щетку *для* обуви.
Посмотри *на* красивый рисунок Мориса.
Посмотри *на* красивый рисунок Сюзанны.
Потрогай стекло *от* лампы.
Потрогай стекло *от* часов.

Серия Г

Обойди *кругом* класса.
Пройди *вдоль* класса.
Поставь маленькую точку *сверху* страницы.
Поставь маленькую точку *внизу* страницы.
Проведи толстую линию *поперек* страницы.
Пройди *от твоего* места к шкафу.
Пройди *от* шкафа к твоему месту.
Переложил ручку *из* правой руки в левую руку.
Переложил ручку *из* левой руки в правую руку.
Протяни веревку *от* окне *к* двери.
Протяни веревку *от* двери *к* окну.
Пробеги *от* окна *к* двери.
Пробеги *от* двери *к* окну.

Перемещения

Ребенок составляет из цветных карточек первую фразу, а вторую получает путем замены предлогов (и окончаний). Так он замечает, что взаимное расположение предметов определяется предлогами. То есть предлог устанавливает связь между словами. Вот фраза: Поставь стол *напротив* окна. Убираем предлог. Остается: Поставь стол...окна. Связь, которая существовала между столом и окном, исчезла. Важно еще не забыть правило о месте предлога в предложении: всегда непосредственно перед существительным.

Вот примеры фраз, из которых «исчезли» предлоги:

Найди коробку... дерева. Принеси поднос... стекла. Положи жетон... коробку. Поставь стул... двери. Чтобы дети поняли, где должен находиться предлог, можно перекладывать карточки. Там, где сохраняется связь предлога с существительным, смысл сохранится.

Протяни веревку *от* двери *к* окну.
От двери *к* окну протяни веревку.
Протяни *от* двери *к* окну веревку.
К окну протяни веревку *от* двери.
От двери протяни *к* окну веревку.
От двери веревку *к* окну протяни.

Ухо ребенка определит самый простой и ясный вариант:
Протяни веревку от двери к окну.

Однако если мы оторвем предлог от существительного, смысл исчезнет:
Протяни *от* веревку двери *к* окну.
Протяни веревку окну *от* двери *к*.
То же произойдет и с другими фразами.

Уроки и приказания по теме предлог

Учитель может провести короткие занятия для группы детей, чтобы они поняли значение предлогов. Каждый раз выбираем 2–3 предлога, не больше. Это всегда активные уроки, где в действии ребенок постигает отношения, возникающие между предметами и действиями благодаря тому или иному предлогу. После коротких объяснений учитель раздает ученикам приказания, которые им предстоит выполнить.

Предлоги : *около, вокруг, от, посередине*.

Приказания :

– Пусть один из вас встанет *посередине* класса, а остальные очень осторожно пройдут *около* него, потом встанут *вокруг* него, а потом уйдут *от* него подальше.

Предлоги : *в, на*. Приказания:

– Пойдите в соседнюю комнату, а потом вернитесь *на* свое место.

Предлоги : *за, перед*. Приказания:

– Выйдите из класса и встаньте в круг за дверью, потом вернитесь в класс и встаньте в круг *перед* дверью.

Предлоги : *для*. Приказания:

– Возьмите 10 жетонов и раздайте их ребятам: один *для* Жана, пять *для* Мадлен, один *для* тебя.

Предлоги : *к, у, в*. Приказания:

– Напиши мне, пришел ли Жан *в* класс, когда ты пойдешь *к* себе домой, встретит ли тебя мама. *к* школы.

Предлоги : *за, перед, напротив, сзади, впереди*. Приказания:

– Встань *перед* Полем, а потом *за* Мадлен.

– Встань *напротив* Луи, *сзади* Пьера, *впереди* Жюли. Предлоги: *на, вдоль*.

Приказания :

– Положи штангу *на* стол.

– Положи одну штангу *на* стол, а вторую штангу положи *вдоль* первой штанги.

Предлоги : *к, у*. Приказания:

– Подойди со стулом *к* окну, потом поставь свой стул *у* стены и сядь на него.

Предлоги : *через, по*. Приказания:

– Выйди *через* дверь в коридор и пройди *по* коридору.

Предлоги : *с (со), без*.

Приказания :

– Выйди *со* стулом из комнаты и вернись *без* стула.

Наречие

Анализ

Упражнения заключаются в составлении фраз из разноцветных карточек и в исполнении приказов. В грамматической коробке 5 отделений, обозначенных карточками

нужного цвета: черная для существительных, каштановая для прилагательных, красная для глаголов, фиолетовая для предлогов и розовая для наречий. В отделении для больших карточек — 6 фраз на каждое упражнение. Как обычно, разноцветные карточки со словами соответствуют содержанию фраз, за исключением повторяющихся слов.

Серия А

Наречия качественные и образа действия

Иди к двери *медленно*.

Иди к двери *осторожно*.

Встань с места *тихо*.

Открой дверь *медленно*.

Открой дверь *быстро*.

Сильно пожми руку соседу.

Слегка пожми руку соседу.

Постепенно поднеси руку ко лбу.

Внезапно поднеси руку ко лбу.

Прочти эту карточку *вслух*.

Прочти эту карточку *про себя*.

Серия Б

Наречия места и времени

Брось твой ластик *вниз*.

Брось твой ластик *вверх*.

Ходи на носочках *долго*.

Ходи на носочках *изредка*.

Читай эту карточку *везде*.

Читай эту карточку *здесь*.

Напиши *немедленно* фразу на доске.

Посмотри *вправо*.

Посмотри *влево*.

Вернись на место *сейчас же*.

Вернись на место *потом*.

Серия В

Наречия количественные в положительной, сравнительной, превосходной степени и в отрицательной форме

Приоткрой дверь *слегка*.

Приоткрой дверь *пошире*.

Пиши и наклоняй голову *сильно*.

Пиши и наклоняй голову *чуть-чуть*.

Пиши и наклоняй голову *немного*.

Иди *быстрее*.

Иди *медленнее*.

Пой *громче всех*.

Пой *тише всех*.

Найди голубую табличку *очень* светлого оттенка.

Найди голубую табличку *менее* светлого оттенка.

Перемещения

Как всегда, ребенок составляет первую фразу большой карточки, а затем только меняет

карточку с наречием и наблюдает, как меняется смысл предложения. Попробуем сначала забрать качественные наречия из двух парных предложений.

Иди к двери *медленно*. - Иди к двери *осторожно*. - Иди к двери.

Ученик всякий раз может выполнить только одно и то же действие. Только наречие указывает нам на особенность действия, определяет его качество. Возвращаем наречия в предложения, и ребенку придется двигаться по-разному: медленно или осторожно. Наиболее очевидно это в предложениях с антонимичными наречиями.

Встань с места *тихо*. - Встань с места *шумно*. - Встань с места.

То же самое с наречиями в положительной и сравнительной степени.

Иди *быстрее*. - Иди *медленнее*. - Иди. Без наречия невозможно понять характер, степени интенсивности движения.

В некоторых фразах наречие определяет прилагательное. Замена наречия приведет к выбору другого предмета.

Возьми *очень* шероховатый предмет.

Возьми *менее* шероховатый предмет.

Найди голубую табличку *очень* светлого оттенка.

Найди голубую табличку *менее* светлого оттенка.

Перед нами два аналогичных предмета, но с разной степенью проявления признака. Это могут быть предметы из одной серии дидактических материалов.

Найди *очень (менее)* широкую призму.

Найди *очень (менее)* темный оттенок серого цвета.

Убирая наречие из таких предложений, мы лишаем себя возможности узнать степень проявления признака. Фраза становится менее точной. Найди голубую табличку светлого оттенка. Найди темный оттенок серого цвета. Возьми шероховатый предмет.

Уроки и приказания по теме наречие

Наречия : *вперед, назад*. Приказания:

– Поднимись, пройди четыре шага вперед и два шага назад.

Наречия : легко, тяжело.

Приказания :

– Выйди из класса, ступая легко, а вернись, ступая тяжело.

Наречия: одновременно, по очереди.

Приказания :

– Встаньте в ряд и начните *одновременно* маршировать, *по очереди* переставайте маршировать и возвращайтесь на свои места.

Наречия : *рассеянно, внимательно*.

Приказания :

– Пройдитесь по классу и *рассеянно* взгляните на рисунки, потом остановитесь и *внимательно* рассмотрите рисунки.

Наречия: *все время, еще, внезапно*.

Приказания :

– Пройди вперед, *еще* пройди вперед, *все время* иди вперед, *внезапно* остановись и вернись на место.

Наречия : *время от времени, изредка*. Приказания:

– Иди на носочках, *время от времени* топай левой ногой, *изредка* хлопай в ладоши.

Наречия : *как*. Приказания:

– Покажи, *как* ты строишь розовую башню.

Наречия : *быстро, медленно, быстрее, очень быстро, очень медленно*. Приказания:

– Замолчите, пусть один из вас позовет друзей и понаблюдает, насколько быстро они откликнутся, а потом молча раздаст им карточки со словами: *быстро, медленно, быстрее*,

очень быстро, очень медленно.

Наречия : *здесь, там.* Приказания:

– Положи одну тетрадь *здесь*, а другую *там*. Наречия: *снаружи, внутри.*

Приказания :

– Открой эту коробку, положи ее содержимое *снаружи*, потом сложи все *внутри* и поставь коробку на место.

Наречия : *мало, много.*

Приказания :

– Возьми цветные таблички, дай одному товарищу *мало* табличек, а другому дай *много* табличек.

Наречия : *не слишком.* Приказания:

– Напиши предложение *не слишком* длинное, *не слишком* короткое.

Наречия : *вдвое, втрое, вчетверо.*

Приказания :

– Возьми несколько бусинок, возьми *вдвое* больше, теперь *втрое* больше, *вчетверо* больше.

Взрыв активности

Именно при изучении наречий у наших учеников произошел новый взрыв активности. Им постоянно хотелось составлять приказания, они придумывали их и читали вслух друзьям или протягивали карточку с самостоятельно написанным приказанием, чтобы посмотреть, как одноклассники поймут и выполнят его. Максимально точное исполнение приказаний доставляло всем огромное удовольствие. Основным занятием учеников стал перевод надписи в действие. Если слово было выбрано неточно или написано неправильно, действие сразу указывало на ошибку. Пишущий видел, что одноклассник выполняет совсем не то, что было задумано, и понимал, выразился неточно, ошибся. Ребенок принимался исправлять ошибку с удвоенной силой. Он искал именно то слово, которое наилучшим образом подходило к его идее, ради ее воплощения в жизнь.

Предположим, ученик написал:

Все время ходи на носочках по классу.

Время от времени ходи на носочках по классу.

Он надеется, что кто-то сначала пройдет по классу на носочках, а потом начнет ходить то на носочках, то на всей стопе. И вдруг обнаруживает, что одноклассник сначала все ходит на носочках, выполняя приказание «все время», а потом то садится, то снова начинает ходить на носочках. Так он понял «время от времени». Перед учеником встает серьезная проблема, как выразить свое желание так, чтобы его поняли.

Другой малыш написал: «Ходите вокруг столов». Он надеялся, что одноклассники обойдут змейкой все столы в классе, а ребята почему-то двигаются по периметру комнаты, обходя сразу все столы. Автор замысла краснеет и начинает кричать: «Стойте! Стойте! Не так!» Он не в силах вынести ошибку и пережить шок от несоответствия идей ее реальному воплощению.

Здесь я могу лишь бегло указать проблему, заслуживающую самых серьезных исследований. Пока же достаточно заметить, насколько эффективны такие уроки в отношении языкового развития детей, совершенствования их письменной речи. Мы видим, как естественно рождается свободное письмо, грамотное и в отношении орфографии, и в отношении синтаксиса предложения, и в отношении культуры речи, ясности и точности выражения мысли. Мы видим, как развивается ум детей и их умение взаимодействовать друг с другом.

В учениках просыпается страсть к точному письменному выражению своих мыслей, их усилия направлены на достижение предельной ясности речи, теперь они с огромным

энтузиазмом ищут нужные слова, осознают языковые законы.

- А сколько всего слов в языке? — спрашивают они.
- А сколько глаголов? Сколько прилагательных?
- Как можно выучить все слова?

Им уже недостаточно наших маленьких словариков, им необходимо все лексическое богатство языка. Они уже оценили его и никогда не испытывают пресыщения.

Мы даем нашим ученикам бесконечно богатый источник слов, существительных, глаголов, прилагательных, и объясняем их связь с другими частями речи. Преобладание в языке основных языковых средств (материя и сила, то есть существительное с прилагательным и глагол) по сравнению с остальными словами, которые соединяют, устанавливают взаимоотношения между основными частями речи, — вот что интересует детей в восемь лет. Поэтому мы и приготовили таблицы слов, словари синонимов для существительных, глаголов, прилагательных.

Теперь приведу несколько примеров приказаний, придуманных и написанных нашими учениками по внутреннему побуждению. Сравните однообразие и безжизненность наших приказаний и богатые идеями детские записи.

Приказания, придуманные детьми

- Построй розовую башню *очень* плохо.
- Повтори *точно* позы всех портретов в этой комнате.
- Сделайте вид, что вы уже старые и говорите *тихо*, и один из вас говорит: «Это *очень* грустно, что наш Панкрас умер». А другой отвечает: «*Завтра* мы наденем черную одежду», — потом уходите *молча*.
- Идите, *тяжело* прихрамывая, а потом упадите *внезапно* на живот, словно вас ранили, *потом* возвращайтесь на свое место нормальным шагом, не падайте, не хромайте.
- Идите *медленно*, с опущенной головой, словно вам грустно, *потом* вернитесь на свое место быстро, *слегка* подпрыгивая.
- Возьмите цветок и *вежливо* подарите его девочке.
- Пройдите половину класса, *сильно* хромая, а вторую половину *быстро* на четвереньках.
- Идите от своего места до двери *на четвереньках*, *потом* встаньте и, *слегка* прихрамывая, обойдите половину класса, вторую половину класса *снова* пройдите *на четвереньках*, *потом* поднимайтесь и бегите не спеша на свое место.
- Бегите в другую комнату *очень быстро*, потом возвращайтесь, *постепенно* замедляя шаг, пока не окажетесь на своем месте.
- Подбегите *внезапно* к шкафу и возьмите карточку с буквой, потом два раза обойдите вокруг класса с карточкой на голове, стараясь не упасть, так же *потом* вернитесь на свое место.
- Постройтесь в колонну и идите *вперед*, пока не дойдете до свободного пространства, там встаньте в круг, *потом* образуйте овал, *потом* квадрат, *в конце* - трапецию.

Местоимение

Анализ

Материал: грамматическая коробка с шестью отделениями, снабженными цветными карточками с названиями частей речи (черная для существительных, каштановая для прилагательных, красная для глаголов, фиолетовая для предлогов, розовая для наречий и зеленая для местоимений). В коробке предусмотрено место для более крупных карточек с фразами для анализа. Карточки сделаны с учетом замены существительных местоимениями в предложениях.

Серия А (личные местоимения)

Его сестра плакала, Шарль поцелуем утешил свою сестру.

Его сестра плакала, *он* поцелуем *ее* утешил.

Книга упала на землю. Эмма подняла книгу.

Книга упала на землю. *Она* подняла *ее*.

Ребята приготовят маме сюрприз, ребята напишут письмо маме.

Они приготовят маме сюрприз, они ей напишут письмо.

Учительница воскликнула: «Какой чудесный рисунок! Дашь рисунок учительнице?»

Учительница воскликнула: «Какой чудесный рисунок! Дашь *его мне?*»

Серия Б (указательные местоимения)

Покажи ребятам две каштановые призмы и скажи: вот призма широкая, а вон призма узкая.

Покажи ребятам две каштановые призмы и скажи:

вот *эта* широкая, а вон *та* узкая.

Посмотри на ребят и скажи: вот мальчик высокий,

вон мальчик низкий, вот девочка высокая, вон девочка низкая.

Посмотри на ребят и скажи: вот *этот* высокий, вон *тот* низкий,

вот *эта* высокая, вон *та* низкая.

Покажи ребятам кубики розовой башни и скажи: вот кубик самый большой, вот кубик следующий за ним по величине,

вон кубики самые маленькие.

Покажи ребятам кубики розовой башни и скажи: вот *этот* самый

большой, вот *этот* следующий за ним по величине, вон *те* самые маленькие.

Серия В (относительные и вопросительные местоимения)

Спроси у ребят: «Мальчик хочет посмотреть на мою работу?»

Спроси у ребят: «*Кто* хочет посмотреть на мою работу?»

Вчера ты поставил цветы в вазу, поменяй воду в вазе.

Поменяй воду в вазе, *в которую* ты вчера поставил цветы.

Поменяй воду в вазе, *куда* ты вчера поставил цветы.

Выбери из всех тканей ткань *5* которая больше всего похожа на твою одежду.

Выбери из всех тканей ту, которая больше всего похожа на твою одежду.

Выбери среди всех вкладышей вкладыш для рисования.

Выбери вкладыш среди *тех, которые* используют для рисования.

Перемещения

Уже в упражнениях на анализ ясно проявилась роль местоимения в предложении — заменять существительное. Ребята делали из первой фразы вторую, заменяя существительное местоимением.

Перемещения помогают осознать место местоимения в предложении, варианты употребления.

Я с *тобой* говорю, я не с *ним* говорю.

Я говорю *тебе*, я не говорю *ему*.

Мы любим маму.

Любим *мы* маму

Маму *мы* любим.

Маму любим *мы*.

Местоимения личные: я, ты, он, она, оно, мы, вы, они.

Учитель один раз очень коротко и в действии объясняет свойства местоимений, один ребенок приказывает себе, сам исполняет и другим, которые стараются согласовать свои действия с его словами.

Пример учительского объяснения. «Я не говорю Анна Федели. Я говорю — я. Я не говорю Шарлю, где Шарль, я говорю, где ты. Я не говорю про Луи, вон там Луи, я говорю он вон там. И т. д.»

Приказания:

- Я обойду вокруг стола.
- Ты обойдешь вокруг стола.
- Он (она) обойдет вокруг стола.
- Мы обойдем вокруг стола.
- Вы обойдете вокруг стола.
- Они обойдут вокруг стола.
- Я подниму руки. — Я подниму стул.
- Ты поднимешь руки. — Ты поднимешь стул.
- Он (она) поднимет руки. — Он (она) поднимет стул.
- Мы поднимем руки. — Мы поднимем стул.
- Вы поднимете руки. — Вы поднимете стул.
- Они поднимут руки. — Они поднимут стул.
- Я возьму карандаш. — Я потрясу тряпкой.
- Ты возьмешь карандаш. — Ты потрясеешь тряпкой.
- Он (она) возьмет карандаш. — Он (она) потрясет тряпкой.
- Мы возьмем карандаш. — Мы потрясем тряпкой.
- Вы возьмете карандаш. — Вы потрясете тряпкой.
- Они возьмут карандаш. — Они потрясут тряпкой.

После этого можно сказать: *первое лицо* - тот, кто говорит; *второе лицо* - тот, кто слушает; *третье лицо* - тот, кто далеко от двух других, о ком говорят.

Теперь небольшие группы детей могут выполнять различные действия и разыгрывать сценки со следующими приказами:

– Первое лицо должно сказать, второе лицо должно повторить, третье лицо издали должно постараться услышать.

– Первое лицо пишет, второе лицо смотрит, третье лицо издали говорит: «Не очень хорошо».

Эти приказы один из учеников может читать вслух.

– Я тебя тихо спрошу, ты мне ответишь, она издали постарается нас услышать.

– Я буду писать, ты постарайся прочесть, она издали будет кричать: «Не очень хорошо».

Местоимения личные в падежных формах: меня, мне, себя, тебя, тебе, ему, ей, нему, ней и т. д.

Ребенок командует, выполняет действия сам и руководит одноклассниками.

Приказания:

– Я поднимаю клеенку на столе, я тебя поднимаю, я его поднимаю, я ее поднимаю.

– Ты передвигаешь стул, ты меня передвигаешь, ты его передвигаешь, ты ее передвигаешь.

– Шарль, отряхни стол, Шарль, отряхни себя, Шарль, отряхни меня, Шарль, отряхни его, Шарль, отряхни ее.

– Шарль, отряхни себя,

– Мы здороваемся с учителем, мы здороваемся с вами, мы здороваемся с ними, мы

здороваемся с нею, мы здороваемся с ним.

– Вы ставите стул возле стены, вы нас ставите возле стены, вы его ставите возле стены, вы их ставите возле стены.

– Они подходят к стульям, они подходят к ним.

– Я раздаю вазы, одну себе, одну тебе, одну ему, три им.

– Луи, прикажи ему, прикажи мне, прикажи им, пусть все ребята выполнят твой приказ.

– Слушайте команду: Шарль, дай ей голубую бусинку, Мари, дай ему белую бусинку.

Притяжательные местоимения

Коллективные уроки

Учитель объясняет простыми жестами значение слов *мой, твой, его, ее, свой, наш, ваш, их* (и все формы рода и числа). Затем отдает приказания.

– Укажи предметы, про которые можно сказать: вот *моя* тетрадь, *твоя* тетрадь эта, *его* тетрадь та.

– Укажи место, про которое можно сказать: вот *ее* место, вот *мое* место, вот *твое* место.

– Раздай корзинки, говоря: вот *моя* корзинка. Это чья корзинка? Это *твоя* корзинка? Это *ваша* корзинка?

– Давайте пройдемся по классу, а теперь мы займем *наши* места: вы займете *ваши* места, они займут *свои* места.

– Давайте поделим предметы: сюда положим *наши*, а туда — *ваши*.

– Теперь мы займем *ваши* места, а вы займете *их* места, а они займут *наши* места.

Указательные местоимения: *этот, эта, эти, тот, та, те*

Коллективные уроки

Если выдается подходящий момент, учитель собирает группу детей и объясняет им значение слов: *этот, это, эта, эти*. Возле нас *здесь*, этот, далеко — *там, тот*. Затем дает приказания, которые требуют коллективных действий.

– Соберитесь в *том* углу, а потом пробегите вокруг *этого* стола.

– Позови одного из ребят и попроси его поставить коробку на *этот* стол, вазу на *тот* стол, а поднос на *эту* полку.

– Прикажи однокласснику, показав пальцем нужное место, положить зеленую бусинку в ту вазу, а голубую бусинку в *эту* вазу, а белую бусинку в эту чашку.

– Раздели ребят на группы и расставь их в разных углах класса. Теперь прикажи этой группе занять место *той*. Приказание:

– Раздайте ребятам карточки с указательными местоимениями *этот, эта, эти, тот, та, те*, а потом каждому что-нибудь прикажите.

– Позови мальчика и девочку и прикажи: *этот* пусть возьмет маленькую вазочку, а *эта* пусть возьмет жетон.

– Поставь двух ребят, одного ближе к себе, а второго подальше, и прикажи: пусть *этот* принесет стул, а *тот* стол, потом пусть они вернуться на место.

– Раздели ребят на две группы и прикажи: пусть *эти* займут место *тех*.

Изменения местоимений

Упражнения на изменение местоимений строятся на использовании комплектов карточек. Ребенок раскладывает карточки на столе по группам (по лицам для личных местоимений -1,2, 3-е лицо). К ним есть контрольная карта.

Личные местоимения

Указательные местоимения

Притяжательные местоимения

Вопросительные (относительные) местоимения

Кто кого кому кого кем о ком

Что чего чему что чем о чем

Отрицательные и неопределенные местоимения

Никто никого никому никого никем ни о ком

Ничто ничего ничему ничто ничем ни о чем

Некто некого некому некого некем не о ком

Нечто нечего нечему нечто нечем не о чем

Кое-кто кое-кого кое-кому кое-кого кое-кем кое о ком

Кое-что кое-чего кое-чему кое-что кое-чем кое о чем

Кто-то кого-то кому-то кого-то кем-то о ком-то

Что-то чего-то чему-то что-то чем-то о чем-то

Кто-нибудь кого-нибудь кому-нибудь кого-нибудь кем-нибудь о ком-нибудь

Что-нибудь чего-нибудь чему-нибудь что-нибудь чем-нибудь о чем-нибудь

Кто-либо кого-либо кому-либо кого-либо кем-либо о ком-либо

Что-либо чего-либо чему-либо что-либо чем-либо о чем-либо

Согласование местоимений с глаголами

Для упражнений нужны карточки с личными местоимениями (зеленые) и с глаголами (красные) двух спряжений. Ребенок раскладывает сначала карточки с местоимениями по лицам и числам, а потом присоединяет к ним глагольные карточки, руководствуясь собственным языковым чутьем. Учитель, проходя мимо, проверяет сделанное.

Единственное число Множественное число

Я расту Мы растем

Ты растешь Вы растете

Он растет Они растут

Она растет Оно растет

Я сижу Мы сидим

Ты сидишь Вы сидите
Он сидит Они сидят
Она сидит Оно сидит

Союз

Анализ

Материал: грамматическая коробка с разноцветными карточками, разложенными по семи отделениям, каждое из которых отмечено карточкой соответствующего цвета с надписью (черная для существительных, каштановая для прилагательных, красная для глаголов, фиолетовая для предлогов, розовая для наречий, зеленая для местоимений и желтая для союзов), также есть отделение для карточек побольше — там лежат предложения для анализа.

Серия А

Простые союзы

(сочинительные: соединительные, разделительные, противительные)

Принеси ручку *и* карандаш.

Принеси ручку *или* карандаш.

Не приноси *ни* ручки, *ни* карандаша.

Не оставляй свои материалы на столе, *но* собери их в коробку.

Скажи однокласснику что-нибудь вежливое не громко, *а* тихо.

Поставь стол около доски, только тихо, бесшумно.

Серия Б

Простые союзы (подчинительные) и союзные слова

Скажи ребятам, *чтобы* они работали тихо.

Ты сможешь беззвучно нажать клавишу пианино, *если* сделаешь это медленно.

В классе станет тихо, *когда* ты напишешь на доске слово «тишина».

Какой счастливый ребенок, он поет, *когда* работает.

Закрой ту дверь, *которая* ведет в другую комнату.

Чтобы в классе был порядок, нужно расставить все по местам.

Серия В Составные союзы и союзные слова

Мой класс мне нравится, *потому что* он красивый и *потому что* здесь удобно работать.

Я дам тебе эту вещь, *так как* она тебе нужна.

Ты можешь делать все, что угодно, *до тех пор, пока* не трогаешь опасные предметы.

Я подарю тебе игрушку, *несмотря на то что* предпочел бы подарить тебе книгу.

В классе стало красиво *после того, как* мы все убрали. Я пойду гулять в парк, *оттого что* там красивее, чем на улице.

Перемещения

Если мы убираем карточку с союзом, мы уничтожаем связь между словами и частями предложения, а значит, даем ребенку возможность почувствовать роль союза.

Принеси ручку *и* карандаш.

Принеси ручку *или* карандаш.

Принеси ручку карандаш.

Ты сможешь беззвучно нажать клавишу пианино, *если* сделаешь это медленно.

Ты сможешь беззвучно нажать клавишу пианино, сделаешь это медленно.

Мой класс мне нравится, *потому что* он красивый.

Мой класс *потому что* мне нравится, он красивый.

Уроки и приказания по теме союзы

Союзы: *и, или, ни...ни, но* (соединительные, разделительные, противительные).

Приказания:

- Сядьте тихо на свои места *и* встаньте по моему сигналу.
- Сядьте тихо на свои места *или* ходите беззвучно между столами.
- Ходите по классу на носочках, *но* нельзя *ни* сталкиваться друг с другом, *ни* ходить друг за другом.

Союзы : *чтобы, когда* (подчинительные цели и времени).

Приказания :

- Встаньте так, *чтобы* хорошо видеть мои руки.
- Вы вернетесь на свое место, *когда* я подам вам знак.
- Пусть один попытается коснуться доски, а другой сделает все, *чтобы* помешать ему.

Союзы : *если, как* (подчинительные условные, изъяснительные).

Приказания :

- Вы сможете услышать, как падают капли воды, если остановитесь и замолчите.

Союзы : *потому что* (подчинительные причины). Приказания:

- Перед работой нужно молча сосредоточиться, *потому что* так мы лучше представим себе, что нужно сделать.

Союзы : *который* (подчинительные определительные). Приказания:

- Подойдите к однокласснику, *который* смотрит на вас.

Союзы : *где* (подчинительные места).

Приказания :

- Встаньте там, *где* никого нет.

Изучение союзов продолжится, когда мы начнем изучать сложное предложение.

Междометия и частицы

Это последняя часть речи, которую мы изучаем в начальной школе. Теперь нет нужды придумывать коротенькие фразы, чтобы использовать только знакомые детям слова. Теперь они знают все части речи (кроме особых глагольных форм: причастие и деепричастие).

Междометия и частицы несут большую эмоциональную нагрузку в предложении. Поэтому в этом разделе можно потренироваться не только в узнавании отдельных частей речи, но и в выразительном чтении. Мы даем также таблицу значений междометий и частиц (первая таблица в нашем курсе!). Дети голосом и жестами пробуют передать разные оттенки чувств.

Анализ

Материал: полная грамматическая коробка. 8 отделений для разноцветных карточек (черная для существительных, каштановая для прилагательных, красная для глаголов, фиолетовая для предлогов, розовая для наречий, зеленая для местоимений, желтая для союзов и голубая для междометий и частиц), также есть отделение для карточек побольше —

там лежат предложения для анализа.

Группа А

О! Какой ужас! — закричал Рено. *Хм*, что вы говорите? *Ах*, я не могу говорить!

Группа Б

Да ну, не морочьте мне голову. *Браво!* — закричали мы. *Эй*, куда вы идете, молодой человек? *Караул!* Нас догоняют! *Осторожно!* Поезд приближается. *Пожалуйста*, не кричите.

Группа В

А ну стой, кто идет? *Ну-ну*, смелей, не бойтесь.

Ши, послушайте Поля.

Ай, мне больно.

Муха жужжит в классе: *ж-ж-ж*

Брр, холодно!

Таблица междометий по значению

Радость: *О! Слава Богу! Боже мой!*

Боль: *АШОШОх!*

Просьба: *Ради Бога! Пожалуйста!*

Восхищение: *Браво! Бис! Отлично! Ого-го!*

Отвращение: *Фу! Фу! Брр! Тьфу! Вот еще!*

Сомнение: *Хм, гм, да..., да ну.*

Удивление: *А?Э?Неужели? Батюшки! Ну и ну!*

Одобрение: *Да! Давай! Вперед! Ах! Ура!*

Призыв: *Эй! На помощь! Караул! Спасите! Помогите!*

Приказ: *Айда! Брысь! Вон! Но! Ну! Цыц! Тсс! Ши!* Досада: *Эх! Увы!*

Звукоподражание: *Бум! Крак! Пф! Жжж! Динь-дон, ррр, тик-так, гав-гав.*

Анализ предложений

Нам понадобятся бумажные ленты, свернутые в трубочку. На них мы запишем предложения. Еще понадобятся таблички, где расчерчены два ряда прямоугольников. На каждом прямоугольнике мы запишем название частей предложения. Предложение, написанное на ленте, можно разрывать на части и класть на соответствующие прямоугольники. Это напоминает ящички, которые используются для изучения букв или для изучения частей речи. Только в данном случае ящичек с перегородками упрощен до рисунка — таблички с нарисованными прямоугольниками. Таблички с прямоугольниками сделаны из цветной бумаги, красиво разрисованной. Вот как выглядит табличка.

Верхние прямоугольники (сказуемое и подлежащее) больше остальных и разукрашены поярче. Термины (сказуемое и подлежащее) написаны крупными буквами. Все остальные прямоугольники меньше по размеру, украшены скромнее, надписи мельче. Это помогает различать в предложении главные члены и второстепенные. Термины и вопросы написаны разными цветами: термин черными буквами, вопросы красными. Вопросы второстепенных членов написаны крупнее, чем сами термины, для главных членов предложения — наоборот: термины крупнее, вопросы мельче.

Сколько раз ребенок читал, произносил и записывал предложения, но сейчас он начинает обращать внимание на их структуру. Он начинает изучать предложения. Фраза — коротенький отрывок речи, законченная мысль. Разные ее части группируются вокруг основы — главных членов. Чаще всего сказуемое выражено глаголом. И сначала ученик ищет в предложении именно глагол. Ему нетрудно это сделать после многих упражнений,

связанных с изучением частей речи. Найдя глагол-сказуемое, ребенок ищет подлежащее. В этом ему помогает вопрос: кто (что) совершает данное действие?

Пример. *Ученик читает. Читает* - это глагол. Отрываем кусок бумажной ленты, где написано это слово, и кладем на прямоугольник с надписью «сказуемое» (там есть примечание — глагол). Теперь надо себя спросить: кто читает? *Ученик*. Кусок бумажной ленты с этим словом кладем на прямоугольник с надписью «подлежащее».

Другой пример. На бумажной ленте написано: *Ваза была разбита*. Учительница очень коротко поясняет, что глагол *была* в данном предложении значим не сам по себе, а вместе со словом *разбита*, именной частью сказуемого. Оба слова вместе являются сказуемым. Мы отрываем от ленты кусок, где написано *была разбита*, и кладем на прямоугольник с надписью «сказуемое». Что было разбито? *Ваза*. Кусок бумажной ленты с этим словом кладем на прямоугольник с надписью «подлежащее». Затем можно показать, что глагол иногда отсутствует вовсе, как бы пропущен, если речь идет не о прошедшем времени, не о будущем, а о настоящем. *Ваза разбита*.

Можно списать фразы в тетрадь следующим образом: *Ученик читает. Ученик: подлежащее, читает: сказуемое.*

Серия 1

Простые нераспространенные предложения

На лентах написаны простые предложения без второстепенных членов.

Ученик читает. Учитель объясняет.

Карандаш острый. Цветы распустились.

Я готов. Кто пришел?

Дети гуляют. Небо голубое

Ваза была разбита. Я ухожу.

Время проходит.

Серия 2

Простые распространенные предложения

Она нежно любит своего ребенка.

Глухонемые разговаривают жестами.

Он принес цветы учителю.

Марсель, ты поиграешь со своей сестрой?

Мария даст тебе книгу на несколько дней.

Откуда ты пришла, Луиза?

Я сделаю это, мама.

Маленький Луи самостоятельно протер все столы.

Этот ребенок нарисовал красивую картинку.

Вчера я показала письмо твоему папе.

Огромный флаг развевался над входом в школу.

Ты был на концерте?

Мой друг опустил голову.

Пример. Разрываем бумажную ленту с предложением *Она нежно любит своего ребенка*. Кусочек, где написано *любит*, кладем на прямоугольник «сказуемое». Кто любит? *Она*. Кусок бумажной ленты с этим словом кладем на прямоугольник с надписью «подлежащее». Она любит кого? *Ребенка*. Кусок бумажной ленты с этим словом кладем на прямоугольник с надписью «прямое дополнение». Ребенка какого? *Своего*. Кусок бумажной ленты с этим словом кладем на прямоугольник с надписью «определение». Любит как? *Нежно*. Кусок бумажной ленты с этим словом кладем на прямоугольник с надписью «обстоятельство образа действия». Предложение закончилось. Постепенно ученик научится отличать прямое дополнение от косвенного, обстоятельство образа действия от обстоятельства места или времени.

Теперь ребенок может списать предложение следующим образом: *Она нежно любит своего ребенка. Она — подлежащее, нежно — обстоятельство образа действия, любит — сказуемое, своего — определение, ребенка — прямое дополнение.*

Чтобы дети узнали обращение, требуется очень простое объяснение. *Марсель, ты поиграешь со своей сестрой?* Здесь имя — как восклицание, призыв. *Марсель! Ты поиграешь со своей сестрой?*

Перед обращением часто можно поставить это восклицание *О!*

Серия 3

Простые распространенные предложения с однородными членами

Мальши спит и видит сны. Все любят фрукты и цветы.

Он взял бумагу, ручку, чернильницу и написал письмо другу.

Шарль открыл и закрыл книгу.

Мама и сын встречали на вокзале бабушку.

Сначала Бог создал небо и землю.

На крышах домов мы видим печные трубы и антенны телевизоров.

Она спокойная, терпеливая и осторожная.

Серия 4

Простые односоставные предложения без подлежащего

Посмотрите!

Останься!

Работайте сегодня старательно!

Скажите правду. Иди домой. Замолчи! Слушайте! Закрой дверь.

Серия 5

Простые односоставные предложения без сказуемого

Тишина. Почему шум? Хороший слушатель. Сегодня - я, завтра — ты. На помощь! Честь по заслугам. Bravo!

Плохая погода. Чудесный класс!

Серия 6

Простые неполные предложения, где пропущено дополнение

Откройте мне, пожалуйста.

Накройте побыстрее. Вы поняли? Пожалуйста, закройте!

Серия 7

Сложные и простые предложения с разными трудными случаями

Марсель вернулся усталым, его одежда была разорвана, на лбу рана.

Луи шел домой быстрым шагом.

Мы слышали детский смех за окном.

Чудесным весенним утром я прогуливался в саду под цветущими деревьями.

Маленькая черноволосая девочка сидела внизу на скамеечке.

О глаза! О поцелуи! О нежные ласки моей матери, я никогда это не забуду.

Две согбенные нищенки шли передо мной по дороге, одна из них несла на руках ребенка.

Голос Шарля, звучный и чистый, выделялся среди всех голосов в классе.

Завтра я отправляюсь в деревню покупать молоко.

Этим вечером дом Марселя был освещен ярче, чем обычно.

Я сегодня почему-то скучаю.

Я ничего не хочу знать об этом.

*Время от времени люди перебежали дорогу и старались поскорее спрятаться.
В случае отказа я обращаюсь к директору.
Жил-был у бабушки серенький козлик.
Тут он услышал стук в дверь.*

Порядок слов в предложении. Перемещения

В русском языке порядок слов довольно свободный, однако прямой порядок предпочтителен. В поэтической речи инверсия (обратный порядок слов) может придавать предложению особый смысл.

Прямой порядок такой: подлежащее (и все зависимые от него слова) стоит перед сказуемым (и всеми словами, относящимися к глаголу), определение перед главным словом, дополнение после главного слова-глагола, обстоятельство перед главным словом-глаголом. Это не обязательно объяснять ученикам. Достаточно перемещать части предложения и наблюдать за изменениями смысла. Лучше использовать поэтические примеры.

Серия 8

Формы сказуемого

При изучении частей речи мы не могли остановиться подробно на некоторых грамматических формах. Это возможно при изучении предложений.

На бумажной ленте написаны предложения со сказуемыми, выраженными глаголами в активном залоге, в пассивном (именное сказуемое со страдательным причастием) и возвратным глаголом.

Сложное предложение

Сложное предложение состоит из нескольких основ. Они связаны между собой примерно так же, как слова в отдельном предложении. Следовательно, материал для изучения сложных предложений напоминает тот, который мы использовали для изучения простых предложений. Это бумажные ленты, свернутые в трубочки. На них записаны сложные предложения. Еще понадобится таблица, расчерченная на прямоугольнички. На них можно раскладывать обрывки бумажной ленты — отдельные части предложения. Самый большой прямоугольник — для главного предложения, вокруг располагаются равноправные предложения или подчиненные главному. Есть еще и таблицы с образцами разделения предложения на отдельные части и вопросами от главного предложения к придаточному. Они помогают ученикам проверить свою работу и освоить процесс анализа предложений. Конечно, ребенок выполняет работу самостоятельно, не имея перед глазами образца, но при желании он всегда может сверить свой вариант с образцом. Эта работа чрезвычайно интересует детей.

Серия 1

Сложносочиненное предложение

Части сложносочиненных предложений не зависят друг от друга, равноправны. Здесь все части — главные.

Ищи внимательно, и ты найдешь.

Они посмотрели друг на друга, каждый хотел задать вопрос,

но ни у кого не было ответа.

Я пришел, и вы должны мне помочь.

Они шли молча, вскоре перед ними появилась церковь.

Садовник стал благодарить, но женщина перебила его.

Дерево стоит нерушимо, а тростник гнется на ветру.

Ученик делит предложение на основы (разрывает ленту), располагает их одну под другой и видит, что каждое имеет свой смысл, каждое закончено.

Дерево стоит нерушимо,

а тростник гнется на ветру.

Серия 2

Сложноподчиненное предложение с придаточным определительным

В сложноподчиненном предложении только главное предложение имеет законченный вид, придаточные (подчиненные) приобретают смысл только при соединении с главным.

Золотое колечко, которое ты вчера нашел на лестнице, принадлежит маме Юлии.

Человек, который провожал меня в школу, - это наш милый Жозеф .

Он обожал свою лошадку, которая слушалась его во всем.

Коробка красок, которую тетя подарила мне на Рождество, очень красива.

У меня такой карандаш, какого нет у других ребят.

Вот деньги, что вы мне дали.

Мадлен, чей рисунок я тебе дал, прекрасно рисует.

Я живу в таком доме, где много солнца.

Бывают дни, когда приятно прогуляться босиком.

Я живу в городе, лучше которого нет на свете.

Главное предложение Придаточное предложение

Золотое колечко принадлежит маме Юлии. , которое ты вчера нашел на лестнице.

Человек - это наш милый Жозеф. , который провожал меня в школу,

Он обожал свою лошадку , которая слушалась его во всем.

Коробка красок очень красива. , которую тетя подарила мне на Рождество,

У меня такой карандаш , какого нет у других ребят.

Вот деньги , что вы мне дали.

Мадлен прекрасно рисует. , чей рисунок я тебе дал,

Я живу в таком доме , где много солнца.

Бывают дни , когда приятно прогуляться босиком.

Я живу в городе , лучше которого нет на свете.

Серия 3

Сложноподчиненное предложение с разными придаточными

Придаточные в предложениях этой серии поясняют не только отдельное слово, как в предыдущих фразах, но и главное предложение в целом. Ребенок старается найти место каждого придаточного (отрывая его от бумажной ленты) на таблице, руководствуясь написанными вопросами и терминами.

Анри, ты не забудешь написать мне письмо, как только прибудешь на место?

Разве вы не говорили мне, что не стоит обращать на это внимание.

Когда Амбруаз услышал знакомый голос, он отпустил веревку.

Отец Христофоро закрыл дверь так осторожно, что никто не обернулся.

Она поднесла к глазам уголок фартука, чтобы вытереть слезы.

Кто ищет, тот найдет.

Они ушли одни, потому что не хотели никого видеть.

Ты не забыл, как друзья помогали тебе?

Он увидел, где находится препятствие.

Таблица-образец

Серия 4

Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными

Она так умоляла нас, что мы не могли отказать.

Компас так нравится мальчику, что он решил купить его, даже если цена высока.

Она горько плакала, хотя все ее утешали.

Ветер усилился.

Он так велик, что его голова упирается в небо, а ноги достигают недр земли.

Он смотрел туда, где шумело море, чтобы первым увидеть корабль.

Если ты постарайся, все получится.

Он надел пальто, так что мороз ему не страшен.

Связь придаточных в сложном предложении

Дети скоро начинают видеть, как могут быть связаны отдельные части сложноподчиненного предложения.

Во-первых, есть придаточные, которые непосредственно относятся к главному. Во-вторых, есть придаточные, которые зависят от других придаточных. В-третьих, есть придаточные, которые равноправны по отношению друг к другу.

Итак, мы разрываем бумажную ленту на части, в зависимости от количества простых предложений в составе сложного. Раскладываем обрывки на столе: слева главное предложение, справа придаточные.

Подобная работа развивает в учениках понимание структуры сложных предложений. Упражнения на перемещение частей позволяют им осознать место каждой части в целом. Учитель кратко поясняет, что придаточное может стоять в начале, в конце и в середине предложения, может разрывать главное предложение (это будет видно наглядно, знаки препинания чаще всего совпадут с разрывами, что облегчит усвоение пунктуационных правил). Хорошо использовать примеры из художественной литературы. Причем можно предлагать разорванные предложения, чтобы ученики сами восстановили порядок, нашли самый красивый вариант. А можно давать целый бумажный рулон, и пусть ребята разрывают его на части и раскладывают по ячейкам таблицы. Для каждого примера следует подготовить таблицу-образец, чтобы ученики могли проверить себя.

Союзы подчинительные и сочинительные

Изучение сложных предложений помогает лучше разобраться в особенностях некоторых частей речи, в частности классифицировать союзы. Равноправные части предложения соединяют сочинительные союзы, зависимые — подчинительные. Дети быстро это понимают. Мы приготовили таблицу наиболее употребительных союзов. (Здесь нет разграничения на союзы и союзные слова.)

Таблица сочинительных союзов

Соединительные союзы: *и, да, ни...ми* Разделительные союзы: *или, либо, то...то*
Противительные союзы: *а, зато, но, однако*

Пунктуация

Понимание пунктуационных правил вырабатывается у детей постепенно, благодаря осмысленному чтению, с паузами, благодаря работе с бумажными лентами. Кроме того, в нашем алфавите есть знаки препинания. Ученик может выкладывать предложения из частей речи по образцу, не пропуская знаки препинания. Мы готовим примеры предложений из классических произведений и разбиваем их на серии:

- знаки препинания при однородных членах (для начала только запятые);
- знаки препинания при обращении и вводных словах (самых употребительных);
- знаки препинания в сложных предложениях (для начала только запятые);
- знаки препинания на конце предложения.

Классификация

Во всех вышеописанных упражнениях дети осваивали богатейший словарный материал (все части речи, их значение, употребление). Можно предложить им работу по классификации всех слов при помощи подготовленных таблиц. Это подготовит учеников к изучению теории языка в средней школе.

Классификация слов по морфемному признаку

- Слова с непроеводной основой (без суффиксов и приставок).
- Слова с производной основой (образованные при помощи суффиксов и приставок).

Классификация слов по морфологическим признакам

- Существительные
- Прилагательные
- Глаголы
- Наречия
- Местоимения
- Числительное
- Предлоги
- Союзы
- Частицы

Существительное

- Собственное — нарицательное
- Одушевленное — неодушевленное
- Конкретное — отвлеченное
- Склоняемое — несклоняемое

Прилагательное

- Качественное — относительное — притяжательное

Глагол

Личный — безличный

Совершенного — несовершенного вида

Переходный — непереходный — возвратный

Наречие

Определительное — обстоятельственное

Качественное (*быстро, весело*) Времени (*вмиг, вчера*)

Количественное (*мало, много*) Места (*вверху, справа*)

Образа действия (бегом, наизусть) Причины (оттого, поте

Сравнения (по-дружески) Цели (нарочно, в шутку)

Местоимение

– Личное: я, ты, он

– Возвратное: себя

– Притяжательное: мой, твой, его

– Указательное: тот, эта

– Вопросительное: кто, что

– Относительное: кто, что

– Определительное: весь, всякий, каждый, сам

– Отрицательное: никто, ничто

– Неопределенное: некто, нечто

Местоимение-существительное

Местоимение-прилагательное

Местоимение-числительное

Числительное

Количественное — собирательное — порядке

Предлог

Простой — сложный — составной

Союз (см. вышеприведенные таблицы)

Частица (см. вышеприведенные таблицы)

Чтение

Механическая часть

В Доме ребенка дети начинают читать с того момента, когда, составив слово из букв подвижного алфавита, они «прочитывают» его вслух. Да, это еще не настоящее чтение, ребенок заранее знает, какое слово он составил, а не расшифровывает графические символы. Однако подобные упражнения имеют огромное значение. В этот период механизм развития графического языка напоминает процесс формирования устной речи.

Внимание ученика сосредоточено на узнавании написанного слова, а значит, способно остановиться на анализе звуков, составляющих данное слово. В период, когда детям интересно трогать, обводить буквы, они также увлечены выслушиванием и произнесением

разнообразных звуков. Письменный язык, благодаря упражнениям с подвижным алфавитом, становится мощным средством развития, совершенствования устной речи. В этот момент можно корректировать дефекты произношения.

Гимнастика артикуляционного аппарата должна начинаться в период его естественного развития. Тренируя произношение, упражняясь в аудировании, в расшифровке графических символов, ребенок осваивает и объединяет основные механизмы чтения и письма.

Четкое произнесение читаемого слова очень ценится в обычной школе. Можно сказать, это основная цель традиционных уроков чтения в наших начальных школах. Цель труднодостижимая, если уже сформировалось неправильное произношение. В таком случае исправление дефектов становится важной и постоянной проблемой. Уже во втором-третьем классе педагог все меньше учит читать, все больше занят произношением. В учебниках множество упражнений разной степени сложности, направленных на исправление произношения. Очевидно, что эта механическая, физиологическая цель не связана непосредственно с самим процессом чтения. Скорее она становится препятствием на пути естественного развития, болезнью, мешающей сложнейшему интеллектуальному процессу понимания таинственного языка символов, который способен подарить чудесные открытия. Любопытный ребенок вынужден тормозить свою мысль, его утомляет бесконечное исправление дефектов произношения. Он страдает, его интеллект чахнет. Напротив, если упражнения совершаются в нужное время, когда и психика, и весь организм готовы к совершенствованию языковых механизмов, ребенок самостоятельно, легко и с удовольствием их выполняет, развиваясь естественным образом.

Когда птица готовится взлететь, ее крылья должны быть готовы к неизбежным усилиям, и горе тому живописцу, у которого нет в доме кисточек в ту минуту, когда его посетило вдохновение.

Анализ процесса чтения — понимание и выражение

В Доме ребенка мы научились различать два фактора, составляющих суть процесса чтения. Это понимание смысла и произнесение прочитанного слова вслух. Всякий, кто следил за детским чтением, видел, как начинающий чтец, читая что-либо впервые, вникает в смысл текста молча, не артикулируя, то есть совершает мыслительную операцию. Это читает его ум. Произнесение вслух — совсем другое дело. Произнесение текста вслух связано со слушанием, с устной речью. Устная речь служит для сиюминутного общения двух и более человек, которые обмениваются, таким образом, мыслями, рожденными в глубинах душ.

Чтение же ближе к письменной речи. Здесь нет звучания. Лишь силой мысли человек способен начать общение не только с ныне живущими людьми, но и с теми, кто жил века тому назад, в древние эпохи. Это общение совершается беззвучно. На уровне сознания. С точки зрения физического звучания, книга нема.

Читая вслух, мы выражаем не собственные мысли, а то, что открыла нам письменная речь.

Чтобы голос выразил смысл, ум и глаза должны совершить мгновенную работу по охвату целой фразы, пока губы медленно выговаривают слова. И все это мы требуем от ученика начальной школы, при этом бесконечно исправляем его произношение! Понятно, почему чтение становится той скалой, о которую разбивается заблудившийся корабль современной школы.

Ученик, понимающий письменный текст, при чтении про себя, а затем демонстрирующий в действии понимание смысла прочитанного, — вот основа нашего метода. Понимание, возникающее у детей так легко и просто, как все их действия, доказало нам, что они способны понимать. Постепенно мы сумели установить этапы обучения, трудности, возникающие на пути. До чего интересно наблюдать, как дети составляют примеры слов, предложений, порой длинных и сложных, так точно, что ни один лингвист не

сделал бы лучше, и как это облегчает изучение языка. Мы убедились, что грамматика способствует языковому развитию и поэтому должна соседствовать с занятиями чтением и письменными сочинениями.

Вот такая таблица факторов, влияющих на процесс обучения чтению, у нас получилась.

Начнем с утверждения: истинное чтение — это только понимание. Чтение вслух — это сочетание чтения и выражения понимания при помощи устной речи, работа трудная, соединение двух огромных механизмов: устной и письменной речи. Чтение вслух позволяет всем присутствующим принять участие в чтении, которое передается им средствами устной речи. Слушание — тяжелый умственный труд, даже если человек страстно рассказывает о том, что сам испытал. Еще более интенсивная работа ума необходима, если мы слушаем чтение того, кто не переживал описанных в книге событий. Чтец, в свою очередь, прилагает невероятные усилия, чтобы мгновенно понять написанный текст и выразительно передать его слушателям. Такое чтение чрезвычайно трудно для детей. Мы все знаем, как это трудно и как редко встречаются ученики, действительно умеющие читать. Кто умеет читать, умеет и слушать.

Следовательно, научить читать означает научить не только пониманию (этого достаточно для практических надобностей), но и искусству чтения вслух. А это уже выразительность, то есть театральное искусство. Развитие выразительности, театральных навыков необходимо для обучения чтению. Только так наши дети научатся транслировать прочитанное коллективу. Чем больше упражнений на «проникновение в текст», тем больше проявляется выразительность ребенка. Интонация, пауза, жест — этого недостаточно, нужно еще понимание, глубокое, живое, проникновение в суть, а также опыт выразительного чтения, привычка к нему как к одной из разновидностей чтения.

Если для демонстрации понимания написанного нужно совершить указанное в тексте действие, то для демонстрации понимания услышанного (при чтении вслух), нужно повторить текст, то есть ученикам приходится пересказывать то, что прочел вслух один из них. Интересно наблюдать за этим процессом. Некоторые дети молчат, другие пытаются пересказать услышанное. Их речь спутана, лишена подробностей. И тут остальные ученики начинают исправлять рассказчика. «Нет, это не так». Или: «Постой, ты забыл сказать еще...»

Понять и пересказать то, что понял, — не одно и то же. Рассказ — проявление огромной внутренней работы, совершаемой в дополнение к усилиям, направленным на простое понимание. Здесь мы снова видим три этапа наших уроков.

1. Дать представление. (*Это красное, это голубое.*)
2. Провоцировать узнавание. (*Где красное? Где голубое?*)
3. Провоцировать выражение понимания. (*Это какой цвет?*)

Поэтому ученик, пересказывающий услышанное, как бы несовершенен ни был его рассказ, находится на более высокой ступени (на 3-й), чем тот, кто не смог этого сделать. Однако тот, кто не смог пересказать, может находиться на второй ступени, на стадии узнавания, поэтому он заинтересованно критикует, непрестанно перебивая рассказчика: «Нет, это не так. Постой, ты забыл сказать еще...» Но стоит кому-то рассказать прочитанное связно и полно, как класс замрет, проявляя полное одобрение. Руководствуясь этими живыми реакциями, можно понять психологию ребенка на

столько, чтобы определить уровень чтения, доступный ему по возрасту, наиболее эффективные средства обучения чтению вслух, направление развития каждой отдельной личности в классе. Конечно, для этого нужно, чтобы ребенок был свободен в проявлении своих реакций.

Вот обычный урок чтения в традиционной школе. Вызванный ученик читает громко вслух, а учитель постоянно перебивает его, то исправляя произношение, то объясняя непонятные слова, комментируя общий смысл. Мы не знаем, что поняли дети из прочитанного, из объяснений педагога. Чтение прерывалось ради корректировки произношения, и детское внимание сосредоточилось на вещах, не имеющих отношения к

пониманию смысла текста. Затем учитель вызывает кого-то для пересказа услышанного — случайно или в наказание за рассеянность на уроке (малыш был так далек от процесса чтения). Пока избранник отвечает, педагог снова вмешивается с призывами к остальным ученикам: «Тише! Вас не спрашивают! Не перебивайте! Это неприлично перебивать того, кто говорит». Конечно, подобные реплики не проясняют сюжет. С точки зрения психологии, такие уроки не способствуют обучению.

Экспериментальная часть. Чтение вслух

Мы придаем огромное значение осмысленному чтению, но предлагаем детям маленькие книжечки, которые можно читать сначала самостоятельно, шепотом, а потом, разобравшись хорошенько в содержании, — вслух, ясно и четко. Удивительно, как совсем простые книги так долго удерживают внимание учеников, воодушевляют их перечитывать нехитрые тексты снова и снова. То они читают все по порядку, от начала до конца, то выбрав страницу наугад. Прочитав книжку несколько раз, снова возвращаются к излюбленным страницам. В классе дети то и дело встают с места и начинают громко декламировать эти страницы, прекрасно изученные и осмысленные.

Наши книжки сделаны очень тщательно. Текст на правой странице, левая — чистая. Текст занимает не всю страницу, свободное пространство украшено виньетками снизу и сверху.

Вот 20 страниц нашей первой маленькой книжки.

Страница 1. *Моя школа называется «Дом ребенка».*

Страница 2. *В классе для каждого из нас есть маленький стул и столик.*

Страница 3. *В классе есть и шкафы, все ребята берут с полок материалы для учебы.*

Страница 4. *В нашем красивом классе много цветов и комнатных растений.*

Страница 5. *Я часто разглядываю таблицы, которые висят на стенах*

Страница 6. *Мы все делаем сами: умываемся, кладем вещи на место, вытираем пыль. Мы учимся и узнаем много нового.*

Страница 7. *Знаете, как мы научились одеваться? Мы много работали пальчиками, застегивали и расстегивали пуговицы, завязывали и развязывали шнурки, зашнуровывали и расшнуровывали ботинки.*

Страница 8. *Кубиков для строительства розовой башни ровно 10.*

Они разной величины. Сначала я складываю их как попало на ковре, а потом играю, ставлю кубики один на другой, выбирая все время самый большой.

Страница 9. *Розовая башня учит держать равновесие. Ее нужно носить по классу так, чтобы она не развалилась. Это не всегда получается.*

Страница 10. *Мне нравятся длинные штанги. Их можно класть одну над другой по мере удлинения. Нужно следить, чтобы голубые части оказались друг над другом и красные друг над другом. Получается лесенка с красными и голубыми полосками.*

Страница 11. *Настоящая лестница получается из коричневых призм. Эти призмы разной толщины. Я их ставлю по порядку и получаю чудесную лестницу из 10 ступенек.*

Страница 12. *Блоки для вкладышей сделаны из дерева. В них можно вставлять цилиндры разных размеров. Цилиндры отличаются по толщине, высоте и длине. Нужно расставить все цилиндры по местам, а для этого сначала хорошенько их разглядеть и пощупать.*

Страница 13. *Иногда ребята ошибаются, когда работают с вкладышами: ставят цилиндры на чужие места. Тогда не удастся сложить все цилиндры в блок. Это интересное*

упражнение. Нужно внимательно посмотреть, найти ошибку и все переделать. Самые ловкие ученики расставляют цилиндры с закрытыми глазами.

Страница 14. Вот цвета: красный, черный, зеленый, желтый, голубой, коричневый, розовый, фиолетовый.

Страница 15. Мне нравится подбирать таблички по цвету, находить нужные среди целой кучи табличек. Я выкладываю длинную пеструю линию.

Страница 16. Мы учимся раскладывать все 64 цветные таблички по порядку. Они 8 красивых цветов, по 8 оттенков каждого цвета. Некоторые ученики умеют выкладывать из табличек пестрый ковер с расплывчатыми линиями.

Страница 17. У нас есть две коробки с матерчатыми лоскутками всех сортов, от самых жестких и плотных, до самых мягких и тонких: кисея, ситец, шерсть, фланель, велюр, шелк. Когда у меня чистые руки, я узнаю много интересного, ощупывая лоскутки кончиками пальцев.

Страница 18. Ученик с завязанными глазами перемешивает все лоскутки, ощупывает их и, довольный, поднимает руки. Он держит в каждой руке лоскуток из той же самой ткани. Он узнал ткань на ощупь.

Страница 19. Вот блоки для вкладывания плоских фигур. Нужно вложить голубые фигуры в рамки, которые точно подходят по форме. Двумя пальцами, средним и указательным, мы обводим контур

фигуры, а потом вставляем ее в отверстие рамки. Несколько упражнений, и вот мы уже вкладываем фигуры в рамки с закрытыми глазами.

Страница 20. Я научился узнавать многие фигуры: квадрат, круг, прямоугольник, овал, треугольник, пятиугольник, шестиугольник, семиугольник, восьмиугольник, девятиугольник, десятиугольник. Мне было легко выучить все эти слова, ведь вкладыши такие интересные!

Осмысленное чтение

Осмысленное чтение дети осваивают, как и в Доме ребенка, при помощи карточек. Ученик выбирает карточку (в подготовленной серии определенной сложности), читает ее про себя, а потом выполняет действие, указанное в карточке.

Вот пятилетний малыш берет карточку, на которой написаны два действия, два предложения, например:

Обопрись на стул. Закрой глаза руками и заплачь.

Мы видим, что ученик выполнил пока только одно из предписанных действий: оперся на стул или закрыл глаза руками и заплакал. Ему нравится читать карточки, но те, на которых записаны два предложения, ему нравятся меньше, чем те, на которых написана одна фраза, одно действие, например:

Мальчик выбежал из класса.

В этом случае его радость, усердие, готовность повторять упражнение, блеск глаз помогают нам понять, каков необходимый для него уровень сложности чтения.

Первая серия карточек состоит из простых предложений, вроде тех, что изучались в грамматических упражнениях по теме местоимение. Почти все фразы мы берем из лучших произведений художественной литературы.

Серия 1

Он огляделся.

Он посмотрел на нее искоса.

Он пал на колени перед ней.

Он медленно прохаживался по комнате.

Она кивнула.

Она скрестила руки на груди.

*Она положила ему руку на плечо.
Он постучался в дверь.
Девочка нахмурила брови.
Он распахнул дверь настежь.
Она шептала ему прямо в ухо.*

Дети выполняют действие, указанное на карточке, прочитав текст про себя. Но выполняют не равнодушно, а очень выразительно, артистично, эмоционально. Они исполняют предписанное действие, тщательно исследуют его, повторяя вновь и вновь, как можно точнее, словно репетируя сцену спектакля. Дети обожают эти упражнения. Они уже изучили подобные фразы в грамматических упражнениях, поняли текст до мельчайших подробностей. Это помогает точному исполнению приказа.

Вот фраза: *Он пал на колени перед ней.* Здесь недостаточно просто опуститься на колени. Нужно броситься, пасть перед какой-нибудь одноклассницей. Весь класс с удовольствием наблюдает происходящее.

Во второй серии на карточках описаны два действия вместо одного.

Серия 2

*Он распахнул дверь и вышел.
Он вышел из комнаты и запер за собой дверь.
Она подошла к двери и слегка толкнула ее.
Она закрыла лицо руками и разрыдалась.
Он улыбался и потирал руки.
Он сдернул шляпу и низко поклонился.
Она покачала головой и улыбнулась.
Он подбежал к столу и позвонил в колокольчик.
Он с облегчением растянулся на диване и закрыл глаза.*

В третьей серии карточки с описанием нескольких действий.

Серия 3

*Он открыл дверь, пригладил волосы и вошел.
Врач склонился над больным, проверил пульс, потрогал его лоб.
Левый локоть опирается на колено, левая рука поддерживает лоб, правая -
потирает подбородок.
Обопрись на стул. Закрой глаза руками и зарыдай.
Он подошел к столу, увидел портрет и схватил его с огромной радостью.
Она вынула из кармана платочек, развернула его, вытерла глаза, полные слез.*

Серия 4

На карточках написаны сложноподчиненные предложения.

*Когда он рисовал, то внимательно посматривал на одноклассников.
Он закрыл глаза руками, чтобы лучше сосредоточиться. Она улыбнулась ему, после того как попросила не отвлекать ее от работы.
Он закрыл глаза, чтобы лучше почувствовать мягкость бархата. Он следил глазами за девочкой, пока она не скрылась из виду. Он шел медленно, опустив голову, словно его одолела печаль.*

Серия 5

На карточках написаны разные сложные предложения .

*Есть трудные описания, некоторые задания требуют произнесения отдельных слов.
Девочка поднялась, прижимая платочек к глазам, и медленно, согнувшись, побрела к окну.*

Он сидел устало, опершись правым локтем о колено, закрыв лицо рукой, уставившись в землю.

Он подбежал к Александру, сунул ему под нос свою тетрадь и закричал: «Разве я не прав?»

Он повернулся, выглянул за дверь и сказал со смехом: «Они здесь».

«Я все понял», — сказал Рензо, опустив глаза и скрестив руки на груди.

Он наклонился, собрал рассыпанные карандаши и сказал: «Самый острый сломался».

Фредерик пожал ему руку и сказал: «Доставьте нам удовольствие, останьтесь пообедать с нами. Я вас прошу».

Серия 6

Здесь описаны действия, которые нелегко сыграть.

К тому же приходится произносить вслух целые фразы.

Люси сидела, съевшись в углу, обхватив руками колени, спрятав лицо.

«О! - сказал он, бросившись на стул, скрестил ноги, закинул руки за голову, - все это совершенно неважно». «Вы хотите, чтобы я умолял вас рассказать, что произошло с моим учителем», - сказал Марсель, сжав кулаки и пристально глядя на собеседника, словно пытаясь прочесть его мысли.

Серия 7

Здесь действие исполняется сразу несколькими учениками.

«Садитесь и покончим с этими Это было сказано таким тоном, что никто не решился возразить. Люди робко присели на краешки стульев и замерли в ожидании.

– Вы плохо себя чувствуете сегодня, Марсель?

– Нет, все прекрасно - Марсель вытер пот со лба и выпрямился, дыша часто и шумно.

– Сколько это стоит?

– Ничего!

– Как?

– Совершенно ничего не стоит.

– Тогда я беру, держи, парень, - сказал Луи, протягивая франк.

– Отдай это матери.

Теперь дети уже не довольствуются простым исполнением описанных действий. Они читают и перечитывают вслух сценки довольно выразительно. Вскоре ученики выучивают многие из них наизусть. Поэтому мы решили сделать книжку из нескольких небольших стихотворений о животных, о снеге, о детях, о Рождестве. Дети читают их сначала про себя, затем вслух, потом учат наизусть и рассказывают в классе.

После вышеописанной подготовки дети начинают «понимать» прочитанное. Преодолены все трудности при чтении сложных синтаксических конструкций — ученики владеют грамматикой. Им интересен и смысл слов, и особенности синтаксической конструкции. В них чувствуется скрытая сила, которая вскоре проявится с чудесной силой.

Вот так мы пробуждаем любовь к чтению. Дети все время хотят «читать», «читать» без конца. Мы спешно готовим все новые книжки, но их никогда не хватает любознательным детям. Мы обращаемся к детской литературе, как родной, так и зарубежной. В классе собирается маленькая библиотека. Однако в данном случае я остаюсь поклонницей американской методики, при которой, помимо создания специальных детских библиотек, для детей открывают специальные залы в больших публичных библиотеках. Там юные читатели могут в огромных каталогах найти богатство, которым они так жаждут овладеть.

Для руководства, совершенствования и регулирования страсти к чтению, для культивирования искусства чтения вслух, необходимо развивать еще одну читательскую способность:

Слушание

Когда дети уже освоили упражнения на исполнение прочитанных действий, учителю пора начинать читать вслух. Этим мы заняты часами на уроках рисования. Учитель должен читать очень выразительно, этому нужно учить специально. Очевидна разница между обычными учителями и нашими педагогами. Первые читают по-учительски, несколько искусственно, стараясь донести до ребенка то, что он не хочет слышать. Наши учителя читают артистично. Мы считаем искусство — способом жизни. Красота способствует внутреннему развитию. И окружение, и учебные материалы — все должно быть эстетично, чтобы привлекать внимание, вызывать усердие в работе, истинный ключ к самообучению. Учитель должен увлекаться музыкой, живописью, декламацией, остро чувствовать гармонию, иметь хороший вкус, в частности в устройстве интерьера, к тому же обладать определенной утонченностью, чувствительностью к малейшим проявлениям детской души. Словом, стать учителем — это гигантская работа.

Пока в классе царит спокойствие и тишина, нормальная рабочая атмосфера, дети рисуют, учитель может почитать вслух. Иногда само чтение увлекает учеников, но этого нелегко добиться. Музыка помогает привлечь внимание маленьких любителей искусства. Опыт показывает, что добиться сосредоточенного слушания легче, если дети заняты работой, не требующей абсолютной сосредоточенности или вдохновения.

Круг чтения должен быть разнообразен, сказки, рассказы, романы, стихи, исторические сюжеты, порой документальные повести, истории из жизни Христа. Увлекательная достоверная книга может стать началом изучения истории или зарождением интереса к педагогике. Выслушав книгу о воспитании мальчика, выросшего среди животных, вернувшегося к людям и научившегося жить по-человечески, старшие ребята (из школы) заинтересовались нашим методом. Мы отвели их в Дом ребенка, объяснили им наши принципы. Это вызвало огромный интерес, и вскоре школьники стали главными помощниками воспитателей. Дети сумели очень тонко почувствовать особенности внутреннего развития малышей. Мы поняли, что лучшие детские учителя — сами дети, им легче найти общий язык.

Да, благодаря чтению, наши дети увлеклись историей и педагогикой. Ведь книга — кладезь всех премудростей. Дневники путешественников помогут изучить географию, истории из жизни животных — биологию. Чтение поможет учителю ввести детей в разные сферы научной мысли. А ребенок сам выберет себе точку приложения сил, благодаря страсти к чтению. Наш долг — дать ему средство для самообучения и сохранить его интеллектуальные силы, духовную чистоту. Остальное — его дело. Как говорили наши предки, образование — это умение читать, считать и писать, потому что только этому человек не может научиться сам. Следовательно, педагогический метод, научно достоверный, должен способствовать формированию личности, способной развивать свои способности, усиливая, а не растрачивая их, находя необходимую помощь, не теряя внутренней чистоты.

Мы дали детям учебный материал, но мы предоставили им свободу в исследовании окружающей среды. Мы делаем их сильнее, вооружаем знаниями и предоставляем свободу.

Арифметика

Операции с числами от 1 до 10

Для обучения четырем основным арифметическим операциям необходим следующий материал: штанги разной длины, которые материализуют для ребенка числа 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8,

9,10. Каждая штанга разделена на отрезки, контрастные по цвету, красные и голубые. Количество отрезков соответствует определенному числу. Идея представить число единым предметом, содержащим очевидные признаки, позволяющие узнать нужное число, а не набором отдельных счетных единиц облегчает вхождение в суровый и сложный мир чисел.

Вот число «5» — оно представлено одним предметом, разделенным на 5 отрезков. И это лучше, чем представить его пятью одинаковыми отдельными объектами, которые ребенок должен будет мысленно объединять.

При помощи наших штанг дети с легкостью совершают первые арифметические операции:

$$7 + 3 = 10; 2 + 8 = 10; 10 - 4 = 6$$

Это превосходный материал, но слишком громоздкий, для него нужно много места, его невозможно раздать всем детям. Вот почему, сохраняя основную идею, мы приготовили более компактный материал, его можно сделать в таком количестве, чтобы хватило на всех учеников в классе (когда все уже увлеклись арифметикой). Для него не нужно много места — ребенок может разложить его на своем столе. Это бусины, нанизанные на прочный стержень. Бусины окрашены в разные цвета. На стержне с десятью бусинами они красного цвета, с девятью — голубого, с 8-ю — белого, с 7-ю — желтого, с 6-ю — зеленого, с 5-ю — коричневого, с 4-мя — сиреневого, с 3-мя — салатного, с 2-мя — фиолетового. Одна черная бусина представляет единицу. Бусины сделаны из блестящего стекла, а стержень из металла. На концах стержня — неподвижные фиксаторы. Эти небольшие наборы уложены в коробки по 5 наборов в каждой. Следовательно, ребенок получает возможность составлять самые разнообразные комбинации.

Материал имел огромный успех у детей пяти с половиной лет. Они трудились с огромным энтузиазмом, делая до 60 арифметических операций подряд, заполняя целые тетради результатами многодневных вычислений. Для записей мы приготовили ученикам особую бумагу: обычные листы в клеточку, только клеточки нарисованы линиями разных цветов. На одном — черные, на другом — красные, на третьем — зеленые, голубые, розовые, коричневые. Разнообразие цветов привлекает ребенка, делает его работу приятной. Едва записав цифры на одном листочке, малыш хватается следующий, другого цвета, и т. д.

Опираясь на свой опыт, мы приготовили побольше стержней с десятью бусинами, десятков. Дети постоянно доставали из коробки все десятичные стержни и считали десятками: 10, 20, 30, 40... Мы сделали коробки с десятками (полные десятичных стержней). Там же лежали карты, на которых было написано 10, 20, 30... Дети раскладывали на карты нужное количество десятичных стержней. Это прекрасная подготовка к умножению на 10. Карты, на которых написано 100 и 1000, позволяют детям составлять такие большие числа, как 1916. Упражнения с бусинами готовят к устному счету.

Это умение появляется внезапно, словно само собой. Ребенок постепенно перестает пересчитывать бусины, а узнает количество их на стержне по цвету. Красные — значит 10, зеленые — 6. И незаметно начинает считать по цвету, не по бусинкам. То и дело раздается крик: «Я сосчитал в уме! Это гораздо быстрее!» Значит, ребенок уже перешел к следующему этапу, разноцветные бусины ему больше не нужны.

Десятки, сотни, тысяча

Материал. Мы сделали цепь, соединив 10 десятичных стержней. Цепь назвали сотенной. Потом соединили 10 сотенных цепочек при помощи гибких соединений — получилась тысячная цепь. Эти цепи были того же цвета, что и десятичные стержни, — красного. Их длина потрясала. Положим сначала одну бусину (единица), потом стержень с десятью бусинами (длиной примерно 7 см) — десяток, потом сотенную цепь (70 см) — сотня и, наконец, тысячную цепь длиной около 7 метров. 1, 10, 100 — можно разложить на столе, исследовать с удобством. Для тысячной цепи не хватит и целого класса. Придется выйти в

коридор, даже во двор. Одному человеку не под силу разложить тысячную цепь — несколько ребятшек должны терпеливо растягивать ее, а потом нужно еще пройти много шагов, чтобы увидеть цепь целиком.

Это ощущение соотношения величин становится настоящим событием для детей. Целыми днями дети увлеченно возятся с тысячной цепью. Гибкие соединения после каждой сотни позволяют складывать ее. Можно, укладывая сотню над сотней, соорудить длинный прямоугольник и увидеть площадь величины, представленной сначала как длина.

Вы спросите, как помочь ребенку количественно оценить соотношение величин, интуитивно воспринимаемое на глаз. Мы задавали себе тот же вопрос. Тем бременем ученики были заняты подсчетом бусинок, одну задругой, терпеливо, от 1 до 100, сгрудившись кучей над тысячной цепью. Ничто в мире не могло поколебать их решимости сосчитать бусины на этой громадине. «Сто, а что потом?» — «Сто один». — «А после двухсот?» — «Двести один». Дошли до семисот. «Я устал, — говорит малыш, — я оставил метку, завтра досчитаю». Семьсот, семьсот... «Смотри, — говорит ребенок приятелю, — это семь, семь сотен. Да! Можно считать сотенные цепи! Семь сотен, восемь сотен, девять сотен и тысяча. Мадам! Мадам! В тысячной цепи 10 сотенных! Вот они!» Остальные ученики, работавшие с сотенными цепями, вдруг обнаруживают: «Смотрите! В сотенной цепи 10 десятичных стержней!» Значит, можно дать представление о десятках, сотнях, тысячах, предоставив пытливому детскому уму цепи из бусинок и уважая свободное проявление детской активности.

Именно так случается чаще всего, иногда требуется самое незначительное вмешательство взрослого. Достаточно привлечь внимание к манипуляции с цепью — идея предстает во всей своей простоте.

Сторонники нашего метода, впрочем, умеют ждать, они понимают, как нужна ребенку неспешная умственная работа, насколько естественно и неожиданно может созреть идея, как неизбежен взрыв открытия. Чем больше мы предоставляем детей их интересу, тем большую ценность обретают полученные ими результаты.

Счеты, отражающие десятичную систему

Непосредственное вмешательство учителя, его короткое, понятное объяснение необходимы для представления другого материала, который, можно сказать, символически представляет десятичную систему. Речь идет о счетах, очень простых. Они того же размера, что и рамки со шнуровками для малышей, легкие, ими просто манипулировать, несложно и недорого изготовить. Каждому ученику можно дать собственные счета в личное пользование.

Счеты первой разновидности — малые. На четырех горизонтальных металлических спицах нанизаны бусины, по 10 на каждой. Три верхние спицы расположены на одинаковом расстоянии, нижняя — гораздо дальше от остальных, она выделена металлической шишечкой, закрепленной на левой стороне рамки. Сама рамка ниже этой шишечки выкрашена в один цвет, выше — в другой. На левой стороне рамки рядом с местом крепления каждой спицы написаны числа: рядом с верхней спицей — 1, со второй — 10, с третьей — 100, рядом с нижней, отдельной спицей — 1000.

Мы объясняем ребенку, что считаем каждую бусину на верхней спице единицей, как всякую отдельную бусину (здесь бусины зеленые). Каждая синяя бусина на второй спице представляет сразу десяток (как десятичный стержень), красная бусина на третьей спице — сотня (сотенная цепь), зеленая бусина на четвертой спице — тысяча, она равна тысячной цепи.

Конечно, освоить эту символику детям непросто, однако, если мы дадим им время спокойно разглядывать счета, считать бусины, изучать цепи, они, в конце концов, во всем разберутся. Идея соотношения единицы, десятка, сотни, тысячи созреет в них постепенно,

ученики поймут смысл символики, научатся ею пользоваться.

К счетам прилагаются расчерченные листочки. Они поделены вертикальной линией на две равные части. И на правой, и на левой части проведены вертикальные параллельные линии на равном расстоянии: крайняя справа — зеленая, затем синяя, затем красная. Пунктирная линия отделяет эту группу от еще одной вертикали, проведенной на большем расстоянии (сдвинутой влево). На трех первых вертикалях пишут (справа налево) единицы, десятки, сотни, на отдельной вертикали после пунктира — тысячи. Правая сторона листочка предназначена для объяснения данной идеи, для установления связи между записью и счетами, символизирующими десятичную систему.

Сначала можно посчитать бусины на счетах, приговаривая: «Первая спица: одна единица, две единицы, три единицы, четыре единицы, пять единиц, шесть единиц, семь единиц, восемь единиц, девять единиц, десять единиц. Все десять единиц равны одной-единственной бусине на нижней, второй спице». Так же считаем бусины на второй спице: «Один десяток, два десятка, три десятка, четыре десятка, пять десятков, шесть десятков, семь десятков, восемь десятков, девять десятков, десять десятков. Все десять десятков, десять бусин второй спицы равны одной бусине на нижней, третьей спице». Так же считаем бусины на третьей спице: «Одна сотня, две сотни, три сотни, четыре сотни, пять сотен, шесть сотен, семь сотен, восемь сотен, девять сотен, десять сотен. Все десять сотен, десять бусин третьей спицы равны одной бусине на нижней, четвертой спице». Тысячных бусин тоже 10: «Одна тысяча, две тысячи, три тысячи, четыре тысячи, пять тысяч, шесть тысяч, семь тысяч, восемь тысяч, девять тысяч, десять тысяч». Ребенок может представить себе десять тысячных цепей. И символ соединится с зрительным представлением о количестве.

Теперь нужно как-то записать все наши счетные действия. На правой вертикальной линии (зеленой) мы пишем единицы, одну под другой. На второй вертикали (синей) — десятки (столбик располагается ниже единиц), на третьей вертикали (красной) — сотни (еще ниже). На четвертой вертикали, отделенной пунктиром, — тысячи (внизу листа). Горизонтальные линии листочка позволяют спускаться постепенно от единиц до тысячи.

Вот мы написали цифру 9 на зеленой единичной вертикали. Теперь мы переходим от единичной вертикали к десятичной, пишем там цифру 1. Действительно, 10 единиц — один десяток. Написав 9 на десятичной вертикали (синей), переходим к сотенной линии (красной). Написав 9 на сотенной линии, переходим к тысячной, потому что, в самом деле, 10 сотен — это тысяча. Цифры закономерно сменяют друг друга (от 1 до 9), затем — переход. Эта идея должна созреть в сознании детей. Девять цифр, меняя места, способны выразить любое число в мире! Не цифра сама по себе, ее место по отношению к другим придает ей определенное значение. Иногда это 1, иногда 10, или 100, или 1000. И так до бесконечно огромных величин, которые мы и представить себе не можем. У нас есть тысячная цепь — ее длина 70 метров. А десяти тысячная цепь, десять тысячных цепей, была бы длиной с целую улицу. Вот для чего нужны символы. Вот как важно место цифры в числе!

Но как мы указываем место цифры по отношению к другим цифрам, как определяем ее значение? Ведь не всегда есть разноцветные вертикальные линии. Люди ставят ноль справа от цифры. Наши ученики еще раньше узнают, что такое ноль — ничто, он ничего не прибавляет к числу, но способен указать его место и, таким образом, дать нам представление о его значении. Именно ноль, стоящий справа, превращает единицу в десяток. Ноль в «10» нужен, чтобы показать, что цифра один означает не единицу, она занимает место на линии десятков. Если вместо «0» будет стоять, например, «4», значит, у нас 4 единицы и один десяток.

Наши дети еще до школы умели писать 10, 100, поэтому им теперь так легко писать при помощи ноля в столбик, считая от 1 до 1000: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900, 1000. Научившись так считать, дети могут прочесть четырехзначное число.

Составим число сначала на счетах, например, 4827. Сначала откладываем влево четыре

бусины на нижней, тысячной спице, 8 — на сотенной, 2 — на десятичной и 7 — на спице с единицами. Читаем: 4827.

Теперь записываем цифры на вертикальных линиях. Так же можно поступить и с числом, обозначающим год нашей жизни — 1916. Теперь отложим на счетах 2049. Сначала откладываем влево две бусины на нижней, тысячной спице, 4 — на десятичной и 9 — на спице с единицами. На сотенной спице ничего не отложено. Вот демонстрация роли ноля. Он нужен, чтобы обозначить пустое место.

То же самое с числом 4700, составленном на счетах. Сначала откладываем влево четыре бусины на нижней, тысячной спице, 7 — на сотенной, на остальных спицах — ничего. При записи эти пустые места мы заполняем нолями, то есть цифрами, которые ничего не значат.

Едва ребенок разобрался в этом, он самостоятельно начинает тренироваться с огромным интересом. Он откладывает влево наугад бусины на некоторых спицах на счетах, а потом старается понять, какое число получилось, и записать его на вертикальных линиях листочка. Эти операции с многозначными числами, с записью столбиком вполне доступны ребенку, если дать ему возможность самостоятельно упражняться.

Очень скоро ребенок захочет выйти за пределы тысячи.

Тогда понадобятся вторые счеты, большие. У них 7 спиц: единицы, десятки, сотни простые; единицы, десятки, сотни — тысяч и, наконец, — миллион. Переход от малых счет к большим вызывает огромный интерес и никаких трудностей. Детям практически не нужны комментарии учителя, они стараются сами во всем разобраться. Их страшно увлекают большие числа, и у них не возникает особых проблем. Скоро в классе появляются тетради, заполненные фантастически огромными числами. Дети с легкостью оперируют семизначными величинами!

Большие счеты располагаются в такой же рамке, что и малые. Левая сторона рамки выкрашена в три цвета, в соответствии с группами спиц. Единицы, десятки и сотни отделены шишечкой от тысячной группы, тысячная группа отделена шишечкой от миллионной спицы.

На разлинованном листе бумаги мы пишем в правой части числа от одного до миллиона: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900, 1000, 2000, 3000, 4000, 5000, 6000, 7000, 8000, 9000, 10 000, 20 000, 30 000, 40 000, 50 000, 60 000, 70 000, 80 000, 90 000, 100 000. (По аналогии с листочком, входящим в комплект с малыми счетами.)

Теперь ребенок откладывает на счетах бусины, старается прочитать число и записать его на линейках. Числа сумасшедшие: 6 206 818, 1 111 111, 8 640 850 и т. д.

Когда придет время складывать или вычитать в столбик, ребенок будет удивлен легкостью, с которой сумеет овладеть этими операциями.

Таблица Пифагора

(Таблица умножения)

Материал: белая квадратная доска со ста ячейками (10x10). В каждую можно положить бусины. Сверху над каждым столбиком ячеек написаны числа от 1 до 10. Слева есть отверстие, куда можно вставить одну из маленьких карточек с красной цифрой, от 1 до 10 (нужно приготовить 10 таких карточек). Это второй сомножитель, его можно менять. В левом верхнем углу есть отверстие, где лежит красный жетончик, но это второстепенная деталь. Края доски выкрашены в красный цвет. Коробка с сотней бусин входит в комплект. Само упражнение чрезвычайно простое.

Предположим, мы хотим умножить 6 на серию натуральных чисел, от 1 до 10.

Вставляем в левое отверстие маленькую карточку с цифрой 6.6х1. Ребенок делает две вещи: кладет красный жетон на единицу, написанную в верхнем ряду, и 6 бусин в ячейку под ней. 6х2. Ученик перемещает красный жетон на цифру 2, добавляет 6 бусин в ячейку второго столбика, под двойкой. То же самое с умножением 6х3. Жетон перекладываем на «3», добавляем 6 бусин в ячейку третьего столбика. И так вплоть до 6х10.

Перемещение жетона указывает на множитель и привлекает внимание ребенка, помогает ему сохранять сосредоточенность и точность исполнения. Выполняя все эти операции, ученик записывает полученные результаты. Для этого существуют специальные листочки, по 10 на каждую серию, в системе 10 серий, следовательно, всего 100 листочков. Вот листочек, приготовленный для умножения на 3.

На листочке все написано заранее. Ребенку остается только вписать полученные результаты, прибавляя каждый раз по 3 бусины. Если ученик не ошибется в подсчетах, то запишет: 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27, 30. И так в каждой серии листочков, от 1 до 10. У каждого листочка есть 10 копий, поэтому каждое упражнение ребенок может повторить 10 раз. Вскоре он заучивает наизусть эти результаты. Мы видели, как, стараясь выучить таблицу умножения поскорее, дети расхаживают по классу с листочком в руках, то отводя от него взгляд, то заглядывая в правильные ответы, и шепчут: $7 \times 7 = 49$, $7 \times 8 = 56$. Этот листочек написали они сами.

Таблица Пифагора оказалась одним из самых увлекательных материалов. Дети заполняли по 6, 7 листков подряд, посвящая целые дни и недели упражнениям на умножение. Почти все просили разрешения забрать таблицу домой. Однажды даже случилась небольшая революция. Все хотели забрать материал домой, но мы не разрешали это сделать. Дети стали умолять родителей купить им вожделенный материал. Невозможно было им объяснить, что такие вещи не продаются в магазине, их нельзя купить. Ученики не сдавались. Нашлась девочка, самая старшая из всех, которая возглавила восстание. «Учительница ставит над нами эксперимент. Отлично! Если она не даст нам таблицу Пифагора, мы завтра не придем в школу!» Конечно, подобные угрозы звучат не очень красиво, но посмотрите, какое впечатление произвел наш материал на класс, как быстро превратил он агнцев в волков.

Заполнив много раз все серии листочков, дети получают проверочную таблицу, чтобы увидеть, нет ли ошибок в их записях. Цифра за цифрой, столбик за столбиком, они сверяют все полученные результаты. Теперь у них есть безошибочная таблица умножения.

Затем ученики переписывают ее в подготовленный квадрат.

Таблица Пифагора

Таблица Пифагора

Ребенок получает таблицу Пифагора как результат усиленной работы. Теперь нетрудно научить его воспринимать ее как таблицу умножения. Он уже знает ее наизусть, может заполнить пустые клеточки по памяти. Единственная трудность — понять, в какой клеточке писать число, то есть какая цифра множимое, а какая множитель. В каждый комплект входит 10 пустых таблиц, ребенок может упражняться, сколько хочет, он осваивает процесс. В итоге он знает таблицу умножения наизусть.

Деление

Материал: та же доска, бусины, только другие листочки.

Возьмем наугад любое количество бусин из коробки и сосчитаем их. Предположим, получилось 27. Это число вписываем в левой части листочка, в разделе деление. Теперь берем доску с ячейками и приступаем к делению. Сначала делим 27 на 10. Кладем 10 бусин в ячейку вертикального столбика под цифрой 1. Затем еще 10 бусин рядом, в ячейку вертикального столбика под цифрой 2. Нам не хватает бусин, чтобы положить их в ячейку вертикального столбика под цифрой 3. Нужно 10, а осталось 7. Значит, пишем цифру 2 на листочке в разделе деление на соответствующей строке и на той же строчке справа, в разделе остаток, пишем цифру 7 — то, что осталось. Теперь будем делить на 9. Кладем 9 бусин в ячейку вертикального столбика под цифрой 1, потом под цифрой 2, потом под цифрой 3. Бусин больше не осталось. В левой части листочка на соответствующей строке пишем цифру 3, в графе остаток ничего не пишем. Делим на 8. Кладем 8 бусин в ячейку вертикального столбика под цифрой 1, под цифрой 2, под цифрой 3. Для четвертой ячейки бусин не достаточно, осталось только 3 (а нужно 8). Результат — 3 и 3 в остатке. И так далее.

100 листочков для деления мы положили в зеленый конверт. Листочки для умножения (а также проверочные таблицы и таблицы Пифагора) лежат в пергаментном конверте.

Операции с многозначными числами

Теперь у нас все готово для операций с многозначными числами. Ребенок умеет обращаться с материалом, его ум готов.

Для сложения, вычитания и умножения нам понадобятся счеты, а для деления более сложный материал, который мы опишем позже.

Сложение

Сложение многозначных чисел на счетах — что может быть проще и увлекательнее! Например,

$$\begin{array}{r} 1320 + \\ 435 = \end{array}$$

Сначала отложим бусины, соответствующие первой цифре первого числа, то есть 1 на спице тысяч. На сотенной спице — 3, на десятичной — 2. Теперь откладываем бусины второго числа, присоединяя их к уже отложенным бусинам первого числа: 4 на сотенной спице, 3 на десятичной и 5 на единичной. Осталось только записать полученное число, подсчитав все отложенные бусины: 1755.

Теперь возьмем более сложный случай, когда нам понадобится отложить на спице больше 10 бусин. На самом деле, ничего сложного. Дойдя до 10, мы возвращаем на место все бусины на данной спице и откладываем одну на нижней (на ней одна бусина равна 10 бусинам верхней спицы). И продолжаем процесс.

Вот пример:

$$390 + 482 =$$

Сначала откладываем число 390, то есть 3 бусины на сотенной спице и 9 на десятичной. Теперь второе число: 4 бусины на сотенной спице, переходим к десяткам. Отложили всего одну бусину — и на спице ничего не осталось. Возвращаем все бусины на место, откладываем одну бусину на нижней спице, сотенной, и продолжаем откладывать десятки, еще 7 бусин (одну из 8 мы уже отложили). Осталось отложить 2 бусины на единичной спице. Операция закончена. Результат: 872. На больших счетах можно таким же образом совершать

и более сложные операции.

Считать не обязательно с наибольшего разряда, можно начинать и с единиц, как удобнее ученику.

Вычитание

Нам понадобятся те же счеты. Например, мы хотим сосчитать, сколько будет $8947 - 6735$ -

Сначала откладываем бусины первого числа, а потом возвращаем на место столько бусин, сколько входит во второе число. Оставшиеся отложенными бусины — это и есть наш результат: 2212.

Более сложный случай — переход через десяток. Если одна спица опустела, мы возвращаем на место одну бусину с нижней спицы и откладываем все десять бусин на верхней. И продолжаем операцию. Например:

$$8954 - 7593 =$$

Откладываем бусины первого числа. Теперь отнимаем 3 единичные бусины. На десятичной спице начинаем отнимать 9 бусин... Отняли 5 — спица опустела. А нам нужно отнять еще 4. Отнимаем одну бусину на нижней сотенной спице и возвращаем на место сразу все 10 бусин десятичной спицы, теперь нам есть, от чего отнимать оставшиеся 4 бусины (5 из 9 мы уже отняли). От сотен (на этой спице осталось 8 бусин) отнимаем пять, и т. д. Результат 1361.

Умножение

Переходить к умножению многозначных чисел надо не раньше, чем ребенок выучит таблицу умножения, научится хорошо отличать единицы, десятки, сотни, выучит цифры и связь их положения в числе со значением. Он должен привыкнуть к переходу через десяток, освоить его как совершенно обычное дело.

Тогда достаточно будет сказать ученику, что каждая цифра множимого должна быть умножена на каждую цифру множителя, а результаты умножения нужно сложить. Здесь гораздо важнее использовать аналитический процесс для развития интеллекта ребенка.

Каждое число, обозначенное цифрой, в первом числе умножается на каждое число, обозначенное цифрой, во втором числе.

Вот пример:

$$356 \times 742.$$

Написав такой анализ, начинаем работу на больших счетах. 2×6 единиц — откладываем 10 бусин на единичной спице, но этого мало, возвращаем на место единичные бусины, откладываем одну десятичную на нижней спице, а единичных — 2.

Теперь 2×5 десятков. У нас уже отложена одна десятичная бусина. А к ней надо прибавить еще 10. Придется отложить одну бусину на сотенной, нижней спице. Сейчас у нас отложена 1 сотенная, 1 десятичная и 2 единичные бусины.

Умножаем 2×3 сотни. Откладываем 6 бусин на сотенной спице. Умножение на единицы закончено.

Переходим к умножению на десятки. Все происходит аналогично, только начинается сразу со второй спицы, с десятичной.

Мы прибавляем бусины к уже отложенным. Результат — 264 152.

Описывать очень сложно — проделывать все это на счетах крайне увлекательно. Настоящая арифметическая игра, которая к тому же помогает не только освоить десятичную систему, но и абстрактные операции, развивает способность к абстрагированию.

Действительно, если умножать в столбик, смотреть на цифры, записанные на бумаге, ничего не почувствуешь. Бусины движутся, значение каждого числового разряда ощущается через механическое движение руки. К тому же писать цифры сложнее, чем откладывать бусины на счетах, они скользят так легко по гладкой спице. Счет на бумаге менее ясен. Привыкнув упражняться на счетах, ребенок уже машинально откладывает бусину на нижней спице, перейдя через десяток, он не забудет «3 в уме». Вообще не нужно ничего держать в уме, все отложенные бусины остаются на спице, перед глазами, их можно снова пересчитать. Ученик не ошибется в подсчете результата, ему не придется писать бесконечные нули при умножении 3400 на 2. Он просто отложит 6 бусин на тысячной спице и 8 на сотенной. К тому же на счетах не так важен порядок операций, можно сначала умножить на десятки, а потом на единицы. На бумаге это труднее.

Счеты развивают также ручную моторику. В конце концов, можно устраивать соревнования, кто быстрее умножит числа: тот, кто работает на счетах, или тот, кто считает в столбик на бумаге.

Умножение на бумаге

Возьмем такой пример: 8640×2531 . Запишем числа одно под другим, разряд под разрядом. Мы помним, что для обозначения пустого разряда используется ноль. Ноль справа от цифры означает перемещение в следующий разряд.

Умножать такие большие числа, и даже больше, могут легко семилетние дети после вышеописанных упражнений. Количество знаков в числе не имеет значения, ученикам нравится работать с фантастически огромными числами. У нас они сами придумывают себе примеры с 8-значными числами. Учителю и в голову бы не пришло дать им такие числа. Со временем они начинают считать, как все мы, в столбик, без специальных листков и без счет, но понимание сути процесса у них глубже.

Деление многозначных чисел

Бусины позволяют заниматься делением на многозначные числа, это замечательное времяпрепровождение, например, когда ребенок сидит дома. Это умственная, абстрактная арифметика, а не механические операции, превращающие высшую мыслительную деятельность в рутину. Здесь нам понадобятся не счеты, а квадратная доска, та же самая, которую мы использовали для первых упражнений на умножение и деление на однозначные числа. Только нужно приготовить больше карточек и бусин. Работа слишком сложная для описания, но выполняется она с удовольствием и без усилий.

Единицы, десятки, сотни выкрашены в разные цвета: бусины — единицы белые, десятки — зеленые, сотни красные. Есть еще маленькие разноцветные подставки: белые для единиц, десятков, сотен, серые для тысяч, черные для миллионов, а также коробки снаружи белые, серые и черные, а внутри белые, или зеленые, или красные. К каждой коробке приложена подставка с десятью футлярами, по 10 бусин в каждом. Предположим, надо разделить 87 632 на 64. Расставляем в ряд 5 коробок: крайние слева — две серые коробки, одна зеленая внутри, другая белая, затем три белые коробки, одна внутри красная, следующая зеленая, крайняя правая — белая. В первую кладем 8 зеленых бусин, во вторую 7 белых, в третью 6 красных, в четвертую 3 зеленые бусины, в пятую — 2 белые бусины. За

каждой коробкой стоит соответствующая подставка с 10 футлярами с бусинами, чтобы менять единицы одного разряда на другой. Квадратные доски (их 2) лежат под вереницей коробок, в левой в прорезь для карточек вставлена карточка с цифрой 6, в правой — карточка с цифрой 4.

Итак, делим 87 632 на 64. Ставим крайние левые коробки (с 8 и 7 бусинами) над квадратными досками. На первой раскладываем 8 бусин в ячейки так, как будто делим их на 6. На второй раскладываем в ячейки 7 бусин, деля на 4 (в соответствии с цифрой на маленькой карточке, вставленной в прорезь). Целые частные выравниваются по первой доске и записываются в соответствующий разряд, остаток остается. Частное в данном случае — 1 (разряд тысяч) и на первой, и на второй доске. На первой доске остаток — 2, на второй — 3. Теперь передвигаем коробки влево. Первая вышла из игры, ее место заняла вторая. Теперь над первой доской не серо-зеленая коробка, а серо-белая, а над второй доской (с цифрой 4) красная коробка. Итак, на первой доске (с цифрой 6) отложены две зеленые бусины, но над ней коробка с белыми бусинами. Значит, нужно поменять зеленые бусины на белые. Кладем 2 футляра по 10 белых бусин, сюда же помещаем оставшиеся на второй доске 3 белые бусины. Теперь раскладываем их в ячейки, деля на 6. На второй доске раскладываем 6 красных бусин из соответствующей коробки и делим на 4. На первой доске 23 белые бусины делим на 6. Получаем 3 и 5 в остатке. На второй доске 6 красных бусин делим на 4. Получаем 1 и 2 в остатке. Как выровнять частные? Для этого берем по одной белой бусине и перекладываем на правую доску, заменяя каждую белую 10 красными, пока частные не сравняются. В данном случае достаточно переложить одну белую бусину. Теперь частное и на второй доске тоже 3 (разряд сотен), а остаток 4. Снова передвигаем коробки и продолжаем делить. То, что останется в самом конце, и есть остаток деления. А записанный на листочке результат потом может проверить учитель.

Работа требует терпения и внимания, но очень интересна детям. Они готовы заниматься ею дома по вечерам, в одиночестве, тихая игра, не утомляющая, не отпускающая.

Поупражнявшись в таком делении, ученик начинает предвидеть результат, не перекладывая бусины. Он научился не только делить, но и глубоко проник в суть операции, каждой ее детали, возможно, лучше, чем ученики средней школы, механически повторяющие заученные действия.

Числовые упражнения (Умножение, деление)

Когда ребенок при помощи наших материалов уяснил идею четырех основных арифметических действий и научился делать их в уме, ничто не мешает углубить знания, возможно, даже подойти к уровню средней школы. Эти упражнения одновременно служат и для повторения знакомого, и для узнавания нового. Они позволяют приятно проводить время в школе и дома.

Одно из первых упражнений является продолжением работы с таблицей Пифагора — умножение в уме, без помощи материальных предметов. В данном случае ставим ограничение. Прекращаем умножение, если результат получается больше сотни. Ради удобства записи будем в первой серии умножать до 50, а во второй (с записью во вторую колонку) от 51 до 1 00. Мы заранее готовим две таблицы, которые служат ученикам и подсказкой, и формой самопроверки. Читать примеры в колонке, сверху вниз, и учить их наизусть — это помогает запомнить результаты умножения всех чисел, от одного до 100.

С таблицами можно делать увлекательные упражнения. Детям дают листы бумаги, узкие и длинные. Слева записаны все числа, от 1 до 50 и от 51 до 100. Ученики смотрят в таблицу и подыскивают примеры, где в результате умножения получается заданное число. После чего ставят знак = и вписывают сомножители. Например, слева напечатано 6. Ставим = и пишем $2 \times 3 = 3 \times 2$. Еще пример: $18 = 2 \times 9 = 3 \times 6 = 6 \times 3 = 9 \times 2$. Возле некоторых чисел не удастся написать примеры. Строчка останется пустой — получится первое представление о

простых числах.

Пример таблицы

Эти таблицы помогают выполнить еще одно упражнение. Например, разглядывая их, ребенок замечает, что $6=2 \times 3 = 3 \times 2$. Он берет бусины и раскладывает их то двумя группами по 3, но тремя группами по 2, но одной группой. Для каждого числа он ищет свое расположение бусин.

Ребенок может перебрать все возможные комбинации, испробовать все способы деления числа на равные группы. Дойдя до простых чисел, он уясняет идею делимости и неделимости числа. Кроме того, очевидной становится истина, что от перемены мест слагаемых произведение не меняется. Устанавливается связь между делением и умножением, становится понятно, как одно действие можно проверить другим. Достаточно снова соединить 2 группы по три бусины — получится 6.

Еще одно упражнение мы делаем с узкими листами бумаги. Вот написано произведение — 40. Один из примеров рядом 2×20 . Посмотрим, как можно получить 20: $20=2 \times 10$, а $10=2 \times 5$. То есть

$$40 = 2 \times 2 \times 2 \times 5.$$

Можно записать и так: два в кубе умножить на пять. Первое знакомство с возведением в корень.

Еще для одного упражнения готовим квадраты 10×10 , где по порядку записаны все числа от 1 до 100, слева направо, сверху вниз:

и так далее.

Жирным шрифтом на разных квадратах выделяем числа, каждый раз выбирая новый принцип, например, все четные числа или все кратные девяти.

Квадрат и куб числа

Берем два стержня бусин по 2 бусины на каждом, соединяем их маленькой цепочкой:

Эта фигура представляет 2×2 . Те же самые предметы можно соединить и по-другому. Палочки с бусинами расположить не в ряд, а друг под другом.

Это не изменит их значение, 2×2 все равно 4, но теперь это другое расположение в пространстве: линия и квадрат. Заметим, что всякий раз, располагая друг под другом столько стержней, сколько бусин на них нанизано, мы получим квадрат. Мы приготовили квадраты из стержней с бусинами 3×3 (салатовые), 4×4 (сиреневые), 5×5 (коричневые), 6×6 (зеленые), 7×7 (желтые), 8×8 (белые), 9×9 (голубые), 10×10 (красные), то есть тех же самых цветов, что и стержни с бусинами для освоения числовой системы. Для каждого количества есть стержни с бусинами, соединенные и в цепочки, и в квадраты, и просто свободные стержни (два стержня по две бусины, три — по три и т. д.). Ученик может считать бусины в цепи и в квадрате, а также по-своему располагать свободные стержни, то в ряд, то в форме квадрата. И каждый раз он повторяет число столько раз, сколько единиц в нем содержится, то есть

умножает число само на себя.

К примеру, возьмем квадрат 4×4 . Можно сосчитать 4 бусины на каждой стороне квадрата, можно умножить $4 \times 4 = 16$. Это и общее количество бусин, и площадь квадрата. То же упражнение повторяем и с остальными квадратами. Понятно, что результат не зависит от формы. Стержни, вытянутые в линию, все равно дадут тот же результат. Можно научить ребят записывать результат в форме квадрата числа: $2^2 = 4$, $5^2 = 25$. Материал осваивается с самых малых чисел и постепенно, в сочетании со свободой ребенка, помогает идее проникнуть в сознание ученика.

Кроме квадратов, по той же схеме созданные, у нас есть кубы чисел и прилегающие к ним соединенные в цепь квадраты. В этих цепях стержни соединены гибко, чтобы можно было складывать цепь, накладывать квадраты друг на друга. Количество квадратов в цепи соответствует количеству единиц на каждом отдельном стержне: 4 квадрата для числа 4, 6 квадратов для числа 6 и т. д. — до 10. Эти квадраты можно накладывать друг на друга, а можно и вытянуть в одну линию. Количество бусин не изменится. $4 \times 4 \times 4 = 4^2 \times 4 = 4^3 = 64$.

Рассмотрим куб подробнее. Одна сторона его состоит из 4 бусин. Умножим 4 раза квадрат со стороной 4 — получим куб. Умножим площадь квадрата на количество единиц, составляющих одну сторону, — получим объем. Мы не стараемся научить этому ребенка, мы просто предоставляем ему свободу действий и даем время на созревание идей в его сознании, пока он играет с материалом, рассматривает его, исследует свой замечательный куб, такой красивый и удобный.

Постепенно в тетрадах детей появляется множество квадратов и кубов чисел. Ученики легко обращают внимание, что при умножении на 10 достаточно просто приписать ноль. Они замечают, что число бусин в квадратах возрастает от двух до ста, а в кубах — до тысячи. Это наблюдение поможет им впоследствии осознать сущность арифметической и геометрической прогрессии.

Из кубов с бусинами интересно строить башню, похожую на розовую башню, только теперь разноцветные кубики соединены для детей с глубоким знанием числовых соотношений. Они не просто воспринимаются на сенсорном уровне, но являются отражением развивающейся мощи интеллекта.

Геометрия

В Доме ребенка плоские вкладыши, которые развивают сенсорику, познакомили детей со многими геометрическими фигурами: квадрат, прямоугольник, треугольник, многоугольник, круг, овал и т. д. Благодаря прилагающимся карточкам малыши научились узнавать геометрические фигуры по нарисованным очертаниям. Кроме того, у нас есть металлические вкладыши, воспроизводящие уже известные детям геометрические фигуры. Их можно обводить, полученные контуры затем заштриховывать цветными карандашами (упражнение учит владеть пишущими инструментами).

Геометрический материал начальной школы можно рассматривать как продолжение знакомых упражнений. Он напоминает металлические вкладыши. Но каждая рамка прикреплена к квадратной дощечке-основе. Теперь не нужны ни специальные пюпитры, ни рамы, как для остальных вкладышей. Каждая фигура является завершенной и независимой. Дощечка белая, контур зеленый, а сам вкладыш, подвижная часть, красный. Когда вкладыш лежит на своем месте, то получается красная фигура в зеленой рамке. Подвижные вкладыши сделаны не из одного, а из многих частей, закрепленных на белом пространстве дощечки. Основное назначение этого материала — позволить ребенку самостоятельно упражняться в геометрии, научиться решать разные задачи. Возможность манипулировать геометрическими фигурами, располагать их по-разному, исследовать их различия чрезвычайно привлекает детей. Наши материалы напоминают игры на терпение, придуманные для малышей, только с более определенной образовательной целью. Ребенок уясняет основные геометрические принципы, чего так трудно достичь традиционными методами обучения. Понимание

разницы между фигурами равными, подобными или равными по площади, понимание сути преобразования фигур, теоремы Пифагора возникает спонтанно и приносит ученикам много радости. Ребенок учится выполнять действия с дробями, упражняясь с цилиндрическими вкладышами. Осознание значения дроби, преобразование обычной дроби в десятичную, становится новым интеллектуальным достижением ученика, показателем и высокого уровня знаний, и развития умственных способностей. В обычной школе даже старшеклассник порой еще так не чувствует соотношения геометрических фигур, как наши малыши, совершившие все эти открытия самостоятельно, с удовольствием и неослабевающим энтузиазмом. Они свободно и стремительно движутся своим путем, не истощая, а накапливая внутреннюю энергию, в то время как остальные школьники напоминают усталых странников, бредущих босиком по острым камням.

Мы предоставляем ученику возможность свободно упражняться в тот момент, когда он наиболее готов к этому, и заниматься столько, сколько ему нужно, чтобы идея созрела в его сознании. В конце концов, у ребенка развивается абстрактное мышление. В основе этого достижения — интеллектуальная зрелость и достаточные знания, две опоры для человека, идущего к вершине. Мы столкнемся с этим феноменом не раз. Каждый шаг на пути внутреннего созревания, каждое новое обретенное знание становится для ученика площадкой для следующего взлета. Интеллект, чтобы подняться к абстракции, нуждается в опоре, как самолет во взлетной полосе. Нужен разбег, время, необходимое для разгона. Нужно крепкое оснащение, подготовка — одного желания мало. Самолет без топлива, птица без сильных крыльев — разве взлетят они? То же самое происходит с детским интеллектом. Пусть человек от природы наделен высокими способностями, ему нужно опираться на реальный опыт и пополнять запасы внутренней энергии. Чем больше материал привлекает внимание ученика, тем больше он дает возможностей для абстрагирования, для развития творческого воображения (следствия растущего внутреннего потенциала).

Геометрические вкладыши во многом удовлетворяют интеллектуальные потребности детей. С ними можно упражняться не только в составлении фигур, в сравнении их, но также в рисовании. Долгое, тщательное срисовывание позволяют ребенку сосредоточиться на каждой детали, обдумать каждую мелочь. Причем рисунок, как станет видно позднее, может быть двух видов: геометрический и художественный, возможно и смешение жанров. Геометрический рисунок воспроизводит фигуры. Выполняя его, малыш учится владеть различными инструментами, линейкой, угольником, циркулем, транспортиром. Благодаря геометрическому рисованию, достигается истинное понимание геометрии, чему способствует специальный альбом, также входящий в комплект.

Художественное рисование состоит в комбинировании различных фигур (из комплекта вкладышей) и рисовании их цветными карандашами, красками. Это уже настоящее творчество. Наши вкладыши так пропорциональны, их сочетания так гармоничны, что способствуют развитию эстетического вкуса ребенка. Мы можем копировать композиции великих мастеров, таких как Джотто.

Соединение художественного и геометрического рисования начинается с украшения различных частей фигуры (центра, угла, противоположных сторон), а затем можно несколькими деталями, нарисованными от руки, завершить рисунок, превратив его из чертежа в художественную композицию.

Описание геометрического развивающего материала

Первая серия вкладышей: *квадраты, фигуры, состоящие из отдельных частей.*

Эта серия состоит из 9 квадратных вкладышей, в основе которых есть углубления — одинаковые белые квадраты со стороной 10 см. В одно углубление вложен целый квадрат, в другие — те же квадраты, но состоящие из отдельных частей:

– квадрат, состоящий из 2 равных прямоугольников;

- квадрат, состоящий из 4 равных прямоугольников;
- квадрат, состоящий из 8 равных прямоугольников;
- квадрат, состоящий из 16 равных прямоугольников;
- квадрат, состоящий из 2 равных треугольников;
- квадрат, состоящий из 4 равных треугольников;
- квадрат, состоящий из 8 равных треугольников;
- квадрат, состоящий из 16 равных треугольников.

Ребенок может взять квадрат, состоящий из 2 равных прямоугольников, и квадрат, состоящий из 2 равных треугольников, поменять местами части фигур, то есть первый квадрат заполнить двумя треугольниками, а второй — прямоугольниками. Части фигур можно наложить друг на друга внутренней стороной (на внешней будут мешать кнопки, которые нужны для удобства доставания фигуры из рамки). Наложение позволяет установить равенство фигур. Однако треугольник и прямоугольник — разные по форме фигуры, хотя каждая из них составляет ровно половину того же самого квадрата. Так рождается ощущение равенства площади фигур. Два треугольника равны между собой, и два прямоугольника равны между собой. Ученик сравнивает их, накладывая фигуры друг на друга, и замечает, что часть треугольника, выходящая за пределы прямоугольника, равна той части треугольника, которая прикрыта прямоугольником. Следовательно, треугольник и прямоугольник отличаются по форме, но равны по площади.

Аналогичные наблюдения повторяются и с другими квадратами, разделенными на большее количество частей. Квадратики, являющиеся четвертой частью большого квадрата (они получились в результате деления фигуры по медианам), равны между собой и равны по площади треугольникам, возникшим в результате деления большого квадрата по диагоналям. Фигуры, одинаковые по форме, но отличающиеся по размеру, являются подобными. Прямоугольник — половина большого квадрата, подобен прямоугольнику, являющемуся $\frac{1}{8}$ большого квадрата, при этом они не равны между собой, у них разная площадь. Также подобны друг другу большой квадрат и маленький, четвертушка большого. И т. д.

В разделении квадрата на части уже содержится идея дроби, хотя это пока еще не тот материал, который специально предназначен для изучения дробей.

Вторая серия вкладышей: дроби.

Десять дощечек с углублениями в форме круга диаметром 10 см, белого цвета. В первое углубление вложен целый круг, в остальные — такие же круги, но поделенные на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 равных частей. Дети учатся измерять углы каждой части. Для этого мы вырезали картонный круг. Центр обозначен черной точкой на светлом фоне. Очерчен полукруг, радиус которого равен радиусу вкладышей. Этот полукруг поделен лучами на 18 секторов. Лучи выходят за пределы дуги полукруга, сверху написаны числа: 0, 10, 20 — и так до 180. Дуга каждого сектора поделена еще десятью маленькими делениями. Получилась шкала, где одно деление равно одному градусу. Линии, соединяющие 0 и 180 и идущие от центра к 90° , проведены толще, чем остальные, они чуть выпуклые, что позволяет накладывать фигуры точнее. Ученик кладет фигуру вкладыша на картонный расчерченный круг так, что вершина угла совпадает с центром, а одна из сторон заканчивается на нуле. Читаем цифру над окончанием другой стороны фигуры — это и есть величина угла в градусах. После таких упражнений, после работы с транспортиром, ребенок умеет измерять любые углы. Он знает, что круг — это 360° , полукруг — 180° , а прямой угол — 90° .

Теперь можно сосчитать, сколько градусов составляет угол седьмой части круга. $360^\circ : 7 = 51^\circ$, это легко проверить наложением фигуры на расчерченный круг. Подсчеты и измерения можно повторить со всеми вкладышами, составляющими от половины до десятой части круга.

$$\frac{1}{3} \text{ круга} = 120^\circ, 360^\circ : 3 = 120^\circ,$$

$$\frac{1}{4} \text{ круга} = 90^\circ, 360^\circ : 4 = 90^\circ, \text{ и т. д.} \dots$$

$$\frac{1}{10} \text{ круга} = 36^\circ, 360^\circ : 10 = 36^\circ.$$

Если знаменатели равны, то сложение дробей происходит путем простого сложения числителей. Знаменатель сохраняется.

Ребенок запоминает дроби: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, ... $\frac{1}{10}$ У него есть и материальной восприятие, и арифметическое вычисление. С этим материалом можно совершать бесчисленные упражнения, осваивая счет с дробями. К примеру, ученик берет круг, состоящий из двух частей, и заполняет его фигурами — четвертинками круга. Он может оставить одну половину, а вместо второй положить две четвертинки. Вскоре он поймет: $\frac{1}{2} + \frac{1}{2} = \frac{1}{4} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4}$, а две половинки равны четырем четвертям: $\frac{2}{2} = \frac{4}{4}$. Ребенок мысленно считает дроби, видя части круга, и в состоянии выразить свое понимание при помощи математической записи. Наблюдения можно анализировать более глубоко.

$$\begin{aligned}\frac{1}{2} + \frac{1}{2} &= \frac{2}{2} \\ \frac{1}{4} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4} &= \frac{4}{4} \\ \frac{1}{2} + \frac{1}{2} &= \frac{1}{4} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4}\end{aligned}$$

Две половины и четыре четверти — это целый круг. Заполняя круг разными по размеру частями (например, один полукруг и две четверти), ребенок видит соотношение дробных чисел.

$$1 = \frac{1}{2} + \frac{2}{4}, \text{ то есть } \frac{1}{2} = \frac{2}{4}. \text{ То же и с остальными дробями.}$$

Ребенок учится сокращать дроби, видеть их простейшее выражение. Приходит очередь и сложных примеров, которые сначала выполняются при помощи вкладышей, а затем только на бумаге.

Теперь можно переходить и на другие предметы, поддающиеся счету и делению, в частности, на бусины, жетоны, фасолины.

Мы составляем приказания:

- Возьми $\frac{1}{5}$ от 25 бусин.
- Возьми $\frac{1}{4}$ от 36 жетонов.
- Возьми $\frac{1}{3}$ от 27 фасолин.

Бывают приказания, требующие вычислений в два действия, к тому же разными способами:

- Возьми $\frac{2}{5}$ от 60 бусин. $60: 5 = 12$; $2 \times 12 = 24$ или $2 \times 60 = 120$;
 $120: 5 = 24$ и т. д.

Преобразование обычных дробей в десятичные : дощечка, напоминающая круглые вкладыши, только фон не светлый, а темный, на нем обозначены деления.

Штрихи подлиннее делят круг на 10 частей, они обозначены цифрами: 0, 10... 90. Штрихи покороче делят каждую дугу пополам, еще более короткие делят каждую половину на пять частей. Получается круг, поделенный на 100 частей. Линия от центра к вершине, над которой стоит 0, (радиус) выпуклая, чтобы точнее расположить фигуры, которые мы хотим измерить.

Чтобы перевести обычную дробь в десятичную, мы берем часть вкладыша, уже измеренную, располагаем ее в нашем круге, совмещая центры и одну из сторон фигуры с выпуклым радиусом. Остальная часть фигуры должна лежать справа от радиуса, в сторону увеличения цифр. Если мы положим так одну четвертую часть круга, то сразу увидим по цифре над окончанием второй стороны фигуры, что $\frac{1}{4} = 0,25$.

Можно положить рядом, сторона к стороне, несколько фигур-вкладышей и увидеть:

$$\frac{1}{3} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} = 0,70 \text{ (примерно).}$$

Этот материал прекрасно развивает арифметические навыки. Круг (единичное целое) поделен на 100 частей, и мы можем делить эти 100 фрагментов на любое количество долей. Все, что получится, будет сотыми частями целого. $\frac{1}{4} = 100: 4 = 25$ сотых, то есть $\frac{25}{100}$ или 0,25. Деление совершается делением числителя на знаменатель: $1:4 = 0,25$.

Третья серия вкладышей: равные по площади фигуры.

Этот материал позволяет вычислять площади разных фигур и дает предварительное представление о некоторых геометрических теоремах, которые обычно не изучаются в начальной школе. Считается, что это недоступно пониманию маленьких детей.

Треугольник и прямоугольник равны по площади, если одна сторона прямоугольника равна основанию треугольника, а другая сторона прямоугольника равна половине высоты треугольника.

На широкой прямоугольной рамке есть два белых пространства (две выемки): равные по площади треугольник и прямоугольник.

Вкладыши составлены так, что могут заполнить и прямоугольное, и треугольное пространство. Это треугольник, состоящий из трех частей.

Параллельная линия делит высоту треугольника пополам, вертикальная делит верхнюю часть на два равных треугольника. Можно наложить эти маленькие верхние треугольнички друг на друга и убедиться, что они равны.

Работа с бусинами и числовым квадратом научила детей находить площадь квадрата, умножая одну сторону на другую. Площадь прямоугольника также равна произведению смежных сторон. Работая с вкладышами, ребенок видит, что треугольник превращается в прямоугольник. Значит, их площади равны. Следовательно, площадь треугольника равна произведению его основания на половину высоты.

Равны площади ромба и прямоугольника, если одна сторона прямоугольника равна стороне ромба, а вторая — высоте ромба.

Вкладыши состоят из ромба, разделенного диагональю на два равных треугольника, и прямоугольника, разделенного на три треугольника таким образом, что они могут заполнить и ромбовидное пространство рамки, и прямоугольное. В комплект входят и целые фигуры ромба и прямоугольника. Если их наложить друг на друга, можно убедиться, что высоты равны. Равенство площадей фигур доказывается перемещением трех частей прямоугольника в ромбовидное пространство и обратно в прямоугольное. Отсюда следует очевидный вывод, что площадь ромба равна произведению стороны на высоту. (Площадь прямоугольника ребенок уже умеет вычислять.)

Равны площади трапеции и прямоугольника, если одна из сторон прямоугольника равна сумме двух оснований трапеции, а вторая — равна половине высоты трапеции. Ребенок может обнаружить и второй вариант равенства площади трапеции и прямоугольника. Если одна сторона прямоугольника равна высоте трапеции, а вторая — полусумме двух оснований.

Для этого достаточно разделить длинный прямоугольник пополам и положить одну часть над другой, образовав прямоугольник короче и шире первого. Большая прямоугольная рамка содержит три углубленных пространства: два трапецевидных (одинаковых) и одно прямоугольное, равное по площади, чья длина равна сумме двух оснований, а высота — половине высоты трапеции. Вкладыш в одну трапецию состоит из двух частей. Трапеция как бы разрежали по горизонтали на уровне половины высоты. Наложив обе части друг на друга, можно убедиться, что высоты равны. Вторая трапеция разделена на 4 части, которыми можно заполнить и прямоугольное пространство.

Равенство площадей двух фигур очевидно, а значит, можно понять, как вычислить площадь трапеции (умев вычислять площадь прямо-

угольника): произведение суммы двух оснований на половину высоты, или

произведение полусуммы оснований на высоту. Ученики, измерив стороны фигур, могут произвести арифметические вычисления.

Равны площади правильного многоугольника и прямоугольника, если одна сторона прямоугольника равна периметру многоугольника, а вторая — половине апофемы.

Есть две отдельные рамки с углублениями в форме многоугольника. Один вкладыш представляет собой целый многоугольник, второй — многоугольник, разделенный на треугольники. К примеру, возьмем десятиугольник, значит, и треугольников будет 10. На отдельной рамке — прямоугольное углубление, которое можно заполнить треугольниками, разделенными горизонтальным разрезом на две половинки на уровне половины высоты (два треугольника должны быть еще разделены пополам вертикальным разрезом).

В геометрическом альбоме рисуем таблицу, демонстрирующую равенство площадей десятиугольника и прямоугольника. Рисуем отдельно развертку десятиугольника — 10 треугольников в ряд, горизонтальной пунктирной линией обозначаем уровень половины высоты треугольника. Рядом (параллельно) нужных размеров прямоугольник, а рядом прямоугольник, в который «врисованы» треугольники.

Из 10 треугольников-вкладышей можно без рамки сложить еще один прямоугольник (один треугольник при этом делится еще на два равных треугольничка вертикальным разрезом) и убедиться, что площадь многоугольника равна площади прямоугольника, одна сторона которого равна целой апофеме многоугольника, а другая — половине периметра. Становится понятно, что площадь правильного многоугольника равна произведению периметра на половину апофемы, или произведению апофемы на половину периметра.

Некоторые теоремы, основанные на равенстве площадей фигур

1. Умея вычислять площадь треугольника, ребенок понимает, что все треугольники с одинаковыми основаниями и высотами равны по площади.

Для осознания этой теоремы мы приготовили специальный материал. Равные по площади ромб и прямоугольник. Каждая фигура разделена на два равных треугольника. Эти треугольники разные по форме, но равные по площади. Равенство их оснований и высот можно проверить и измерениями, и наложением фигур. Равенство площади треугольников очевидно, ибо эти треугольники представляют половины равных по площади фигур. (Равенство ромба и прямоугольника уже было доказано и проверено.)

2. Теорема Пифагора. Квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов двух катетов.

- 1) два катета равны между собой;
- 2) катеты относятся друг к другу как 3:4;
- 3) общий случай.

1) *Два катета равны между собой.* На рамке — прямоугольный равнобедренный треугольник. Каждая сторона треугольника одновременно является стороной квадрата. Квадраты катетов по диагонали поделены на два треугольника каждый. Квадрат гипотенузы двумя диагоналями разделен на 4 треугольника. Получается всего 8 треугольников совершенно одинаковых. Треугольники катетов могут быть уложены в квадрат гипотенузы и наоборот. Эти перемещения увлекают детей, особенно если учесть, что треугольники квадратов катетов выкрашены в один цвет, а 4 треугольника квадрата гипотенузы — в другой.

2) *Катеты относятся друг к другу как 3: 4.* Квадраты сторон треугольника делятся не на треугольники, как в первом материале, а на квадраты. Квадрат первого (меньшего) катета поделен на 9 квадратиков (3 в квадрате) одного цвета, квадрат второго катета разделен на 16 (4 в квадрате) квадратиков другого цвета, квадрат гипотенузы разделен на 25 (5 в квадрате) квадратиков третьего цвета. Игра с перемещениями очевидна. Квадраты двух катетов могут быть заполнены квадратиками из квадрата гипотенузы. А квадрат гипотенузы можно красиво

выложить разноцветными квадратиками квадратов катетов.

3) Общий случай. Рамка вкладышей — это большой прямоугольник размером 44x24 см. Ее можно сравнить с шахматной доской, где перемещаемые фигурки создают самые разные комбинации.

Понимание теоремы строится на нескольких уже освоенных принципах. Во-первых, два четырехугольника с одинаковым основанием и высотой равны по площади. Во-вторых, две фигуры, равные по площади третьей, равны по площади между собой.

Квадрат гипотенузы в данном материале разделен на два прямоугольника. Разделительная линия начинается в той точке, куда падает высота треугольника, опущенная из противоположного угла. Кроме того, среди вкладышей есть два ромбоида. У одного сторона равна стороне квадрата большего катета, у второго — стороне квадрата меньшего катета. И у каждого ромбоида вторая сторона равна стороне квадрата гипотенузы. Меньшая высота этих ромбоидов равна высоте прямоугольников (части квадрата гипотенузы), большая высота равна сторонам квадратов катетов. Ребенку не обязательно заранее знать все эти соотношения величин. Он видит фигуры-вкладыши, красные и желтые, и просто перекладывает их, размещая в ячейках рамки. Кроме ячеек треугольной и квадратной формы (3 квадрата у каждой стороны треугольника) на той же рамке есть прямоугольные углубления для понимания соотношения высот и сторон ромбоидов. Материальное размещение подвижных фигурок на белом пространстве дает ученику возможность понять суть теоремы. Это не абстрактное заучивание соотношения величин, а простое и очень интересное упражнение.

Тот же материал может быть использован и для других целей.

Замена фигур

Возьмем вкладыши для изучения теоремы Пифагора, уже размещенные на рамке. Сначала снимем два прямоугольника (части квадрата гипотенузы) и положим их в прямоугольные углубления. Опустив треугольник, положим на пустые места ромбоиды. Сначала это пространство было заполнено треугольником и двумя прямоугольниками, теперь — треугольником и двумя ромбоидами. Итак, сумма двух прямоугольников равна сумме двух ромбоидов. Теперь мы можем продемонстрировать равенство площадей ромбоидов и квадратов катетов. Опять уложим все вкладыши в исходном порядке и обратим внимание на пространство, занятое треугольником и квадратом большего катета. Для этого снимем уложенные в него фигуры и заполним другими:

- снова треугольником и большим квадратом;
- треугольником и большим ромбоидом.

То же можно проделать с пространством, заполненным треугольником и квадратом меньшего катета. Только придется взять меньший ромбоид.

Равенство площадей фигур

Можно убедиться в равенстве площади ромбоидов и соответствующих прямоугольников и квадратов. Для этого фигуры помещаем в боковые прямоугольники на рамке и убеждаемся в равенстве высот фигур. Равенство оснований проверяется их наложением друг на друга. Следовательно, фигуры равны по площади.

Наша геометрическая система включает в себя и другие материалы, но менее значимые.

Четвертая серия вкладышей: *деление треугольника*.

Четыре одинаковые рамки с одинаковыми углублениями треугольной формы (равносторонними, сторона 10 см) и треугольниками-вкладышами. Один треугольник — цельная фигура. Второй — 2 равных разносторонних прямоугольных треугольника. Они

получились разделением равностороннего треугольника линией высоты. Третий треугольник состоит из трех тупоугольных равнобедренных треугольников, получившихся от деления углов биссектриссами. Наконец, четвертый разделен на 4 равносторонних треугольника, подобных большому треугольнику.

Ребенок может измерять углы, научиться отличать прямой угол от острого и тупого. Измеряя все углы треугольника, ученик узнает, что сумма углов треугольника всегда составляет 180° , то есть два прямых угла. Он может заметить, что углы равностороннего треугольника равны (60°). В равнобедренном треугольнике два угла, прилегающие к основанию, равны между собой. В разностороннем треугольнике все углы разные. В прямоугольном треугольнике сумма двух острых углов равна 90° , то есть прямому углу. Ученик может самостоятельно вывести определение: треугольники подобны, если их соответствующие углы равны.

Материал для изучения вписанных и описанных фигур

Этот материал напоминает уже описанный. На белом фоне можно располагать фигуры вписанные или описанные. К примеру, в центре большого равностороннего треугольника расположим маленький красный равносторонний треугольник (четвертая часть большого). Каждая вершина маленького треугольника касается средней точки каждой стороны большого треугольника.

Еще есть квадраты разной величины. В рамках для них сделаны соответствующие белые углубления. Квадрат со стороной 7 см может быть уложен в центр квадрата со стороной 10 см так, чтобы каждая вершина касалась середины каждой стороны. То же можно сделать с квадратами со стороной 7 и 5 см, 5 и 3,5 см.

Есть еще и круги разного диаметра. Их можно накладывать друг на друга, накладывать на них треугольники. Круг с диаметром 10 см вписывается в квадрат со стороной 10 см.

Все эти соотношения делают разноцветные вкладыши чрезвычайно удобными для рисования различных красивых сочетаний.

В этот материал мы включили и звезды, которые обычно служат для декоративного рисования, и цветы, образованные пересечением кругов и полукружий.

Беглое изложение перспектив развития геометрических знаний

Геометрия тел

Приходит момент, когда дети с удовольствием и знанием дела вычисляют площади правильных геометрических фигур. К этому их подготовили упражнения с бусинами, с квадратами и кубами чисел. Теперь им нетрудно научиться высчитывать объем геометрического тела. Тем более полезно после упражнений с кубом чисел (при помощи бусин) узнать, что произведение площади основания на высоту равно объему призмы.

Материал состоит из трех геометрических тел: призмы, пирамиды (ее основание и высота равны основанию и высоте призмы) и призмы, чье основание равно основанию пирамиды, а высота втрое меньше. Фигуры полые. Призмы закрыты крышкой и являются, по существу, коробочками. У пирамиды нет крышки снизу, с ее помощью можно набирать и перекладывать разные субстанции. Мы наполняем тела разными субстанциями (песок или зерна проса) так, чтобы заполнить их целиком и чтобы содержимое оставалось всегда в том же количестве. Это нелегко. Часто вещество насыпают не доверху, получается меньший объем, чем присущ телу на самом деле. Нужно научиться заполнять пустоту так же, как нужно научиться укладывать вещи максимально компактно. Покачивать тело, чтобы утрясти содержимое, разглаживать и приминать поверхность — детям это очень нравится.

Тело можно наполнить и жидкостью. В этом случае придется научиться переливать жидкость, не теряя первоначального объема, не проливая ни капли.

Это техническая подготовка к измерительной процедуре. Ученики узнают, что объем пирамиды равен объему маленькой призмы, то есть трети объема большой призмы.

Следовательно, объем пирамиды равен произведению площади основания на треть высоты.

Наполнив глиной маленькую призму, мы получим достаточный объем, чтобы заполнить пирамиду. Из этой глины можно сделать два тела, равные по объему, по форме совпадающие с телами нашего материала. Пять равных частей глины, достаточных, чтобы заполнить маленькую призму, станут материалом для пяти тел.

Из этой идеи вытекают все остальные действия: объяснения почти не нужны. Часто исследования возникают как следствие детских вопросов.

- Как найти площадь круга?
- Как найти объем цилиндра?
- А конуса?

Вычисление площади поверхности тела — прекрасная задача для ребенка. Иногда ребенок спонтанно находит ответ. Материал для этого такой: деревянные геометрические тела, у которых основное измерение — 10 см:

- четырехугольный параллелепипед (10, 10, 20 см);
- четырехугольный параллелепипед, равный трети первого;
- четырехугольная пирамида (10, 10, 20 см);
- треугольная призма (10, 20 см);
- треугольная призма, равная трети предыдущей;
- пирамида (10, 20 см);
- цилиндр (диаметр 10 см, высота 20 см);
- цилиндр, втрое меньше предыдущего;
- конус (диаметр 10 см, высота 20 см);
- сфера (ось 10 см);
- овал (большая ось 10 см);
- эллипсоид (большая ось 10 см).

А также тетраэдр, гексаэдр (куб), октаэдр, додекаэдр, икосаэдр. Эти тела раскрашены в разные цвета.

Наложение

Сила чисел

Материал: два равных куба с ребром 2 см, призма вдвое больше куба, призма вдвое больше предыдущей, 7 кубов с ребром 4 см. Два кубика, рядом стоящие, — 2 . Два кубика и призма вдвое больше куба — 2^2 . Все то же и самая большая призма — 2^3 . Два кубика с гранью 4 см — 2^4

Добавить к ним еще 2 кубика — 2^5 .

Добавить к ним еще 4 кубика — 2^6 .

Итак, 2^3 , 2^6 — фигуры располагаются в форме куба.

2^2 , 2^5 — фигуры располагаются в форме квадрата.

2 , 2^4 — фигуры располагаются в одну линию.

$$(a + b)^3 = a^3 + b^3 + 3a^2b + 3b^2a$$

Материал: куб (ребро 6 см), куб (ребро 4 см), 3 призмы с квадратным основанием (сторона 4 см, высота 6 см), 3 призмы с квадратным основанием (сторона 6 см, высота 4 см).

Вес и размер

В распоряжении детей всегда есть много предметов для взвешивания и измерения. Например, еще в Доме ребенка ученики пользовались счетными штангами для измерения длины. Эта система имела свой метр и более мелкие деления, дециметры. Сейчас в распоряжении младших школьников десятиметровая лента, которой можно измерить пол, а значит, вычислить его площадь. Есть метровые измерители в разных формах (линейка, металлическая лента, швейный сантиметр и штанга торговца). Дети измеряют всем подряд и все подряд, с удовольствием высчитывают площади нарисованных геометрических фигур

или вкладышей.

Устанавливается связь между длиной, площадью и объемом, соединяются в систему три измерения: длина, высота и ширина. Более глубоко изучаются хорошо знакомые материалы, вроде розовой башни.

Дети учатся пользоваться различными научными приборами: термометром, весами, осваивают систему мер и весов. Наполним водой кубический дециметр (полый куб со стороной 10 см) — получим литр. Теперь можно измерить объем бутылки и маленького пузырька.

Ученики измеряют температуру воды в различных состояниях. Здесь не стоит останавливаться на частностях. Большая часть предложенных нами задач придумана детьми. Вот ясное свидетельство легкости достижения внешних результатов при готовности внутреннего состояния.

Рисунок

Рисунок геометрический и чертеж

Украшение

Раньше мы уже говорили, что материалы-вкладыши можно использовать для рисования. Именно в процессе рисования ребенок сумеет внимательно разглядеть все геометрические фигуры, которыми научился манипулировать, перекладывать, составлять из них разные комбинации, рассуждать об их свойствах. Делая чертежи геометрических фигур, ученик осваивает множество инструментов (линейка, угольник, транспортир, циркуль, рейсфедер). В комплект геометрических материалов входит альбом, где даны изображения фигур и краткие пояснения относительно их свойств. Ребенок может не только перерисовывать изображения, но и списывать пояснения, таким образом аккуратно копируя альбом. Эти пояснения очень просты, например:

Квадрат: сторона основания разделена на 10 сантиметровых отрезков. Остальные стороны равны ей, то есть в каждой по 10 см. У квадрата 4 равных стороны и 4 равных прямых угла. У него всего по 4, равных сторон и углов.

Дети измеряют расстояние и чертят фигуры с огромным усердием и вниманием. Им нравится работать с циркулем, они гордятся, что владеют таким хитрым инструментом.

Маленькая девочка просит у мамы в качестве рождественского подарка «последнюю куклу и циркуль», словно речь идет об окончании одного периода жизни и начале нового.

Маленький мальчик просит маму взять его с собой в магазин, чтобы самому выбрать циркуль. Продавец удивлен, что чертежный инструмент понадобился такому малышу, и сначала достает самые простые циркули. «Нет, нет! — протестует мальчик. — Мне нужны инженерные циркули». Вот почему он так настаивал на личном присутствии в магазине!

Рисую, ученики осваивают важные геометрические термины: угол, сторона, основание, центр, медиана, луч, диаметр, сектор, сегмент, диагональ, апофема, периметр и др.

Это работа нескучная, дети не ограничиваются копированием, они украшают свои альбомы дополнительными рисунками. Если копии фигур выполняются на обычной белой бумаге тушью, то собственные рисунки делаются на цветной бумаге цветными чернилами (красными, серебряными, золотыми). На своих рисунках ученики украшают геометрические фигуры различными узорами, выполненными пером и тушью или кисточкой и акварелью. Эти узоры подчеркивают, выделяют отдельные части фигуры (центр, угол, диагональ и т. п.). Узор либо выбирается ребенком (мотив, цвет фона, линии), либо свободно придумывается.

Наблюдения за природой (листья, тычинки, стебельки, увиденные под микроскопом, семена, насекомые, раковины) дают пищу детской художественной фантазии. Кроме того, в

распоряжении учеников есть профессиональные рисунки, репродукции классических картин.

Дети способны рисовать часами. Это время мы используем для чтения вслух, и практически весь курс истории осваивается учениками в эти часы рисования, часы предельной сосредоточенности и концентрации внимания.

Копирование, декоративное рисование, вдохновленное наблюдениями над природными объектами, выбор красок, затачивание карандашей, подготовка листа, настройка циркуля — все это занятия, требующие терпения и точности, но не слишком интеллектуальные. Заняты скорее руки, чем голова. Однако голове отвлекаться все же нельзя, ей необходимо следить за руками. Спокойная работа, в течение которой сознание загружено лишь отчасти. Представьте семейный отдых у камина долгими зимними вечерами, когда руки заняты несложным домашним рукоделием, не требующим умственного напряжения. Каждый следит глазами за игрой мерцающих языков пламени, проникается мирной прелестью момента. Но удовольствие кажется неполным, если никто ничего не рассказывает или не читает вслух. Самое подходящее время!

Именно в часы рисования наши ученики прослушали множество художественных произведений, книг по психологии, по истории. Дети живо интересуются содержанием прочитанного, занимаясь одновременно собственными рисунками. Слово одна деятельность поддерживает другую. Рисунок удерживает внимание, не давая увлечься далекими мечтами, и сознание наиболее подготовлено к восприятию книги. С другой стороны, удовольствие от слушания придает силы рукам и глазам. Линии становятся точнее, краски изысканнее.

Когда интерес к чтению достигает своей наивысшей точки, дети начинают обмениваться впечатлениями, обсуждать услышанное, не отрываясь при этом от рисования. Впрочем, иногда ученики бросают карандаши, чтобы разыграть сцену из комедии или исторической драмы, затронувшей их сердца. Восхищение поэтическим словом, сочувствие герою могут заставить ребенка отложить рисунок и замереть в ожидании продолжения.

Художественные орнаменты из вкладышей

Наши геометрические вкладыши имеют определенные размеры, позволяющие сочетать фигуры разных наборов, вписывать одну в другую, составлять чудесные композиции. Это настоящее творчество для ребенка, который иногда несколько дней подбирает сочетание фигур, цветов. Получившиеся орнаменты легко нарисовать, переложив металлические фигурки на лист бумаги и обведя контуры. Результат производит огромное впечатление на детей. Эта работа так же, как рисование с натуры, требует полной сосредоточенности. Никакое чтение в это время невозможно.

Мы делаем из вкладышей композиции, повторяющие классические орнаменты. Дети пытаются воспроизвести увиденное. Сначала учительский образец, потом репродукцию Джотто (или другого художника). Им приходится тщательно вглядываться в каждую деталь, исследовать пропорции, соотношение величин. Глаз учится видеть гармонию, развивается эстетический вкус. Душа растет.

Свободный рисунок. Рисование с натуры

Все предшествующие упражнения готовят детей к настоящему рисованию не только с точки зрения техники (тренировка руки, глазомера, чувство гармонии, умение наблюдать, терпение). Не менее важна для рисования свобода творчества и внутреннего развития. Только формируя личность, можно подготовить к рисованию, чудесному проявлению полета души. Необходимо видеть истину в формах, красках, пропорциях, владеть движениями собственной руки. Только тогда можно выразить самого себя в рисунке.

В рисовании не может быть постепенного усложнения заданий, от простейшего вплоть до высокого художественного творчества. Лишь тренировка технических навыков и свобода духа приводят к цели. Вот почему мы не преподаем непосредственно рисование, но готовим к нему исподволь, предоставляя свободу в таинственном и волшебном занятии по воспроизведению предметов, лично прочувствованных. Рисунок должен стать потребностью, желанием выразить себя, как и язык. Усилия по совершенствованию этого способа самовыражения напоминают настойчивые попытки ребенка научиться говорить или писать так, чтобы его мысль стала реальностью. Детские усилия спонтанны, поэтому лучший учитель рисования — растущая душа, которая стремится проявить себя в творчестве.

Самые маленькие наши ученики с удовольствием обводят контуры разных предметов. Однако мы не замечали у них ужасных традиционных рисунков, столь трепетно хранимых в обычных школах. Так называемое «свободное детское творчество» является на самом деле свидетельством несовершенства глаза и руки юного художника, его невосприимчивости к красоте. Это проявление не детской души, а ее неразвитости. Это наглядная демонстрация чудовищных последствий необразованности.

Детское творчество свободно только тогда, когда свободен ребенок, когда у него есть возможность расти и совершенствоваться, создавать и выражать себя. Создавать и выражать себя.

Развитие органов чувств, моторики пальцев — азбука. Но без нее человек неграмотен, он не может выразить себя. Нельзя развивать художественные способности детей, если не подготовить ребенка к развитию своих природных способностей. Однако мы создаем не школу рисования, тренирующую только руку, но школу нового человека. Ему нужен зоркий глаз, послушная рука, чуткая душа. Вся жизнь становится подготовкой к рисованию. А внутренний огонь довершит остальное.

Позвольте человеку оставить на холсте след божественного творения. Позвольте ребенку взять мел и нарисовать на доске простой контур или первое изображение увиденного листочка. Этот малыш сейчас ищет все возможные языки, все способы самовыражения. Потому что нет одного языка, способного выразить все богатство его внутренней жизни. Он говорит, пишет, рисует и поет, как птица весной.

Образование наших детей в области рисования состоит прежде всего в наблюдении за реальностью и вычленении в этом наблюдении форм и цветов.

Цветовое восприятие мы развиваем в учениках с самого маленького возраста при помощи сенсорных упражнений. Их рука привыкла к точным движениям, она послушна. Ребенок зарисовывает разные природные объекты. Не только цветы, а все, что его интересует: вазы, колонны, пейзажи. И на доске, и на бумаге. Это спонтанные попытки.

С самого маленького возраста наши ученики пользуются красками, учатся их сочетать, регулировать насыщенность цвета. Подбирать точный оттенок, соответствующий природному цвету. Для этого есть материал, состоящий из тюбиков с тремя основными цветами (красный, желтый, синий). С их помощью можно получить множество разных цветов и оттенков. Глаз привыкает различать мельчайшие нюансы цвета.

К рисованию замечательно готовит изучение естественных наук. Однажды я показывала детям строение цветка. Принесла увеличительные стекла, пинцеты, скальпели — все, что положено для подобных опытов. Я лишь хотела узнать, насколько маленькому ребенку доступны опыты, производимые студентами биологических факультетов университетов. Все студенты знают, как трудно подготовить препарат стебля, отделить эпителий и т. п. Рука, привыкшая к письму, с трудом приспособляется к тонкой, деликатной работе. Видя, как умелы маленькие ручки моих учеников, я решила дать им настоящее научное оборудование и проверить, не окажутся ли детский ум, их ловкие руки более приспособлены к такой работе, чем ум и руки студентов.

Я не ошиблась. Дети совершенно точно и с огромным интересом препарировали фиалку, мгновенно освоив весь предложенный инструментарий. Меня удивило, что малыши располагали части цветка на предметном стекле не как попало (что свойственно студентам),

а в определенном порядке, создавая эстетически гармоничную композицию. А затем принялись тщательно зарисовывать увиденное, терпеливо и неустанно. Подбирали цвет, искали нужный оттенок. Получились прелестные, живые композиции, отражающие детское восхищение перед открывшимся новым миром, прежде неведомым.

Воодушевленная таким успехом, я поставила в классе микроскопы, чтобы ученики наблюдали различные ткани, от цветов до собственной одежды. Дети рисовали все, что видели. Так они учились рисовать, раскрашивать не по указанию учителя, а совершая работу, которая, как и составление геометрических орнаментов из вкладышей, рисование цветов с натуры, не считается традиционно свойственной детскому возрасту.

Музыка

Со времени появления моей первой книги о методе воспитания маленьких детей мы добились больших успехов в музыкальном образовании.

Синьорина Маччерони, которая работает со мной в Риме над развитием метода в начальной школе, сделала первые шаги в этой важной области воспитания ребенка.

Основа системы — это серия колокольчиков, соответствующих тонам и полутонам (клавишам пианино) октавы. Материал должен обладать основным свойством сенсорных материалов: предметы различаются только одним параметром. Это обостряет развиваемое чувство. Колокольчики, совершенно одинаковые по форме и размеру, издают разные звуки. Самое простое упражнение состоит в узнавании одинаковых звуков — нахождении пар колокольчиков, издающих тот же самый звук.

Мы сконструировали очень простую подставку: деревянную доску длиной 1 м 15 см и шириной 25 см, на которую ставятся колокольчики. Ширина доски должна быть достаточной для установки оснований двух колокольчиков, одного под другим. Доска разделена на черные и белые прямоугольнички одинаковой ширины, равной по ширине основанию колокольчика. Белые прямоугольнички соответствуют белым клавишам клавиатуры пианино, черные — черным.

Доска вроде бы служит только подставкой, но на самом деле является и мерой, указывая место каждой ноты в гамме. Черные и белые прямоугольнички обозначают интервалы между ступенями гаммы: полутон между третьим и четвертым, между седьмым и восьмым обозначен белыми прямоугольничками. Между остальными белыми прямоугольничками — тон. Между черным и белым прямоугольником — всегда полутон.

Колокольчики для сравнения закреплены в нужном порядке в верхнем ряду. Они разные по величине, в зависимости от того, какую ноту издают. Это облегчает и удешевляет производство, поскольку одинаковые по размеру колокольчики, издающие разные звуки, должны иметь стенки разной толщины. Это трудно и дорого делать. С другой стороны, ряд разных по величине колокольчиков позволяет глазам увидеть внешнее отличие там, где оно проявляется лишь на слух. Но колокольчики, с которыми работает ребенок (второй комплект), все одинаковой величины.

Упражнение такое. Ребенок ударяет молоточком по одному из закрепленных колокольчиков и затем ищет среди беспорядочно стоящего второго комплекта тот колокольчик, который издает такой же звук. Найдя его, ставит нужный колокольчик на соответствующий прямоугольник доски в нижнем ряду. Поначалу имеет смысл искать колокольчики, отличающиеся на целый тон друг от друга, лишь затем переходить к узнаванию полутонов.

Это простейшее сенсорное упражнение аналогично упражнениям на различение других стимулов (цвет, тактильное ощущение и т. д.). Затем, как и с другими материалами, ребенок переходит к упражнениям на выстраивание градуированной шкалы (цветовая палитра,

классификация шумов по громкости и т. д.). Он ставит на стол восемь колокольчиков, воспроизводящих гамму, перемешивает их. Ударяя молоточком, находит *до*, *ре*, остальные ноты, выстраивает цепочку. Опять же, как в других упражнениях, ребенку называют слово, связанное с опознанным стимулом. В данном случае это названия нот: *до*, *ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, *си*, *до*. Я сделала маленькие кружочки (напоминающие нотные кружки), которые можно прикрепить у основания колокольчика, и написала на них названия нот. Если прикрепить эти надписи у основания зафиксированных колокольчиков, то, подбирая пары из второго комплекта, ученик, умеющий читать, соединит в своем сознании звук с названием ноты. Расставив колокольчики по порядку, он сможет разложить кружочки возле каждого колокольчика.

Некоторые знатоки музыки раскритиковали наш материал, заявив, что он не поможет овладеть музыкальным искусством, доступным лишь избранным. Однако речь идет о различении разных звуков, то есть колебаний разной частоты. Это вполне материальное, осязаемое отличие, которое способно уловить любое нормальное ухо. Для этого не нужна никакой музыкальной одаренности. Иначе мы дойдем до утверждения, что только гений способен отличать оттенки цвета. Особенная трудность музыки — иного, высшего порядка: интуитивное чувство гармонии и контрапункта, творческое вдохновение.

Наш опыт показывает, что из 40 детей 3–6 лет, впервые взявших в руки данный материал, только 6 или 7 сразу смогли по слуху выстроить мажорную гамму. Однако, постоянно упражняясь с колокольчиками, все 40 достигли этого уровня. Так же, как все научились читать, писать. Разная скорость достижения такого уровня зависела скорее не от способностей, а от увлеченности ребенка. Упражнение помогло выявить индивидуальные пристрастия учеников.

Малыш берет один колокольчик, ударяет по нему молоточком, держит в руке, смотрит на него. Ребенок постарше ставит на стол сразу 8 колокольчиков, чтобы выстроить гамму на слух. Это занятие имеет для него особое очарование. Одна девочка Нинелла сыграла на колокольчиках гамму 200 раз подряд: 100 раз восходящую, 100 раз нисходящую. Класс с интересом слушал в полной тишине классически прекрасное чередование звуков. Марио сел как можно дальше, положил локти на стол, спрятал лицо и молча, неподвижно слушал в полутемной комнате. Он был заморожен. В такие минуты рождается желание повторить звук голосом. Дети подпевают гамме, постепенно их голоса становятся чище и гармоничнее. Ничего общего с крикливыми детскими хорами из обычных школ.

В одном классе дети придумали такое упражнение. Ученик тихонько играл гамму на колокольчиках — остальные пели. Им это нравилось гораздо больше, чем традиционные детские песенки, которые на самом деле совсем не подходят для первых вокальных упражнений (из-за трудностей со словами, с произношением, с необходимостью передать настроение, воспроизвести большие интервалы и т. п.).

Дети очень быстро выучили ноты, хотя впрямую такая задача не ставилась. После длительных упражнений по подбору пар одинаково звучащих колокольчиков ребенок переходит к выстраиванию гаммы. Он пользуется одним комплектом колокольчиков, повторяя многократно и разными способами данное упражнение. Иногда он идет от самого низкого звука октавы к самому высокому, иногда, наоборот, понижает тон. Иногда берет случайную ноту и выстраивает от нее в разные стороны целую гамму. В конце концов, взяв колокольчик наугад, он мгновенно узнает ноту: это *ми*, это *ля*.

Один ученик, продемонстрировав вышеописанное упражнение в мае перед королевой-матерью, не подходил к колокольчикам до осени. Но в ноябре его попросили позаниматься со звучащими трубочками, которых он раньше практически не видел. Трубочек было 16, совершенно перемешанных. Они представляли собой две гаммы. Малыш взял одну трубочку, ударил по ней и сказал: «Это си», — и повесил на соответствующий крючок на подставке. Затем взял следующую. «Это ми». Так он развесил все 16 трубочек по порядку на двух параллельных подставках. Он много занимался с колокольчиками в течение прошлого года и продолжал помнить все ноты.

То же происходило с цветами, геометрическими фигурами. Ребенок исследует окружающее пространство и радостно сообщает учителю, играющему на пианино: «Это в ле-е-е». И ударяет по клавише, с которой действительно начинается песенка «В лесу родилась елочка».

Ритмические упражнения

Самое простое упражнение — это ходьба по линии. Оно используется для работы с самыми маленькими детьми, чтобы развивать координацию движений, чувство равновесия, научить красивой походке, осанке. Ребенок идет по нарисованной на полу линии (в форме эллипса), словно канатоходец, ставя ступни точно на линию.

Синьорина Маччерони стала аккомпанировать этому упражнению игрой на пианино. Сначала музыка служила сигналом к началу упражнения. Учительница заиграла — дети сразу собрались у линии. Музыка была приятным сопровождением ходьбы. Но еще не установилась связь между ритмом музыки и движениями ребенка. Однако постепенно ученики сами начали подстраивать свои шаги под музыкальный ритм. Дети разные, но почти все оказались чувствительны к ритму. Они меняли темп, характер движения в соответствии с музыкой. Учитель не требовал этого, ребенок сам прислушивался к звукам и менял походку. Конечно, в такой ситуации преподаватель должен играть эмоционально, ярко.

Поговорим несколько подробнее о том, как могут развиваться события. Дети с огромным удовольствием учатся ходить по линии, получая огромное удовольствие от собственной ловкости. Когда первые результаты достигнуты, можно садиться за пианино. Ничего не говоря, учитель просто начинает играть первую мелодию. Дети улыбаются, переглядываются и продолжают ходьбу, очень сосредоточенно и собранно. Мелодия, как путеводная нить, ведет ребенка в определенном темпе, ритме. Даже трехлетние малыши со второго-третьего прослушивания попадают в ритм исполняемого произведения. Учителю вовсе не нужно акцентировать ритм, играть с особенной четкостью. Скорее следует позаботиться о выразительности, подчеркнуть мелодию. Абсурдно играть Шопена, как метроном. Дети прекрасно почувствуют ритм, если произведение исполнено с чувством. Причем чувствуют не только ногами, но всем своим существом. Вот почему такое музыкальное хождение принципиально отличается от ритмичной ходьбы под хлопки ладошками, под счет: раз-два.

Упражнение становится все более артистичным, эмоциональным. Ученики действительно танцуют, проживают мелодию. Они чувствуют легато, двигаясь плавно. Стакато заставляет их подпрыгивать. Крещендо — чеканить шаг, форте — хочется хлопнуть в ладоши, пиано — тихое движение. Эти же дети еще несколько дней тому назад просили учителя, исполняющего пиано, играть погромче, потому что плохо слышно.

Иногда ученики на первых музыкальных занятиях, полюбив одну мелодию, не замечают других. В школе в Милане преподаватель играл произведение, состоящее из двух частей. Детям настолько понравился ритм первой части, что они даже не заметили, как учитель перешел ко второй. Они продолжали двигаться в первом ритме так упорно, что преподавателю пришлось вернуться к началу произведения. При этом на детских лицах появились счастливые улыбки, словно они встретили доброго знакомого. Педагог уловил момент, когда часть детей оказалась способна услышать другую мелодию, хотя некоторые продолжали двигаться в ритме первой. Однако и они вскоре, словно проснулись, ответили на музыкальные изменения.

Говорить детям: «Прыгайте! Бегите! Идите!» — значит обесценивать музыку, делать ее присутствие бессмысленным. Надо выбрать одно из двух: играть или командовать. Когда мы читаем карточки, мы не подсказываем ребенку слова, которые он должен прочесть. Также не следует указывать ему на ошибки в ритме. Музыка, если вы верите в ее существование, достаточно выразительна, чтобы подсказать свободным детям все: ритм, характер, темп

движения тела и души.

Учитель может подготовить с детьми настоящие танцевальные композиции, предлагая им двигаться попарно и одновременно, выполнять одинаковые движения, сходиться и расходиться.

Нет картины прелестнее, чем дети, спокойно слушающие музыку в молчании и внимательно наблюдающие за своими товарищами, которые двигаются под музыку. Эти упражнения во многом способствуют установлению внутреннего порядка, даже в самых неуравновешенных детях. Рождается удивительная связь между учениками и педагогом, вкладывающем в игру не только ловкость пальцев, но и всю силу души.

Хочу рассказать одну историю, демонстрирующую власть музыки над ребенком. Однажды мой отец вошел в класс, где двигался под музыку один мальчик, с которым моего отца связывала нежная дружба. Обычно ребенок бежал ему навстречу и бросался в объятия. Однако сейчас он, не переставая двигаться в ритме музыки, закричал учителю: «Остановитесь! Пожалуйста!» Он хотел поприветствовать моего отца, но не мог послушаться музыки. Его тело двигалось в заданном ритме. И только когда учитель перестал играть, малыш бросился навстречу другу.

Со временем в детях просыпается интерес к угадыванию размера мелодии (три четверти, четыре четверти). Они берут палочки, маленькие барабаны, кастаньеты. Начинаются коллективные упражнения.

Когда дети научились чувствовать ритм, размер произведения, выделять сильную долю, можно предложить им играть гамму на 2, 3, 4 четверти и триолями. Для этого подойдет маленькое пианино, но предварительно нужно потренировать движения пальцев и положение руки.

Теперь дети без труда поймут длительность нот. Не нужно долгих объяснений. Достаточно сыграть несколько раз чередование тактов: четыре четверти — одну целую, восемь восьмых — одну целую и т. п. Дети на каждую ноту делают шаг. Их очень смешат целые (долгие) ноты, заставляющие замирать на месте с поднятой ногой. Если ученики уже освоили нотную грамоту, им показывают зеленую карточку (по размеру напоминающую известный им нотный стан), где записано упражнение, исполненное учителем на пианино. Со временем они обязательно обратят внимание на разные виды нот и соединят их с различной длительностью звука. Педагог может дать краткие пояснения.

Ребенок вскоре будет способен сам записать ритм разными по длительности нотами. Сначала на деревянном нотном стане при помощи накладных нот (в материал входят «нотные хвостики» и кружочки белого и черного цвета), затем в тетради. Важно, чтобы длительность нот усваивалась сначала на слух (в слушании музыки), а не на глаз (разные хвостики на бумаге).

Эти упражнения нетрудно сыграть на пианино. Часто можно видеть ребят, собравшихся вокруг большого пианино в классе и увлеченно пытающихся сыграть на нем разные упражнения. При этом часть детей двигается под музыку, соблюдая ритм. Многие еще и подпевают. Узнавая ноты на слух, они пропевают их названия.

Ритмические упражнения полезны и в часы гимнастики. Движения под музыку ($\frac{2}{4}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{4}$) и полезны, и эстетичны. Часто трудности выполнения того или иного упражнения связаны с недостаточной сенсорной подготовкой ученика. Чем лучше он чувствует ритм, тем легче ему выполнить движение.

В детских нотных сборниках часто опускают различные нотные символы, полагая, что малышам они не доступны. Наши ученики довольно быстро усвоили обозначения стаккато, легато, крещендо и ди-минуэндо. Научились их понимать и использовать в собственных записях. Ведь для них это были не теоретические понятия, а то, что они прослушали, прочувствовали, прошагали. Мы поначалу делали специальные нотные символы для деревянного нотного стана, потом поняли, что они излишне усложняют материал и отказались от них. Зато активно используем их на разноцветных карточках с нотными записями.

Мы еще недостаточно точно определили, какой музыкальный материал следует использовать в занятиях с учениками разного возраста. Но уже заметили, как чувствуют дети мелодию, настроение каждого музыкального отрывка. Слушание музыки, или, можно сказать, концерты для детей, с использованием разных инструментов, с пением, кажется нам важнейшим элементом образования. Никто из маленьких слушателей не отвлекается. Лица взволнованны, на них отражается внутренняя работа души, которую вдохновляет, пробуждает музыка.

После ритмических упражнений, когда ученики уже хорошо разбираются в размерах, нотах, они не довольствуются проигрыванием простеньких отрывков. Им хочется услышать целое произведение. Слушая, дети постепенно начинают понимать чувства, скрытые в мелодиях. Например, говорят: «Эта музыка смеется, а эта плачет». Мы стремились представить разные чувства, выраженные в музыке (легкость, радость, тревогу, угрозу, презрение, нежность и т. п.). Старались включать в программу наших концертов музыкальные отрывки и сюжетные (из опер), и такие, когда легко представить себе определенную картину, и такие, которые помогают погрузиться в размышления, медитацию (Мендельсон, Моцарт, Шопен).

Образованные люди часто говорят о благотворном влиянии музыки на народ, о необходимости сделать концертные залы общедоступными. Но стоит ли раздавать томики Данте безграмотным? Сначала необходимо образование. Без него люди глухи, они не чувствуют прелести музыки, их ухо не слышит нюансов мелодии. Они не отличат Вагнера от Беллини и предпочтут кабаре. Если же с малолетства воспитывать в них любовь к искусству, понимание музыки, достаточно будет сыграть на улице одну мелодию, чтобы собрать толпу.

Следует помнить, что детская аудитория — особенная. Это не те, кто понимает музыку. Это те, в ком требуется развить понимание. И нужны для этого лучшие исполнители.

Нотная грамота

Материал. Представление о нотном стане дается при помощи деревянной доски, выкрашенной в светло-зеленый цвет. Доска разлинована, на каждой линии и на каждом промежутке между линиями (это октава, соответствующая звукам колокольчиков) есть небольшие круглые углубления, в которые можно вложить нотные кружочки. Внутри каждого углубления написана цифра: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. На нотных кружочках с внутренней стороны написаны те же цифры, а с внешней — названия нот. Например, 1-до, 2-ре и т. д. Теперь ученик может расположить ноты на нотном стане без ошибок, выучить их расположение на линейках.

Для более сложного упражнения нужна деревянная доска, аналогичная первой, только без углублений. У ребенка много кружочков (30–40), на которых написаны названия нот — с одной стороны. Нужно расположить кружочки на соответствующих линейках (или между ними) так, чтобы названия не было видно, лишь белый кружок на черной линейке. Закончив раскладывать кружки, ребенок переворачивает их надписями вверх и читает названия, проверяя правильность расположения нот. Кружочки с одинаковыми названиями должны находиться на одной и той же линейке. Если возникают сомнения, то по первой доске с подписанными углублениями можно себя проверить.

На этой ступени развития ученик уже может прочесть нотную запись и ударить по колокольчикам в порядке расположения нот на стане. Для этого мы готовим прямоугольные карточки длиной 17 см и ноты (2 см в диаметре). Карточки разноцветные: голубые, фиолетовые, желтые, красные. Дети исполняют на колокольчиках записанные ноты.

Дети учатся делать нотные записи самостоятельно. Мы даем им небольшие линованные листочки, которые впоследствии можно объединить в тетрадь или альбом.

Есть много песенок, состоящих из 2–3 нот, таких простых, что ребенок без труда подберет их на колокольчиках по слуху. После нескольких упражнений он уверенно поет

песенку, теперь пора записать ноты на стане. Так постепенно собирается личная музыкальная коллекция.

Ключ скрипичный и басовый

Сначала дети изучают расположение нот в скрипичном ключе. Хотя, как выглядит этот ключ, им пока неизвестно. Прежде они должны освоить расположение нот на двух нотных станах.

Короткая линия указывает расположение ноты *до*. Это начало гаммы. Поднимаясь с линейки на пространство между линиями, затем снова на линейку и т. д., мы выстраиваем октаву снизу вверх: *до-ре-ми-фа- соль-ля-си-до*. Можно спускаться сверху вниз. Получится гамма в обратном порядке: *до-си-ля-соль-фа-ми-ре-до*. Место *до* неизменно. Остальные ноты выстраиваются выше или ниже. От *до* можно подниматься по октаве *до* верхнего *до*, а потом спускаться назад (по верхнему нотному стану). Можно от *до* спускаться к *до* нижней октавы, а потом возвращаться назад, поднимаясь вверх по линейкам (по нижнему нотному стану). Раскладывая в таком порядке на двойном нотном стане нотные кружочки, мы получим ромб из нотных кружочков. Теперь достаточно отделить один нотный стан от другого, и вот перед нами расположение нот в скрипичном и в басовом ключе. Осталось в углу каждого нотного стана нарисовать изображение соответствующего ключа. Изображения ключей входят в материал.

Так дети запоминают гамму *до* мажор в обоих ключах. Работая с доской, на которой нарисованы белые и черные прямоугольники, ученики привыкают находить ноты на клавиатуре пианино.

У нас есть и маленькое пианино, чья клавиатура соответствует размеру детской руки. Оно позволяет упражнять пальцы. Удары по клавишам приводят в движение молоточки (их видно сквозь стекло), на которых написаны названия соответствующих нот. Упражняя пальцы, ребенок запоминает расположение нот на клавиатуре. Наше маленькое пианино немое. Но к нему легко присоединить нечто вроде маленьких органных труб так, чтобы молоточки, ударяя по трубкам, производили соответствующий звук.

Все упражнения, описанные до сих пор, были, по существу, сенсорными. Ухо должно научиться отличать основные звуки. Только тогда возможно настоящее музыкальное образование. Все остальное, в частности нотная грамота, «не музыка».

Мажорная гамма

Для знакомства с гаммами мы используем особенный материал. Это карточка, разлинованная так, что она напоминает доску с прямоугольниками из упражнений с колокольчиками. То есть на нее нанесена клавиатура. Сверху написаны названия нот. Гамма — это последовательность из восьми звуков, интервалы между которыми постоянны: тон, тон, полутон, тон, тон, тон, полутон. В гамме *до* мажор эти интервалы соответствуют следующим нотам: тон между *до* и *ре*, между *ре* и *ми*, между *фа* и *соль*, *соль* *ля*, *ля* *си*. Полутон между *ми* и *фа*, между *си* и *до*. То есть гамму *до* мажор можно «сыграть» на белых прямоугольничках. Если мы начнем гамму с другой ноты, интервалы останутся прежними, но изменится тональность гаммы.

На карточке под прямоугольниками, изображающими клавиатуру (две октавы), ленточкой прикреплен подвижный кусок картона. Его можно легко передвинуть. На нем также нарисованы черные и белые прямоугольники клавиатуры (одна октава). Передвинем

этот кусок картона к ноте *ми*. Интервалы между ступенями гаммы, начинающейся с *ми*, остались прежними, они обозначены на куске картона белыми прямоугольниками. Теперь только нужно найти в строчке с названиями нот нужные ноты (соответствующие белым прямоугольникам на подвижном куске картона): *ми*, *фа-диез*, *соль-диез*, *ля*, *си*, *до-диез*, *ре-диез*. Дети последовательно передвигают кусок картона к разным нотам. Так можно составить все гаммы. Это чрезвычайно интересное теоретическое упражнение: ребенок сам напишет гаммы во всех тональностях.

Помимо теоретического, есть и музыкальный материал. На деревянной подставке, похожей на доску из упражнений с колокольчиками, длиной в две октавы, расположены призмы одинаковой величины, выкрашенные в черный или белый цвет, в зависимости от того, какой ноте они соответствуют (названия нот написаны). На каждую призму прикреплена прямоугольная дощечка. Внешне они тоже все одного размера, но это лишь видимость. Каждая дощечка при ударе издает свой звук, а призма служит резонатором. Звуки нежные, гармоничные, чистые. Настоящий музыкальный инструмент!

В любой гамме интервалы между ступенями неизменны. Мы передвигаем призмы с дощечками по подставке справа налево. Несколько крайних слева призм приходится убирать с доски. Словом, набор призм передвигается так же, как передвигался кусок картона в предыдущем материале. Как бы мы ни передвигали призмы, мы всегда сможем сыграть гамму, если будем ударять по призмам, стоящим на белых прямоугольниках подставки.

К примеру, уберем с доски призмы *до* и *до-диез*. Теперь наша гамма начинается *ре*. Именно эта призма стоит на первом белом прямоугольнике подставки. Ударяя молоточком по призмам, стоящим на белых прямоугольниках подставки, мы сыграем гамму *ре* мажор. Теперь посмотрим, как называются эти ноты: *ре*, *ми*, *фа-диез*, *соль*, *ля*, *си*, *до-диез*, *ре*.

Простой, увлекательный музыкальный инструмент легко знакомит детей с основными законами гармонии.

Постепенно ученики составляют все гаммы квинтового круга и записывают их в нотных тетрадках, используя значки ключей, диезов и бемолей. Записывают дети гаммы в определенном порядке. Сначала гамма с одним диезом, потом с двумя и т. д. Какой простор для наблюдений! Гамма с двумя диезами повторяет один диез из предыдущей гаммы. Гамма с тремя диезами повторяет два диеза из предыдущей гаммы. Каждый новый диез отличается от предыдущего на квинту (интервал в пять тонов).

Первый материал с колокольчиками позволяет познакомить детей и с минорной гармонической гаммой, изменив интервал на третьей и шестой ступени. Если ребенок научился составлять гамму и слышать ее, то сумеет составить и остальные минорные гаммы.

Есть упражнения, позволяющие научиться различать мажорный и минорный лад, разные тональности. К примеру, легко сыграть простую мелодию в разных тональностях. Достаточно переместить призмы, как было показано в предыдущем упражнении, и можно играть мелодию, ориентируясь по белым и черным прямоугольникам подставки.

В этот период у ребенка появляется неукротимое желание производить звуки самому, играть на любых инструментах, духовых, струнных. Отвечая его потребности, мы предлагаем ему монокорд: простую коробку-резонатор с натянутой струной. Первое упражнение — сыграть в унисон со звучащей призмой. Для этого при помощи специального ключа приходится натягивать или ослаблять струну. Затем ребенок может научиться играть на струне по-разному: просто щипать струну, как на лире, перышком, как на мандолине, или смычком, как на скрипке. На одном монокорде ноты отмечены маленькими горизонтальными перекладинами. Название ноты вписано в соответствующее пространство. Однако есть и второй монокорд, на котором ноты не размечены. Ученик должен сам на слух определить место каждой ноты, самостоятельно установить маленькие горизонтальные перекладки. По перекладинам можно будет проверить, насколько правильно ребенок нашел место каждой ноты.

Также мы предлагаем детям маленькие флейты, прекрасно звучащие, развивающие музыкальный вкус и любовь к музыке.

Составлять гаммы, слышать их — истинно музыкальное упражнение. Одна и та же мелодия, мажорная гамма, к примеру, может повторяться в разных тональностях. Внимательно слушать, повторять, наблюдать за изменением нот, составляющих мелодию, — более сложное упражнение. Это начало проникновения в мелодию.

Слушать музыку не совсем то же самое, что слушать чтение вслух. К этому надо готовить. Описанные упражнения учат вслушиваться в звук.

Пение

Пение начинается с пропевания гамм. На первых порах ребенок аккомпанирует себе на колокольчиках, затем на пианино. Это доставляет ему огромную радость. Спеть гамму пиано, потом форте, хором, по очереди, на два голоса (с опережением на одну ноту).

Музыкальные отрывки, используемые для ритмических упражнений

- «Мазурка», Бастианелли — под нее дети обычно ходят медленно;
- «Если б я был королем», А. Адам — под нее ходят плавно;
- «Галоп», Штраус — бег;
- Итальянская народная песня — прыжки;
- Катание на коньках — приставные шаги;
- «Marcia aquila», Вагнер — маршировка.

Изучение стихосложения в начальной школе

До сих пор считалось, что стихосложение нужно изучать только в средней школе. Но любовь наших детей к поэзии, развитое в них чувство ритма навели меня на мысль, что изучение стихосложения окажется естественным и органичным в начальной школе. Я обратилась за помощью к синьорине Марии Фанчелло, преподавателю литературы и моей коллеге. Она занималась с учениками разного возраста, следуя моим указаниям, и разработала способ обучения, позволяющий уже в начальной школе заложить основу литературного образования и в то же время подарить детям неиссякаемый источник радости и духовного подъема.

Ребенок, любящий стихи, умеющий оценить их красоту, а значит, вступающий в диалог с великими поэтами, вырастет новым человеком, не таким, как мы. Он будет как древние греки, которые, вдохновляясь поэзией и ритмичными движениями, создали бессмертную культуру.

Когда дети уже научились читать, стихи (они полюбились ученикам еще в Доме ребенка) становятся способом удовлетворения их страсти к чтению. Первое упражнение очень легкое. Нужно дать ребенку ста-, хи, состоящие из строф разного размера (строфы должны быть зрительно отделены друг от друга), чтобы он мог сосчитать строки. Сразу мы знакомим ученика с двумя новыми словами: строфа и строка (стих). Это отчасти напоминает упражнения с предметами, когда нужно было прикрепить к ним карточки со словами. Даже проще. Это почти примитивное упражнение.

Итак, строки посчитаны, строфы можно различать по количеству строк, их составляющих: терцет, четверостишие, пятистишие, шестистишие, октава. Это упражнение — лишь разбег перед прыжком.

Второе упражнение такое: найти рифмы в стихах и подчеркнуть их на листочке цветными карандашами. Для каждой рифмы — свой цвет. Это упражнение очень интересно 7-летним детям, но слишком просто и скучно для учеников 8-10 лет. Им можно предложить более сложную работу: обозначить буквами пары рифм, например аа, бб, ее. Так ребенок уясняет для себя типы рифмовки (парную, кольцевую, перекрестную).

Перечитывая стихи, чтобы уловить рифму, дети сами начинают обращать внимание на стихотворные размеры, замечают ритм строки. Один мальчик, читавший стихотворение, написанное анапестом, принялся ходить затем, приседая на третьем шаге, вскидывая вверх кулачок и приговаривая: татата', татата'. Он подчинился ритму стиха, как подчинился музыкальному ритму. Такому ученику нетрудно расставить ритмические ударения в строке. Для этого мы приготовили листочки, где стихотворения напечатаны очень четко. Дети карандашом подчеркивают букву, на которую падает ритмическое ударение. Сначала мы предлагаем им равносложные строки, написанные правильным размером, затем случаи потруднее. Хотя ученики воспринимают всевозможные нарушения размера, разносложные строки скорее как интересную находку, чем как трудность. Они радуются новым необычным ритмам, музыке стиха.

Делить стихотворную строку на стопы (слоги) — в чистом виде сенсорное упражнение. Это как отбивать музыкальный ритм. Скандируя стих и загибая пальчики на столе, можно узнать самые сложные стихотворные размеры. Лучше сначала предложить знакомые ребенку стихи, в которых он уже расставил ритмические ударения. Тогда ученик сможет обратить внимание, на какой слог в стопе падает ударение. Простое наблюдение приведет его к пониманию законов стихосложения, он научится отличать основные двусложные и трехсложные стихотворные размеры. Педагог назовет термины (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест), а ребенок самостоятельно сформулирует определения этих размеров. Например, так: «Ямб — двусложный размер, где ударение падает на второй слог. В строке может быть несколько стоп (2–5)». Итоги наблюдений объединяются в таблице. Осталось только показать значки, принятые для записи стихотворных размеров (, U), и дети смогут составлять ритмические рисунки прочитанных стихов, тренироваться в определении их размера.

Ученики переходят от сенсорных упражнений к интеллектуальным. Фиксируют свои достижения графически. Исследуя объект, они открывают законы его жизни.

Приложения

Дневник индивидуальных наблюдений за ребенком

1 страница

Сведения о школе, которую посещает ребенок

2 страница

3 страница

4 страница

Памятка для психологических наблюдений

Работа

Отметьте, когда ребенок начинает усидчиво заниматься работой.

Какой работой и сколько времени он занимается, сколько раз повторяет то же упражнение.

Индивидуальные склонности к разным видам деятельности.

Чем занимался ребенок в течение дня и сколько времени.

Есть ли у него периоды повышенной работоспособности, сколько дней они длятся.

Как он проявляет потребность в успехе.

Сохраняет ли он сосредоточенность, несмотря на внешние помехи, отвлекающие его внимание.

Принимается ли он снова за работу после того, как его отвлекли.

Поведение

Отметьте состояние порядка и беспорядка в действиях ребенка.

Его беспорядочные действия.

Отметьте изменения в поведении в период развития феномена сосредоточенной работы.

Отметьте, устанавливается ли порядок в действиях ребенка, есть ли приступы радости, состояние доверия к окружающим, проявления возбуждения.

Как ребенок реагирует на успехи одноклассников.

Послушание

Откликается ли ребенок, когда его зовут.

Отметьте, когда ребенок начинает участвовать в общей интеллектуальной работе.

Отметьте, когда ребенок начинает откликаться на зов. Отметьте, когда ребенок начинает слушаться приказаний. Отметьте, когда ребенок начинает слушаться с желанием, радостно. Отметьте связь послушания с

а) развитием работоспособности,

б) изменениями в поведении.

Памятка для исследования морального уровня

Ценности: отметьте, чем гордится семья (религия, патриотизм, работоспособность, честность, шик, дружелюбие, доброта, милосердие, независимость). Отношения между

мужем и женой: права, привилегии, равенство.

Критерии порицания: на что жалуются в поведении других членов семьи (пьянство, отсутствие нежности, безверие, страсть к игре, дисциплина, неуважение к авторитетам, лень).

Образовательные ценности: взгляды родителей на образование (строгость — мягкость, поощрение — наказание, сотрудничество с ребенком, свобода, как ее понимают).

Мнение матери о ребенке.

Забота о ребенке, права, которые за ребенком признаются.

Краткий обзор лекций по педагогике, прочитанных в Риме в 1900 году

Вести ребенка от развития мускулатуры к развитию нервной системы и органов чувств, от развития органов чувств к образованию понятий, от понятий — к идеям, от идей к морали. Вот путь образования.

Однако, прежде чем начать образовывать ребенка, его надо подготовить к получению образования. Это особое образование, которое в наше время приобретает все большее значение.

Подготовительное обучение — фундамент, на котором основано все последующее образование, от него зависят все дальнейшие успехи ребенка и его наставников. Под предварительным обучением я понимаю гигиенический уход, а для больных детей — медицинский уход. Вот почему метод обучения больных детей называется медико-педагогическим (лечебная педагогика).

Тот, кто понимает значение внутренних ощущений и переживаний для обучения, поймет, как важно для успеха обучения, чтобы организм ученика функционировал нормально, чтобы ребенок был здоров (или вылечен). Вот почему необходимо тщательно следить за питанием и развитием всех органов младенца.

Медицинский уход

Общие ванны: если они не слишком продолжительны, то благотворно действуют на нервную систему, тонус кожи и мышц.

Контрастный душ: мощное средство обратить внимание ребенка на внешнюю среду.

Горячие местные ванны: способствуют повышению чувствительности малочувствительных участков, например, рук, если слабы тактильные ощущения, ног, если нарушено чувство равновесия, чувствительность стопы.

Холодные местные ванны: если ребенок лежит в горячей ванне, то холодные компрессы способствуют мозговой деятельности, особенно полезны при гидроцефалии и микроцефалии, однако эффективны и в других случаях.

Паровая баня: развивает дыхательную систему, обостряет чувствительность нервных окончаний. Противопоказаны эпилептикам, рахитичным детям.

Бани хорошо сочетаются с растираниями и массажем.

Питание

Питание больных детей должно быть организовано еще более тщательно, чем для здоровых.

Первое правило: дети едят только во время приемов пищи и ничего не едят в промежутке, ни крошки. Для детей 2–7 лет нужно четырехразовое питание, для более старших — трехразовое. Питаться надо через равные промежутки времени. Это должны быть периоды интеллектуального отдыха. Организаторам занятий следует освобождать часы еды от всякой работы. Первое, что может делать ребенок после еды, — совершить короткую неспешную прогулку по саду или лесу.

Питание должно быть сбалансировано, включать достаточно белков и витаминов, учитывать индивидуальные особенности ребенка.

Развитие мускулатуры

Образование должно подготовить человека к выполнению полезной для общества работы. Эта работа совершается нашими мышцами, будь то ручной труд, письмо или произнесение речей. Ум должен иметь в своем распоряжении развитую мускулатуру, послушную его приказам. Необходимо подготовить мышцы, чтобы они могли выполнять точные скоординированные движения.

Главные правила здесь такие:

1. Общие движения предшествуют отдельным.
2. Следует проанализировать каждую деталь сложного движения и обратить внимание на совершенствование этих отдельных деталей. Это важно для развития и двигательных навыков, и языковых.

Развитие органов чувств

Зрение: цветовое восприятие.

Необходимо многократно привлекать внимание ребенка к одному и тому же цвету, представляя его в разном окружении, в разных формах. Раздражитель должен быть достаточно силен. Остальные органы чувств тоже связываются с цветовым восприятием: вкус, стереогностическое чувство.

Каждому понятию учитель дает название — слово. Одно слово, четко произнесенное.

1. *Дидактические фартуки.* Цвет показывают на большой подвижной поверхности, например на фартуке в руках учителя. Педагог показывает красный фартук, широкими жестами поднимает его, привлекает внимание детей («Внимание, смотрите...») и говорит медленно и тихо: «Это, все это цвета... — затем очень громко: - Красного! Красного!»

Со вторым фартуком, синим, все повторяется снова. Урок по различению цвета состоит из трех частей:

- это красное;
- чей фартук красный?
- какого это цвета?

Три фартука: красный, синий и желтый, украшенный белым и черным.

2. *Вкладыши.* Цвет и форма. Красный круг, синий квадрат. Три части урока:

- Это красное! Потрогай! Чувствуешь? Это круглое! Положи на место.
- Дай мне красное.
- Какого цвета круг?

3. *Темная комната.* Появляется красный огонек. Это красное! Свет освещает круг. Это красное! Синий цвет освещает квадратное окно. Это синее!

4. Дают попробовать красный кружок сахара, синюю сахарную пластинку, понюхать красную ткань, надушенную мускусом, синюю, пахнущую определенными духами.

5. Цветные таблички.

6. Поиск выученных цветов в окружающем пространстве.

7. Форма. Вкладыши, геометрические тела. Все те же три этапа занятия:

- назвать, указывая;
- предложить узнать;
- предложить назвать.

Размер: штанги одинаковой толщины и разной длины с нанесенной шкалой. Сначала показывают самую длинную и самую короткую, дают потрогать, переложить (возьми самую

длинную и положи на стол), затем показывают следующую крайнюю пару и т. д. Штанги смешивают, ребенок раскладывает их по порядку. Учитель замечает, насколько правильно он это делает, на глаз или прикладывает одну штангу к другой, сравнивая длину. После нескольких упражнений он безошибочно находит нужную штангу, какое минимальное различие в длине воспринимает на глаз. То же самое происходит и с толщиной. У нас есть призмы одинаковой длины и разной толщины. Аналогичные упражнения.

Тактильное ощущение: шершавые и гладкие таблички 5 разных степеней шершавости. Ощупывание разных тканей (игра на угадывание).

Игра: ребенка с завязанными глазами слегка щекочут. Он должен схватить щекочущий предмет рукой. Локализация стимулятора.

Жидкости: вязкие, липкие, маслянистые.

Мышечные ощущения: эластичные предметы (каучуковые мячики), твердые предметы (деревянные шары).

Чувство тяжести: шары одинаковые по размеру, но разные по весу. Различение монеток разной тяжести.

Стереогностическое чувство: узнавание основных форм.

Тепловые ощущения: жидкости горячие, холодные, теплота холста и шерсти. Дерево, воск, металл.

Запахи: мята, роза, табак, жженный сахар и др. В практической жизни полезно отличать запахи горящего дерева, бумаги, соломы, шерсти, хлопка, еды. Различение запахов молока свежего и кислого, мяса свежего и несвежего, масла свежего и прогорклого и т. п.

Вкус: четыре основных вкуса. Игра на угадывание. Узнавание вкуса разных продуктов питания, свежих и не очень.

Слух: определение остроты слуха. Игра. Учитель с расстояния 10 метров шепчет детям название места, где спрятан какой-то предмет. Кто услышал, тот и найдет. К остальным учитель подходит на шаг ближе, и все повторяется сначала, только это будет уже другой предмет, спрятанный в другом месте.

Определение интенсивности звука: на землю бросают металлические кубики разной толщины, разные монетки, ударяют по стеклянным стаканам разной длины, по колокольчикам, издающим разные звуки, по металлическим тарелкам.

Узнавание разных музыкальных инструментов.

Узнавать людей по голосу.

Узнавать шаги людей...

Узнавать музыкальные интервалы (октава, терция...).

Мажорный и минорный аккорды.

Определение местонахождения источника звука. У ребенка завязаны глаза, и он пытается узнать, откуда идет звук (сзади, справа, слева, спереди, сверху), на каком расстоянии находится источник.

Понятие горизонтали: это первое представление о положении предметов в пространстве. Почти все предметы, доступные чувствам ребенка, расположены горизонтально (стол, стул), на горизонтальных поверхностях ребенок сидит, раскладывает свои игрушки. Если поверхность не горизонтальна, предмет упадет на горизонтальный пол (это демонстрируется при помощи стола с поднимающейся крышкой).

Игра в наперсток (металлические стаканы и вишенка или конфетка). Учитель передвигает стаканы по горизонтали, ребенок должен следить глазами за своим стаканом, не терять его. Игра происходит с 3 или 6 стаканами.

Шахматная доска помогает ребенку понять границы пространства, увидеть разные его части. Шахматная доска с большими белыми и черными клетками имеет рельефные бортики. Мы ставим на доске много точек, по периметру, в центре. В каждую точку ставим солдатика. Ребенок переставляет солдатиков, следуя указаниям учителя. Всадника в центр, знаменосца вперед, вправо. Солдатиков переставляют только по белым или только по черным клеткам.

Это очень полезно для практической жизни. Дети уже умеют наводить порядок, но

теперь делают это осознанно. Поставьте тарелки на столе слева, кувшин в центре.

Игра с вкладышами как подготовка к чтению, рисованию и письму

Узнав цвет и форму вкладышей, ребенок начинает раскладывать фигурки-вкладыши:

– на карточке, где красками нарисованы их поверхности,

– на карточке с цветными контурами.

Ребенок ощупывает фигурки. Круг гладкий и крутится. Он круглый. Квадрат угловатый, у него 4 угла. В треугольнике 3 угла. Затем ребенок обводит пальцем контуры этих фигур на карточке и называет: это круглое — круг, это четырехугольное — квадрат. Ребенок может обводить фигуры деревянной палочкой.

Чтение и письмо

Мы даем ребенку карточку с нарисованными красной краской гласными. Ученик видит на листе какие-то неправильные фигуры.

Ему дают также деревянные гласные, тоже красного цвета. Их можно разложить на фигуры, нарисованные на карточке. Ребенок обводит контуры деревянной гласной. Рука движется, как при письме. Учитель называет ту гласную, которую ученик обводит. Затем говорит, к примеру: «Найди мне О, положи ее на карточку на свое место. А это какая буква?» Многие дети ошибаются, когда смотрят на букву, но называют ее правильно, когда трогают. Очень интересно наблюдать, как проявляется индивидуальность ребенка. Один визуал, другой кинестетик.

Ребенок обводит гласную на карточке сначала указательным пальцем, потом средним и указательным, затем деревянной палочкой, которую держит, как ручку. Рука движется, как при письме.

Согласные нарисованы синим на нескольких карточках. Подвижный деревянный алфавит синего цвета позволяет так же, как с гласными, раскладывать буквы на карточках. Есть и другой тип карточек. На них рядом с изображением прописной согласной буквы нарисована печатная буква меньшего размера и предмет, название которого начинается с этой согласной. Учитель показывает на деревянную букву, потом на карточку и произносит название нарисованного предмета, акцентируя первый звук. Теперь можно попросить ученика: «Дай мне букву П. Положи ее на карточку. Обведи ее». В процессе выполнения таких упражнений выявляются дефекты произношения.

Обведение букв готовит мышцы руки к письму. Ребенок смотрит на букву, узнает ее и обводит — он готовится к чтению и письму одновременно. К тому же, благодаря сочетанию этих действий, образ буквы воспринимается живее, ведь задействованы разные органы чувств. Позднее разглядывание (чтение) и обведение (письмо) отделятся друг от друга. Одни дети начнут сначала читать, потом писать. Другие — наоборот. Это зависит от индивидуальных особенностей ребенка.

Чтение

Мы побуждаем ребенка называть буквы, когда он уже научился их узнавать и даже писать. Мы предлагаем ему прочитать алфавит (слоги, слова), где буквы расположены по мере возрастания трудности произношения. Сначала те, которые ребенок произносит легко, затем более трудные и, наконец, те, которые он не умеет произносить.

Ребенка учат узнавать не только прописную букву, но и печатную (она нарисована на той же карточке). «Дай мне маленькую букву, такую же, как эта. Это какая буква?» Печатные буквы не нужно обводить, потому что их не пишут, а только читают.

Рисование и письмо

Ребенку дают лист бумаги с нарисованным контуром круга или квадрата. Ребенок закрашивает контуры цветными карандашами (красным — круг, синим — квадрат). Постепенно фигурки уменьшаются в размерах. Затем переходят к обведению карандашом контуров фигуры (цветным карандашом по черной линии).

После обведения деревянной палочкой нарисованных букв переходят непосредственно к письму. Обращают внимание ученика на то, что он пишет в строго ограниченном пространстве, сверху вниз, слева направо. Сначала дети пишут палочки и дуги (из этих элементов состоят все буквы). В тетради фигура проведена тоненькой линией, намечены крайние точки, рядом рукой учителя нарисован образец.

Одновременное чтение и написание слов

Развивая органы чувств, ученик составил представление о цветах, формах, качестве поверхностей, запахе, вкусе и т. п. Он научился считать. Пришло время объединить все эти представления, связанные с предметом, и дать ребенку идею самого предмета. У нас есть уроки предметов. Идею предмета мы соединяем со словом, обозначающим этот предмет. Идея предмета состоит из отдельных хорошо знакомых представлений. Слово — соединение звуков, знакомых символов.

Уроки чтения

На столе стоит большая подставка для подвижного алфавита (состоящего из черных печатных букв). Учитель располагает на подставке несколько гласных и согласных. У детей в коробочках лежат такие же наборы букв. У себя на столах они выкладывают такое же сочетание гласных и согласных, какое выложено на большой подставке. Учитель показывает предмет с простым названием: кофе, роза. Он обращает внимание учеников на предмет, кратко подводит итог уже прошедшему предметному уроку, возбуждая в детях интерес к предмету.

– Мы напишем слово роза. Слушайте, как я говорю.

Смотрите, как я говорю. — Учитель произносит по отдельности каждый звук слова, преувеличенно артикулируя, чтобы ученики могли увидеть движения органов речи. Дети повторяют слово, продолжая развивать свою речь.

Один из учеников подходит к подставке, находит нужные буквы и выкладывает их в заданном порядке. Каждый на своем месте делает то же самое. Каждая ошибка служит поводом для коллективного исправления. Учитель отдельно повторяет слово тому ребенку, который ошибся, в надежде, что он сам исправит свою ошибку. Когда весь класс расставил буквы правильно, учитель показывает маленькую карточку, на которой сантиметровыми печатными буквами написано данное слово. Каждый его читает вслух, один из учеников кладет карточку на соответствующий предмет. То же происходит с двумя, тремя предметами, двумя, тремя словами. Затем учитель собирает карточки, перемешивает их и спрашивает:

– Тебе какой предмет больше нравится? Найди карточку, где написано его название.

Учитель читает найденную карточку.

– Тут действительно написано это слово? Положи карточку на предмет.

И так со всеми словами. На следующем уроке новые карточки смешиваются со старыми, для которых нет больше предметов в классе. Теперь из всех карточек нужно выбрать только те, для которых есть предметы, и соединить слово с вещью.

В первой книге для чтения рядом со словом нарисован соответствующий предмет.

Когда дети освоят слоги, можно уже не показывать предметы на уроках.

Письмо

Для каждого прочитанного или составленного из деревянных букв слова, для каждого предметного урока, для каждого действия мы готовим маленькие карточки с напечатанными словами. Из них потом будем составлять предложения, как из букв подвижного алфавита слова. Начинаем с соединения двух слов: сладкая конфета, голубое платье. Получаются первые маленькие предложения: *суп горячий, роза маленькая. Мария стирает юбку.* Дети сначала составляют предложения из карточек со словами, затем списывают фразу в тетрадь. Чтобы слова было легче находить, мы раскладываем карточки в специальные отделения коробочек. На одной крупно написано Существительные, а на отделениях — еда, одежда, люди животные и т. п. На другой коробочке написано Прилагательные, а на отделениях — цвет, форма, качество и т. п. Есть коробочка служебных частей речи с отделениями для предлогов и союзов. Коробка глаголов с отделениями для форм времени, лица, числа. Дети привыкают находить карточки в тех или иных отделениях и класть их на место. Придет день, когда учитель объяснит значение слов, написанных на каждой коробке (существительное, прилагательное). Так начнется изучение грамматики.

Грамматика

Существительными называют людей и предметы. Если позвать человека, зверя, они ответят, предметы — нет, они не могут. А если бы могли, обязательно ответили бы. Вот я говорю: Евгения! И Евгения отвечает. Я говорю: фасоль! Но фасолилки не отвечают, они не могут. А если бы могли, обязательно ответили бы. Если я назову предмет, вы поймете меня и сможете принести то, что я назвала: фасоль, тетрадь. Если не назвать имя предмета, вы не поймете, о чем идет речь, ведь у каждой вещи свое имя. Это имя — существительное, оно называет предмет. *Я* произношу имя существительное, и вы сразу понимаете, какой предмет я имею в виду. Дерево, скамейка, ручка. Если я не произнесу существительное, вы не узнаете, о чем я говорю. Предположим, я скажу: принесите мне, быстро давайте сюда, я хочу, чтобы мне принесли! Но что? Если я не назову существительное, вы не поймете меня. Предмет называется словом. Это слово — имя существительное. Чтобы понять, является ли слово существительным, нужно спросить себя: это предмет? Ответит ли он мне, если сможет? Смогу ли я принести его учителю?

Хлеб. Это предмет? Да. Стол. Тоже. Служанка. Она ответит нам? Да. Эти слова — существительные.

Давайте найдем среди карточек со словами еще существительные.

Давайте в книге прочтем две строчки. Встретились ли нам существительные?

Назовите мне существительные.

Что нужно сделать, чтобы найти существительное? Оглянитесь вокруг. Назовите любой предмет, который видите. Произнесенное слово обязательно будет существительным.

Посмотрите на эту картину. На ней столько всего нарисовано: люди, вещи. Назовите их. Произнесенные вами слова обязательно будут существительными.

Глагол — действие.

– Евгения! Встань! Иди!

Евгения выполняет все эти действия, встает, ходит. Чтобы приказать это Евгении, мне пришлось говорить — это тоже действие. Существительные — предметы. А эти слова обозначают действия. Приходится двигаться.

Упражнения на воображение. Посмотрите на предметы. Что с ними можно делать? Посмотрите на наш класс. Что здесь можно делать? Что делают в магазине?

Мы ищем глаголы среди перемешанных карточек, в книге.

То, что я делаю сейчас, — настоящее время. То, что я делал вчера, — прошедшее время. То, что буду делать завтра, — будущее. Разве не любопытно, что одно и то же действие называется по-разному, в зависимости от времени исполнения.

Смотрите, я беру карточки и составляю предложение.

Теперь я поменяю слово, указывающее на время. Вместо «сейчас» поставлю «вчера». Что еще придется изменить? Глагол! А теперь разложите карточки по местам.

Прилагательное. У всех предметов есть качества. Какими качествами обладает эта конфета? Она круглая, сладкая, вкусная.

А дети? Они добрые, красивые, вежливые послушные или злые, грубые, непослушные? Давайте поищем на карточках слова, обозначающие качества предметов.

Давайте составим пары из карточек с существительными и прилагательными. Прилагательные должны подходить к существительным (согласовываться с ними).

Найдите в коробке все прилагательные, которые подходят к слову собака. Разложите карточки по местам (очень полезное упражнение!).

Так мы изучаем грамматику, связывая ее с реальными вещами, действиями, с жизнью, оживляя короткими историями. Изучать грамматику нужно как можно глубже, но ненавязчиво.

Уроки вещей

Коротко и живо описываем предмет. Удерживаем внимание детей голосом, восклицаниями, вопросами, возбуждающими любопытство. Урок никогда не начинается со слова — всегда с предмета. Сначала описываются уже известные свойства предмета, потом его применение, происхождение.

– Посмотрите, какого цвета предмет? Какой формы? Потрогайте его! Попробуйте на вкус!

Если возможно, покажите применение предмета, его происхождение. Мы даем образ конкретного предмета через описание его качеств и наблюдение за различными свойствами, доступными нашим органам чувств. Мы стараемся, чтобы разнообразные формы использования предмета проявлялись в описаниях действий, которые ребенок сможет исполнить.

Например, урок про курицу. Сначала показываем раскрашенную модель из папье-маше. Затем живую курицу на улице. Картину с изображением курицы, маленькую картинку в книжке. Все это, конечно, в разные дни. Но слово всегда связано с предметом. Напишем слово на доске. Сделаем карточку, на которой напечатаем это слово, и положим в нужное отделение в коробку существительных. Рассмотрим в книге слово, напечатанное рядом с картинкой. Запишем слово в тетради. Кто может повторить все, что мы узнали про курицу? Теперь напишите все, что вы знаете о курице. В классе обсуждаются различные свойства предмета, переходя от общих к частным, более мелким деталям. Затем использование, обычаи, происхождение.

От надписи, состоящей из одного слова, ребенок переходит к описанию, к сочинению.

Уроки вещей всегда кратки и повторяются день за днем.

Для уроков, посвященных растениям, выйдем в поле. Понаблюдаем за появлением ростков, научимся собирать урожай, посмотрим, как дома используют растения. Но всегда мы берем с собой мел и маленькую тележку с черной доской, чтобы писать слова, даже в поле.

Для уроков вещей нужны игрушки, представляющие мебель, домашнюю утварь,

разные инструменты, дома и церквушки, чтобы строить города. Куклы, чтобы менять одежду. Нужны пузырьки с разными напитками, ткани всех сортов, минералы и т. д.

История

Изучается :

1. В маленьком театре, где сначала представляются живые картины, а потом целые спектакли.

2. При рассматривании и объяснении больших цветных репродукций.

Когда учитель рассказывает, исторические персонажи предстают перед глазами детей, как живые. После его историй (как и после других уроков) появляются новые карточки с предложениями, новые слова в кассах слов.

Представления о времени, о сезоне, месяце года и т. п. также даются при помощи картин. Каждое утро ребенок говорит, какой сегодня день недели, какой день недели был вчера, какой будет завтра.

География

1. Первые представления о четырех сторонах света. Использование для этого спортивных игр, разных загадок.

2. Создание макетов разнообразных ландшафтов: озеро, остров, река.

3. Создание макета деревни (церковь на севере, на востоке — военная казарма, на западе гора, на вершине которой мы водрузим государственный флаг).

4. Создадим макет комнаты с мебелью на листе картона. Обозначим на картоне всю мебель, потом уберем ее — на листе останутся символы, указывающие, где что стояло. Также поступим с макетом деревни. Разместим его на листе картона (дома, улицы, деревья), потом уберем все предметы — останутся обозначения. Можно будет понять, где стояла церковь, где текла река. Получилась настоящая географическая карта. Прочитаем ее, ориентируясь по сторонам света.

Арифметика

Дети считают: один нос, один рот; 1,2 руки; 1, 2 ноги; 1,2,3,4 стороны света, угла в коробке; 1, 2, 3, 4, 5, 6 солдатиков на столе.

Сколько кубиков мы сложили в башню?

Это первые уроки счета.

Счет прекрасно изучается во время игры в магазин. Купец продает вишни — рубль за штуку. У ребенка 2 рубля, он покупает 2 вишенки. Два ореха продают за один рубль. Положите на тарелку один рубль, а рядом два ореха. Так мы считаем все орехи: 2,4...

Малыш хочет одну вишню. У него двухрублевая монета. Купец должен дать ему одну вишню и один рубль.

$$2 + 2 = 4; 2 - 1 = 1$$

Некоторые дети на монетах считают лучше, чем на пальцах.

Цифры записаны на 9 карточках, по одной на каждой. Тут же нарисованы самые разные предметы в нужном количестве (рядом с цифрой 1 — одна вишня, одна собака, одна монета; рядом с цифрой 5 — 5 орехов, 5 котят и т. п.). Вчера купец продавал вишенку за рубль. Где вишенка? Вот она! А это что? Церковь! А это? Монета! А это что за значок? Это цифра 1. Мы показываем деревянную цифру, называем ее и просим положить на изображение на карточке. Это один.

Карточки берем с собой в магазин. У кого есть рубль? У кого 2 рубля? Ищем карточки с цифрами. Купец продает 3 вишенки. Снова ищем нужную карточку.

Учим число во время игры в магазин после обеда. На следующее утро показываем соответствующую цифру. Затем несем в магазин карточки со знакомыми цифрами и там стараемся узнать их. Подсчет рождает новое число. На следующее утро показываем соответствующую цифру. И так далее.

Чтобы игра в магазин была интереснее, обсуждаем качество продаваемых предметов (они должны быть превосходным). Детям приходится внимательно разглядывать покупку во всех подробностях, отказываться от товара плохого качества, просить заменить бракованную вещь. Например, купец дает покупателю гнилую вишню. Покупатель отказывается от покупки. Купец дает орех вместо горошины, покупатель просит обменять товар. Платить надо только тогда, когда ты уверен в качестве товара (урок практической жизни). Купец сначала меняет товар, чтобы приучить детей обращать внимание на качество, затем предлагает изменить количество товара, чтобы дети привыкли обращать внимание на счет.

Четные числа красные, нечетные — синие. У нас есть деревянные цифры, есть кубики, синие и красные. На карточках с синими или красными цифрами под каждой цифрой нарисованы того же цвета кубики так, чтобы легко увидеть, четное число или нет. Если все кубики по парам — четное, если в середине один лишний — нечетное.

Ребенок кладет деревянные цифры и кубики (в нужном количестве) на карточки. Учитель пробует расставить кубики в два ряда. С красными это получается, с синими — нет: один в середине остается лишним. Затем то же самое делает ребенок. Учитель называет термин (четное — если делится на два ряда, нечетное — если остается один лишний в середине).

Цифровая касса. Над каждым отделением написана цифра, красная или синяя, как на табличке. Ребенок кладет в отделение соответствующее число кубиков, после того как попытается разложить их на столе на два ряда, называет число и добавляет: четное или нечетное.

Упражнения на развитие памяти. Цифровая касса стоит на подставке и видна всему классу. На столе педагога лежат вперемешку синие и красные кубики. Учитель раздает детям деревянные цифры и говорит: «Посмотрите на цифру!» Потом ученики идут к столу, чтобы взять нужное количество кубиков, возвращаются на место и выкладывают кубики под своей цифрой в два ряда (или в два ряда плюс один лишний посередине). Учитель обращает внимание, запомнил ли ребенок цвет цифры (часто дети берут кубики другого цвета, чем цифра, доставшаяся им от учителя); запомнил ли число, схему расположения кубиков. Помнит ли, что на подставке стоит касса, образец, с которого можно копировать, смотрит ли ученик на этот образец. Если ребенок ошибается, педагог помогает ему исправить свою ошибку, рассмотрев образец.

Десятки. Вычисления

В магазине распродажа: 10 предметов за рубль. Например, 10 горошин, десяток за рубль.

1 десяток — 10.

2 десятка — 20.

3 десятка — 30.

Мы готовим длинные прямоугольные карточки, на которых пишем 9 десятков, одно число под другим, затем 9 карточек, где каждое число (десяток) повторено 9 раз (столбиком), и, наконец, достаточное количество маленьких карточек с цифрами от 1 до 9. Маленькие карточки мы кладем вместо 0 на большие карты. Получается 11, 12 и т. д. Скоро дети умеют

считать до 100.

Задачи дети решают в магазине, в игровой форме, покупая, считая деньги, вычитая сдачу, они делят купленные вещи между друзьями и т. д. На следующее утро им остается только вспомнить игру и записать то, что происходило в магазине. В процессе решения задач рождается представление об основных арифметических действиях. Учитель объясняет только те действия, которые оказались нужны для игры. Решение задачи превращается в сочинение воображаемой истории. «Представьте, что вы пришли в магазин и купили там...» В магазине педагог сопровождает объяснения записями на черной доске. «Ты купил за 2 рубля горошины. Они продаются по 3 штуки на рубль. Запишем: 111 111. Посчитаем. Получилось 6.

Итак, $111 : 3 + 3 = 6$, а можно сказать так: 2 группы по 111 = 6. $2 \times 3 = 6$. Сколько будет $3 + 3$? Сколько будет 2×3 ? Сколько будет 3×2 ? На следующий день ребенок найдет в классе карточки со всеми возможными примерами на сложение или умножение данных чисел.

Пример карточки на сложение

$$1 + 1 = 2$$

$$2 + 1 = 3$$

$$3 + 1 = 4$$

$$1 + 2 = 3$$

$$2 + 2 = 4$$

$$3 + 2 = 5$$

$$1 + 3 = 4$$

$$2 + 3 = 5$$

$$3 + 3 = 6$$

$$1 + 4 = 5$$

$$2 + 4 = 6$$

$$3 + 4 = 7$$

То же с вычитанием, умножением.

В наших школах у детей каждый день есть урок арифметики. После обеда в магазине мы на практике осваиваем теорию, которую изучаем в классе утром следующего дня. То есть один день — практические занятия, один — теоретические.

Так же осваиваются системы мер и весов. В магазине есть весы, различные мерки (метр, литр). Разные денежные купюры для освоения денежной системы.

Магазин — это не только уроки арифметики, это еще и подготовка к практической жизни.

Основные правила

Чтобы привлечь внимание ребенка, особенно больного, необходимы сильные внешние раздражители. Следовательно, все уроки должны быть предметны. Каждый начинается с представления предмета, о котором педагог произносит несколько слов, ясных, четких, выразительных, сопровождая слова эмоциональной мимикой и жестами.

Чтобы урок был интересным, возбуждал любопытство детей, следует использовать разные игры, загадки, магазин и др.

Урок всегда краток, чтобы по его окончании у ребенка оставалось желание продолжить, а не усталость. Его неустойчивое внимание не должно истощаться занятиями. Для закрепления знаний мы повторяем один и тот же урок многократно. Однако предмет всякий раз представляется в другой форме, в ином окружении, чтобы возникало ощущение новизны, увлекало.

Если уроки совершенно индивидуальны, нужно позаботиться, чтобы все ученики

занимались с разными предметами (вкладыши, рамки и т. п.).

Если кто-то отказывается от урока, не стоит настаивать. Будем действовать исподволь. Пусть ребенок начнет работать, подражая товарищам. Для этого мы обратимся к его трудолюбивым соседям со словами восхищения. Часто это заставляет ленивца заняться делом.

Если ребенок ответил, сделал что-то хорошо, продемонстрировал понимание того, чему мы его учили, не стоит просить его повторить

Послушание и нормализация

Учитель становится силой воли ребенка, особенно слабого, подталкивает его к действиям. Важно, чтобы ученик с самого начала почувствовал эту господствующую волю, которой невозможно сопротивляться.

Если учитель дает какое-то распоряжение, он непременно добивается послушания. Обязательно, во что бы то ни стало. Поэтому сначала приказывать надо только то, что действительно будет сделано. К примеру, можно попросить остановиться, в крайнем случае педагог остановит ребенка силой. Требовать извинений — нельзя. Если ученик откажется, его невозможно будет заставить. Это подорвет учительский авторитет.

Чтобы завоевать авторитет, педагог должен быть красив, энергичен, выразителен, красноречив. Совершенства можно добиться, изучая актерское мастерство. Учителю это необходимо.

Голос должен быть ясен и мелодичен, произношение четкое. Если у вас насморк, ангина, откажитесь в такой день от занятий с детьми. Ваш голос должен очаровывать учеников. Мы говорим мало, но очень четко и выразительно, артистично. Музыка человеческого голоса тоже воспитывает.

Если ребенок не торопится выполнить распоряжение педагога, мы разделяем указание на 2 части: настойчивое распоряжение и объяснение. Распоряжение повторяется несколько раз с разной интонацией, с разными акцентами, пока не выделим каждое слово во фразе.

К примеру, мы говорим: «Гумберт! Положи книгу на место!» Первый раз мы акцентируем первое слово, чтобы привлечь внимание ребенка, затем второе — что надо сделать. Затем мягче, медленнее, с поочередными акцентами на остальных словах.

Жесты педагога, сопровождающие каждое слово, должны быть очень эмоциональны, выразительны. Отдавая распоряжения — быстрое движение руки по прямой. Объяснения — медленный округлый жест. Требование неподвижности — жест сверху вниз, снаружи внутрь. Требование начать движение — жест снизу вверх, снаружи внутрь.

Взгляд и мимика воздействуют на учеников очень сильно. Взгляд ободряет и подталкивает к новым достижениям. Он должен ясно выражать все чувства, которые испытывает учитель при виде детей удачный ответ. Детское внимание неустойчиво, ученик может ошибиться при повторе, это обескуражит его. Мы должны похвалить ребенка за первый удачный ответ. Похвала запоминается легче и на более длительный срок.

Уроки ручного труда отличаются от всех остальных и длительностью (целый час подряд), и серьезным настроением (нет элемента игры). Дети устают, иногда им трудно. Пусть привыкают к полезному труду!

Следует как можно раньше приучать ребенка преодолевать трудности ручного труда, который, возможно, скоро станет для него средством заработка. За хорошую работу требуется компенсация. На уроке дети зарабатывают деньги, которые потом тратят в магазине, в школьном театре и т. п. Тот, кто не работал, лишается самых интересных уроков (музыка, танцы), которые в расписании стоят сразу после труда. Поэтому ученики работают усердно, тем более что работа соответствует их возможностям и потребностям, дарит огромную радость от собственных успехов, прогресса, от сознания своей необходимости другим людям.

Воспитание

Воспитание наших детей мы начинаем с исправления (правильным уходом, режимом) психологических недостатков (часто мы считаем их проявлением дурного характера), мешающих успешной работе. Мы прежде всего приводим детей в состояние послушания, нормализации.

Чтобы дать малышу представление о себе самом, о своем теле, мы добиваемся от него повторения наших слов, действий. Чтобы дать ученику представление о своих обязанностях, мы создаем особую обстановку, в которой он сможет подражать положительным образцам.

Воспитание органов восприятия связано с воспитанием чувств, интеллектуальным развитием, с воспитанием воли. послушных или озорных, терпеливых или непосед.

Лицо педагога подвижно, эмоционально. Учитель не меняется в лице, когда в классе что-то случается. Иначе дети начнут специально провоцировать преподавателя.